

БРЯНЦЕВ ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ

Конец Осинового гнезда

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

"ОСИНОЕ ГНЕЗДО"

1.

СВЯЗНИК ГАУПТМАНА ГЮБЕРТА

Телефонный звонок дошел наконец до моего сознания. Я вскочил и подбежал к аппарату. В окне уже брезжил рассвет. Вызывал к себе подполковник Фирсанов. Хотя за год войны пора было привыкнуть ко всяким неожиданностям, я все же встревожился - фронт проходил недалеко, всего в полусотне километров отсюда. С вечера, когда я отправлялся на квартиру, никаких непредвиденных заданий для меня в штабе партизанского движения как будто не намечалось. Наоборот, мне приказали сутки не появляться в штабе, пока не закончу обработку материалов, которые собрал во время своей недавней ходки в тыл противника. И вот - неурочный звонок...

Спал недолго - всего часа два: ночи нашего прифронтового городка были тревожными, его бомбила вражеская авиация, и лишь незадолго до рассвета наступала тишина.

Наскоро умывшись и одевшись, я рассовал по карманам папиросы, фонарик, складной нож - все, что при любых обстоятельствах должно было быть при мне, - затянул ремень с полевой сумкой и пистолетом и выскочил из дому. Светало. Теплели краски неба. Зеленоватая полоска на востоке быстро розовела. Рассветный ветерок пахнул в лицо прохладой, росистой свежестью и донес из соседнего садика волнующий запах влажной мяты. Листья тонкой березки у моего окна будто умылись росой - были совсем мокрые.

С холма, на котором стоял дом, виден городской парк, окутанный туманной дымкой. Река тоже курилась туманом, и в нем неясно вырисовывались металлические формы железнодорожного моста.

Я вышел из палисадника, прикрыл за собой калитку и зашагал вниз по травянистой узенькой улице, между двумя рядами бревенчатых домиков с резными наличниками окон и крылец. Через две-три минуты я уже был на мощеной "главной" улице.

Городок просыпался рано. Немилосердно грохоча по булыжной мостовой, промчалась трехтонка. В ее обшарпанном кузове, держась друг за друга, стояли люди с кирками и лопатами. На перекрестке расхаживал солдат-регулировщик с автоматом. С северной окраины, где размещались ремонтные мастерские фронта, доносился тяжелый гул танковых моторов, а с восточной, с аэродрома, - звенящий рокот самолетов.

На улице виднелись следы ночной бомбежки: чернели воронки, пахнувшие гарью и свежей землей, - вечером их не было. Тротуар в одном месте завалило грудой кирпича. У водоразборной колонки из-под земли фонтаном била вода. Вокруг лужи, деловито чирикающая, копошились неугомонные воробьи. Едкий дымок горелой краски щекотал нос.

Я торопливо обошел трансформаторную будку, превращенную бомбой в грудку мусора, из которой торчали обрывки проводов, сваленный взрывной волной серебристый тополь, и выбрался на тенистую окраинную улицу, обрамленную двумя рядами старых лип.

Вот и аккуратный, обшитый тесом зеленый дом штаба. Его окна украшают кружевные, богатой резьбы наличники, а верх венчает легкая шатровая башенка с флюгером. Буйная, густая трава скрывает обитый досками фундамент.

Знакомый часовой у калитки с подчеркнутой молодцеватостью приветствовал меня и пропустил во двор. Я вбежал на крашеные деревянные ступеньки крылечка, прошел застекленную веранду по дорожке из небеленого холста и, перешагнув порог комнаты,

увидел подполковника Фирсанова.

Подполковник стоял у окна, дымя папиросой. Видимо, он не спал в эту ночь. Лицо у него было усталое, веки припухли и покраснели.

- Майор Стожаров по вашему вызову явился! - доложил я.

Подполковник хмуро сказал:

- Поедете в Красные Кочки. Там поймали парашютиста. С вами будет офицер из разведотдела армии. Надо допросить пойманного. Если это гитлеровский солдат-десантник, передайте его армейцам, а если агент-разведчик, везите сюда.

- Слушаюсь, - сказал я. - Разрешите выполнять?

"Эмка" мчалась по разбитому большаку в клубах пыли. Прыгая по рытвинам и ухабам, она обгоняла санитарные машины, автофургоны, повозки, грузовики и жалась к обочине, уступая дорогу автоколоннам, идущим к фронту. Над большаком висело тугое, душное облако пыли: пыль тянулась за каждой встречной машиной, пыль, несмотря на поднятые стекла, забивалась внутрь.

Рядом с шофером дремал, привалившись к дверце, майор Коваленко из разведотдела армии. Это был пожилой человек, старый чекист, пенсионер, с начала войны снова вставший в строй. А я спать уже не мог.

Почти неделя прошла с тех пор, как мы с Семеном Криворученко вернулись на Большую землю, в этот прифронтовой городок, но я все еще не сжился с мыслью, что нахожусь "дома". Все пережитое и виденное продолжало мучительно тревожить. В тылу врага, когда мы отдыхали где-нибудь в лесной глухомани, Семен иногда говаривал с грустью: "Как-то сейчас там, дома?" И мы молча думали о "доме", вкладывая в это понятие всё - и наш штаб, и армию, и Москву, и далекие тыловые города, где остались наши близкие: у Семена мать, у меня моя Маша и маленькая Танюшка.

И сейчас в машине, ощущая во рту соленый вкус пыли, я думал о жене, дочке и вообще о детях, встреченных мною на дорогах войны.

Мне припомнилась одна такая встреча. Это было ранней весной в тылу противника. Снег, рыхлый, ноздреватый, залежался только в лесу. Вдали мы увидели сожженную деревушку. На опушке сиротливо стоял единственный уцелевший дом - старенький, весь поросший мхом. У порога нас встретила тощая, с выпирающими ребрами, старая собака. Она поднялась с нагретой солнцем земли, уступила нам дорогу и тоскливо поглядела на нас. В доме мы увидели маленькую девочку. Это было до того неожиданно, что мы застыли, глядя на нее во все глаза. Она сидела на широкой, толстой деревянной скамье и крохотными чумазыми руками перебирала сорное зерно. Поверх грязного ситцевого платья на ней была чья-то большая суконная куртка, над полом свисали голые ножки. Спутанные волосы, давно забывшие о гребешке, падали на плечи.

Она нас не испугалась. Даже не удивилась, а только внимательно и пристально разглядывала.

После долгого молчания я сказал:

- Здравствуй, девочка!

- Здравствуй, - тихо ответила она и потупила взор.

- Где твоя мамка? - опросил Криворученко.

- Мамки у меня немає... - еще тише ответила девочка. - И сестры немає... Немцы побиили.

Начальник штаба партизанского отряда Василий Чухнов шумно вздохнул и спросил.

- С кем же ты живешь?

- С тетей Варей.

- А где ж она?

- Пишла за хлибом, за ричку.

- И ты совсем одна?

- Никого немає.

- А в деревне еще кто есть?

- Ни.

- А давно ушла тетя Варя?

- Четыре дни.

- И ты не боишься одна?

- Боюсь, - призналась девочка. - У ночи Каштан шибко вое. - Она проворно спрыгнула со скамьи, взрослым движением оправила на себе неуклюжую куртку и, подойдя к порогу, звонко крикнула: - Каштан!

На зов явился уже знакомый нам худущий пес и устался на маленькую хозяйку грустными глазами. Запустив ручонку в свалявшуюся рыжую шерсть пса, девочка представила его нам:

- Це Каштан.

- А как тебя зовут, дочка? - поинтересовался я.

- Катю.

- Сколько ж тебе лет?

- Шість.

- Вы и раньше жили здесь?

- Ни, в Полтави. Тату був машинистом, а мама працювала в дитсадку. Нас пид Брянском разбомбили, и тату тамось убило. Мы не знайшли его... - Катя сделала паузу, сдвинула белесые брови и сказала: - Пидемте, дяденька, я вам покажу могилку мами.

Мы переглянулись и молча последовали за ней. Катя, шлепая босыми пятками по холодной земле, провела нас к маленькому холмику недалеко от дома.

- Тут мы с теткой Варей сховали маму и Таню, - проговорила она и тихо, беззвучно заплакала, вытирая грязным кулачком градом катившиеся слезы.

У нас троих тоже что-то подкатило к горлу. Василий Чухнов подхватил Катю на руки и стал неумело, прокуренным басом, успокаивать ее. Мы вернулись в дом.

- Что же ты кушаешь? - спросил Семен.

- Хлиб...

- Ну, угощай и нас, - шутливо сказал Чухнов, опуская Катю на скамейку.

Она стеснительно улыбнулась:

- Мало у мени... - Но все же, спрыгнув со скамьи, подошла к полке, поднялась на носки, взяла кусочек черной сухой лепешки, напоминающей изношенную подошву, и подала Чухнову.

- Вот спасибо! - поблагодарил Чухнов, плотнул от волнения воздух, сунул лепешку в карман и спросил: - Как фамилия тети Вари?

Катя задумалась и не сразу ответила:

- Грунь...

Мы переглянулись. Все стало ясно: Варвара Грунь два дня назад по заданию отряда отправилась в разведку, и эсэсовцы схватили ее на железнодорожном разъезде.

- Вот что, Катюша, - заговорил Чухнов. - Пойдешь с нами в партизанский отряд?

Она не колебалась:

- Пиду. А як же с тетей Варей?

- Она знает к нам дорогу, придет.

- А Каштан?

- Каштана заберем с собой.

- Пиду! - твердо сказала девочка.

- А фашистов, которые загубили твоих папку, мамку, сестренку, мы непременно накажем.

Всех перебьем, - скрипнув зубами, пообещал Чухнов, снова беря Катю на руки.

- А в Полтаву звернемея? - недоверчиво спросила она.

- Обязательно!

...Мы шли глухим лесам. Чухнов посадил Катю на плечо. Она ему что-то рассказывала.

Сзади, опустив голову, плелся обессиленный Каштан.

На этом мои воспоминания прервались. Мы приехали в Красные Кочки. Машина остановилась у правления колхоза.

Майор Коваленко проснулся и тяжело полез из машины. Через прохладные сени, где стоял полумрак, мы прошли в большую, светлую комнату с бревенчатыми стенами

Нас встретила председатель колхоза Ульяна Семеновна, пожилая, крепко сбитая женщина с

полным простодушным лицом и совсем молодыми глазами.

Всё убранство комнаты составляли большой, покрытый красным сукном стол, несколько табуреток, деревенской работы крепкий шкаф и развешанные по стенам сельскохозяйственные плакаты.

Осведомившись, не голодны ли мы, и распорядившись, несмотря на наши протесты, насчет чайку, Ульяна Семеновна принялась рассказывать подробности ночного происшествия. Рассказ ее был короток.

Ночью, в половине первого, к ней в избу прибежал дед Ефим, караульщик колхозных коровников, и сообщил, что пролетевший самолет что-то сбросил над коровниками и что сброшенный предмет висит на старой сосне. Ульяна Семеновна живо подняла людей, приказала деду Ефиму не шуметь и побежала с народом к ферме.

Действительно, на высокой сосне неподвижно висело что-то темное. Стали кричать - никто не отзывается. Тогда один шустрый паренек, Мишка, вскарабкался на сосну, пригляделся и закричал сверху, что, мол, на суку висит человек. Народ, понятно, ахнул. Снова стали окликать - и снова ответа не последовало.

Ульяна Семеновна послала в деревню за рыболовной сетью. Когда сеть принесли, на дворе уже рассвело, и все увидели, что в самом деле, запутавшись в парашютных стропах, вниз головой висит человек. Сеть растянули под сосной, затем тот же Мишка снова забрался на дерево и подрезал стропы. Человек упал в сеть. Он был жив, но без сознания. Колхозники обыскали его и пришли к выводу, что это чужой человек, не наш, не советский. Чужака накрепко связали, заперли в амбарушке и приставили караульщиками деда Ефима и Мишку. - Покажите-ка нам, уважаемая Ульяна Семеновна, что нашли на нем, на этом висельнике, - попросил майор Коваленко.

Ульяна Семеновна открыла толстые визгливые дверцы шкафа и вынула сверток. В свертке оказались: пистолет "Вальтер" с запасной обоймой, пятьдесят пять тысяч рублей советских денег, расческа в пластмассовом футляре, коробок спичек "Малютка", металлический портсигар, набитый махоркой, и начатая пачка "Беломорканала". Кроме того, в свертке были паспорт, служебное удостоверение, профсоюзный билет и две справки, отпечатанные на пишущей машинке. Одна удостоверяла, что владелец ее, Брызгалов Спиридон Кузьмич, освобожден от военной службы ввиду болезни грыжи. Справка была выдана Смоленским горвоенкоматом. В другой бумажке значилось, что гражданин Брызгалов является агентом отдела снабжения Старопокровского ремонтно-механического завода и направляется на один из уральских заводов в служебную командировку сроком на двадцать пять дней по делам, связанным с выполнением срочного заказа оборонного значения.

Майор Коваленко попросил привести задержанного. Ульяна Семеновна вышла в сенцы.

- Посмотрим, каков этот залетный гусь, - сказал Коваленко. - Только бы он не отдал богу душу. Целую ночь вниз головой провисел...

Опасения оказались напрасными. Скоро дед Ефим, вооруженный охотничьей двустволкой, и Мишка ввели в дом человека со связанными руками. Майор отпустил конвоиров, и мы остались с глазу на глаз с ночным гостем.

Это был долговязый белесый человек с голубоватыми неподвижными глазами. Ему можно было дать и двадцать пять, и тридцать, и сорок лет. Невыразительная помятая физиономия, тонкая шея, костлявая фигура, выпирающие на спине лопатки - в общем, не красавец. На нем были синий поношенный шевиотовый костюм, полосатая сорочка с помятым галстуком, желтые полуботинки. На плечи его был накинут дешевый рыжий плащ. Встретишь такого на улице - пройдешь мимо, не обратив на него никакого внимания.

Майор Коваленко развязал ему руки и приказал сесть. Парашютист опустился на табуретку и устался в пол.

Майор спросил тихим, безразличным голосом:

- Фамилия?

- Моя? - Парашютист дернулся, но тут же, не поднимая глаз от пола, заученно-быстро ответил: - Брызгалов, Спиридон Кузьмич Брызгалов. Раненбургский район, Рязанская

область, одна тысяча девятьсот пятого года рождения.

- Если врете, потом раскаетесь, - предупредил майор. - Всякая, даже малейшая ложь обернется против вас.

Брызгалов поглядел на нас, снова уставился в пол и стал покусывать ногти.

Я внимательно смотрел на него и решил, что этот субъект не из храбрых. Это было написано на его вялом, тусклом лице. Да и взгляд...

В бледных голубых глазах Брызгалова за внешним тупым безразличием я угадал страх, неодолимый страх, свойственный большинству предателей. Этот заговорит начистоту.

- Фамилия? - все так же тихо повторил Коваленко.

Парашютист молчал. Правой рукой он нервно водил по подбородку.

- Думайте побыстрее, чтобы не жалеть после, что долго думали, - сказал Коваленко.

Но парашютист по-прежнему молчал, безразлично глядя под ноги майора. Видимо, он решал, какой тактики ему надо держаться.

- Ну?.. - напомнил Коваленко. - Назовите вашу настоящую фамилию.

Брызгалов судорожно вздохнул, помял кадык и с усилием произнес:

- Ладно. Я скажу правду...

Оказалось, что Брызгалов - это его последняя фамилия. За свою жизнь он сменил их так много, что затрудняется вспомнить и назвать все. Он был вором-рецидивистом, много раз подвергался аресту, три раза судился и отбыл в общей сложности шесть лет наказания. Бежал из места заключения. В последнее время был участником крупной банды железнодорожных грабителей и связанных с ними спекулянтов. На товарных станциях и в пути следования вскрывали запломбированные вагоны и расхищали грузы. "Были крупные дела, не без гордости сообщил он. - В Минске два вагона обуви и мануфактуры вывезли..." В сорок первом году ограбил и убил железнодорожного кассира-артельщика. Поймали. Приговорили к высшей мере - расстрелу. Это произошло 18 июня в Бресте, за четыре дня до начала войны. Брызгалов подал ходатайство о помиловании. Началась война. Брызгалова в арестантском вагоне отправили на восток. Под Минском поезд попал под бомбы, вагон разнесло в щепы. Из заключенных уцелели немногие, в том числе и Брызгалов. Пользуясь ночной темнотой и паникой, он бежал, укрылся в какой-то деревне и дождался прихода гитлеровцев. Он явился к германскому офицеру - командиру танковой части, рассказал о себе и предложил свои услуги. Тот направил его в какой-то штаб. Гитлеровцы хорошенько допросили его, направили на подготовку и теперь, через год, выбросили с парашютом на советскую территорию с заданием собирать разведывательные данные в прифронтовой полосе. Приказано ему осесть в районном городке Бутове и ждать агента-посыльного.

- И все? - не скрывая усмешки, спросил Коваленко.

Фашисты иногда практиковали заброску парашютистов на нашу территорию с подобными заданиями, и изложенная Брызгаловым версия звучала более или менее правдоподобно.

Скорее - менее...

- Зачем же вас выбросили так далеко от фронта? - спросил я. - Да еще в гражданской одежде? И с командировочным направлением на Урал.

Брызгалов неопределенно пожал плечами:

- Ошиблись, видать.

- Вы прыгнули, когда бомбили город?

- Да.

- А какие дела вас ожидали на Урале? - поинтересовался Коваленко.

Брызгалов оскалил в усмешке большие желтоватые зубы:

- Я туда и не собирался. Удостоверение это так, для отвода глаз, на всякий случай.

- А пятьдесят пять тысяч?

- Ну, это на расходы.

- Так много?

- Наших денег они не жалеют.

- Та-ак... - протянул Коваленко и вдруг резко скомандовал: Раздевайтесь!

В глазах предателя мелькнул страх. Он покачнулся, как от удара, и дрожащим голосом переспросил:

- Раздеваться? Сейчас?

- Сейчас и поживее! - приказал Коваленко.

Он встал из-за стола и направился к Брызгалову.

Предатель вскочил на ноги. Табуретка упала.

Несколько секунд Брызгалов и майор пристально глядели друг другу в глаза. Затем Брызгалов медленно стянул с себя пиджак. Коваленко, глядя в лицо предателя, передал пиджак мне.

- Дальше... - сказал он.

- Совсем... раздеваться? - спросил Брызгалов.

- Да, - ответил Коваленко. - Догола.

Предатель расшнуровал ботинки, разулся, снял одежду и сел, обхватив бледными руками голые плечи.

Я занялся обследованием пиджака: осмотрел карманы, в которых ничего уже не было, и принялся прощупывать подкладку.

Тогда Брызгалов вдруг скороговоркой выпалил:

- Я всё скажу, граждане начальники. Всё, всё! Один черт! Запутался...

- А мы и не сомневались, что вы всё скажете, - очень спокойно отозвался Коваленко, осматривая брюки. - Куда же вам деваться?

- Правильно, гражданин майор! - подобострастно подтвердил Брызгалов. Всё, всё скажу.

Вооружившись перочинным ножом, я вспорол борт пиджака и извлек из-под подкладки кусочек жестковатой бумаги, обернутый лоскутком бязи.

- Так... - проговорил Коваленко, - Интересно. Ну-ка, посмотрим...

Это была часть фотокарточки молодой женщины, обрезанная по ломаной линии.

Брызгалов не сводил глаз с майора. От сильного волнения на лбу у него выступили росинки пота.

- Ну?... - обратился к нему Коваленко.

Брызгалов шумно выпустил из груди воздух и, облизнув сухие губы, сказал:

- Влип!

- Дальше? - потребовал Коваленко, заканчивая осмотр одежды.

- Фотокарточка - это пароль, - проговорил Брызгалов. - Вещественный пароль. Теперь я расскажу все по порядку.

- Одевайтесь, - разрешил Коваленко.

Брызгалов медленно оделся, обулся и, бросив взгляд на стол, где лежали отобранные у него вещи, попросил разрешения закурить.

Коваленко взял щепотку махорки, листок бумаги из своего портсигара и передал предателю.

- Фотокарточку, эту половинку, надо показать Саврасову. У него вторая половичка.

Сложенные вместе, они должны составить целую фотографию.

- Кто такой Саврасов?

- Инженер.

- Где он?

Брызгалов назвал один из уральских городов.

- Кто вас послал к нему?

- Гауптман... Капитан Гюберт.

Далее выяснилось, что после побега из арестантского вагона Брызгалов попал из танковой части не в штаб дивизии, а в разведывательную организацию гитлеровцев и что его подготовкой занимался некий капитан Гюберт.

Брызгалову было приказано побыстрее проникнуть на Урал, отыскать инженера Саврасова, сказать ему три слова: "Шифр 17 апреля", получить информацию и вернуться обратно к капитану Гюберту. Для этого ему и выдано было служебное удостоверение, паспорт и командировочное предписание на имя агента снабжения Старопокровского завода.

Документы принадлежали одному из расстрелянных гитлеровцами советских граждан. Из пятидесяти пяти тысяч рублей - сорок Брызгалов должен был передать Саврасову, а пятнадцать оставить себе.

- Вы знаете Саврасова? - спросил я.

- Нет.

- А где обитает капитан Гюберт?

Брызгалов назвал небольшой районный город, оккупированный гитлеровцами. Но Гюберт живет не в самом городе, а примерно в километре от него, в лесу, в бывшем детском санатории. В распоряжении Гюберта имеется небольшой штат из двадцати - двадцати пяти человек, и среди них двое русских. Фамилий их Брызгалов не знает.

- Может быть, знали, но забыли? - спросил Коваленко.

- Совсем не знал, - ответил Брызгалов. - Мне с ними не разрешали...

- Сколько времени вы пробыли в резиденции Гюберта?

- Восемь месяцев. С декабря прошлого года. И никуда не выходил. Вся территория обнесена колючей проволокой в три ряда, круглосуточно охраняется, подходы заминированы. У них там все своё: и кухня, и баня, и радиостанция, и электродвижок...

Он докурив сигарку до самых губ, аккуратно положил окурочек на пол и затоптал ногой.

- Что вы должны были сказать Саврасову при встрече? - спросил я.

- Ничего.

- То есть?

- Вначале ничего. Я должен был показать ему вот этот кусок фотокарточки, и всё.

- А потом?

- А после того как Саврасов мне покажет вторую половинку, сказать ему: "Шифр 17 апреля".

- Что это значит?

- Не могу знать. Капитан Гюберт не сказал мне об этом ничего...

- Выкладывайте всё! - жестко сказал Коваленко, глядя прямо в лицо парашютисту.

Брызгалов рассказал, что он обязан был выслушать Саврасова, хорошенько запомнить всё, что тот скажет, и, не теряя времени, возвратиться с докладом к капитану Гюберту. Капитан в ближайшее время не намерен переносить свою резиденцию, по крайней мере, к такому заключению пришел Брызгалов. Возможно, что Саврасов снабдит его новыми документами, командировкой в прифронтовой район. Возвращаться Брызгалов должен через линию фронта на том участке, где ему указано. Он назвал это место. При встрече с первым же гитлеровцем надо сказать пароль: "Ахтунг, панцер!", что в переводе означает: "Внимание, танки!", и потребовать, чтобы его доставили к гауптману Гюберту. На участке передовой, где обусловлен переход, пароль, данный Гюбертом, будет известен командирам германских частей.

- А кто вас свел с Гюбертом?

- Он сам приехал в штаб танковой дивизии и забрал меня, - ответил Брызгалов. - Нас сопровождала охрана и солдаты фельджандармерии.

- И Гюберт сразу отвез вас в свою резиденцию? - спросил я.

- Нет, - ответил Брызгалов. - Меня еще месяца два держали в кутузке жандармерии.

Вытребовали из Бреста сохранившиеся судебные дела, всё проверяли. Гюберт время от времени приезжал беседовать со мной, а в декабре забрал к себе.

2.

КОМАНДИРОВКА

Прошло три дня. Ничего нового Брызгалов не рассказал. Подполковник Фирсанов позвонил в Центр. Выслушав его, Центр предложил допросы временно прекратить и сообщил, что на днях к нам вылетит полковник Решетов. Кто такой Решетов - никто у нас не

знал.

Полковника мы встретили утром на фронтовом аэродроме. Это был рослый хмурый человек, судя по его выправке - в прошлом строевик. Представившись и поздоровавшись с нами, он уселся в машину рядом с шофером, наклонился вперед к ветровому стеклу и молчал всю дорогу до штаба. Я сидел сзади, и в глаза мне бросилась одна особенность: правой рукой Решетов все время старательно массирует кисть левой. Эта кисть была заметно бледнее правой, суше и помечена большим белым рубцом, идущим по тыльной стороне.

В рабочей комнате Фирсанова он уселся на маленький жесткий диванчик, прижавшийся к простенку между окнами, расчесал свои густые волосы и расстегнул воротник гимнастерки.

- Садитесь, товарищи, - сказал он нам - подполковнику Фирсанову, майору Коваленко и мне. Его спокойное хмурое лицо со сросшимися на переносице бровями казалось утомленным.

Пауза затянулась. Полковник курил. Мы ждали.

- Где парашютист? - спросил наконец Решетов, потирая больную руку.

- Во дворе, рядом, - ответил Фирсанов.

- Где его лучше допросить: там или здесь?

- Только у меня, там негде.

- Распорядитесь, чтобы его привели, - приказал Решетов.

Я, как младший по званию, вышел и через несколько минут возвратился с Брызгаловым.

За эти дни Брызгалов немного отошел, отдохнул, глаза его, тогда, при первом знакомстве в колхозе, показавшиеся мне очень маленькими, теперь как бы увеличились и смотрели с некоторой наглостью, словно он уже считал себя в полной безопасности.

- Садитесь, - бросил ему полковник.

Брызгалов осторожно сел.

Решетов несколько секунд молча смотрел ему в глаза. Брызгалов поежился под его тяжелым взглядом, как жук, наколотый на булавку, потом нервно передернул плечами и уставился в пол.

- Вас готовил к переброске Гюберт? - спросил Решетов.

- Эге... Я уже говорил об этом вот им. - И Брызгалов небрежно кивнул в нашу сторону.

Глаза полковника сузились.

- Встать! - резко сказал он. - Отвечать, как полагается!

Брызгалов вскочил, словно его подбросило сильной пружиной, подтянулся, вытянул руки по швам.

Решетов ставил вопросы громко, четко, отрывисто, не отводя взгляда от Брызгалова.

- Да, капитан Гюберт, - отвечал Брызгалов. - Он готовил к переброске и возил на аэродром.

- Кто сопровождал в самолете?

- Тоже он.

- Еще кто?

- Второй немец.

- Фамилия?

- Не знаю.

- А Саврасова знаете?

- Нет, никогда в глаза не видел.

- А Гюберт Саврасова знает?

Лицо Брызгалова застыло; казалось, в его голове происходит какая-то усиленная работа мысли.

Задержавшись с ответом, он сказал наконец:

- По-моему, не знает.

- Садитесь! - разрешил полковник. - Почему вы так решили?

Брызгалов сел, вздохнул, вытер влажный лоб рукавом пиджака и начал рассказывать.

Накануне выброски Гюберт обстоятельно беседовал с ним. В ходе беседы он вызвал к себе незнакомого Брызгалову русского и предложил ему: "Опишите подробнее и точнее наружность Саврасова". Брызгалов считает, что, если бы Гюберт лично знал Саврасова, он

бы не передоверил описание его наружности другому. К тому же, когда этот русский рисовал портрет Саврасова, Гюберт спросил его, кто выше ростом - Брызгалов или Саврасов. Русский взглянул на Брызгалова, попросил его встать со стула и ответил, что Саврасов, если и выше, то очень ненамного.

Трудно было предположить, чтобы Брызгалов врал так тонко. К тому же этот вопрос к его личной судьбе не мог, по-видимому, иметь отношения. Из рассказанного можно было заключить, что Гюберт действительно не знал Саврасова.

Это обстоятельство, очевидно, пришлось по душе Решетову. Он чему-то усмехнулся, прошелся по комнате и продолжал допрос:

- Как звали русского?

Брызгалов покачал головой. Этого он не знал. Может быть, при нем Гюберт и называл русского по имени или фамилии, но Брызгалов не обратил на это внимания, не запомнил. За все время пребывания в разведывательном пункте он видел этого русского только два или три раза и знаком с ним не был.

- В чем он был? - спросил Решетов.

- В гражданском костюме.

- Обрисуйте мне его, - предложил полковник. - Каков он собой?

Брызгалов помедлил немного, видно собираясь с мыслями, потер угреватый лоб, посмотрел в потолок, прищурил один глаз, точно прицеливался, и начал рассказывать. Он дал яркий, сочный, запоминающийся портрет, по крайней мере я получил довольно живое представление о внешности и характерных особенностях этого неизвестного "русского".

- Значит, брови у него мои? - спросил Решетов.

Брызгалов посмотрел на полковника исподлобья и ответил:

- Пожалуй... А в плечах он пошире немного. Он пожирнее вас, а вы суховаты...

- Какое вознаграждение обещал вам Гюберт по возвращении?

Брызгалов потупился и после небольшой паузы проговорил:

- Обещал на тридцать тысяч часов и золота из Ювелирторга... И интересную должность...

- Какую именно?

- Начальника полиции в Рославле.

Полковник усмехнулся, прошел к дивану, сел и принялся за свою левую руку.

Я попросил разрешения задать арестованному несколько вопросов.

- Спрашивайте, - сказал полковник.

Брызгалов перевел взгляд на меня.

- Вы владеете немецким языком? - спросил я.

Брызгалов разрешил себе улыбнуться: кроме русского, он не владел никакими.

- Как же вы изъяснялись с Гюбертом?

- Хм... Он по-русски говорит не хуже нас с вами.

Полковник быстро встал:

- А может быть, Гюберт не немец?

- Немец! - твердо заверил Брызгалов. - Самый настоящий немец. С немцами по-своему он говорит очень быстро. А по-русски говорит хоть и правильно, но медленно.

- А почему вы решили, что тот, незнакомый вам человек, русский? осведомился я.

- И по разговору и по обличию. Нет, уж тут я не ошибаюсь.

- Так... - произнес Решетов и хлопнул себя по коленям. - Еще есть вопросы?

Вопросов не было.

- Отправьте, - распорядился полковник.

Я увел арестованного и вернулся.

- Можете быть свободны, - сказал Решетов мне и Коваленко.

Мы вышли. Я решил отправиться домой и закусить, так как с утра у меня крошки во рту не было. Коваленко остался в штабе

День выдался жаркий. Я шел теневой стороной улицы, не торопясь. Колонка была уже починена, три воронки засыпаны, около трансформаторной будки стояла грузовая машина:

несколько бойцов грузили в ее кузов глыбы кирпичей, спаянные цементным раствором. Когда я перешагнул порог дома, меня встретил настойчивый телефонный звонок. Я вбежал в комнату и схватил трубку. Звонил Коваленко:

- К полковнику Решетову, быстро! Где вы пропадаете?

- Как - где? Я только что до дому дошел, еще не завтракал даже.

- Не умрете... Давайте быстрее. Он не из тех, кто любит ждать.

Обратно в штаб я почти бежал. Майор встретил меня у входа, видимо специально, чтобы сгладить впечатление от своего резкого тона по телефону.

- Успели перекусить? - спросил он.

- Когда же? Я только вошел - и звонок.

- Ничего! Дело поправимое. После разговора прямо ко мне. Я тоже не завтракал, - и, подмигнув мне многозначительно, добавил: - Закусим добре!

Я понял без пояснений, что майор грозит выставить к завтраку что-нибудь более интересное, чем пиво, которым славился городок.

В кабинете меня ждали Решетов и Фирсанов.

- Садитесь, майор... - пригласил полковник. - Вы понимаете, что кому-то надо ехать на Урал, на свидание с Саврасовым? - с ходу спросил он.

- Очень хорошо понимаю, - ответил я. - Думал об этом. Нельзя упускать такой возможности.

- Вот именно. Вы к такому путешествию готовы?

- Я?.. Так точно, готов немедленно.

- Отлично! - сказал полковник и откинулся на спинку дивана. - Правда, подполковник Фирсанов колебался, на ком остановить выбор - на вас или на майоре Коваленко, а потом

согласился со мной, что ваша кандидатура более подходит. Важно, что вы уже трижды были в тылу врага, видели тамошнюю обстановку, знаете режим, установленный оккупантами, их повадки. Разговаривая с Саврасовым, вам не придется фантазировать. А Саврасов безусловно заинтересуется воинскими подвигами своих хозяев, всякими там подробностями и деталями. Рассказывайте ему побольше. Это очень важно. Ведь вы пойдете к Саврасову как посланец Гюберта, как человек с той стороны. О Саврасове мы, правда, почти ничего не знаем. Но есть основания полагать, что это гусь крупный... - Полковник помолчал и спросил: - Разведчиком вы стали, кажется, совсем недавно?

- Так точно, - ответил я.

- А кем были до войны?

- Учителем математики.

- В армии служили?

Я ответил, что отбывал срочную службу, затем три года на сверхсрочной, учился на специальных курсах и, наконец, воевал с белофиннами.

- Так вот, майор, - сказал полковник Решетов, - задание это не менее важное, чем ходка в тылы противника. Свидание с инженером Саврасовым надо провести на "отлично".

Неизвестно, во что выльется и что повлечет за собой эта встреча. Неизвестно, с кем вам еще придется познакомиться после знакомства с Саврасовым. Гадать мы не будем, но предвидеть кое-что можем.

- Ясно.

- Ведите себя в разговоре с Саврасовым смелее, почувствуйте себя свободно, поставьте дело так, чтобы он понял, что вы не просто курьер, вроде Брызгалова, а доверенное лицо капитана Гюберта с особыми от него полномочиями. Постарайтесь выудить из него все, что можно. Постарайтесь узнать больше, чем он сам сочтет нужным передать Гюберту.

- Ваша встреча с Саврасовым, - заметил Фирсанов, - проверит показания Брызгалова. И от результатов ее будет зависеть многое.

- Теперь вот что, - продолжал Решетов, - помимо предметного пароля, вот этой разрезанной фотографии, вы должны назвать Саврасову устный. Вы должны сказать ему: "Привет от Виталия Лазаревича", а Саврасов обязан ответить: "Очень рад, я видел его в феврале сорок первого года".

- Значит, Брызгалов?.. - сказал я.
- Да, да... - перебил меня Решетов. - У Брызгалова дух еще неокончательно сломлен. Он кое-что скрывает. Насчет устного пароля он сознался только что, когда вы отсутствовали. Я с ним еще раз беседовал.
- Понятно.
- Возможно, что он и сейчас не все сказал, - проговорил Фирсанов.
- Возможно, даже весьма вероятно, - согласился Решетов. - Но я предупредил этого субъекта, что за все, что он не нашел нужным нам рассказать, он отвечает головой. Итак, собирайтесь, майор.
Я встал.
- Полетите завтра утром, - заключил полковник. - Вас встретят там и дадут знать, где искать Саврасова. Я буду звонить ночью и предупрежу товарищей. Доброго пути. Желаю успеха! - И он подал мне руку.

3. САВРАСОВ РАЗГОВАРИВАЕТ ОТКРОВЕННО

Самолет доставил меня из Москвы в город на Урале около полудня. Два товарища, предупрежденные полковником, встретили меня и сразу же сообщили, что Саврасова в городе нет. Его ждут с минуты на минуту. Живет Саврасов в центральной городской гостинице. В той же гостинице, этажом ниже, забронирован номер и для меня - "представителя одного из железнодорожных главков". Условившись о встречах и телефонных звонках, мы распрощались, и я, усевшись в автобус, отправился в город. Получив номер и сдав документы на прописку, я решил прежде всего привести себя в порядок: надо было предстать перед инженером в самом лучшем виде и произвести впечатление хорошего конспиратора, человека, располагающего средствами и идеальными документами. Я побрился, переделался и вышел на улицу. День был на исходе. Длинные тени тянулись через мостовую. Улицы города, широкие, просторные, озелененные, были заполнены пешеходами и машинами. Война взбудоражила город, перекинув в него с запада крупные предприятия и десятки тысяч новых людей. Я шел неторопливо, разглядывая вывески и афиши, временами останавливаясь перед витринами, чтобы посмотреть на свое отражение. Погода портилась. Лето покидало Урал. Деревья на улицах и в скверах дрожали под порывами ветра. Над центральным сквером, предчувствуя дождь, беспокойно летали и каркали галки. Я решил было пройти до конца главной улицы, но передумал и пошел обратно. Не то чтобы я волновался. Нет. Еще в самолете я мысленно рисовал картину моего первого визита к Саврасову. Я представлял себе, как войду к Саврасову, что скажу, как направлю ход беседы, пытался предусмотреть опасные вопросы. Казалось, я был вполне подготовлен. Но видимо, подсознательно меня тревожило ощущение неизвестности, и мне вдруг захотелось ускорить встречу, чтобы избавиться от этого ощущения. Около гостиницы стоял изрядно потрепанный "ЗИС-101", и я подумал, что на этой машине вернулся Саврасов. Я поднялся на третий этаж, толкнул дверь его номера. Дверь была заперта. Я отправился к себе и прилег на диван. Время потянулось в раздумьях и ожидании. Примерно через час-полтора я снова поднялся на третий этаж и увидел ключ, торчащий в двери Саврасова. Значит, инженер явился. Ждать больше нечего: я огляделся по сторонам, убедился, что коридор пуст, и без стука вошел. У круглого стола, уставленного посудой, с журналом "Огонек" в руках сидел Саврасов. Он поднял голову и сквозь большие очки в черной оправе выжидательно уставился на меня. У

него было большое, гладкое, актерское лицо, старательная - волосок к волоску - прическа с ровным пробором, темные, с припухшими веками глаза.

- Вы к кому? - спросил он бархатистым, звучным голосом, не меняя позы, с нотками удивления в голосе.

- Если вы инженер Саврасов, то к вам, - ответил я, стоя у порога.

- Да, я Саврасов. Чем могу быть полезен? - спросил он, слегка прищурился глазами,

- Я к вам с приветом от Виталия Лазаревича, - произнес я негромко, внимательно следя за его лицом.

Он немного побледнел, полная рука, державшая журнал, вздрогнула. Он бросил журнал на стол, откинулся было на спинку стула, но тотчас быстро встал.

Эти резкие и непоследовательные движения ясно говорили о волнении.

- Никак не ожидал... - произнес Саврасов вполголоса и, обойдя стол, направился к двери.

Походка у него была тяжелая, и паркет под его шагами поскрипывал. Приоткрыв дверь, он вынул ключ, вставил его изнутри и, повернув два раза, строго сказал: - У вас очень громкий голос. Нельзя ли потише?

Я почувствовал повелительные нотки, прозвучавшие в его голосе.

Саврасов подошел вплотную, посмотрел мне в глаза пристальным взглядом, будто прицеливался, и тихо, но очень медленно и внятно назвал ответный пароль:

- Очень рад... Очень рад... Я видел его в феврале сорок первого года... - И прежним повелительным тоном спросил: - Вас кто послал, Доктор?

Тон этот мне не понравился - он сразу ставил меня в зависимое положение, а этого нельзя было допустить.

- Кто послал, не так важно, - ответил я немного развязно, взял стул, повернул его и уселся верхом, положив руки на спинку стула. - Когда надо будет, скажу, Черт вас занес в такую даль!.. - Я старался говорить тоном безразличным и небрежным, так, чтобы установить строгую дистанцию между нами.

Он вздохнул, подошел к просиженному дивану и тяжело опустился на него. Диван издал жалобный стон.

- Так, так... - произнес Саврасов, немного смешавшись и как-то растерянно. - Ну-с?.. -

Видимо, от волнения его губы пересохли, и он облизал их.

- Рассказывайте, что случилось, почему молчите? Где люди? - сказал я.

- Виноват. Маленькая деталь...

- То есть?

- Вы обязаны показать мне кое-что.

Я неторопливо вынул из нагрудного кармана пиджака зеркальце, вделанное в замшевый чехольчик, извлек из него половинку фотокарточки и подал Саврасову.

Он взял ее, рассмотрел на расстоянии вытянутой руки, как это делают люди, страдающие дальновзоркостью, и, покачав головой, усмехнулся:

- Все ясно, все ясно... Что и требовалось доказать.

Он достал из кармана пухлую записную книжку в засаленной обложке, перетянутую резинкой, и раскрыл ее. Надорвав внутреннюю сторону обложки, извлек из нее фотографию, положил ее на край дивана и присоединил к ней половину, врученную мной. Края обеих половинок, разрезанные по ломаной линии, сошлись точка в точку.

- Вот так... - проговорил Саврасов, ослабил галстук и, расстегнув воротник сорочки, откинулся на спинку дивана: - Но вы все-таки скажите, обратился он уже просительно, - от кого вы: от Доктора или от Габиша?

Ни о том, ни о другом я не имел ни малейшего понятия. Отсюда неопровержимо следовало, что отвечать опрометчиво нельзя. Надежно уложив в памяти два новых имени - Доктор и Габиш, - я ответил:

- Я от Гюберта. Гауптмана Гюберта...

- Гюберт... Гюберт... - протянул Саврасов, прикрыв глаза и стараясь, вероятно, что-то вспомнить. - Это не племянник Габиша? Вы имени его не знаете?

- В эти детали не посвящен, - коротко ответил я.

- А каков он из себя?

Со слов Брызгалова я довольно живо обрисовал внешность и манеры капитана Гюберта.

- Не то, не то... Безусловно, не то, - проговорил инженер, подтвердив догадку незадачливого парашютиста, что Саврасов, по-видимому, не знает Гюберта. - Да это, в сущности, и не так важно.

Обычно я придерживался непреложного правила: не зная игры, не делать первых шагов. Сейчас обстановка предписывала мне действовать крайне осторожно. Но она вовсе не исключала риска. Даже наоборот - она предполагала риск. Если бы Саврасов не допустил оплошности и не упомянул о каком-то Докторе и Габеше, то я, пожалуй, не нарушил бы своего правила и не пошел бы на риск. Но тут козыри сами шли в руки.

Решив обыграть ответный пароль, я небрежно осведомился:

- Стало быть, Виталия Лазаревича вы видели не так уж давно, в феврале сорок первого?

- Почему вы так решили? - удивился Саврасов.

- Я ничего не решал, - пожав плечами, ответил я. - Таков пароль.

Саврасов рассмеялся и махнул рукой.

- Вы правы, - признался он. - Совершенно верно. С Доктором мы встретились в феврале... перед уходом его на ту сторону. Но Виталий Лазаревич высказал твердую уверенность, что мы еще встретимся. Когда я сказал: "Прощайте!", он меня поправил и заметил: "Почему так театрально? Не прощайте,

а до свидания". Поэтому-то я и решил сначала, что вы от него.

Итак, Виталий Лазаревич - это не случайное имя для пароля. Виталий Лазаревич существует, он и Доктор - это одно и то же лицо.

- И после вы ни с кем не встречались? - продолжал уточнять я.

- Конечно.

- И никого ни о чем не информировали?

- Да, да... Неожиданный переезд на восток. Связь через Минск нарушена войной... Доктор должен понять... Я ждал указаний...

Я кивнул, сделав вид, что меня это вполне удовлетворяет. Но следовало углубить разговор, выяснить побольше.

- Видите, в чем дело... - начал я, сделал умышленную паузу и продолжал: - Ваше присутствие здесь крайне необходимо, важно. Связь восстановим. "Шифр 17 апреля" действует, учтите. Задачи перед вами очень большие, ведь на Урал и в Сибирь перебазируется почти вся военная промышленность. Здесь формируются крупные соединения советских войск. Вам надо на какое-то время выехать в Москву, восстановить связи, организовать переезд двух-трех надежных людей сюда, на Урал, и в Сибирь...

- Что?! - воскликнул Саврасов. - Поехать в Москву? Это невозможно! Абсолютно невозможно!

- А если необходимо? - спокойно спросил я.

- Все равно...

- Если этого требует Гюберт?

- Я не знаю, кто такой Гюберт... - Саврасов вскинул плечи и растерянно развел руками. - Во всяком случае, если я уеду в Москву, то вернуться сюда не смогу и должен буду перейти на нелегальное положение.

- Не понимаю, - сказал я.

Саврасов объяснил, что работа по приему заводского оборудования, идущего с запада, которая на него возложена, не допускает никаких отлучек и промедлений. Никто его не освободит от этой работы. Время военное. Конечно, если вопрос стоит так, что, невзирая ни на что, он должен быть в Москве, то придется рвать с заводом. Опасно, это грозит судом. Покинуть завод официально не удастся, а неофициально... Завод имеет чрезвычайно важное оборонное значение. Перебазировка его из центральной полосы на Урал проводится быстрыми темпами. Сам Саврасов на заводе - человек не новый, всем известный, и терять

такое место было бы неразумно. "Вы же сами говорите, что мое присутствие здесь крайне важно".

Я промолчал. Воцарилась долгая пауза, которую нарушил Саврасов.

- Вы говорите Москва... - начал он.

- Не я, а Гюберт..

- Да, да, это понятно, - кивнул Саврасов. - Но надо же учесть, что я устроился здесь фундаментально. Меня уважают, со мной считаются, мне доверяют. Сюда, если вы хотите знать, двери, как в рай, очень узенькие. Конечно, если дело требует, я брошу все, но это пахнет, я повторяю, нелегальщиной. Мое исчезновение насторожит руководство, возникнут подозрения. В данный момент я ничем официально не смогу обосновать свое желание покинуть завод. Но если, как принято говорить, цель оправдывает средства, тогда можно рискнуть.

- Нет, так не пойдет, - сказал я решительно. - Гюберт, очевидно, не предполагает, что поездка в Москву так сложна. Я его информирую. Оставайтесь здесь, и больше к этой теме возвращаться не будем. В Москве все же остались у вас свои люди?

- Как это понимать? - испытующе спросил Саврасов.

- Раз вы категорически не можете к ним поехать - а ваши доводы меня убедили, - придется мне помочь вам.

- Хм... Есть один человек, служит на железной дороге. Я приобрел его еще в прошлом году. Удачный человек. Я бы сказал - очень удачный и перспективный. Проверен. Он уже оказал нам кое-какие услуги и готов их оказывать дальше.

- Это надежно?

- Вполне! - твердо заверил Саврасов. - Я информировал о нем Доктора. Он понравился ему еще тогда, до войны. Мы условились именовать его "диспетчером". На него можете рассчитывать.

- Ах, Диспетчер! - воскликнул я. (О Диспетчере я слышал, конечно, впервые!) - Слышал... А еще кто? Диспетчера трогать пока не разрешают.

- Есть еще человек, уже другой категории, - сказал Саврасов нерешительно.

- Именно?

- За этого поручиться не могу - будет слишком смело.

- Кто он?

Саврасов охотно рассказал, как рассказал бы любому другому, пришедшему к нему с паролями. Этот второй человек - бывший прораб одной из подмосковных гражданскихстроек. Инженер-строитель по опыту, но без диплома. Судился по уголовному делу, после заключения долго не мог обосноваться в Москве и получить прописку, но перед самой войной ему удалось это. Живет на частной квартире в районе Тимирязевской академии.

- О нем мне ничего не говорили, - деловито сказал я. - Так вы говорите, человек он ненадежный?

- Ненадежный, - кивнул Саврасов. - Этот тип привык к большим деньгам и очень избалован ими. За деньги, тем паче за хорошие деньги, которых у него теперь нет, он не остановится ни перед чем. Использовать его постоянно очень опасно, он пригоден лишь для эпизодической работы. Пьяница. А пьяницы, с одной стороны, весьма нам полезны, но с другой - опасны, неосторожны. Поэтому использовать его можно с оглядкой. Я виделся с ним перед отъездом из Москвы. Он озабочен получением документов, которые освободили бы его от призыва в армию. Воевать не хочет.

- Понятно, - сказал я. - Еще кто?

- Все. Больше нет. Война все перемешала, раскидала людей.

"Негусто у тебя, оказывается", - решил я про себя и сказал:

- Значит, сами вы ничего не сделали, чтобы восстановить положение? А как вы живете материально?

- Живу неплохо, но можно было бы и получше, - усмехнулся Саврасов.

- Это дело легко поправимо...

- Что вы сказали? - Саврасов подался немного вперед.

Я прямо не ответил на вопрос и продолжал:

- Давайте договоримся так... - тут я почесал переносицу, будто что-то соображая. - Всё, что вы считаете нужным сообщить Гюберту, набросайте себе для памяти, чтобы завтра подробно рассказать мне. Хватит времени до завтра?

- Безусловно.

- Отлично. Завтра же я сниму деньги с аккредитива и вручу вам. Тут с этим делом нетрудно?

- Как вам сказать. Жмутся, конечно. У вас большая сумма?

- Сорок...

- Ого! Ну что ж... Я вам подскажу, в какие кассы обратиться.

- Договорились, - весело сказал я и встал.

- Позвольте! - спохватился Саврасов и тоже встал. - А что вы делаете вечером?

- Ничего. Если не возражаете, давайте поужинаем у меня в номере и поболтаем.

- Ради бога, я с удовольствием. Вечер и у меня свободен. А где ваша комната?

- Внизу, под вами... - Я назвал номер.

Не прощаясь с Саврасовым, я вернулся к себе, вытащил из чемодана сверток с нехитрой закуской и немного подкрепился. Потом прилег на диван и перебрал в памяти всю беседу с Саврасовым. Записывать я по уже укоренившейся привычке считал нецелесообразным. Да в этом сейчас и не было нужды: память служила мне пока безотказно.

Потом я набросал план дальнейших действий.

Погруженный в раздумье, я не заметил, как уснул, и проснулся от стука в дверь. В комнате царил темнота. Я вскочил и зажег свет.

Вошел Саврасов.

- Отдыхали? - спросил он, энергично потирая руки.

- Немножко.

- А вы посмотрите, что делается на дворе. - Саврасов раздвинул шторы.

Я тоже подошел к окну. В заплаканное окно глядел слякотный сумрак. По запотевшим стеклам змеились дождевые струйки.

- Бож-же мой, какая гадость! - передернув плечами, воскликнул Саврасов и отошел от окна. - В такую погоду даже лягушки могут схватить воспаление легких!..

Мы долго сидели за столом у окна. Незатемненная улица выглядела неуютной и неприветливой. Торопливо сновали пешеходы, прижимаясь к стенам домов.

Беседа наша затянулась. Вначале я рассказывал Саврасову разные были и небылицы о жизни в оккупированных гитлеровцами городах. Он слушал с интересом, задавал множество вопросов и, кажется, убедился в моей полной осведомленности. Затем я осторожно попытался узнать, какая среда взрастила и воспитала такого отщепенца и предателя. Но мои попытки проникнуть в прошлое Саврасова успехом не увенчались. Прошлого он не касался и, как мне показалось, даже избегал тронуть его. То ли это была осторожность, то ли черта характера, я так и не определил. Зато о заводе Саврасов рассказал очень пространно; он действительно был хорошо информирован, и это делало его особенно опасным врагом. Тем скорее надо его обезвредить. Но от этого корня могли появиться и ростки... Я воспользовался рассказом Саврасова об уральских делах.

- Вы пробовали искать людей, которые могли бы пригодиться нам здесь?

Саврасов снисходительно посмотрел на меня.

- А как вы думаете? - сказал он.

- Я ничего не думаю, - в тон ему ответил я. - Я интересуюсь.

- Пробовал, дорогой, не раз... - Он налил в стакан вина, затем снял очки и стал протирать стекла носовым платком. - Пробовал, зондировал почву, обхаживал кого-то, но ни черта путного не получается. Что скрывать патриотический подъем в народе огромный! Я никак не ожидал. Войска фюрера бьют их, блестяще прошли в глубь страны: Прибалтика, Молдавия, Белоруссия, Украина, Западные области! А все глупо уверены, что немцев побьют... Черт-те что! Какой-то фанатизм! Откуда только берутся силы, терпение, вера и упорство?! Признаюсь

честно: позавидовать можно. Вы не подумайте, что я сочувствую. О нет! Я ненавижу их, ненавижу от всей души! Но поражаюсь. Ведь, кажется, всем ясно, что от таких ударов Советы не оправятся, а попробуйте с кем-нибудь поговорить на эту тему. Ого! Вас быстро сведут в милицию, а то и в другое место. При таком положении надо быть очень осторожным. Сто раз отмерь, а один - отрежь! Я уже ученый...

Почему он уже ученый, Саврасов не договорил.

- Ну что ж, - сказал я со вздохом, - поскольку передвинуть в Москву вас не удастся, дайте мне координаты этих ваших... Диспетчера и Прораба. Придется связаться с ними.

Он, не колеблясь, вырвал листок из записной книжки и написал адреса и фамилии, потом сообщил мне несложные пароли, которые я мысленно несколько раз повторил.

Мы расстались почти в полночь. Проводив гостя и выждав некоторое время, достаточное для того, чтобы убедиться, что Саврасов улегся отдыхать, я покинул свой номер. Мне надо было связаться с местными товарищами.

Дождь перестал, небо прояснилось, проглядывали звезды. Не высохшие еще асфальтовые мостовые при свете фонарей напоминали реки. Я радовался улучшению погоды, так как на другой день мне предстояло лететь.

Утром состоялся последний разговор с Саврасовым, хотя о том, что он последний, знал лишь я. Саврасов надеялся еще на встречу после обеда и рассчитывал получить обещанные деньги. Он, конечно, и не подозревал, что я поручил его "заботам" местных товарищей.

Задолго до обеда я был уже в воздухе.

4.

КОНТРОПЕРАЦИЯ

В наш прифронтовой городок я вернулся вечером, подробно доложил полковнику Решетову о своей встрече с Саврасовым и отправился спать. В эту ночь, как и в другие, был налет вражеских бомбардировщиков. Бомбили и обстреливали одновременно мост, железнодорожный узел, центр города, аэродром и больничный городок.

А через полчаса после отбоя, когда легким туманом задымилось утро, меня вызвал к себе на квартиру подполковник Фирсанов.

Я добрался до его дома по исковыренной бомбами улице. Над городом стлался дым пожаров. Фирсанов расхаживал по двору вместе с комендантом штаба, который ему что-то докладывал.

Ответив на мое приветствие и отпустив коменданта, Фирсанов сказал:

- Ну вот... сегодня наши зенитчики отличились. Сшибли два "юнкерса". Один упал на кладбище, второй - в реку. С одного успел выпрыгнуть парашютист, кажется стрелок...

Полковник Решетов уже побеседовал с ним... Ну, а ты как чувствуешь себя? Как настроение?

Я отлично знал, чему предшествуют такие по виду ничего не значащие вопросы. Знал также (как и другие офицеры штаба), что, если подполковник обращается к подчиненному на "ты", это не проявление панибратства. Отнюдь нет. Это свидетельствует прежде всего о том, что предстоит серьезный, ответственный разговор. Это было таким же обыкновением Фирсанова, как и привычка смотреть, прищурившись, прямо в глаза собеседника.

- Пойдем, - сказал Фирсанов. - Нас ждет полковник.

Решетова мы нашли в кабинете Фирсанова. Склонившись над столом, он рассматривал топографическую карту.

Он обрадовано встретил меня, усадил и продолжал изучать карту.

- Как парашютист? - поинтересовался Фирсанов.

Решетов досадливо отмахнулся.

- Диву даюсь, - проговорил он, - что у вас тут за народ. Будто никогда не видели живого гитлеровца! Сбежались все: из разведотдела фронта, из контрразведки, из политуправления, из редакции армейской газеты...

- Он же все-таки с самолета, - напомнил Фирсанов. - А эта публика не так часто дается в руки.

- Ерунда! - возразил Решетов. - Этой публики сейчас развелось как воробьев на горохе... Мы с Фирсановым рассмеялись. Решетов прошелся по комнате, массируя раненую руку и, спросив меня о том, как летелось, кого успел повидать в Москве, вдруг с нетерпеливыми нотками в голосе сказал:

- Ну, майор Стожаров, рассказывайте! В общих чертах я все уже знаю по шифровкам уральских товарищей. Давайте подробности, подробности!

Я обстоятельно доложил о своем визите к Саврасову, стараясь не упустить ни одной детали. Полковник ставил мне все новые и новые вопросы. Когда я уже иссяк и больше рассказывать было не о чем, полковник на несколько минут задумался, а потом сухо, но сжато как бы подвел итог этой "операции А", как он ее назвал.

- Итак, - начал он, - наши с вами предположения в общем подтвердились. Брызгалов, видимо, действительно только курьер, почтальон, посланный для восстановления связи с затерявшимся в военной суматохе агентом фашистской разведки Саврасовым. Ясно, что для немцев оказались неожиданными и темпы и размах перебазирования нашей военной промышленности на восток. Шутка сказать - как в сказке, возникают там артиллерийские, танковые, авиационные, автомобильные заводы, переброшенные с Украины и Белоруссии, из центральных областей и Москвы. Ясно также, что если до войны главное внимание гитлеровской разведки было устремлено на западные районы и центр страны, то теперь ее щупальца устремятся на восток. Миссия господина Брызгалова, очевидно, один из эпизодов перестройки вражеской разведки, заключил он.

Полковник подошел к столу и наклонился над картой. Подчеркнув что-то на ней красным остро отточенным штабным карандашом, он, не отходя от карты, продолжал:

- А теперь перейдем к другой стороне вопроса. Из показаний Брызгалова - а эти показания в отношении Саврасова подтвердились - явствует, что за линией нашего участка фронта свила свое "осиное гнездо" одна из оперативных групп гитлеровской разведки, руководимая Гюбертом. Эта группа вербует и готовит агентов для переброски через линию фронта, к ней стекается шпионская информация из одного или нескольких районов страны. И вот теперь возникла возможность проведения "операции Б". Итак, майор Стожаров, дело сейчас за вами... Знаете, что мы придумали?

Я отрицательно покачал головой. Мне почему-то не хотелось признаться в том, что я уже предугадывал развитие событий и свою роль в них.

Решетов подробно пояснил свою мысль: Гюберт ожидает возвращения своего посыльного Брызгалова. Он послал его с расчетом на быстрое возвращение. То, что Брызгалов должен был пробираться на Урал, а не в Москву, где ранее находился Саврасов, говорит о том, что Гюберт (или те, кто стоит за ним) в какой-то степени находится в курсе событий. Брызгалов по обстоятельствам, от него не зависящим, вернуться к Гюберту не может. Допустим, что он выбросился из самолета, удачно приземлился, благополучно покинул зону приземления, а вот дальше ему не повезло. На одном из разъездов он сел в поезд, а поезд попал под бомбежку фашистской авиации. Отсюда и пошли все беды. Вагон, в котором ехал Брызгалов, разбило. Брызгалову перебило осколком ногу. Он попал в московскую больницу и лежит в гипсе. Пока срастется кость, времени уйдет много. Брызгалов решил искать выход. И нашел его. Ему удалось связаться с одним из дружков по шайке железнодорожных грабителей. Этот человек скрывался от органов НКВД. Он работал в передвижной вагон-лаборатории на железной дороге, но чувствовал себя неуверенно. Брызгалов снабдил его своими документами, дал немного денег и отправил к Саврасову. Человек этот, с точки зрения Брызгалова, надежный и грамотный. Техник...

- Этот железнодорожник - вы, - закончил Решетов. - И вас же он решил послать к Гюберту. Пароли для перехода вам известны со слов Брызгалова, участок для перехода линии фронта - тоже. Так, кажется мне, может в общих чертах выглядеть легенда.

- Да... - ответил я и спохватился: неудержимые и не признающие никаких границ мысли

витами где-то далеко и опережали содержание разговора.

- Вы слушаете меня, а сами думаете о чем-то? - догадался Решетов.

- Так точно, - признался я.

- Правильно, - одобрил Решетов. - Я изложил только схему задания. А теперь мы хотели бы услышать ваши предложения. Поразмыслите хорошенько и заходите. Мы вас будем ждать.

- Однако долго не раздумывайте, - предупредил Фирсанов. - Железо надо ковать...

- Понимаю, товарищ подполковник, - ответил я вставая. - Много времени мне не потребуется. Я только соберусь с мыслями.

- Вот, вот, - сказал Решетов. - Заходите часика через два. Надо учитывать все, - добавил он. - Давайте поставим себя на место Гюберта. Что бы вы сделали, если бы ваш курьер не вернулся к сроку?

- Послал бы второго, - ответил я.

- Вот! - воскликнул Решетов и поднял указательный палец. - И Гюберт поступит так же. Возьмет да и второго бросит, а тот приземлится более удачно. Это нежелательно... Итак, давайте ваши соображения. Помозгуйте...

Я вышел. В таких случаях всегда ощущается потребность побыть одному. От меня ждали предложений. И они уже постепенно рождались в моих мыслях.

Я спустился к реке и прошел в городской парк, совершенно безлюдный в это раннее время. Я выбрал заросшую аллею, что вела к берегу реки, и уселся на уцелевшую скамью под большой липой.

Густо-синее высокое небо было чистым и безмятежным: по нему медленно скользили едва приметные легкие облачка. Тихо, бесшумно несла свои воды река, и, как вчера, как сотню лет назад, ее шелковый плес солнце разукрасило расплавленным серебром. Утренний ветерок шелестел листвою огромной липы, густая тень которой покрывала почти всю аллею.

Шелест ветерка помогал мне думать. Мозг работал напряженно и четко. Возвращаясь в штаб, я мог предложить уже кое-что, на мой взгляд интересное.

- Ну как? Надумали что-нибудь? - спросил Решетов. - Что ж, послушаем. Присаживайтесь.

Я постарался как можно короче изложить свои соображения. Я пойду к Гюберту вместо Брызгалова. Пока невозможно предугадать, как использует меня Гюберт: он может задержать меня, оставить при себе, а возможно, перебросит обратно для связи с Саврасовым или же с кем-либо другим из своей агентуры на нашей территории. Но любой из вариантов не исключает главного: в период пребывания в резиденции Гюберта у меня могут возникнуть вопросы, требующие или совета, или немедленного решения.

Далее, нам пока неясно, что собой представляет резиденция Гюберта, то ли это разведпункт, то ли школа диверсантов, то ли филиал гестапо, то ли контрразведки. Наконец, мне, возможно, встретятся интересные люди, которых можно будет использовать, или же станут известны сведения о замыслах и планах противника, которые надо будет немедленно предупредить, разрушить. Но, лишенный связи с Большой землей, я буду бессилён что-либо предпринять. А когда я вновь окажусь на Большой земле, все добытые мною сведения устареют и потеряют цену. Стало быть, самый существенный вопрос - это связь с Большой землей. Она должна быть, чего бы это ни стоило...

- Истина, не требующая доказательств! - перебил меня подполковник Фирсанов. - Разведчик без связи - пустой звук. Мы уже думали об этом. Сейчас этого вопроса...

- Минутку!.. - вмешался полковник Решетов и обратился ко мне: - У вас есть предложение?

- Да!

Решетов и Фирсанов переглянулись.

- Предлагаю, - продолжал я, - выбросить в район города, около которого базируется Гюберт, нашего разведчика с радистом. Если мне нельзя явиться к Гюберту с рацией, а это действительно нельзя, значит, следует именно так организовать связь. Я исключаю мысль, что никто из горожан не знает о "хозяйстве" Гюберта. Так не бывает. Кое-кто да знает. И не может быть,

чтобы люди Гюберта, которых более двух десятков, и он сам не бывали в городе.

Бывают... Наша подсобная группа из двух человек - разведчика и радиста - должна осесть не в городе, а где-то вблизи него, с таким расчетом, чтобы связаться со мной. А это уже дело техники. Мы разработаем условия связи, явки, как делали это не раз, и тогда я смогу держать штаб в курсе всех событий.

Решетов встал и быстро заходил по комнате.

- А почему бы в самом деле не поступить так? - сказал он будто самому себе. - Что мы теряем? Абсолютно ничего. А что выигрываем? Много шансов за то, что наладится связь... Майор, мысль ваша работает правильно! И связь с группой вы должны налаживать именно через город. Вам придется найти подходящего человека. Так... так... Все становится на свои места! - Решетов энергично потер руки. (И я заключил, что он не всегда бывает спокойно-уравновешенным человеком, каким казался в первые дни нашего знакомства.) - А есть подходящая кандидатура, чтобы возглавить группу? Через Центр - это долго.

- Есть, - решительно ответил я.

Решетов и Фирсанов вопросительно посмотрели на меня.

- Криворученко... - сказал я.

Фирсанов усмехнулся.

- А кто это? - спросил Решетов.

Ответил Фирсанов:

- Это напарник майора по тылам противника. Опытный товарищ.

- Ага... Совсем неплохо. Где он сейчас?

- Здесь, - ответил Фирсанов.

- А ну-ка, подать сюда Тяпкина-Ляпкина...

Я вышел, передал приказание дежурному и вернулся.

- Вы с ним предварительно беседовали? - поинтересовался Решетов.

- Нет, не получил еще разрешения...

- Он когда-нибудь прыгал с парашютом?

- Нет. Но это дело немудреное, тем более для Криворученко.

Вошел дежурный и доложил, что Криворученко явился.

- Зови его, - приказал Решетов.

Стройный и, как всегда, стремительный, Семен Криворученко вошел в кабинет, отрапортовал и застыл в положении "смирно", глядя прямо в лицо Решетову смелыми, почти дерзкими темно-кариими глазами. Из-под пилотки падал на лоб русый волнистый чуб.

Полковник пытливо всмотрелся в него и без всяких предисловий приступил к делу:

- Необходимо перебросить разведчика с радистом за линию фронта, в неприятельский тыл, для организации связи с майором Стожаровым, который направляется туда с особым заданием. Мы остановились на вашей кандидатуре. Как вы на это смотрите?

Криворученко спокойно ответил:

- Готов, товарищ полковник. Я готов.

Ни один разведчик, как бы опытен он ни был, не может без волнения отнестись к новому заданию в тылу противника. Но лицо Семена оставалось ясным и безмятежным. Да, он был парень с выдержкой...

- Отлично! - сказал полковник, не сводя с него глаз. - Майор сам введет вас в курс дел. Но идти вам придется врозь: вначале майора переправим, а потом уже вас с радистом. Его сухопутьем, а вас по воздуху.

Криворученко весело блеснул глазами и коротко сказал:

- Есть!

- Хорошие у вас хлопцы! - заметил Решетов, когда Криворученко вышел. С такими можно дела делать. - Он наклонился над картой: - Давайте познакомимся с местностью.

- Да, кстати, и решим, куда лучше выбросить Криворученко, - сказал Фирсанов и спохватился: - А как же с радистом? У нас сейчас нет ни одного в резерве.

- Я найду, - успокоил Решетов. - В крайнем случае возьмем из школы молодого. А с вами, майор, мы еще поговорим обстоятельнее. Я должен посвятить вас в кое-какие подробности.

Виталий Лазаревич появился не вдруг. Этим паролем кое-кто уже пользовался. Я, кажется, натолкнулся на старых знакомых. Но об этом расскажу вечером. Не всё сразу. И мы принялись за изучение местности, окружающей резиденцию Гюберта.

5.

ГАБИШ, ДОКТОР, ВИЛЛИ И ДРУГИЕ

Вечером мы с майором Коваленко сидели на лавочке во дворе штаба. Вскоре подошли Решетов и Фирсанов. Решено было поужинать на открытом воздухе. Мы расположились под большим кленом за старым садовым столиком. Наверное, за ним когда-то мирно собиралась жившая здесь семья.

Сегодня в наш обычный пайковый ужин было внесено приятное разнообразие: кто-то из свободных от дежурства товарищей наловил на речке раков, и мы прямо-таки набросились на них.

Когда с ужином было покончено, полковник Решетов приступил к рассказу, который должен был дать мне кое-какие дополнительные данные.

- Как-то летом сорокового года, - начал он, - в городе, где был расквартирован Особый отдел, в котором я работал, грузовая машина ночью сшибла человека. Кто был убит, осталось загадкой: никаких документов на неизвестном не оказалось. Однако под брезентовой курткой убитого была обнаружена портативная и компактная, но большой разрушительной силы мина со взрывателем часового действия, а в подкладке куртки - половинка такой же фотографии, что мы изъяли у Брызгалова. Попытки особых органов расшифровать личность диверсанта (а то, что убитый - диверсант, не вызывало сомнений) так и не увенчались успехом.

Немного времени спустя, тем же летом, к нам поступило интересное заявление. Один товарищ сообщил, что год назад ему, как представителю спортивной организации, довелось познакомиться в одном портовом городе с тренером футбольной команды бразильского торгового парохода, совершавшего рейсы в Советский Союз. Заявитель хорошо запомнил внешность тренера. Это был стройный мужчина лет тридцати, имеющий, как принято говорить, особую примету: небольшой шрам, идущий от середины лба до левой брови. И вот на днях, идя по нашему городу, заявитель вдруг встретил этого иностранца в компании некоего Робуша, работника номерного завода. Но заявителя смутило странное обстоятельство: год назад тренер объяснялся только через переводчика, а теперь он говорил с Робушем на отличном русском языке. Заявитель шел за ним следом два квартала и слышал только русскую речь.

Вскоре мы вынуждены были арестовать Робуша. При обыске у него было изъято закодированное письмо. В нем шла речь о вещах, составляющих большую государственную тайну. Робуш признался, что во время немецкой оккупации Украины в восемнадцатом году он стал агентом немецкой разведки. К разведывательной работе его привлек немецкий офицер в чине капитана, по фамилии Габиш.

- Габиш?! - воскликнул я невольно.

- Да, Габиш, - подтвердил полковник Решетов и продолжал: - После окончания гражданской войны Робуша долго никто не тревожил. Только в тридцать девятом году о нем вспомнила немецкая разведывательная служба, теперь уже гитлеровская. И вот однажды весной, в воскресный день, к нему на улице подошел неизвестный молодой человек, сказал ему несколько слов и попросил зайти в сквер. Это был пароль, который много лет назад дал ему капитан Габиш. Кроме того, неизвестный передал Робушу еще и новый вещественный пароль на будущее - половинку фотокарточки молодой женщины. Вторую половинку должны были предъявлять Робушу как пароль посланцы немецкой разведки.

После этого нам стало ясно, что сшибленный автомашиной диверсант, у которого была обнаружена половина фотокарточки, принадлежал, очевидно, к той же вражеской группе.

Далее Робуш рассказал, что посланца Габиша звали Вилли, что он имел примету - шрам на

лбу, что появлялся он несколько раз.

Во второй свой приход Вилли получил нужную разведывательную информацию и потребовал, чтобы Робуш помог устроить на номерной завод некоего молодого человека.

Этот человек скоро явился к Робушу на квартиру, а затем непонятным образом исчез, будто в воду канул. Робуш описал нам внешность этого молодого человека, и мы поняли, что он-то и есть тот диверсант, который попал под машину.

Далее Робуш рассказал, что Вилли был очень обеспокоен внезапным исчезновением молодого человека и заявил, что должен покинуть город. Он передал Робуша на связь некоему Виталию Лазаревичу Шляпникову, якобы доктору. Познакомил их Вилли в вокзальном ресторане.

Робуш рассказал нам все, что знал о Докторе, но назвать его местожительство не мог.

Вот, пожалуй, и все, что мы узнали от Робуша.

Вилли и Доктор исчезли, и захватить их нам не удалось. Первый исчез бесследно, второй оставил кое-какие следы, но они завели нас в тупик. Когда нам наконец сообщили, что доктор Шляпников Виталий Лазаревич якобы обнаружился в соседнем городе, я туда немедленно выехал. Но, увы, доктора увидеть не удалось. Он успел вовремя смотать удочки. След был утерян, дальнейшие розыски ничего не дали. Можно предположить, что исчезновение и Доктора и Вилли было вызвано одной и той же причиной - провалами Робуша и неизвестного диверсанта. Можно было предположить и другое. По словам Робуша, и Вилли и Шляпников - люди с той стороны, но Вилли - немец, а Шляпников - русский. Оба они, по мнению Робуша, являлись представителями разведывательного органа, возглавляемого Габишем, и, возможно, выполнив свою задачу на территории Советского Союза, вернулись восвояси. Вот и вся история.

Полковник допил свой чай, закурил и продолжал:

- Теперь давайте подведем итоги. Вилли - это тренер, человек со шрамом, фамилия его и местопребывание нам неизвестны. Известно только, что он немец. Далее - доктор, Виталий Лазаревич Шляпников. Он русский, связан с гитлеровской разведкой. Его знают Робуш и, как теперь выяснилось, Саврасов. Первый его видел за год до войны, второй - в феврале прошлого года. Где он находится - вопрос... И наконец, Габиш. Он был капитаном в годы первой мировой войны. Сейчас он может быть генералом. Фамилию Габиша назвал и Саврасов. Габиш вербовал и засылал к нам и Робуша и Вилли. Итак, три лица, связанные общностью дел и одним вещественным паролем. Их имена, майор Стожаров, нужно хорошенько запомнить. Возможно, что ваш визит к гауптману Гюберту повлечет за собой встречу с кем-либо из этой тройки.

- Странно, что в ход снова пущена эта половинка фотокарточки, заметил подполковник Фирсанов. - Ведь двое, имевших этот пароль, провалились - диверсант и Робуш. С точки зрения гитлеровской разведки, этот пароль должен быть, безусловно, исключен - он мог попасть в руки советских органов.

- Вы, конечно, правы, - сказал Решетов. - Но иногда обстоятельства могут заставить пойти на риск. Видимо, иначе нельзя было восстановить связь с Саврасовым.

- Пожалуй, что

и так... - согласился Фирсанов.

- Я ночью уеду, - предупредил меня Решетов, - и мы больше не увидимся в ближайшее время. Все ли вам ясно?

- Ясно, товарищ полковник, - ответил я.

- Ну, это главное. Остальное и для меня в тумане, - признался Решетов. - Помните, вас не оставят в покое, вас станут всячески проверять. Держитесь! Возможны и провокация и шантаж, будьте начеку, настороже, в постоянной боевой готовности, как на линии огня. Знание немецкого языка не обнаруживайте ни в коем случае. Держитесь так, чтобы враги абсолютно были уверены, что вы не знаете их языка. Хочу еще раз подчеркнуть: в предстоящем деле полагайтесь на свою память. Записку, документ, как бы хитро вы их ни составили, можно потерять, они могут подвести и погубить вас, а память надежнейшая

шкатулка!

Я кивнул.

- Трудная задача поставлена перед вами, майор, - заключил Решетов, но я верю, что мы встретимся. Обязательно встретимся! Будьте здоровы, от души желаю успеха! Он крепко, ободряюще пожал мне руку и отпустил меня.

б.

СЕМЕН КРИВОРУЧЕНКО

Утром следующего дня я отправился на дом к Семену Криворученко. Решение о его отправке с радистом для связи со мной было принято окончательно.

Я познакомился с Криворученко в июле сорок первого года в штабе истребительного батальона. Он понравился мне с первой встречи, и я сразу решил, что это настоящий парень. Дальнейшее знакомство подтвердило это. Видно, и я пришелся ему по душе.

В моем общении с людьми бывало по-разному: меня часто покоряли люди при первом же знакомстве, а затем я в них разочаровывался. Случалось и наоборот: вначале человек был неприятен, но потом оказывалось, что я неправ, и у нас возникали хорошие, дружеские отношения. Криворученко я полюбил сразу, с первых дней знакомства. Скоро наше знакомство переросло в крепкую дружбу, которая выдержала все испытания.

Говорят, чтобы хорошо узнать человека, надо съесть с ним пуд соли. Не знаю, насколько применима эта поговорка ко мне и Криворученко. Мы сдружились именно тогда, когда тяжело страдали из-за полного отсутствия соли. Это произошло в январе сорок второго года, когда нас вместе направили с заданием в тыл противника. Мы должны были проникнуть в один из городов Белоруссии, отыскать руководителя разведывательной группы, получить от него важные документы и вынести их на нашу территорию.

Самолеты, на которых нас перебрасывали через линию фронта, должны были совершить посадку на партизанские костры, а идти дальше по своему маршруту нам следовало уже от партизанского лагеря.

Зима выдалась лютая, от жестокого мороза трещали деревья. Помню, стояла холодная лунная ночь с обжигающим ветерком, выжимавшим слезы. Белая даль простиралась впереди. Мы медленно ехали на аэродром по сильно заснеженной дороге, приходилось часто останавливаться, вылезать, помогать вытягивать машину.

В высоком студеном небе бисером мерцали далекие звезды.

Полтора часа мы затратили на дорогу до аэродрома, заметенного снегом. В реденьком сосновом бору, недалеко от деревни, мы наткнулись на торчавший из снежного кургана кусок железной трубы, наподобие самоварной. Из нее густыми клубами вперемешку с мохнатыми искрами вылетал дым. Ветерок подхватывал его и разносил по бору.

Здесь был командный пункт летчиков. Мы спустились по скользким ступенькам, вырытым в снегу, в глубокую землянку и, смертельно уставшие, повалились на топчан.

В землянке гудела железная печурка. Раскаленные докрасна стенки ее излучали страшный жар. Было очень душно, пахло свежесрубленными бревнами, смолой. Разморенные усталостью и теплом, я и Криворученко отказались от ужина и мгновенно заснули.

Нас разбудили перед отлетом, и сонную одурь мы сбросили уже на морозном воздухе. Два самолета У-2 подняли нас в темное небо. На первом летел Криворученко. Поначалу все шло так, как предполагалось. Мы удачно перевалили через передний край фронта, и, только когда до лесного массива, где базировался партизанский отряд, остались считанные минуты лёта, мы попали под многослойный зенитный огонь.

Партизаны не успели сообщить командованию о том, что на нашей трассе, на территории бывшего совхоза, расположился зенитный дивизион гитлеровцев. До этого дня совхоз пустовал и служил летчикам хорошим ориентиром.

Самолет, на котором летел Семен Криворученко, сразу вспыхнул. Был пробит запасной

бензобак. Пламя охватило весь центроплан, и летчик резко повел машину на снижение, пытаясь, видимо, дотянуть до леса.

Летчик моего самолета бросил машину в глубокий вираж. Потом он прокричал мне что-то и показал рукой вниз, за борт. В лесу под нами ярким синеватым пламенем горел подбитый самолет.

Трудно передать охватившее меня чувство отчаяния, злобы и горечи. Все произошло на наших глазах, в считанные секунды, и ни летчик, ни я ничего не могли предпринять. Я готов был плакать от сознания своего бессилия, готов был кричать. А возможно, что я и плакал, и кричал, сейчас уже не помню.

Но, как оказалось, к моей великой радости, Криворученко уцелел и остался жив. Он явился к партизанам на вторые сутки в совершенно неузнаваемом виде: левый глаз его сплошь заплыл, исчез под пухлым кровоподтеком, часть волос, брови и ресницы обгорели, на обеих скулах красовались ярко-багровые пятна. Вместе с Семеном пришел и летчик, который выглядел не лучше. Брови и ресницы его обгорели начисто, на щеке зиял кровоточащий шрам.

- Отделались легким испугом, Кондратий Филиппович, - смеялся Семен. Бывает и хуже.

- Хуже было бы, - сказал летчик, - случись посадка на несколько минут раньше, не в лесу.

Тогда, пожалуй, нам не миновать бы лап фашистских молодчиков.

- Но как вы не разбились? - удивился я. - Как вы посадили горящую машину в лесу?

- Откровенно говоря, - усмехнулся летчик, - я и сам не могу представить себе, как все произошло. Повезло... Я думал, что уже гроб... Он помолчал, сдержанно улыбаясь, и добавил:

- А конструктора "утенка" я бы расцеловал! Это не машина, а сущее чудо! Она словно специально сделана для таких передряг. На любой другой нам был бы каюк...

- Самолет сгорел? - поинтересовался командир партизанского отряда.

- Дотла, - ответил летчик. - Жаль птичку. Уже третья сгорела с начала войны, а меня огонь не берет. Когда ожоги Криворученко зажили, мы отправились по заданию. Здорово тогда мы померзли, поголодали, и все, что ни ели, было несоленым. За шепоткой соли наши советские люди на оккупированной территории ходили за сотни километров.

Из второй ходки в тыл врага мы с Криворученко вернулись совсем недавно. И хотя уже стояло лето, поход оказался не менее трудным. На этот раз нам приказано было проникнуть в район, где не было партизан, и доставить радиостанцию разведывательной группе, проникшей на один из железнодорожных узлов. Мы пробрались через передовую на лесистом участке Западного фронта, углубились на оккупированную территорию и в условленном месте приняли на свои сигналы сброшенный с самолета парашют с прикрепленным к нему грузовым мешком. В мешке были рация, батареи, оружие, боеприпасы, различные продукты, но мы едва успели унести рацию и батареи. Все остальное досталось карателям, которые заметили нас и кинулись в погоню.

Мы попали в тяжелое положение. Еды не было. Был табак, но не было спичек. К счастью, у меня сохранилось увеличительное стекло, так что днем, при ясном солнце, можно было курить и разводить огонь.

Мы бродили две недели по лесным чащобам, измотались, изголодались. В конце концов нам удалось выполнить задание и на обратном пути собрать ценные разведывательные данные для нашего командования, но потом долго пришлось приходиться в себя.

Эти две ходки в неприятельский тыл прочно скрепили нашу дружбу. Между нами установилось то взаимное понимание, без которого немислима работа разведчиков в паре и которое гарантировало нас от всяких случайностей. Я убедился, что Криворученко, одаренный природной смекалкой, обладает именно теми качествами, которые так дороги в разведке. Горячий и шумный, очень энергичный и деятельный, он отличался смелостью, выносливостью, мог переносить любые невзгоды, приноравливаться к любой обстановке и, когда сталкивался с неожиданным, принимать смелые и остроумные решения.

Домик, в котором квартировал Криворученко, стоял на окраине города, над глубоким оврагом с крутыми склонами, поросшими ольшаником. Оба склона оврага были изрыты небольшими пещерами с узенькими лавками, в них население укрывалось от бомбежки. Окруженный

небольшим садиком, домик приветливо и доверчиво смотрел оконцами на улицу. В его старательно протертых стеклах плескалось утреннее солнце.

Меня встретила хозяйка Криворученко - седенькая тихая женщина.

Она отказалась эвакуироваться из города и осталась хозяйничать по дому, заботясь о Семене, к которому привязалась, как к сыну.

Чистота и порядок, царившие в трех маленьких комнатах, были удивительными для этих суровых, беспокойных дней.

Стол под гладкой белой скатертью, кровати, застланные отглаженными кружевными покрывалами, тщательно вымытые полы, много цветов, приятный запах какой-то сушеной травы, и нигде ни паутинки, ни соринки.

- Хорошо у вас! - сказал я, присаживаясь на диванчик.

Хозяйка вздохнула и промолчала. На мой вопрос, где же Семен, ответила:

- По воду пошел. Сейчас явится... Да вот он идет.

В прихожей показался Семен. Он отнес ведра с водой на кухню и вернулся в комнату голый до пояса, босой и, как всегда, веселый.

- Завтракали, Кондратий Филиппович? - спросил он вместо приветствия.

- Не успел, - признался я.

- И отлично! - заметил Семен. - Пока мы будем говорить, мамаша нам что-нибудь сообразит.

Пойдемте в сад...

Он вынес во двор байковое солдатское одеяло и расстелил на траве, в холодке. Мы прилегли и поначалу закурили.

Нам предстояло заранее обсудить, как мы найдем друг друга в тылу врага. Надо было разработать несколько вариантов связи, строго учитывая обстановку и режим в оккупированном городе, договориться о сигналах, условных знаках, паролях. Следовательно, определить четкую линию поведения Криворученко и радиста на первых порах после их прыжка

с самолета. Наконец, наметить примерную точку, где они должны осесть.

Весь день мы говорили, чертили, спорили, соображали.

7.

"АХТУНГ, ПАНЦЕР!"

Спустилась ночь, душная, пасмурная. Безрадостное, сплошь задернутое тучами небо нависало над лесом. Изредка на севере вскидывались сполохи, и после них становилось еще темнее.

Старенький, отживший все сроки пикап с трудом пробирался по ухабистой лесной дороге.

Осторожно, как будто ощупью, водитель вел его на запад, в сторону переднего края, к участку, где мне предстояло перебираться через фронт.

Я и Семен Криворученко сидели друг против друга в открытом кузове, цепляясь за кабину, покачиваясь из стороны в сторону, дергаясь, подскакивая и съезжая с сидений, когда машину клонило набок или встряхивало.

Машина то и дело попадала в выбоины, садилась на дифер, с отчаянным визгом буксовала и, кое-как выбравшись, продолжала свой путь. Часто останавливались. Шофер на мгновение включал фары, освещал дорогу, затем вылезал из кабинки и, посвистывая, шел изучать препятствие.

Когда машина останавливалась, слышалось уханье далеких пушек, нас обступало множество лесных шорохов и звуков. Ночной лес жил своей жизнью, нашептывал что-то одному ему известное и нагонял тоску. Верховой ветер, не приносящий прохлады, раскачивал вершины сосен, и они протяжно и заунывно поскрипывали.

Возвратившись, шофер молча садился за руль, долго заводил натруженный мотор, и мы вновь продолжали двигаться вперед, вглядываясь во тьму, окружавшую нас. Нелюдимо и

жутковато было ночью в незнакомом месте.

- Разбойничья ночь! - проворчал Семен.

Я промолчал. Ночь и в самом деле была неприятная и тоскливая. Даже говорить ни о чем не хотелось.

- Уж не заблудились ли мы? - сказал вдруг Семен. - Что-то долго ползем.

Я не ответил. Я не думал, что мы заблудились. Ехали мы, сокращая путь и выигрывая время, самой прямой и кратчайшей дорогой, которую показали нам на карте товарищи из разведотдела армии. Но как иногда получается, самая короткая дорога превращалась в самую длинную и то, что было так ясно и просто на карте, на местности выглядело необычайно запутанным и сложным.

Около двух часов ночи, с трудом преодолев большой участок лежневки, усталой тонким кругляком дороги через какое-то болото, машина сделала несколько поворотов, с пыхтением и посапыванием вскарабкалась на высоту и остановилась. Мотор вздохнул с хрипом раз-другой и заглох. Запустить его вновь не удавалось, несмотря ни на какие усилия. Мы с Семеном улеглись в кузове и заснули. Наш шофер продолжал возиться. Проснулись мы, кажется, очень скоро от шума заработавшего мотора. Начинался туманный рассвет.

Только в два часа пополудни мы добрались до расположения нужной нам части.

Командир полка - широкоплечий, кряжистый, с открытым и простодушным лицом, немного тронутым оспой, - встретил нас приветливо, посмеялся над нашими блужданиями и немедленно усадил за стол. О цели нашего приезда он был предупрежден еще вчера утром офицером из штаба армии.

После простого, но сытного солдатского обеда, состоявшего из жирных щей и пшенной каши с ломтиками сала мы заговорили о предстоящем деле.

- О вашем переходе кроме меня знают еще двое, - сказал комполка, командир второго батальона и старшина одной из его рот. Оба они люди тертые и умеют держать язык за зубами. По-моему, в вашем деле - это самое важное.

Я кивнул. Он снял фуражку, вытер большим, похожим на салфетку, платком обильный пот с начисто обритой головы и уснул ординарца за кваском.

- Я все продумал, - вновь заговорил он. - Вам повезло. Складывается очень удачная обстановка. Видите ли, что получается, - он вынул из полевой сумки пухленькую карту-километровку, сложенную квадратиком, и бережно расстелил ее на траве, - немцы уже пять суток сряду перед рассветом пытаются выровнять вот этот клин и войти в деревеньку. Вот она. Этот клин не дает им покоя. Мы их не пускали, по зубам давали, а теперь пустим. - Он рассмеялся и подмигнул нам: - Понимаете? Пусть жалуют, потом жалеть будут. А вы в деревне спрячетесь. И ничего особенного в этом я не вижу, поверят: после отхода наших войск в деревне остался прятавшийся гражданский человек. Иногда так случается. Случай редкий, но вполне допустимый... Ну, а о чем и как с ними разговаривать, вы знаете сами, и не мне вас учить.

Он замолчал, так как подошел ординарец. Комполка взял из его рук солидную эмалированную кружку с квасом и выпил ее с жадностью.

Когда ординарец ушел, он продолжал:

- Я уверен, что они и сегодня сунут нос. Вот увидите. Заварушка начнется перед рассветом. Немцы - народ педантичный, они любят порядок: все по уставу, по графику... - Он задумался немного и добавил: - Полагаю, что все утрясется, и ничего советовать не буду. Советов на все случаи жизни не бывает. А теперь пойдемте, я вас познакомлю с комбатом. Да, кстати, посмотрите, так сказать, на театр будущих действий. - Он поднялся с земли, крепкий, сильный, оправил поясной ремень, гимнастерку, надел фуражку и обратился к Криворученко: "А вам, мой друг, придется остаться здесь".

Криворученко встал. Он порывисто протянул руку и посмотрел мне в глаза. Все шло просто, по-деловому, как и должно идти. До этого нам с Семеном приходилось все время бывать вместе: мы вместе перелетали, вместе переходили линию фронта, вместе скитались по вражеской территории, вместе возвращались и отдыхали, а сейчас нас впервые разлучали.

Мне стало грустно. То же, видать, чувствовал сейчас и Семен. Оба мы шли в неизвестность, но шли врозь, предоставленные каждый себе. Он молча смотрел на меня, и его глаза как бы говорили: "Мы еще встретимся. Безусловно, встретимся. И сделаем все, что нужно. На меня ты можешь положиться".

- Что ж, Семен... - нарушил я затянувшуюся паузу. - Давай попрощаемся...

Криворученко шагнул ко мне и сильно обнял. Мы расцеловались.

- Добре! - заметил почему-то командир.

- До встречи, Кондратий Филиппович! - взволнованно проговорил Семен, трясая мою руку. - Я отыщу вас где угодно, хоть в аду. От всей души желаю вам успеха!

- И тебе тоже, - ответил я и предупредил: - Обязательно сделай два-три пробных прыжка с парашютом. Обязательно...

Обоих нас душило волнение.

- Да, да. Прыгну, не беспокойтесь... - заверил Криворученко и обратился к командиру. - Мне подождать вас?

- Да, лучше подождите, - отозвался тот. - Я быстро. Обрато поедете с моим человеком и уже блуждать не будете.

Я пошел следом за командиром и до того пенька, у которого тропинка сразу круто поворачивала, дважды обернулся.

Криворученко стоял у входа в землянку не двигаясь и провожал нас взглядом.

Через несколько минут на лесной тропе нас встретил небольшого роста, аккуратный и подтянутый командир второго батальона с капитанскими шпалами на петлицах. Я сразу обратил внимание на его сосредоточенно-хмурый вид. Ему, наверное, не было еще тридцати лет, но черные волосы на висках уже поблескивали сединой. Темные, немного выпуклые глаза его смотрели спокойно, но в них таилась какая-то неизжитая боль.

Командир полка познакомил нас, и дальше мы пошли втроем.

Комполка на ходу задавал капитану вопросы по службе, тот отвечал коротко и деловито.

Потом речь зашла о моем переходе, и комбат уверенно сказал, что, конечно, немцы и завтра утром вновь попытаются выровнять участок своей передовой.

Лес неожиданно расступился, и нашему взору открылась небольшая деревенька, вытянувшаяся вдоль косогора. По правую сторону понуро и жалко сутулились давно покинутые хозяевами рубленые домики, все казавшиеся на один лад, а по левую - тянулись погреба с присыпанными землей крышами. От деревни веяло нежилым духом. Сиротливо глядели пустыми окнами избы, от частоколов уцелели лишь торчащие колья, на крышах погребов буйно рос бурьян. И не красили обезлюдевшую деревню местами сохранившиеся резные коньки, петухи на крышах, наличники с затейливыми узорами на окнах.

Командир полка протянул руку вперед и сказал:

- Тут и облюбуйте себе местечко для ожидания. Лучше всего забраться в погребок. Надежнее. Но не прячьтесь, а стойте так, чтобы вас можно было сразу увидеть.

Я не понял.

- Видите, в чем дело... - объяснил комполка. - Я по опыту знаю, что гитлеровцы, занимая населенный пункт, как правило, закидывают погреба гранатами. Это надо помнить.

Я кивнул. Совет был полезный.

Комполка обратился к батальонному:

- Кто сейчас в моей прежней землянке?

- Старшина, сержант и парикмахер, - ответил тот.

- Ага... Вот там вы и разместите нашего гостя.

- Есть, - сказал комбат. - Я так и намерен был поступить.

Миновав деревню, мы вошли в лес и направились к большой землянке между четырьмя высокими, с пышными кронами соснами. Землянку покрывал свежий дёрн, под ним - толстые бревна в три наката. Неожиданно прорвавшийся сквозь облака луч солнца, клонящегося к закату, яркой полосой лежал на переднем стояке.

Мы спустились в землянку.

Уже немолодой, с обвисшими рыжими усами старшина считал комплект летнего обмундирования, перекладывая его из одной груды в другую. При нашем появлении старшина бросил счет, вытянулся, привычным движением вскинул руку к лихо заломленной пилотке и по уставу представился.

Это был тот самый старшина, о котором говорил командир полка.

Он назвал себя:

- Пидкова.

Землянка была глубокая, просторная, с широкими и прочными нарами вдоль трех стен. Ее меньшая часть отделялась подвешенными к потолку плащ-палатками. Я заглянул туда: чисто, опрятно. На срубе висело зеркальце и несколько открыток, с которых смотрели знакомые лица киноактеров.

- Временного квартиранта к вам привел, - представил меня командир полка. - Это... гм... военный корреспондент. Прошу любить и жаловать.

- Так точно, - ответил старшина. - Я имею указание от товарища капитана.

- Как только фрицы начнут атаковать, - сказал комполка, понизив голос, - вам, старшина, поручается проводить товарища в деревню и выбрать там погреб поне заметнее.

- Есть проводить в деревню и выбрать погреб...

Мы покинули землянку. Командир полка распрощался со мной, пожал руку, пожелал удачи и, оставив меня на попечение комбата, отправился к себе.

- Есть не хотите? - осведомился капитан.

Я ответил, что уже обедал. Он помолчал, затем, глядя в сторону, тихо спросил:

- В первый раз идете туда?

Я пожал плечами.

- Да, да, - виновато сказал капитан. - Мне не следовало спрашивать. У каждого своё. Я только хотел сказать, что к таким вещам, наверное, трудно привыкнуть. Каждый раз должно казаться, что это в первый раз...

В его словах была правда. Несмотря на тренировку и уже приобретенный опыт, я и в этот раз шел на задание с таким же чувством, с каким шел впервые. Да иначе, видимо, и не могло быть. Очень мало сходного было во всех заданиях, непохожая обстановка и разные обстоятельства сопутствовали каждому из них. Но я опять ничего не сказал. Мы присели на сваленную сосну, закурили. Мало-помалу угасал день, и уже исчез последний закатный луч солнца. Вечер был ясный, но быстро сгущались сумерки, заволакивая все вокруг.

Комбат сказал мне, что эти места - его родина, что вот пришлось воевать здесь - кто мог подумать! - затем он принялся подробно описывать прелести здешних мест...

В землянку я вернулся, когда стемнело и на небе высыпали звезды.

Налицо были все обитатели землянки: старшина Пидкова, маленький курносый сержант и миловидная, лет двадцати, девушка, оказавшаяся батальонным парикмахером. Они сидели за жиденьким столом, с кривыми, крест-накрест, березовыми ножками, и аппетитно уплетали из одного котелка крутую гречневую кашу.

- Як хочете исты, товарищ корреспондент, - предложил мне старшина, то сидайте з нами вечеряти, а як ни, то видпочивайге.

Я есть не хотел и решил отдохнуть. Место мне было уже приготовлено: на нарах постланы две шинели, покрыты плащ-палаткой, а под голову вместо подушки положен противогаз. Я прилег и стал глядеть в низкий потолок землянки. Спать мне не хотелось, хотя в прошлую ночь, в дороге, я спал не больше двух-трех часов.

Старшина старательно облизал деревянную ложку, засунул ее за голенище сапога, выбрался из-за шаткого стола и сказал:

- Видтого козак и гладок, що поив, та и на бок.

Но он лег не сразу, а принялся оправлять коптилку, смастеренную из стреляной артиллерийской гильзы. Он отщипнул черный нагар, подправил фитиль, и в землянке стало чуть-чуть светлее. Затем он лег, а рядом с ним расположился и сержант.

Девушка принялась убирать со стола, что, видимо, входило в ее обязанности, и тут же запела

песню про Катюшу. Она пела все один и тот же куплет, начало песни:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой...

Голос у нее был мягкий, грудной, показавшийся мне вначале приятным, но одни и те же слова песни, повторяемые раз за разом, действовали неприятно, вызывали досаду и раздражали.

Вначале я пробовал мысленно подпевать девушке, мне когда-то нравился мотив этой простой песенки, а потом у меня засосало под ложечкой, и я заерзал на своем жестком ложе.

А девушка все продолжала тянуть одно и то же. Это, видимо, вызывалось какой-то внутренней потребностью и доставляло ей удовольствие. Может быть, пение давало разрядку нервному напряжению. Девушка уже сидела в своем уголке, и по тени на стенке я видел, что она расчесывает волосы.

Старшина не вытерпел.

- Марусь! - с тоской в голосе взмолился он. - Змины пластинку! Хай воны скажутся, твои яблони и груши. Душу прямо вывертае!

- Странный вы человек, товарищ Пидкова, - обиженно отозвалась девушка. - Даже песен не любите!

Старшина вздохнул и ничего не ответил.

- Вот товарищ корреспондент, - продолжала она, - не обижаются же...

Я сделал вид, что сплю, и промолчал, хотя чувствовал, что девушка рассчитывает на мою поддержку.

Тогда она обратилась к сержанту:

- Товарищ Катков, вас беспокоит мое пение?

- Я и не такое могу выдержать... - дипломатично ответил сержант.

Старшина захохотал и закашлялся. Я не вытерпел и тоже фыркнул. Маруся умолкла.

Наступила тишина. Из леса доносилось кваканье лягушек на болоте и унылые крики неведомой ночной птицы.

Я понимал, что мне надо уснуть, чтобы к утру чувствовать себя бодрым. Я пытался уснуть, накрыл ухо фуражкой для уюта, плотно закрыл глаза, старался считать, но из моих попыток ничего не получалось. Сон, особенно нужный сейчас, не приходил. Слишком велико было нервное напряжение. Так случалось всегда, когда я не мог себе отчетливо представить, что ждет меня в ближайшие часы. Приходили и тут же мгновенно улетучивались тысячи мыслей, и ни на одной из них я не мог сосредоточиться. Эти мысли утомляли и не давали спать.

Иногда я впадал в тревожное забытие, потом вдруг вздрагивал от какого-то внутреннего толчка, всматривался в острый язычок пламени коптилки и опять лежал с открытыми глазами, вслушиваясь в тишину. А ее нарушали по-прежнему лишь кваканье лягушек и тоскливые птичьи выкрики. Но почему птичьи? Может быть, это кричит не птица? Может быть, это подают условные сигналы гитлеровские солдаты? Я напряженно вслушивался.

Крик следовал через определенные интервалы, начинался с низкой ноты и кончался высоким, пронзительным воем. Я прислушивался и... незаметно уснул.

Проснулся я мгновенно от гулких и близких разрывов. В землянке стояла кромешная тьма и слышался голос старшины:

- Скорийше, товарищ! Переодевайтесь. Скорийше! Бой иде.

Я вскочил и мгновенно переоблачился в приготовленную заранее одежду синюю косоворотку и старую ватную стеганку. Брюки на мне были солдатские, много раз стиранные, сапоги кирзовые. За пазуху сунул мятую шапку. Чтобы не смущать своим видом бойцов, я накинул на себя длинную плащ-палатку и плотно закутался ею. На этот "маскарад" ушло не более двух минут.

Откинув полог у входа в землянку, я увидел бледное, предрассветное небо. Старшина торопливо запихивал что-то в вещевой мешок и помигивал ручным фонарем.

- Берить ноги в руки и за мной!.. - скомандовал он и выбежал из землянки.

Я последовал за ним. Сердце гулко колотилось в груди, но бежать было легко - я словно не чувствовал веса своего тела.

Немцы вели беглый минометный огонь по расположению батальона. Мины рвались слева, видимо в деревне, взметая комья земли, космы желтого огня, траву и кустарник. Сзади слышались автоматные очереди.

- Сюды... сюды! - звал меня старшина хриплым шепотом. - А то як раз пид вогонь сунемся... - И, круто взяв влево, он кубарем покатился в овраг, замеченный мною вчера.

Мы бежали по дну оврага, продираясь сквозь кусты орешника. Ветви хлестали по лицу. Над нами вверху уже строчили звонкие пулеметные очереди, глуховатые разрывы ручных гранат. Старшина, за которым я следовал по пятам, стал карабкаться по крутому склону оврага. Добравшись до его края, он высунул голову, огляделся и подозвал меня. В нескольких метрах от нас виднелся погреб.

Старшина перевел дыхание, смахнул рукавом пот со лба и подал мне свою большую, теплую и влажную руку.

- Бувайте здоровеньки!.. Ховайтесь пошвидче у погреб. Воны зараз тут будуть... Счастливо! Он скатился на дно оврага и исчез в орешнике.

Я остался один. Надо было скорее укрыться в погребе. Я скинул с себя плащ-палатку, отбросил ее подальше и вылез на край оврага. Я хотел было уже ползти вперед, как вдруг перед глазами вспыхнул ослепительный огонь. Гулко лопнула мина. Осколки ее со свистом разлетелись в стороны, не тронув меня. В ушах остался звон. Я приподнялся и на четвереньках преодолел расстояние, отделявшее меня от погреба. Потом быстро юркнул в распахнутую дверь и скатился по трухлявым ступенькам. В лицо пахло гнилью, сыростью и затхлым воздухом. Уже внизу я присел на корточки и почувствовал, как трясутся ноги. В дверной проем лился бледный, утренний свет. Наверху раздавались хриплые крики, стрельба, тяжелый топот пробегающих людей, а в погребе было тихо, как под водой. Потом грохнул взрыв, и на меня что-то посыпалось. Следом раздался второй, третий. Я вспомнил предупреждение командира полка о том, что гитлеровцы обычно закидывают погреба гранатами. Я не причисляю себя к робкому десятку, но тут сердце мое повело себя не особенно благоразумно. Ему, очевидно, показалось в груди тесновато и захотелось вырваться на свободу.

Я не то чтобы "праздновал труса", но, как выражался Семен Криворученко, немного "труханул". Это не зависело от разума, хотя и разум настойчиво подсказывал мне, что крайне нелепо погибнуть в погребе от вражеской гранаты. Поэтому я поднялся ступеньки на три, прижался к сырой земляной стене и стал ждать. Ожидание показалось мне бесконечно долгим.

Бой шел на убыль, минометный обстрел прекратился, да и автоматные очереди становились все реже. Наконец все стихло.

Я поднялся еще на одну ступеньку, и вдруг в дверях появились два гитлеровских солдата.

Увидев меня, они отпрянули назад, вскинули автоматы.

И один из них испуганным тонким голосом закричал.

- Хальт!

Я замер на месте, невольно всматриваясь в лица врагов и ожидая, что они предпримут дальше. Наступил самый опасный момент. Эти обалдевшие от страха и злобы болваны могли без всяких разговоров тут же пристрелить меня.

- Хенде хох! - приказал все тот же солдат, что был повыше ростом.

Второй добавил по-русски:

- Рукам гору!

Я вскинул руки и в свою очередь громко крикнул:

- Ахтунг, панцер!

Солдаты недоумевающе переглянулись. Потом тот, что повыше, ухмыльнулся, дотронулся пальцем до своего лба и сказал:

- Дер ист воль феррюкт!

- Ахтунг, панцер! - настойчиво повторил я, и собственный голос показался мне далеким, неестественным, принадлежащим кому-то другому. Гауптман Гюберт!

Гитлеровцы вновь переглянулись.

- Мне нужен гауптман Гюберт, - сказал я.

- Раус! - бросил мне высокий и, видя, что я не понимаю его команды, жестами предложил мне выйти наружу. - Шнель раус!..

Я поднялся наверх. Ко мне уже вернулось самообладание, сердце перестало частить, ноги твердо стояли на земле. Самое опасное, кажется, миновало. Если они меня не убили сразу, то теперь, наверное, не станут этого делать. Итак, я уже в стане врагов.

Высокий солдат взял из рук своего товарища автомат, отступил на несколько шагов и предложил

ему:

- Лейбес визитацион!7

Второй подошел ко мне вплотную, быстро вывернул мои карманы и вытряхнул из них пачку папирос, спички, перочинный нож, зеркальце, расческу, носовой платок, мелкие деньги.

Высокий рассовал все по своим карманам.

Затем последовала команда: "Марш!" - и меня подтолкнули.

Когда я сделал несколько шагов, сзади раздался взрыв: один из немцев бросил гранату в погреб, где я скрывался, опасаясь, видимо, что там мог быть еще кто-нибудь.

Мы обошли деревеньку, не встретив на пути ни одного человека, вошли в лес, перебрались по шаткому мостику через протоку с черной водой, спустились в пустой ход сообщения, глубокий, в полный рост человека, и наконец вышли в тыл гитлеровской части.

Тут царило оживление - волокли станковые пулеметы, минометы, несли на носилках раненых. Вокруг офицера стояли несколько солдат, и он отрывистыми фразами давал им какие-то указания.

Мы проследовали дальше, не вызвав к себе никакого интереса, и остановились возле землянки с толстенным бревенчатым покрытием. Высокий конвоир куда-то ушел, а второй остался сторожить меня. Он уселся на крышу землянки, свесил ноги и закурил.

На востоке, за стеной леса, небо становилось все румянее и вот-вот должно было показаться солнце. Негустой туман плыл над поляной, по которой сновали немцы.

В землянку один за другим забежали четыре солдата и, побыв там немного, выскочили.

И до чего же смешно мне было после вспоминать о своих нелепых думах в эти минуты ожидания! Я только что избег смертельной опасности. Еще полчаса назад нельзя было предвидеть, что со мною будет. Я оказался в совершенно новой для себя обстановке. Правда, мне не раз приходилось бывать в тылу врага. Но я бывал либо один, либо со своими, и если входил в соприкосновение с фашистами, то только для того, чтобы бить их, стрелять в них... Сейчас я находился среди врагов как пленный, но вместе с тем и как "свой" - по той роли, которую я с этого момента уже должен был играть. Сейчас все зависело от каждого моего слова, поступка, движения, мимики... А на какой мысли я сейчас себя ловил? Я думал... о своем перочинном ноже, который попал в карман высокого солдата. Смешно, но это так: думал о ноже, сожалел, что захватил его с собой в эту ходку и потерял навсегда. Нож этот мне подарил начальник связи полка еще в финскую войну. Вернее не подарил, а дал взамен портсигара, полученного от меня. И ничего особенного этот нож не представлял собой - обычный нож, каких сотни и тысячи, а мне было жаль с ним расстаться...

Ожидание возле землянки затянулось. Мой караульный принялся уже за вторую сигарету, а я, глядя на струйки табачного дыма, глотал слюнки. Хотелось курить и хотелось есть. Я знал по опыту, что голод возвращается вместе со спокойствием и уверенностью в себе. Я пожалел, что отказался вчера ночью от гречневой каши, предложенной старшиной.

Наконец вернулся высокий солдат, и меня сейчас же втолкнули в землянку.

За столом, сложенным из снарядных ящиков, сидел младший лейтенант, окруженный множеством телефонных аппаратов. Они попискивали на разные голоса, и этот лейтенантик едва успевал хватать трубки. Он почти ничего не говорил, а только называл себя и что-то записывал в толстую тетрадь.

Мне показали на перевернутый ящик. Я сел. Конвоиры вышли, а вместе с ними безвозвратно исчез и мой перочинный нож. Я вспомнил о нем в последний раз и еще раз пожалел, что взял его с собой.

Прошло, должно быть, еще минут двадцать, прежде чем в землянку ввалился тучный обер-лейтенант с бледным жирным лицом и трубкой во рту. Он прилично владел русским языком и приступил к допросу. Узнав, что я иду на встречу к гауптману Гюберту, и услышав пароль, он понимающе подмигнул и поинтересовался, как удалось мне так удачно проскочить на их сторону. Я объяснил, что три дня ждал в деревне, в погребе, удобного случая для перехода. Обер-лейтенант спросил мою фамилию, имя, отчество, возраст и записал ответы в записную книжку.

Младший лейтенант не обращал на нас никакого внимания - телефоны одолевали его.

- Подождите меня здесь, - сказал обер-лейтенант, собираясь покинуть землянку.

В эту минуту тишину на передовой сменила пальба. Дружно застучали пулеметы, захлопали мины, густо застрекотали короткие автоматные очереди.

Обер-лейтенант прислушался, приподняв белые брови, пососал потухшую трубку и, бросив мне: "Я сейчас", быстро вышел из землянки.

Бой разгорался, огонь усиливался, и мне вспомнились слова командира полка: "Пусть жалуют, потом жалеть будут".

Минут через десять - пятнадцать обер-лейтенант, потный и задыхающийся, ввалился и предложил мне следовать за ним. Мы не шли, а бежали лесом: обер-лейтенант впереди, а я следом, пока не выбрались на до рогу. В стороне от дороги стоял испятнанный маскировкой лимузин "Адлер".

Обер-лейтенант усадил меня на заднее сиденье, рядом с каким-то полусонным лейтенантом, а сам пристроился возле шофера.

Машина тронулась и побежала на запад.

У самой переправы через реку нас догнал мотоциклист. Он промчался вперед, соскочил с седла и поставил мотоцикл поперек дороги. Мы остановились. Обер-лейтенант открыл переднюю дверцу. Мотоциклист передал ему объемистый пакет и сказал по-немецки:

- Русские отрезали наших в деревне. Майор убит.

- Доннер веттер! - выругался обер-лейтенант и в сердцах сильно хлопнул дверцей.

Дремавший лейтенант произнес только одно слово

- Ферфлюхт!8 - и вновь задремал.

Машина понеслась по накатанной дороге, поднимая за собой облако пыли.

Я не знал, куда меня везут, и не хотел обращаться с расспросами к обер-лейтенанту. Я знал только, что углубляюсь в логово врага и что каждый оборот колеса приближает меня к Гюберту и его "осиному гнезду".

8.

ЧЕЛОВЕК СО ШРАМОМ НА ЛБУ

Ночь тянулась томительно, казалось, что ей не будет конца. Машина медленно пробиралась по лесной дороге. Я уже потерял представление о времени и не делал больше попыток уснуть.

А мой сосед, очень флегматичный и неразговорчивый субъект, не терял времени понапрасну и спал. Правда, спал он довольно чутко: стоило машине остановиться хотя бы на минуту, как он просыпался и осведомлялся, приехали ли мы наконец на место или все еще находимся в пути. Но стоило машине тронуться, как он вновь погружался в сон, и его похрапывание

вторило урчанию мотора.

Наконец на одной из остановок обер-лейтенант, не сказав ни слова, покинул свое место и, сделав шаг от машины, растворился в темноте. Шофер тоже вышел, откинул капот и принялся возиться в моторе.

Сосед мой проснулся, зевнул и опросил по-немецки:

- Кажется, приехали?

Никто ему не ответил.

Он поерзал на месте, побряхтел и опять завалился на бок.

Я открыл дверцу и вышел. Машину плотно обступал лес. Я всмотрелся в темноту и через некоторое время заметил очертания двух небольших домиков, проступающие на фоне леса сероватыми пятнами. В одном из них сквозь неплотную маскировку пробивался чахлый огонек.

От долгой и почти непрерывной езды шумело в голове. Тело ныло от усталости.

От голода сосало под ложечкой, хотелось курить... "По-свински обращаются со своими кадрами господ гитлеровцы", - подумал я усмехнувшись.

Знобкий ветерок, предвестник осени, шелестел по лесу. Я решил уже вернуться в машину (в ней было теплее), но тут показался обер-лейтенант и предложил следовать за ним.

Мы направились к домикам. Возле одного из них бродил часовой. Обер-лейтенант вполголоса сказал ему что-то, и мы вошли в дом.

Дом состоял из одной просторной комнаты и освещался плашками. Воздух был наполнен копотью, сигаретным дымом и запахом давно не мывшихся людей. В комнате находилось четверо немцев - все солдаты. Один из них разговаривал по телефону, а остальные вытянулись, отдавая честь вошедшему офицеру.

Когда солдат у стола положил трубку, обер-лейтенант обратился к нему:

- Ну выяснили?

- Так точно. Продолжать путь дальше на машине невозможно. Дорога никуда не годится.

Приказано отправить утром на подводе.

- На какой подводе?

- Подвода пойдет от нас в город за продуктами.

Я сообразил, что речь идет о моей дальнейшей транспортировке.

Обер-лейтенант подтвердил мою догадку, сказав:

- Завтра утром вас доставят к гауптману Гюберту. Тут уже недалеко.

Я кивнул головой.

- Леген зи зихь! Руен зи зихь аус! - обратился ко мне солдат.

Я сделал вид, что ничего не понял, недоуменно пожал плечами и посмотрел на обер-лейтенанта.

Тот сказал мне по-русски:

- Ложитесь на скамью и отдыхайте до утра.

Ничего другого в эту минуту я и не хотел. Войдя в душную комнату, я сразу почувствовал страшное утомление и неодолимую потребность лечь. Не ожидая вторичного приглашения, я направился к узкой скамье, врезанной в бревенчатую стену, и улегся.

Обер-лейтенант и солдат разговаривали. Речь шла о заправке машины на дальнейший путь и о заезде куда-то. Обер-лейтенант сказал, что ему потребуется не меньше тридцати литров бензина. Солдат ответил, что бензин выдаст, но попросил расписку.

Обер-лейтенант вынул из офицерской сумки блокнот, написал на листочке оправдательный документ и вручил его солдату. Затем они вместе покинули комнату.

Почему я до сих пор помню эти ничтожные мелочи? Видимо, несмотря на страшную усталость, автоматически действовал мозг разведчика: он фиксировал каждое слово, каждое движение вокруг...

Трое оставшихся солдат тихо, вполголоса говорили. На меня наваливалась дремота, но все же и полусонный я уловил фамилию Гюберта. Усилием воли я заставил себя вслушаться в разговор и понял, что гауптман Гюберт еще не вернулся и его ожидают под утро.

Мысли мои путались, я погружался в приятную теплоту, и сон быстро одолел меня. Спал я беспокойно. Напряжение прошедших суток сказывалось. Я видел бесконечную вереницу тяжелых бредовых снов. То мне чудилось, что я окружен где-то в городе кучкой гестаповцев. Им якобы отлично известно, кто я.

Они смеются мне в лицо. Потом они опутывают меня толстой и жесткой веревкой и толкают в спину раз, другой, третий, наконец мои ноги теряют опору, я лечу куда-то в бездну и с придушенным криком просыпаюсь. Солдат, который дежурит за столом

у телефона, смотрит на меня, трое остальных храпят на скамьях вдоль стен. Я лежу несколько секунд с открытыми глазами и засыпаю вновь. И вновь меня давят кошмары.

Проснулся я от толчка. Передо мной стоял пучеглазый солдат. Жестами он предлагал мне подняться. Я вскочил. Уже занималось неяркое утро. Оба окна были настежь открыты, и комната наполнена прохладой. Солдат жестами пригласил меня к столу. Я выпил какую-то бурду, напоминающую кофе, и съел две твердые галеты.

Затем мы вышли из дома. В лесу деловито, по-хозяйски постукивал дятел и звонко перекликались иволги. Я быстро осмотрелся. Домики, рубленные из сосновых бревен, стояли на краю просторной поляны. Над входом в избу, в которой я провел остаток ночи, красовалась небольшая аккуратная вывеска. На ней желтым по черному было написано: "Форстерей" - по-немецки и "Лесничество. Опытная станция" - по-русски.

"Странное лесничество", - подумал я.

Солдат вывел из сарая пару тяжелых лошадей с мохнатыми ногами и впряг их в укрытую под навесом повозку. Два других солдата сидели на крылечке и острились, покатываясь со смеху. Их громкий смех и взвизгивания врываются в торжественную тишину окружавшего нас чудесного лесного утра. Я прикусил губу...

Под застрехой навеса шумно копошились и отчаянно чирикали воробьи. Пучеглазый солдат ткнул в застреху штыком, и оттуда сорвалась испуганная воробьиная ватага.

Мы тронулись.

Повозка запрыгала по лесной кочковатой дороге. Я подложил под себя побольше влажного свежескошенного сена, уселся поудобнее и стал разглядывать своих спутников.

Это была все та же тройца солдат, которая ночевала в избе. Все они были по виду нестроєвые и, наверное, обозники. У того, что правил лошадьми, запомнилась мне широченная, жирная спина и отвислые плечи. Пучеглазый, разбудивший меня, был худ и тщедушен. У него было желтое лицо, и он производил впечатление больного человека. Никто из них не обращал на меня никакого внимания.

Восход солнца застал нас в пути около небольшого болотца. Над ним держался плотный голубоватый туман, сквозь который пробивались солнечные лучи. В болотце плескались нырки.

Дорога спустилась в низину, под копытами лошадей захлюпала грязь.

За поворотом дороги открывалась лесная опушка. Тут устроили привал. Расположились, не выпрягая лошадей, у давно покинутого избяного сруба. Сруб стоял, как отшельник, у стены леса, покосившийся, посеревший, обросший мхом, с прогнившей щепной крышей.

Рассохшаяся дверь висела на одной петле, вместо окон зияли проемы.

Я заглянул в нутро сруба. Общипанная старая ворона, хозяйничавшая там, с тревожным криком метнулась в оконный проем, перепугав солдат.

На опушке, залитой еще холодным солнечным светом, мы почистили обувь и привели в порядок свою одежду.

Меня угостили сигаретой, и я закурил - впервые на чужой стороне. Потом мы вновь уселись в повозку и тронулись дальше.

Лес все больше дичал и приобретал мрачно-торжественный вид. Густые, пышные кроны сосен сплетались вверху, образуя подобие плотного, почти непроницаемого шатра, сквозь который с трудом пробивались лучи солнца. В таких местах и в самый солнцепек царят полумрак и прохлада.

Пошла песчаная дорога. Она вилась между медно-красными стволами, делая замысловатые

повороты.

Из слов, которыми обменивались солдаты, я понял, что недалеко до жилья. И верно: вскоре лес стал редеть, в просветах между деревьями замелькали строения. Лошади приободрились и перешли на рысь.

На развилке дорог повозочный решительно свернул влево и вывез нас на светлую, большую поляну. Я увидел несколько больших рубленых домов, тесно сбившихся в кучку и обнесенных тремя рядами колючей проволоки. На ней были развешаны фанерные дощечки с крупными надписями: "Ахтунг! Минен!" "Внимание! Мины!"

Повозка остановилась у ворот, возле которых прогуливался часовой. Над воротами висели таблички: "Вход воспрещен!", "Предъяви пропуск!"

За домами и за проволочной оградой виднелся детский гимнастический городок: невысокий турник, горка, шведская лесенка, бум, столб для гигантских шагов, а за городком начинались густые заросли красного папоротника. Над крышами домов провисала длинная радиоантенна. Я смотрел, стараясь запомнить каждую мелочь.

Пучеглазый солдат вступил в переговоры с часовым. Тот дернул за конец проволоки, болтавшейся на воротах, и где-то мелодично забренчал колокольчик.

Я спрыгнул с телеги, прошелся и почувствовал, что ладони рук стали влажными. "Нехорошо, - подумал я. - Это признак волнения, а волноваться мне не полагается. Подтянись, держись молодцом!" Я был твердо уверен, что нахожусь у ворот "осинового гнезда" И я не ошибся.

В ответ на звон колокольчика последовал резкий свисток, и часовой пропустил пучеглазого на территорию "Опытной станции".

Солдат поманил меня рукой, и мы, пройдя за проволочную ограду, подошли к большому дому. Зеленый пышный лишайник, напоминающий жатый бархат, густо покрывал его нижние венцы. Солдат открыл на себя тяжелую дверь, обитую войлоком, пропустил меня вперед и вошел следом. Мы оказались в просторной, чисто подметенной комнате с голыми бревенчатыми стенами. У окна за столом сидел плотный унтер-офицер, занятый делом, которое его, видно, очень занимало: ученической ручкой с пером он гонял по столу большого жука-носорога. Жук пытался удрать, но унтер его не пускал. Выведенный из себя жук злился, временами останавливался, свирепо топоришил надкрылья и поднимался на дыбки, издавая при этом какой-то шипящий звук. Унтера это очень радовало. Он так увлекся травлей жука, что даже не обернулся при нашем появлении.

Писк телефона прервал его развлечение. Он схватил трубку, вскочил с места, загремев стулом, и, оглянувшись на меня, отбарабанил кому-то:

- Хир унтер-офицер фон динст Курт Венцель... Яволль, эр ист хир. Цу бефель!9

Он подошел ко мне и принялся выворачивать мои уже до него опустошенные карманы.

Я не услышал скрипа двери и шагов, и поэтому невольно вздрогнул, когда позади раздался глуховатый, словно из сундука, голос:

- Это вы, что ли, к господину Гюберту?

Вопрос был задан по-русски.

- Так точно, - ответил я и обернулся.

Передо мной стоял, широко расставив тонкие ноги, обтянутые бриджами, хлипкий пожилой человечек довольно уродливого сложения. Измятый мундир топорищился на нем. Лицо человечка с большим лбом и водянисто-мутными глазами было вдоль и поперек изрезано глубокими морщинами. Руки он держал в карманах.

Я смотрел на него, а он бесцеремонно, с любопытством разглядывал меня.

Покачиваясь с пяток на носки и склонив набок свою маленькую головку, он задал второй вопрос:

- Где вы ночевали?

Я оглядел короткие голенища его сапог, едва доходившие до икр, и ответил, что спал в лесу, в избе под вывеской "Лесничество".

- Ага... - протянул человечек. - Понятно... Пойдемте, я вас проведу.

Я сразу определил по его речи, что имею дело с русским. Кем он был, как сюда попал, какую

роль выполнял, пока было трудно сказать. Предатель, по всей видимости.

Мы вышли, оставив унтера с жуком и пучеглазым солдатом, моим конвоиром.

Пересекая наискось небольшой двор, я заметил, что дома - их насчитал шесть - стоят в определенном порядке, образуя нечто вроде буквы П, и что, кроме домов, здесь сохранились и всякие подсобные служебные постройки.

Дом, к которому меня подвел человек, стоял на высоком кирпичном фундаменте, был обшит тесом, украшен желтыми резными наличниками и выглядел свежее остальных.

Внутренне волнуясь, я следовал за своим провожатым. Ведь я был у самой цели своего путешествия. От того, какое впечатление я произведу с самого начала, должно зависеть многое.

Мы поднялись по ступенькам на крыльцо, обнесенное перилами, миновали прихожую. Пол ее был застлан ковром, на круглом столике, покрытом цветной бархатной скатеркой, стоял графин с водой; к глухой стене прижался диван. В первой комнате, видимо столовой, я успел разглядеть большой стол, окруженный стульями, посудный шкаф, картины на стенах. В следующей комнате за письменным столом стоял немецкий офицер в чине капитана, в полной военной форме. Я взглянул на него и только невероятным усилием воли сохранил на лице маску равнодушной готовности ко всему, которую напялил на себя со вчерашнего утра.

Передо мной был не кто иной, как "Вилли", тренер футбольной команды, о котором рассказывал полковник Решетов. Шрам! Шрам на лбу, идущий к левой брови...

Несмотря на уже значительный опыт в разведывательной службе, меня всегда поражали такие совпадения, когда в известной степени умозрительные, еще не проверенные агентурные данные вдруг воплощались в реальную действительность. Какое-то сообщение мало осведомленного человека, сделанное когда-то, вдруг облекалось в плоть и кровь. "Вот что значит особая примета для разведчика!" - мелькнуло у меня в голове.

Гауптман пронизывающе смотрел на меня прозрачными, стального оттенка, блестящими глазами. Взгляд у него был режущий, твердый.

Я ждал.

Наконец гауптман Гюберт - а это был он - произнес по-немецки первую фразу:

- Что вам угодно здесь?

Я пожал плечами и сделал вид, что не понял ни слова. Гюберт продолжал сверлить меня холодным взглядом. Потом он вышел из-за стола, прошелся по комнате, внимательно осмотрел меня сбоку, сзади и уже по-русски спросил:

- Каким языком владеете?

- Кроме русского, никаким, - ответил я.

Гюберт остановился против меня. Теперь я рассмотрел его лучше.

Он был старше меня, высок, статен и, надо отдать должное, даже красив. У него было удлиненное лицо с высоким лбом, немного тяжелый подбородок, надменные, со злым и острым изломом брови, прямой нос, тонкие, резко очерченные губы и суровые линии у рта. Хорошо приглаженные волосы были разделены косым пробором. Весь облик гауптмана говорил о воле и решительности.

Подойдя к столу, Гюберт вынул из портсигара сигарету, закурил. Все это он проделал размеренными движениями человека, вполне уверенного в себе.

Несмотря на высокий рост, походка его была мягкой и гибкой, даже несколько крадущейся.

- Чем могу служить? - спросил он, элегантно жестом вынув папиросу изо рта.

- Я к вам от господина Саврасова.

Гюберт искусно изобразил на лице недоумение и, прищулив один глаз, поинтересовался:

- От какого Саврасова?

"Начинается... - подумал я. - Начинается экзамен на разведчика".

- От того инженера Саврасова, к которому вы послали Брызгалова, пояснил я.

Гюберт продолжал курить, смотрел на меня с непроницаемым лицом и после новой, долгой паузы спросил:

- Вы знаете Саврасова?

- Да.
- Брызгалова?
- Тоже.
- Кого же вы узнали раньше? - И я почувствовал режущий взгляд его глаз.
- Брызгалова. Он послал меня к Саврасову.
- Когда вы появились на нашей стороне?
- Вчера на рассвете.
- Каким путем?
- Отсиделся в деревенском погребе и перешел передовую по паролю: "Ахтунг, панцер! Гауптман Гюберт!"
- С приключениями?
- Без приключений.

Гюберт ставил вопросы резко, точно командовал. Я старался отвечать на них возможно быстрее и лаконичнее.

- Вас допрашивали?
- Да. Со мной говорил офицер на передовой, владеющий русским языком.

Гюберт сдвинул брови и отдал распоряжение моему провожатому:

- Полный туалет, новую экипировку, накормить - и ко мне...

Это он сказал по-немецки.

- Пойдемте, - пригласил меня провожатый.
- Беседу продолжим, - предупредил Гюберт.

"Кажется, не поверил ни одному моему слову, - подумал я. - Самое страшное впереди".

Но хорошо, что дана передышка. Любая передышка давала мне возможность подумать, взвесить вопросы, сопоставить их, попытаться уловить их общую тенденцию. Что ж, скрестим шпаги, поборемся. Хотя... эта же передышка продолжала держать меня в крайнем напряжении.

Мой провожатый отвел меня в домашнюю баньку, где я отлично помылся. Затем я облачился в чистое трикотажное белье, надел подобранный по росту синий шевиотовый костюм ("Как у Брызгалова", - подумал я), получил демисезонное драповое пальто, полдюжины носовых платков, две пары белья, несколько галстуков, кепи, фетровую шляпу и шерстяной шарф. Долго не мог подобрать ботинки - все были велики, но в конце концов подобрал и их.

Меня побрили, подстригли и отвели в столовую. Я с удовольствием позавтракал, уничтожил добрый кусок ветчины, порцию горохового супа с сосисками и запил все кружкой сносного кофе.

После завтрака тот же провожатый сразу отвел меня к Гюберту. На этот раз хлипкий человечек ограничился тем, что ввел меня в комнату, и тут же ретировался.

Мы остались с глазу на глаз.

И вот тут, кажется, начался настоящий разговор.

Гюберт усадил меня против себя и спросил:

- Ваша настоящая фамилия?
- Хомяков.
- Расскажите подробно, как вы перешли линию фронта?

Я подробно рассказал.

- Что просил передать Саврасов?

Я передал информацию, полученную от Саврасова (предварительно прошедшую цензуру полковника Решетова), и добавил, что Саврасов просил передать привет от Виталия Лазаревича.

- От какого Виталия Лазаревича?

Хотелось сказать, что от того, которого Гюберт знает лучше меня, но ответил, конечно, другое:

- Это мне неизвестно.
- Почему Саврасов решил послать ко мне вас? - полюбопытствовал Гюберт.

- Меня послал не Саврасов, а Брызгалов.

- Слушаю, говорите, - потребовал Гюберт.

Я объяснил, что Брызгалов не мог вернуться обратно по обстоятельствам, от него не зависящим. Он приземлился благополучно, в подходящем, безлюдном месте спрятал парашют и удачно выбрался из зоны приземления. Он шел уже по маршруту, но через три дня его постигло несчастье. Стремясь побыстрее добраться до Урала, где жил и работал Саврасов, Брызгалов на станции Лебедянь пристроился на товарный поезд. Этой же ночью около одного из разъездов поезд подвергся налету немецких бомбардировщиков. В вагон, на тормозной площадке которого ехал Брызгалов, угодила бомба. Брызгалов получил тяжелое ранение и контузию: ему перебило осколком ногу повыше колена; вместе с другими его подобрали и увезли в Москву, в больницу.

Гюберт потер переносицу, подумал и спросил:

- Долго ему придется лежать?

- Пожалуй, да.

- Документы его уцелели?

- И документы и деньги. Деньги были в крупных купюрах, занимали мало места, и его мешок не привлек к себе внимания.

Я хотел добавить еще что-то, но Гюберт перебил меня:

- Откуда вам известны все эти подробности?

- От самого Брызгалова.

- Но вы же заявили при первой беседе, что не знаете его!

Я сообразил, что Гюберт пытается запутать меня. Я отлично помнил каждое сказанное слово.

Поэтому я разрешил себе усмехнуться и спокойно проговорил:

- Вы ослышались. Я не мог так заявить. Ведь меня прислал Брызгалов.

- Допустим, - заметил Гюберт (к чему это относилось: к тому, что он ослышался или что Брызгалова я знаю, - предоставлялось судить мне). - Как вы его узнали?

Вот тут мне и пришлось во всех подробностях изложить подготовленную нами версию.

Смысл ее сводился к тому, что Брызгалов, еще до войны знавший меня по некоторым "общим делам", вызвал меня из больницы через смазливую санитарку и попросил съездить к Саврасову. Он вручил мне часть фотокарточки, передал пароль и пообещал по возвращении пять тысяч рублей. Предложение показалось мне соблазнительным, я отправился на Урал, встретился с Саврасовым, получил от него информацию и вернулся. Тогда Брызгалов предложил мне перейти линию фронта, что отвечало моим тайным желаниям.

- И вы согласились? - спросил Гюберт прищурившись.

- С Брызгаловым шутки плохи, - сказал я. - И потом... мне угрожала мобилизация в армию.

- Он дал вам деньги?

- Нет, - сердито ответил я. - Он послал меня к вам и сказал, что со мною расплатитесь вы.

- Но ведь вы знали, что у него есть деньги?

- Он сказал, что должен передать их Саврасову. И он поклялся, что вы заплатите вдвое больше, если я доберусь до вас. Он даже хотел дать записку, но потом передумал: опасно...

Гюберт помолчал, кривя рот в усмешке и разглядывая меня.

- Он мне соврал? - спросил я.

Гюберт встал, вышел из-за стола, пересек неслышно комнату и остановился у окна. Он о чем-то думал.

Я ясно оценивал положение свое и Гюберта. Я был в более выгодном. Чтобы обстоятельно проверить меня, требовалось долгое время. Очень долгое. А временем в условиях войны Гюберт не располагал.

Он стоял в молчании несколько долгих минут, потом прошел на свое место и задал новые вопросы: кто я, чем занимаюсь, где служу, как оправдаю свое отсутствие на службе, когда вернусь домой.

Я рассказал о себе все, что требовалось, и объяснил, как думаю оправдать свое отсутствие. Я подчеркнул, что эта версия разработана вместе с Брызгаловым и сводится к следующему. По

долгу службы мне часто приходится выезжать на дистанции. Недавно мне поручили выехать на один из прифронтовых железнодорожных узлов для работы в бригаде специалистов по устранению неполадок, мешающих продвижению грузов к фронту. Я поехал и исчез. А потом, когда вернусь, расскажу на службе, что немцы предприняли на этом участке наступательные операции, и я оказался у них в тылу. Во избежание плена, пользуясь теплой погодой, я вынужден был некоторое время скрываться в лесу вместе с другими окруженцами. Мы дождались удобного момента и перешли на свою сторону. Никто сейчас не в состоянии проверить моих показаний, и мне должны поверить на слово.

Гюберт выслушал меня не прерывая, вынул из стола свернутую карту, подал мне и сказал:

- Покажите этот железнодорожный узел.

Я развернул карту и, увидев немецкие надписи, сказал:

- Мне по ней трудно ориентироваться. Нет ли у вас русской?

Конечно, у него оказалась и русская. Он достал ее, и я показал ему железнодорожный узел, действительно оставленный недавно нашими войсками.

Гюберт угостил меня сигаретой. Сигарета была крепкой. Легкий туман заволок мой мозг; можно было подумать, что она чем-то начинена.

- А как у вас относятся к людям, которые невольны, вот так, как вы, попадают на неприятельскую сторону, а потом спустя некоторое время возвращаются? - с оттенком иронии спросил Гюберт.

Беседа, продолжавшаяся уже второй час, начинала приобретать острый характер.

- К сожалению, косо смотрят, - ответил я. - В старые времена это считалось в некотором роде геройством. К таким людям относились, как и к попавшим против воли в плен, довольно снисходительно. Сейчас же другое дело.

- На вашей служебной карьере это не отразится?

- Не думаю. Теперь много окруженцев. Я вернусь в полном порядке, сохранив документы.

Кроме того, что мне до карьеры? Я ведь по чужому паспорту, долго это продолжаться не может. Плевал я на их карьеру!

- А Саврасов сидит прочно?

- Как я его понял, довольно прочно.

Гюберт постучал по столу пальцами с выхоленными отполированными ногтями и предложил новый вопрос, к которому я был подготовлен.

- А какие у вас разногласия с Советской властью? В чем вы не поладили? Почему вы решили вдруг стать нашим другом? - спросил он.

Я помедлил с ответом. Потом, раздумывая, сказал:

- Да никаких особенных разногласий не было...

- То есть?

- Так, не было. Мне просто нет до них дела. Это политика. А я всегда держался дальше от политики. Самое главное - деньги. Я их старался делать. При Советской власти дельцом трудно быть. А мне нравится быть деловым человеком, знаете ли. Крупные барыши, вообще - частная инициатива... Пришлось пуститься в рискованные операции, привлечь брызгаловскую публику...

- Охотились за железнодорожными грузами? - усмехнулся Гюберт.

Я промолчал.

- Так... хорошо, - сказал Гюберт и решительно поднялся.

Я тоже встал и понял, что беседа окончена. Да и пора уже было.

- Вам придется все, что вы мне сказали, - предупредил он, - изложить письменно.

Я кивнул.

Гюберт снял трубку телефона и потребовал к себе обер-лейтенанта Эриха Шнабеля. Положив трубку, он сказал:

- До города недалеко, с километр, но я поселю вас здесь.

- Как вам угодно, - заметил я.

- Так будет и вам и мне спокойнее. Но со временем я разрешу вам бывать в городе. Это

совсем невредно.

- Хорошо, - согласился я.

- Вы бывали в этом городе?

- Да, раза два-три, но очень давно.

- Примерно?

- Лет десять назад.

- Тогда это не страшно.

Вошел обер-лейтенант и вытянулся перед Гюбертом. Гюберт приказал ему поместить меня в отдельную комнату, зачислить

на довольствие, обеспечить бумагой, ручкой, чернилами, выдать несколько пачек сигарет и тут же очень спокойно, не меняя выражения лица, добавил по-немецки:

- Повесить его. Сегодня же ночью. Я ему ни в чем не верю.

- Яволль, герр гауптман! 10 - ответил обер-лейтенант.

Призвав на помощь всю свою волю, я поклонился Гюберту и, повернувшись, пошел к выходу. Ноги мои двигались автоматически, независимо от желания и воли.

"Повесить! Сегодня же ночью повесить!.." Удар был неожиданный и страшный. И это после того, как разговор принял вполне дружелюбный характер.

Мы вышли, пересекли двор и оказались в столовой, где я уже завтракал. Мне подали обед, но я не хотел есть. На несколько минут я поддался настроению, вызванному безвыходностью своего положения. Поддался внутренне. Внешне я, кажется, "не терял вида". А это - главное. Натренированные нервы не выдали. Я беру себя в руки. Ведь я "ничего не понял". Это - основное правило моего поведения здесь. Все должно выглядеть так, будто я действительно ничего не понял, не подозреваю. Я сделал несколько физических упражнений, чтобы привести себя в норму, прошелся вокруг стола, пытаюсь восстановить нормальное дыхание. Мой взгляд упал на обер-лейтенанта. Он сидел в кресле, откинувшись назад, и пристально смотрел на меня. Признаюсь, что, погруженный в свои переживания, я на несколько минут совершенно забыл о существовании этого молодчика. Мне казалось, что я один в комнате, тем более, что Шнабель сидел неподвижно. И тут молнией пронзила меня мысль, от которой мне снова стало жарко. Зачем он здесь? Почему он так испытующе смотрит на меня? И тут же создание дает ответ: не потому ли, что он проверяет меня и хочет знать, понял ли я приказ Гюберта, то есть знаю ли я немецкий язык? И мгновенно, почти одновременно, другая мысль: а может быть, все это провокация, но наивная, рассчитанная на слабые нервы? Мысли несутся вихрем. В самом деле, если меня решили повесить всерьез, потому что не доверяют или имеют улики против меня, мне неизвестные, то зачем же проверять, к чему? Что это может дать, если судьба моя решена? Ровным счетом ничего. Если окажется, что я понимаю язык, то Гюберт получает добавочный сильный довод не доверять мне и, следовательно, покончить со мной. А если проверка покажет, что я действительно не знаю языка, то может ли это обстоятельство смягчить мою участь, послужить поводом для отмены вынесенного приговора?

Мысль работает лихорадочно. Логика говорит, что приказ Гюберта эксперимент, провокация. Чувствую, что появляется лучик надежды. Может быть, не все потеряно. И тут же новая мысль, новый страх: может быть, все было хорошо, а я выдал себя именно сейчас, вот в эти самые минуты? И Гюберт, как притаившийся хищник, ждал именно этих самых минут, этого состояния внутренней растерянности своей жертвы. Стоит ли еще маскироваться, если и так все кончено? Нет, бороться до последней минуты!..

Я снова бросаю взгляд на Шнабеля. Тот по-прежнему смотрит на меня. А может быть, прошло и не так уж много времени, как мне показалось? Надо спасать положение. Я делаю еще несколько упражнений, как бы продолжающих прежние, бодро улыбаюсь, одобрительно киваю обер-лейтенанту, потираю руки, медленно, как бы предвкушая еду, подвигаю к себе тарелку с первым блюдом. Надо показать, что я ничего не понял, что я тот же, что и раньше. Медленно нагибаюсь, чтобы распустить шнурок на ботинке. Говорю обер-лейтенанту: "А ботинки мне все-таки не удалось подобрать как следует".

После обеда обер-лейтенант Шнабель провел меня в отведенную комнату и жестами предложил располагаться. Мне все время чудилось, что на лице Шнабеля играет какая-то зловещая улыбка.

Наконец я остался один. Первым делом я сдернул с себя галстук. Туго затянутый и непривычный, он наводил на тяжелые мысли: казалось, что уже накинута петля на шее... Затем я осмотрел свое жилище. Это была небольшая комната с двумя глухими стенами и одним оконцем, смотревшим в лес. Столик, кровать, тумбочка с часами старинной конструкции и очень замысловатыми на вид, старый коврик и три стула составляли убранство комнаты.

В моих ушах отчетливо звучали сухие, бесстрастные слова Гюберта: "Повесить его. Сегодня же ночью". Машинально, по профессиональной привычке, я бегло осмотрел все предметы, находившиеся в комнате: хотел убедиться, не спрятаны ли где-нибудь специальные приспособления для подслушивания и наблюдения за мною. Но ничего подозрительного не обнаружил.

Потом я заглянул в оконце. Между двумя рядами проволоки прохаживался часовой. На дворе уже темнело.

"Повесить!.." Это не то, что "проверить" или "понаблюдать". Это не призрак опасности, а уже сама опасность. Более того, это конец. Конец в самом начале. Но что же мне делать? Как поступить? Я опустился на стул и уставился глазами в пространство. Теперь, когда я остался наедине с собой, я пытался разобраться в своем положении. Казалось, оно безвыходно. Бежать? Нет, не годится... Выйти из этого логова невозможно. Мысль о бегстве, по крайней мере сейчас, до возникновения каких-либо иных, более удобных обстоятельств, следовало отбросить.

А таким ли уж в самом деле безнадежным было мое положение? На первый взгляд - да. Но человеческая натура такова, что человек даже на самом краю гибели не хочет отказываться от надежды на спасение, хотя разум не видит для этого никаких оснований.

Я сказал себе: "Подумай, как поступил бы ты сейчас, если бы ничего не произошло, если бы ты не знал языка и не понял сказанного Гюбертом? Ты плохо спал, устал и, наверное, лег бы сейчас же спать. Именно так ты и должен действовать. Настрой себя внутренне на этот лад". Я походил по комнате, надеясь разрядить нервное напряжение, какого я, кажется, не испытал за всю жизнь. Я заставил себя зевнуть, потянуться, принять вид уставшего человека. Я даже пробурчал себе под нос какой-то мотивчик, хотя он прозвучал довольно неестественно и жалко. Подойдя к кровати, я взбил подушку, не спеша разделся, выключил свет и лег. Я старался делать все так, как делал это обычно: не торопясь, привычными движениями. Но сон был далек от меня. Ведь я все-таки не знал, были ли слова Гюберта подлинным приказом или испытанием.

"Сегодня же ночью". Но ночь велика! Ее с избытком хватит на то, чтобы умереть сто раз. Я улегся на бок. Перед глазами была бревенчатая стена. Свет от качавшегося снаружи на ветру электрического фонаря метался по стене.

Где-то глубоко-глубоко сверлила мысль: "А если это не провокация, не испытание, то чего же ты лежишь? Почему не действуешь? Вставай! Не жди, пока тебе набросят петлю на шею! Еще есть время спасти себя. Окно без решетки, ты можешь им воспользоваться. Лес ты знаешь, как леший... Вставай! Ты же разведчик! А разведчик всегда должен найти выход из положения. Твое задание сорвалось. Но зря жизнь-то губить глупо и ни к чему".

Но я продолжал лежать. Голос искушения не встречал отзвука. Какая-то часть моего сознания сопротивлялась ему. Мое внутреннее "я" было словно ареной ожесточенного боя. На одной стороне как будто здравый смысл, на другой - чувство долга, который еще не был исполнен. Сколько бы раз я ни ходил по заданию в тыл врага, я всегда решал для себя, что должен вести себя так, чтобы после моей гибели родные и товарищи вспоминали мое имя не краснея, чтобы партия была твердо уверена, что я сделал все, что от меня требовалось, или, по крайней мере все, что я мог. А пока я еще не сделал ничего. Ровным счетом ничего.

"Тик-так... тик-так... тик-так..." - монотонно выстукивал маятник, отсчитывая секунды и

минуты. Стук часов был единственным звуком в окружавшей меня тишине. Я вслушивался в него, старался забыть, не думать о том, что уже случилось и что еще случится, и опять почему-то на ум мне пришел отобранный вчера утром перочинный нож. Нелепо, но факт. Мне как-то говорил подполковник Фирсанов, что люди, которые особенно часто сталкиваются с опасностью, способны сильно привязываться к мелким вещам. Я не придавал тогда никакого значения этому замечанию, а сейчас вспомнил и поймал себя на том, что и сам страдаю этой странной болезнью...

Прошел час, другой, третий... Я лежал с открытыми глазами, ощущая все возрастающую боль в затылке. Мысленно я несколько раз умирал и несколько раз вновь возрождался к жизни. Я понимал, что меня стерегут, что я в западне.

Но вот послышались шаги. Они приближались. Я закрыл глаза и, призвав на помощь всю силу воли, стал легонько похрапывать. Кто-то остановился у дверей моей комнаты.

Остановился и, наверное, прислушивается. Пауза затянулась. Наконец в дверь осторожно постучали. Я не шелохнулся и сильнее захрапел. Стук повторился настойчивее. Я не отозвался. Но вот дверь открылась, кто-то вошел в комнату. Щелкнул выключатель, и загорелся свет. Он ударил в глаза сквозь смеженные веки. Я продолжал лежать.

Вошедший легонько коснулся моего плеча, а когда я и на это не реагировал, резко толкнул меня. Тогда я быстро вскочил, сбросил с себя легкое одеяло, сел, свесив ноги, зажмурил глаза и с непонимающим видом уставился на вошедшего.

Это был обер-лейтенант Эрих Шнабель. Он внимательно смотрел на меня, и теперь в его темных глазах я не подметил и намека на усмешку.

Эрих Шнабель жестами и знаками предложил мне одеться и следовать за ним. Сейчас все решится. Неужели конец?..

Но почему он один? Вешать человека не так-то просто! Хотя там, на месте, наверняка будут люди...

И почему-то именно в этот момент ко мне пришло то спокойствие, в котором я так нуждался и которое не раз выручало меня в трудную минуту. Конечно, я попытаюсь... Попробую в последнюю минуту. Вешать меня будут, наверное, в лесу. И как только мне станут вязать руки, я решусь. Другого выхода нет. Даже если вдогонку мне пошлют пулю, и то лучше. Я одевался и обувался не торопясь, тщательно завязал галстук, расчесал волосы.

Шнабель не опускал с меня внимательных глаз, а я усыплял его бдительность и старался изобразить из себя человека, ничего худого не подозревающего.

Мы вышли.

На темном небе, точно изумруды на бархате, трепетали крупные, мохнатые звезды.

Ночь дышала тишиной, покоем, и постукивание электродвижка где-то под навесом казалось нереальным.

Я был очень удивлен, когда Шнабель повел меня не в лес, не к машинам, а в дом Гюберта. Что это - отсрочка или?..

Шнабель вошел в комнату Гюберта, оставив меня в столовой перед закрытыми дверями.

Сердце стучало. И вдруг до моего слуха из кабинета Гюберта донесся разговор на немецком языке. Я вытянул шею, вслушался.

- Ну как? - раздался голос Гюберта.

- Спал, как покойник, - ответил Шнабель.

- Раздетым?

- Да, под одеялом.

- Как держит себя сейчас?

- Ни следа волнения. Я уверен, что он не понимает по-немецки.

- Хорошо, ступайте. Пусть он зайдет сюда.

Я вытер пот со лба, повернулся спиной к двери и вцепился взглядом в старую литографию, висевшую на стене.

Шнабель вышел, впустил меня в кабинет и прикрыл за собой дверь.

Гюберт холодно извинился, что потревожил меня, и спросил:

- Как устроились?

- Прекрасно.

- Если в чем будете нуждаться, скажите.

- Хорошо.

- А сейчас у меня просьба: быстренько напишите свою биографию и принесите мне. И ничего не скрывайте, в том числе и ваши, так сказать, операции с грузами. Утром я должен все отправить. Сколько времени вам надо?

Я ответил, что достаточно получаса.

Было ясно, что в этот поздний час дело не в биографии. Гюберт, решив проверить меня, спровоцировать, теперь хотел воочию убедиться по моему поведению, знаю я немецкий язык или нет.

Кажется, он убедился. Первый тур боя решился в мою пользу.

Менее чем через полчаса я отнес ему биографию, вернулся к себе и вдруг почувствовал огромную усталость. Эту усталость не снимало и радостное сознание победы: я не совершил ничего опрометчивого, удержал себя от неверных шагов, в общем - разгадал уловку врага и не поддался ей.

Но следовало сделать выводы. Начало не предвещало ничего утешительного. Решетов был прав: меня будут, конечно, проверять еще и еще. Гюберт не успокоится, будет расставлять новые ловушки. Надо выдержать и не оступиться. Надо добиться абсолютной естественности и точности всех своих действий, обдумывать каждый шаг, каждое слово, даже взгляд. Так, и только так! Мое возбуждение было настолько сильным, что я не мог заснуть. Мысль рвалась вперед, стремясь приоткрыть завесу, скрывающую будущее.

9.

ОПЫТНАЯ СТАНЦИЯ

Прошло пять суток моего пребывания на Опытной станции. Пять суток, очень похожих друг на друга и в то же время неодинаковых. Чем-то они отличались. Ощущение новизны уже исчезло, и наблюдений было достаточно, чтобы немного разобраться в обстановке.

Убедившись, по-видимому, в том, что я не знаю языка, окружающие не соблюдали в моем присутствии должной осторожности, и я чутко прислушивался к разговорам обитателей станции, жадно схватывая каждое слово. Так я узнал главных действующих лиц спектакля, участником которого стал сам. Я убедился, что руководит Опытной станцией гауптман Вильгельм Гюберт. Помощником его был Отто Бунк, но его я еще ни разу не видел. Из обрывков разговоров, подслушанных мною, можно было понять, что Бунк находится в командировке. Функции коменданта выполняет обер-лейтенант Эрих Шнабель. Хилый человек, первым заговоривший со мной по-русски, носит фамилию Похитун и является шифровальщиком. По всему видно, что с гитлеровцами он связан давно и чувствует себя здесь своим человеком. Унтер-офицера, дразнившего жука-носорога, звали Курт Венцель. Есть еще радист Раух, есть фельдшер, повар, шоферы, солдаты и еще кто-то, кого я пока не знаю ни по должности, ни по фамилии. Из того, что Опытная станция расположена в сравнительном отдалении от фронта, за чертой города, в лесу, нетрудно было заключить, что это конспиративный пункт гитлеровской разведки, который готовит и забрасывает специальных агентов на нашу территорию. Возможно, что некоторые из этих агентов, подобно мне, проходят подготовку и содержатся здесь, а другие размещены в городе. Наличие собственной приемно-передаточной радиостанции убедительно свидетельствовало, что этот центр имеет где-то своих радистов-корреспондентов, с которыми поддерживает регулярную связь. Вероятнее всего, эти корреспонденты в свое время были переброшены за линию фронта, в наш глубокий тыл, удачно осели там, собирают разведанные и сообщают

их Гюберту. Станция, видимо, работает по определенному расписанию, в чем нетрудно было удостовериться за это время.

Сделанные мною выводы и наблюдения, еще требующие уточнения и проверки, подтверждались кое-какими деталями. Например, за эти дни станцию несколько раз посещали офицеры-летчики. Они приезжали одиночками и группами, уединялись с Гюбертом и вызывали шифровальщика Похитуна и радиста Рауха. Я пришел к заключению, что летчики являются к Гюберту за получением разведывательной информации.

То, что это "осиное гнездо" прикрывается вывеской лесной Опытной станции, могло вызывать удивление лишь у людей неосведомленных. Я отлично знал, что подобные разведывательные точки, укрывающиеся под различными наименованиями, вроде "опытная станция", "лесничество", "контора по вывозке древесины", "скипидарный завод" и так далее, разбросаны по всему тылу фашистского фронта - от севера и до юга.

Что гитлеровских разведчиков не устраивает близость передовой и что они сторонятся крупных населенных мест и размещают свои пункты вдали от них, тщательно маскируясь, было вполне закономерно.

Первые два-три дня я был переполнен радостью от того, что самое страшное миновало. Я ловил себя на том, что гордился собой, что сознание долга и ответственности оказалось сильнее чувства страха за собственную жизнь. А ведь как точил меня червь-искуситель, как толкал он меня на неправильный шаг! А что бы стало со мной, если бы я не выдержал и учинил преждевременный побег? Провал всего дела и неизбежная гибель.

Провокация, подстроенная Гюбертом, явилась для меня серьезным экзаменом.

Все последующие дни я упражнялся в осторожности, выдержке, наблюдательности, следил за каждым своим шагом и тренировал себя.

О прогулках в город, обещанных Гюбертом, разговор больше не заходил, а я умышленно не напоминал. Решил ждать.

Все эти дни я усердно сидел над составлением доклада Гюберту. В докладе я должен был письменно повторить все, о чем говорил устно. Надо было сделать так, чтобы и то и другое сходилось, чтобы не было ни одной подозрительной щели, в которую можно было бы просунуть палец. Конечно, доклад также являлся проверкой. И не только проверкой, но и документом, которым в случае "измены" меня могли бы изобличить.

Утром, встав чуть свет, я на свежую голову внимательно репетировал доклад до той поры, пока не смог повторить его наизусть.

После завтрака, к которому мне впервые дали порцию разведенного спирта, я попросил Гюберта принять меня и вручил ему свое произведение. Гюберт полистал его, бегло просмотрел и ничего не сказал. Отпуская, он предупредил, что сегодня вечером со мной, возможно, будет беседовать шеф, полковник Габиш, которого он ожидает.

Габиш! Это имя я впервые услышал от Саврасова, а затем от Решетова. Итак, Габиш уже полковник.

События продолжают стремительно разворачиваться, количество действующих лиц - увеличиваться. Происходила своеобразная реакция: я медленно, но верно, подобно газу или жидкости, проникал в другой, чужой мне организм.

Когда я возвращался от Гюберта, меня перехватили Похитун и унтер-офицер Курт Венцель. Похитун заговорил со мной и объяснил, что Венцель приглашает меня совершить прогулку по лесу. Он, мол, хочет познакомить меня с окрестностями Опытной станции.

В чем дело? То ли Венцелю специально поручили сделать мне такое предложение, то ли он проявил собственную инициативу и просто ищет себе попугайчика для прогулки? От прогулки я не отказался. Мне уже опротивело торчать за провололочной оградой, стала надоедать моя комната. Не имея ни газет, ни книг, ни радио, я чувствовал себя отрезанным от мира.

Прогулка меня вполне устраивала. Она давала также возможность познакомиться с окружающей местностью. Конечно, я предпочел бы экскурсию в город, а в провожатые - Похитуна, который интересовал меня больше, нежели немец Венцель, выполняющий обязанности одного из дежурных.

Я отправился в лес с унтер-офицером Венцелем.

Увядал золототканый осенний наряд. Меркли краски: буро-желтые, оранжевые, пурпурные, алые. Осень доживала свои последние дни. Стояла та пора, когда вода в реках темнеет, густеет и замедляет свой бег. Крылатые караваны начинали покидать наш край. На юг острыми уголками тянулись вереницы гусей, длинными пунктирными строчками улетали утиные стаи, по ночам в темном небе прощально и печально курлыкали журавли.

Мы шли хорошо протоптанной тропинкой: Венцель впереди, я - следом. Минут через двадцать в просветах между деревьями блеснула голубоватая гладь озера. Оно было знакомо мне по карте, я знал его название. Оно действительно выглядело очень живописным, окаймленное песчаным берегом и гигантскими, мачтовыми соснами.

Прогулка заняла три часа, но все удовольствие мне испортил Курт Венцель. Этот здоровый, неуклюжий детина, с физиономией цвета свежей говядины, с бездумными и прозрачными, как стекла, глазами, оказался невероятно самодовольным и прилипчивым типом.

Ему пришло в голову использовать нашу совместную прогулку для обучения меня немецкому языку. И я еще раз подумал: действует ли он по заданию или по собственному наитию? Я склонен был остановиться на первом. Возможно, что проверка продолжалась иными средствами. К такому выводу я пришел потому, что настойчивость Курта Венцеля никак не соответствовала его флегматичному самодовольному виду.

С немецкой педантичностью он не дал мне за все время прогулки ни одной минуты покоя. Показывал на воду, небо, землю, птиц, различные деревья, травы, тропу, предметы своего и моего туалета, спички, зажигалку, ручку, записную книжку, называл их по-немецки и требовал повторения всех этих слов. Я скрепя сердце, страшно уродуя, повторял их. Тупое и самоуверенное выражение лица Венцеля, его манера говорить и смеяться вызывали у меня глухое раздражение.

Я хотел сосредоточиться, побыть наедине с собственными мыслями, тем более что меня ожидало свидание с полковником Габишем, а Венцель досаждал своим уроком, требовавшим большого внимания, чтобы нечаянно не выдать себя.

Черт бы взял его, этого педагога!..

Я был несказанно рад, когда мы повернули обратно.

Венцель показал мне участки земли вокруг Опытной станции и дал понять, что мины, там заложенные, могут взорваться даже от прикосновения к ним птицы.

Ничего утешительного для себя я в этом не нашел, хотя это было очень важно знать и могло пригодиться. Но может быть, он просто пугал меня или указывал на безопасные участки земли, скрывая заминированные?

Войдя во двор, мы увидели две автомашины - комфортабельный лимузин и открытую штабную, стоявшие впритык к воротам и покрытые маскировочными сетками. Значит, полковник Габиш был уже здесь.

Мы сразу отправились в столовую, где нас ждал обед. Я рассчитывал, что меня уже ждут и вот-вот вызовут, но я был приглашен в дом Гюберта только вечером.

Гюберт и Габиш ждали меня в комнате, обставленной под гостиную. Габиш картинно полулежал на диване, облокотившись на тугой валик. Это был тучный человек лет под шестьдесят, с широкой, жирной грудью и с крупным гладко выбритым мрачным лицом. Жесткий стоячий воротник мундира подпирал его отвислые щеки и уже дряблый тройной подбородок. Его темные, полуприкрытые тяжелыми веками глаза смотрели внимательно и сосредоточенно.

Гюберт в форме, облежавшей его фигуру, как лайковая перчатка руку, расхаживал по комнате. Я, перешагнув порог, остановился и представился.

- Очень приятно, - ответил Габиш и указал мне на стул, видимо специально поставленный как раз против дивана.

- Расскажите полковнику обо всем, что вы рассказали мне, - предложил Гюберт.

Габиш подтвердил это легким кивком головы.

Я сел, положил ногу на ногу и приступил к рассказу. Я пересказал тот доклад, который сдал

сегодня, сделав для разнообразия перестановку кое-каких фактов и деталей, не меняющих целого.

Габиш благосклонно слушал меня, не прерывая, и изредка снисходительно кивал головой. Его глаза все время были полузакрыты и, как мне казалось, затянуты мутноватой пленкой. Когда я кончил, Габиш стал задавать вопросы. Говорил он по-русски с сильным акцентом, неправильно. Но, как бы там ни было, мы отлично понимали друг друга без помощи Гюберта.

Габиша интересовало многое. Он ставил передо мной самые разнообразные вопросы, которые совершенно не затронул до этого Гюберт. Ему хотелось знать, сможем ли мы, то есть я, Брызгалов и Саврасов, подобрать пригодных людей и направить их в Сибирь, в Среднюю Азию, на Урал, на Дальний Восток, можно ли надеяться на приобретение там солидной агентуры. Он не скрывал от меня, что теперь очень важно организовать сеть надежных кадров именно там, куда перебазировалась наша промышленность из оккупированных районов. Далее он спросил, какие железные дороги нашей страны несут сейчас наибольшую нагрузку, как разрешается вопрос со специалистами-железнодорожниками, какие новые линии строятся.

Вопросы ставились хитро и тонко, с определенным расчетом. Можно было заключить, что, с одной стороны, его, как разведчика, интересовали определенные данные, а с другой стороны, он проверял мою осведомленность, мое знание транспорта, работником которого я себя назвал.

Я не пытался делать из себя всезнайку, осведомленным во всех областях. На часть вопросов я отвечал подробно, исчерпывающе, приводя кое-какие цифры, иллюстрируя свои выкладки примерами, на другие вопросы отвечал сбивчиво, признавался, что я не в курсе дела.

Затем Габиш круто изменил направление разговора и спросил меня:

- Ви шифровальный работ умеете?

Я ответил отрицательно.

- Искусство это несложное, - вставил Гюберт. - Обучиться не очень трудно.

- Попытаюсь, если это нужно, - сказал я.

- Вам надо знать не только шифр и код, - добавил Габиш, поправил валик и изменил позу. - Вам надо знать фоторабот, радиоработ, особый техника, специфик-техника.

- Вы понимаете, о чем говорит господин полковник? - обратился ко мне Гюберт, не совсем, видимо, уверенный в том, что все сказанное Габишем дошло до меня.

Я не успел ответить. За меня ответил Габиш. Дернув головой, он резко бросил, повысив немного голос:

- Он все прекрасно понимает! Он человек грамотный...

Гюберт недовольно поморщился, но ничего не сказал.

Наступившее молчание нарушил Габиш. Он спросил меня:

- Что ви будет делайт, когда ми вас не отпускать долго от себя?

Я неопределенно пожал плечами и попросил пояснить, что надо понимать под словом "долго".

Габиш пояснил: "долго" - это два, а возможно, и три месяца, то есть минимальный срок, необходимый для обучения меня радио, фото, шифру и другой технике.

- Ну что ж, - ответил я, - придется выдумать для московского начальства более сложный вариант моих приключений...

Тогда Габиш спросил Гюберта по-немецки, поставил ли он меня в известность о предстоящей поездке к Доктору.

Я, конечно, все понял отлично. Речь, по-видимому, шла о том самом докторе Шляпникове, за которым накануне войны безуспешно охотился полковник Решетов.

Гюберт ответил Габишу, что без него не решился беседовать со мной на эту тему.

Тогда Габиш обратился ко мне и сообщил, что в самое ближайшее время, а точнее - завтра утром надо выехать в один из прикарпатских городов и встретиться там с Доктором.

- Доктор хорошо знает Советский Россия, - заметил Габиш, - он гросс-мастер. С ним ви

будете договориться основательно.

О чем договориться, Габиш не сказал, а я, конечно, не просил пояснений. Я знал, что чрезмерная любознательность в такой обстановке может испортить дело. При встрече с Доктором так или иначе все выяснится. Для того чтобы показать, что я чувствую себя вполне уверенно и спокойно, я задал все же вопрос:

- Я должен буду остаться у Доктора или возвратиться сюда?

- Сюда, обязательно сюда!.. - ответил Габиш и сказал Гюберту по-русски: - С поездкой к Доктор не затягивайт. Чем скоро, тем лучше. Обязательно завтра.

Гюберт наклоном головы дал понять, что принял сказанное как приказ.

- А мне вы подробно напишите рапорт вся ваша работ, - предложил мне Габиш.

- О встрече с Доктором?

- Найн, - тряхнул головой Габиш. - Ваша работ Советский Россия.

Я посмотрел на Гюберта и объяснил Габишу, что подробный доклад о себе и лицах, мне известных, я уже написал и вручил гауптману Гюберту. Я не мог допустить, что Габиш не ознакомлен с моим докладом и не знает о его существовании.

- Неважно! - барственно бросил Габиш. - Рапорт сделайте мое имя.

- Хорошо! - сказал я и тут же сообразил, что, располагая двумя моими письменными документами по одному и тому же вопросу, Габиш и Гюберт получают возможность лишней раз проверить меня.

- Вы можете быть свободны, - произнес Габиш, тяжело встал и заложил руки за спину.

Не удостоенный "честь" пожать руку шефу, я поклонился и покинул комнату.

До двух часов ночи я сидел за столом и писал второй доклад. Я передал его Гюберту, так как Габиш уже покинул Опытную станцию.

Рано утром следующего дня меня подняли с постели: вызывал Гюберт. Я быстро оделся и прошел к нему. Гюберт сказал, что меня ждет машина: пора ехать на вокзал. Он вручил мне приличную сумму немецкими оккупационными марками, документы на беспрепятственный проезд к месту нахождения Доктора, небольшой сверток для передачи Доктору и условный телеграфный адрес на случай какого-либо непредвиденного случая в пути.

- В машине вас ждет обер-лейтенант Шнабель, - пояснил Гюберт. - Он вас усадит в поезд.

Вам дают недельный паек, но я думаю, что дорога займет не более четырех суток.

Гюберт назвал мне город, место, где должна произойти встреча с Доктором, описал внешность Доктора, сообщил условный пароль, но не назвал ни фамилии, ни имени Доктора. Получив исчерпывающий инструктаж, я понял, что таинственный Доктор "гросс-мастер" по русским делам - находится сейчас на лечении в курортном городке и что полковник Габиш не склонен вызывать его сюда для встречи со мной. Понял я и другое: о моем визите Доктор, очевидно, будет извещен по телефону или по радио.

- Вы там долго не задерживайтесь, - сказал мне вместо прощального напутствия Гюберт.

- Если это будет зависеть от меня... - Я помялся и спросил, смущенно ухмыляясь: - А как с деньгами? Брызгалов говорил...

- Все в свое время! - сказал Гюберт и проводил меня до дверей.

Час спустя я сидел в накуреном офицерском вагоне. Поезд шел на юго-запад.

10.

В ПРИКАРПАТЬЕ

Я сидел на жестком диване и глядел в окно на оголенные поля, испытывая непередаваемо странное чувство: ехать по родной земле как по чужой, как иностранец, в окружении врагов! Это царапающее, угнетающее чувство не покидало меня.

Гауптман Гюберт был прав - дорога уложилась в четверо суток с небольшим. Маленький, с писклявым голосом паровозик резво тащил небольшой состав к конечной точке моего путешествия.

Устал я изрядно. Путь по сложному маршруту с пересадками в Киеве, Житомире, Виннице и Львове, с толчеей на вокзалах, с неизбежными и частыми проверками документов измотал меня основательно.

Захотелось подкрепиться немного. С утра у меня во рту не было ни крошки. Я открыл небольшой чемоданчик, в который Шнабель уложил продукты, открыл банку голландских мясных консервов и съел их мгновенно.

Потом взял в руки сверток для Доктора, врученный Гюбертом. Прикинул на руке: в нем было не больше двухсот граммов. Всю дорогу мне очень хотелось раскрыть его. И сделать-то это было совсем несложно. В свертке было что-то твердое, видимо какая-то картонная коробочка. Сверток был обернут целлофановой бумагой и перевязан крест-накрест шнурком. С одной стороны просвечивало что-то розовое, вероятно конверт, а с другой - черное. Развязать шнурок и точно так же завязать его - не составило бы никакого труда. Уже несколько раз: и в вагоне, и на вокзалах в ожидании поезда - я подолгу держал в руке этот сверток и почти готов был удовлетворить свое любопытство, но не решался. Не решился и в этот последний раз. Конечно, мне надо собрать побольше сведений

о враге, выведать как можно больше тайн. Но вряд ли новому человеку, еще не проверенному в деле агенту, доверят пакет, содержащий что-либо важное. Кроме того, профессиональная выучка и логика подсказывали, что сейчас главное для моего дела - это заслужить полное доверие оккупантов. В этом смысл моего пребывания здесь. Было бы глупо воображать, что они больше не проверяют меня. Не исключено, что этот сверток вообще ничего не содержит и служит только для проверки моей надежности. К какому нелепому провалу привела бы моя легкомысленная невыдержанность! Нет, сверток надо оставить в покое.

Путешествие окончилось. Поезд уткнулся в тупик возле крохотного, аккуратного вокзальчика. Здесь кончалась железнодорожная ветка. Пассажиры, схватив свои пожитки, ринулись к выходу. Я почти последним вышел на перрон и, обойдя здание вокзала, оказался на небольшой площади, вымощенной брусчаткой.

Здесь было намного теплее, чем там, откуда я приехал. Вдали четко рисовались Карпаты, покрытые у подножия бурыми пятнами лесов. Над горами нависали многоэтажные белые хребты облаков.

С чемоданом в руке и плащом, перекинутым через плечо, я зашагал по узенькой мощеной улице. Она спускалась вниз и у здания телеграфа упиралась в другую улицу. Все точно соответствовало плану, данному мне Гюбертом. Я повернул налево. Потянулись жилые дома вперемежку с санаториями. Я шел по незнакомому городу, не желая прибегать к расспросам. Уже который раз приходилось проверять свою способность ориентироваться в незнакомом месте.

Городок был невелик. Но люди в штатском выглядели здесь белыми воронами: повсюду на улицах, в скверах, на балконах и открытых верандах расхаживали или сидели солдаты и офицеры гитлеровской армии. Тут были представлены все чины и все рода войск. По случаю воскресенья и хорошей погоды никому не хотелось, очевидно, сидеть в четырех стенах.

Улочка, по-прежнему идущая под уклон, привела меня к городскому парку. Когда я вступил на центральную аллею, из музыкальной раковины ударили звуки марша. Играл духовой оркестр. Под навесом у ресторана офицеры стучали бильярдными шарами.

Я осмотрелся. Гюберт, очевидно, не раз бывал здесь и обрисовал мне маршрут четко и ясно. Покинув центральную аллею, я свернул на более узкую, обсаженную старыми, раскидистыми липами, ведущую в глубь парка. Глядя по сторонам, я не заметил, как аллея сошлась с обычной дорогой и парк перешел в лес. Под березами и кленами лежали опавшие, позолоченные осенью листья. Справа осталась деревянная будка, укрывавшая целебный источник. Далее, возле дороги, на небольшом мраморном пьедестале высилась статуя женщины немного меньше человеческого роста. Она была в тунике и глядела слепыми глазами куда-то в пространство. Все это были ориентиры, названные Гюбертом. Я шел правильно.

Сырая, прорезанная глубокими колеями, вся в рытвинах, лесная дорога взяла круто в гору, и я оказался на площадке, сдавленной со всех сторон деревьями. На ней, окруженный металлической изгородью, стоял памятник Адаму Мицкевичу. Я был у цели. В моем распоряжении оставалось еще двадцать минут. А если бы я опоздал сегодня, встреча должна была состояться в это же время завтра.

Я никогда не считал себя склонным к особой чувствительности, но памятники людям, покинувшим наш мир и оставшимся жить в наших сердцах, всегда вызывали во мне какое-то волнение и неопределенную грусть. Так было и сейчас. Я сел на неотесанный камень, лежащий в сторонке и неведь зачем занесенный сюда, и долго смотрел в неживые глаза великого певца польского народа.

...Мне имя - миллион. За миллионы
Несу страдание свое.

Как сын глядит безумным оком,
Когда отца ведут на эшафот,
Так я гляжу на мой народ,
Ношу его в себе, как носит мать свой плод...

вспомнил я слова поэта-борца, и мне стало не по себе. Разве не кощунство вот здесь, у памятника этого великого человека, встречаться с каким-то "доктором", матерым прислужником фашистов? И единственным утешением была мысль, что я нахожусь здесь для борьбы с этим врагом...

Доктор оказался аккуратным. Когда стрелки на моих часах показали ровно пять, появился человек в темной шляпе, сдвинутой на лоб и закрывающей лицо, в коричневом макинтоше, с тяжелой тростью в руке.

Доктор вышел на площадку и спокойным, размеренным шагом направился ко мне. Я продолжал сидеть. Доктор взял трость под мышку, достал портсигар и вынул сигарету. Это - условный знак.

В двух шагах от меня он остановился и спросил:

- Простите! У вас нет спичек?

Я встал, сунул руку в карман и, вручая ему коробку, ответил:

- Спички всегда при мне.

Зажигая и раскуривая сигарету, доктор внимательно всматривался в меня, очевидно сопоставляя мой внешний вид с приметам, сообщенными ему Гюбертом.

Возвращая спички, он сказал:

- Я вижу, вы приезжий.

- Да.

- Нескромный вопрос: издалека?

- С Опытной станции.

- С Опытной лесной станции?

- Совершенно верно!

- Прекрасно! - воскликнул доктор, бесцеремонно взял меня под руку и повлек с пригорка. - Я вас сегодня не ждал, на всякий случай пришел. Долго ехали?

- Четверо суток.

- Ого! И напрасно. Совершенно напрасно. Надо было лететь, а не толкаться в поездах.

Я промолчал и лишь пожал плечами.

Доктор говорил громко, густым басом. У него было большое, выразительное лицо с широко расставленными глубокими черными глазами, крупный нос с горбинкой и четко очерченные жестковатые губы.

- Вы, кажется, Худяков? - спросил он, когда мы покинули площадку.

- Нет, я Хомяков.

- Да, да, вспомнил, правильно, Хомяков. А вот имя отчество ваше не удостоен чести знать.

- Кондратий Филиппович, - сказал я и, конечно, не поверил, что Доктор спутал мою фамилию и не знал имени и отчества.

- Очень приятно, Кондратий Филиппович, - сказал Доктор, но сам не представился. -

Впервые здесь?

- Да, впервые.

- Нравится?

- Хорошее место.

- Чудное! - воскликнул Доктор. - Чего стоит воздух! А лес! Вы обратили внимание на лес?

Такого леса, как здесь, вы нигде не встретите...

Мы шли рука об руку, бок о бок. Доктор был чуть-чуть выше меня ростом, солиднее по комплекции и, вероятно, старше по возрасту.

- Обедали? - поинтересовался он.

- Нет.

- Отлично! Пообедаем вместе. И остановитесь у меня. Я один как перст. А сейчас, чтобы нагулять аппетит, проделаем небольшой моцион, не вредный в нашем возрасте. Не возражаете?

- Наоборот, приветствую.

- Ну и прекрасно!

Говорил он с бодрыми интонациями, и если притворялся, то надо сказать - мастерски.

- Это все, что у вас с собой? - спросил он, показав глазами на мой чемоданчик.

- Да.

- Молодец! Я сам люблю путешествовать налегке.

Когда мы вошли в парк, я, в свою очередь, спросил Доктора:

- Здесь как будто много санаториев?

- Порядочно. Но это не санатории. Санаториями они именовались недолго, с момента воссоединения с так называемой "ридной Украиной" до июня сорок первого года. А теперь они обрели свои имена, полученные при рождении: виллы, пансионы, отели. Через полгодика можете заглянуть сюда без всякой путевки, а просто с денежками в кармане. Без всякого бюрократизма. Деньги на кон, и вы получите все, что желаете: и лечение, и питание, и разные удовольствия. Мало вам койки - снимайте комнату; мало комнаты - берите две; мало двух - арендуйте целую виллу вместе с поварами, врачами, няньками и кухарками. Вот так, мой друг. Ясно?

- Вполне.

- То-то... Кстати, вы этот подвиг совершили впервые?

- Что вы имеете в виду?

- Визит с той стороны.

- Да, впервые.

- Поздравляю. От души поздравляю,

- С чем?

- С удачей. Часто, по поговорке, первый блин получается комом.

Я должен был согласиться, что бывает и так.

- А мне вы ничего не привезли? - Поинтересовался Доктор.

- Привез небольшой сверточек, - сказал я и хотел было достать его из чемодана.

- Нет, нет, - остановил меня Доктор. - Это не к спеху. Дома... А вы никогда на курортах не бывали?

- Приходилось. Я ведь железнодорожник, раз в год билеты бесплатные...

Доктор начал распространяться о том, какое профилактическое значение имеют курорты даже для людей здоровых, но потом быстро перешел на другую тему и заговорил о событиях на фронте.

Я слушал его и гадал, тот ли это Доктор - Шляпников, о котором я был наслышан от полковника Решетова, или другой, не имеющий к тому отношения. По внешнему виду, по речи и манерам я не решался определить его профессию и в душе завидовал детищу Конан-Дойля, такому психологу, как Шерлок Холмс. Я лишь подметил, что мой новый знакомый отличался живостью характера и, можно сказать, этакой милой непосредственностью. Она

сказывалась хотя бы в том, что он вел разговор без определенной последовательности, и еще в том, что с ним я не чувствовал себя связанным.

Я понимал, что этот стиль может быть искусственным, но далеко не всем это искусство удается. Такой тип, как Доктор, мог сразу расположить к себе человека, забраться к нему в душу, завоевать симпатию.

Мы неторопливо бродили по чистым улочкам города, а через час-другой я имел полное представление об этом курортном местечке. Доктор оказался толковым гидом: он показал мне местные достопримечательности, перечислил все минеральные источники, объяснил их лечебные свойства, рассмешил несколькими местными анекдотами.

Уже вечерело, когда мы подошли к его дому - небольшому коттеджу в стиле "курортной готики", сплошь увитому плющом.

Нас встретила пожилая полная женщина. Доктор попросил ее подать нам обед и представил мне как свою хозяйку, владелицу дома, жену видного украинского националиста, сподвижника небезызвестного Степана Бандеры.

"Рыбак рыбака видит издалека", - подумал я, входя в комнаты, отведенные Доктору. Обе комнаты поразили меня неряшливостью, беспорядком. Постель была не убрана, повсюду валялись окурки, у стен стояли пустые бутылки из-под вина, на диване высился ворох неглаженного белья...

Доктор вел себя со мной запанибрата, как старый знакомый, и посторонний мог подумать, что вот, мол, закадычные друзья встретились после долгой разлуки.

- Вот и моя обитель, друже, - весело сказал Доктор, бросая макинтош и шляпу на комод. - Располагайтесь как дома.

Меня удивило, что Доктор не снял перчатки из серой замши. Он развязал галстук, закурил и плюхнулся на диван, пригласив сесть и меня.

Я раскрыл чемодан, достал сверток - посылку Гюберта - и вручил доктору. Он развязал бечевку, содрал целлофан и извлек из свертка конверт и плоскую коробочку из плотного картона.

Внимательно оглядев ее, он усмехнулся и положил на стол.

- Что ж, - пробормотал он, распечатывая письмо, - будем считать, что экзамен сдан. Вы оказались парнем нужной чеканки. Похвально, похвально! Я сам тоже не из любопытных. Доктор прочел письмо, фыркнул и подал его мне.

- Вам будет невредно узнать о кое-каких чертах характера своего начальства...

Я пробежал письмо. В нем шла речь исключительно об успехах Гюберта на охоте, об убитой дичи, о достоинствах охотничьих ружей... Письмо не представляло никакого интереса.

- Ну как? - спросил Доктор.

- Охота... Занятие полезное... Я тоже с малых лет грешу.

- Угу, - протянул Доктор. - Вы, значит, тоже? Ага... Ну, прошу к столу. - Он сунул руку за спинку дивана и достал бутылку с вином.

Мы уселись за круглый стол. Посередине красовалось блюдо с хорошо зажаренным кроликом.

Доктор наполнил хрустальные стопки и предложил тост:

- Выпьем за осторожность и осмотрительность! У вас были все шансы влипнуть с этим пакетом...

Чтобы не показаться нарочито осторожным, я залпом опорожнил стопку и в душе выругал Доктора за коварство: он угощал чистейшим спиртом. Жидкий огонь мгновенно заструился по жилам. В голове сразу зашумело.

- Забористая штукавина, дьявол ее побери! - воскликнул Доктор. - А что... морщитесь? Если не любите, не пейте! Я не сторонник насилия... А гауптман Гюберт какой-то маньяк. Да, да... Именно маньяк. Расскажите ему о тетеревином выводке, глухаринном токе или берлоге медведя и предупредите, что вся эта прелесть находится где-то у чертей на куличках, - он все равно полезет искать сломя голову. И найдет... Жив не будет, а найдет! Габиш ему давно

накаркал, что когда-нибудь он сам вместо тетерева угодит под партизанскую пулю и из него сделают чучело. А он хоть бы что! Диву даюсь. Человек не глупый, далеко не глупый, а вот с такой странностью. Охотиться во время войны, на чужой территории, где все кишмя кишит этими "патриотами", - это же нелепо, неумно, дико! А попробуйте ему сказать. Ого! Даже не пытайтесь... Ну, а вы зачем ко мне пожаловали?

Я в недоумении положил вилку и, проглотив кусок, невольно улыбнулся:

- Уж вам это лучше знать.

- Ясно, ясно... Доктор должен все знать, все уметь, ничего не бояться, ни от чего не отказываться и никогда не ошибаться. Так повелось. Я к этому уже привык. Иначе...

Что "иначе", он не договорил, выпил очередную стопку, и в его крепких зубах захрустели кроличьи косточки.

Я тоже принялся за еду, размышляя над поведением Доктора. Его откровенность начинала казаться мне неестественной и настораживала. Он ведь мог не говорить мне о том, что посылка была ловушкой, а сказал. Он мог не показывать мне письма, а показал. Зачем? На этот вопрос я не нашел ответа ни сейчас, ни после.

Доктор выпил уже четыре стопки спирта и, кажется, намеревался выпить пятую. Глаза у него помутнели, зрачки увеличились, но речь оставалась связной и логичной. Он обстоятельно объяснил, зачем меня прислали к нему. Все дело сводилось, оказывается, к тому, что в самом недалеком времени, то есть вслед за моей выброской, он также должен появиться за линией фронта. И там мне придется работать под его руководством. Я прислан затем, чтобы подробно проинформировать его об обстановке и возможностях работы на той стороне, обсудить условия и места встреч, разработать средства и способы связи, продумать вопрос о явочных квартирах, дать характеристику людям, которых можно будет привлечь к работе.

- У вас, конечно, остались старые знакомства, - сказал мне Доктор подмигнув.

В ходе обсуждения этих вопросов я пришел к выводу, что Доктор очень неплохо осведомлен о жизни в Советском Союзе и что Габиш не без оснований считает его серьезным специалистом по русским делам.

Доктор обладал хорошей памятью, и хронология важнейших событий в жизни нашей страны прочно держалась в его голове. Он был осведомлен о передвижениях в правительстве, в высшем комсоставе на фронтах, знал наперечет всех командующих фронтами и армиями. В отличие от Гюберта, который слушал сам, Доктор заставлял слушать себя. Это была уже черта характера.

Беседа наша затянулась. Спать легли поздно. Доктор так и не снял с рук перчаток. И спал в них...

11.

ДОКТОР - УБИЙЦА

Утро принесло плохую погоду. Небо было затянуто серыми тучами, и лил нудный, беспросветный дождь. По запотевшим стеклам окон змеились бесконечные струйки. Вдоль круто спускающихся улиц бежали потоки мутной воды.

Весь день мы просидели дома. Доктор не притронулся к спирту. Вчера я счел его изрядным выпивохой, если не хроническим алкоголиком, а сегодня вынужден был изменить свое мнение.

Мы говорили о тех же делах, что и накануне, вдаваясь в мельчайшие подробности.

Доктор сказал, что ему придется прыгать с парашютом, не скрывал и того, что прыжок этот его не радует. Он признался, что к этому виду спорта он питает отвращение гораздо большее, нежели к охоте, но понимает, что прыжок неизбежен.

- Придется прыгать, - невесело сказал он. - Другого выхода нет. Парашют даст возможность избежать встречи с прифронтовыми особыми отделами, разными контрольно-пропускными пунктами и прочими неприятностями.

На инженера Саврасова Доктор возлагал большие надежды, считая занимаемое им положение очень удобным для "чертовски интересных дел".

Потом он спросил мое мнение о Брызгалове. Я охарактеризовал его как хитрого и злопамятного человека.

- Он просто-напросто дурак! - заявил Доктор. - Между прочим, это кандидатура самого Гюберта. Великим людям тоже свойственно ошибаться! - И Доктор задребезжал трескучим смехом. - Я, повидав два раза этого типа, предупредил Гюберта, что Брызгалов глуп, малоразвит, истеричен, что его нельзя допускать к делу. Но уж раз допустили, надо умно использовать. А как на него смотрит Саврасов?

Я объяснил, что Саврасов еще не видел Брызгалова.

- А Брызгалова теперь придется как-то устраивать, после больницы, - с досадой заметил Доктор.

Я сказал, что Саврасов уже беседовал со мной на этот счет, но решение вопроса отложил до встречи с самим Брызгаловым.

- Его надо определить на такое место, где бы он не соприкасался с деньгами и ценностями. Проворует... Мы все любим деньги, но он из-за денег погибнет и нас провалит, - сказал Доктор.

- Может быть, лучше от него отказаться? - предложил я.

- А через кого же держать связь? - удивился Доктор.

- А при чем здесь Брызгалов? - еще более удивился я.

- Как - при чем? Он же радист. Он окончил радиошколу. Не бог весть как успешно, но все же окончил. Разве он вам этого не сказал?

Значит, Брызгалов не все нам рассказал. Он утаил эту деталь, и она меня чуть было не подвела.

- Ничего не сказал. Кроме того, у него нет рации, - проговорил я.

- Неважно. Это уж дело техники. Рацию для него теперь повезете вы.

Так прошел второй день моего пребывания в гостях у Доктора. Третий день был похож на минувший: небо затягивали тучи и лил надоедливый дождь. В комнате стало холодно, и Доктор попросил хозяйку истопить печь.

Доктор по-прежнему был откровенен со мной. Если бы он пытался вызывать на откровенность меня, я счел бы его многословие военной хитростью, но Доктор больше говорил о себе, о своем прошлом и не проявлял никакого любопытства к моей биографии. Я узнал, что он сын русского видного чиновника царской службы, человека состоятельного, владельца богатого имения на Украине. Во время гражданской войны доктор был офицером денкинской, а потом врангелевской контрразведки. Кличка "доктор" стала его вторым именем. Получил он ее в кругах белогвардейцев, потому что в свое время окончил два курса Военно-медицинской академии в Петербурге.

Настоящего своего имени он мне не назвал. Когда я спросил, как его называть, он невозмутимо ответил:

- Так и называйте "доктором"...

После разгрома Врангеля и бегства из Крыма Доктор жил в Турции, Югославии, Болгарии, Польше, Франции, Германии. В эмиграции его услугами пользовались генералы Улагай и Врангель, Кутепов и Миллер. Он сотрудничал с польской дефензивой и с украинскими националистами. Именно через националистов, при содействии полковника Коновальца, он после прихода Гитлера к власти вошел в связь с германской секретной службой.

Доктор не раз нелегально пробирался в Советский Союз, выполняя различные, как он выразился - "деликатные", поручения, и все сходило ему с рук. Жаловал он на нашу сторону под видом транзитника, туриста, корреспондента иностранной прессы, сотрудника Красного Креста.

У него была темная и сложная жизнь белоэмигранта-авантюриста, человека без родины, слуги многих хозяев... Я не заметил, чтобы он гордился своей биографией. Наоборот, в его рассказах нет-нет, а прозвучит нотка циничной издевки над самим собой.

Накануне моего отъезда, за вечерним чаем, Доктор спросил:

- Вы решили, очевидно, после первого вечера, что я завязанный алкоголик, а? Скажите честно. Я сказал честно, что именно так и думал.

- Я догадался. Иначе вы подумать не могли, - заметил Доктор, и лицо его стало хмурым. - А я не пьяница. Но без встряски не могу. Собачья жизнь!.. И один пить не могу. Ни за что. А вот так с кем-нибудь в хорошей компании могу нализаться до чертиков. В тот день, когда вы приехали, мне особенно хотелось выпить, и я был рад вашему приезду. Вы спросите: почему? Я не буду скрывать. Смотрите, любуйтесь! - И он резким движением снял с рук замшевые перчатки.

Я внутренне содрогнулся и отвел глаза. Кисти рук были изуродованы сплошными струпами землистого цвета.

- Красиво?... - со злой улыбкой спросил Доктор и, быстро расстегнув ворот рубахи, обнажил грудь. Там была такая же картина. - Теперь ясно?

Я молчал.

- Нервная экзема. Ест она меня, подлого, как ржа железо. Я не знаю от нее покоя. Но вы не бойтесь, это не заразно, не передается

другим. Это страшная штука... Проклятый зуд может довести до сумасшествия, а когда одурманишь себя алкоголем, зуд пропадает дня на три-четыре, а то и на неделю. Я говорил об этом врачам, они смеются. Говорят, что я внушил себе. Возможно... Вот полковник Габиш и послал меня сюда подлечиться.

- И как? - приди в себя, спросил я.

- Как будто немного лучше.

- А когда это у вас началось?

Доктор ответил не сразу. Он надел перчатки, отхлебнул чая и тихо проговорил:

- Давно... После одной ночи... У меня сдали тогда нервы, как-то сразу, мгновенно. Я влип в неприятную историю. Очень неприятную... Вы не были террористом?

Я отрицательно покачал головой.

- Ну да, вы же были "интеллигентным вором"! Чистенький, Убивал-то глупый Брызгалов. Ну ладно... Так вот: в двадцать девятом году в Белграде мне поручили ликвидировать бывшего врангелевского поручика Якобсона. Он доводился мне дальней родней. Поручили это мне, как бывшему контрразведчику. Военные круги нашей белой эмиграции заметили, что поручик стал быстро "краснеть" и часто посматривал в вашу сторону. Это было опасно - он слишком много знал, этот поручик. Я согласился убрать его, но мне чертовски не повезло. Вместе с ним мне пришлось пристрелить его жену, дочку десяти лет и прихватить за компанию горничную. Другого выхода не было. Понимаете?

Я кивнул, стараясь не выдать охватившего меня волнения.

- Для одного раза это многовато. Или нервы поистрепались... Я, помню, целую неделю ходил как очумелый, хлестал водку. Меня душили кошмары. Я готов был повеситься на первом суке, даже пытался это сделать, но меня успели снять. И вот с этого началось... - Он выдержал долгую паузу и продолжал: - А вообще наше дело собачье! Я так смотрю: если Гитлер своего добьется и удержит за собой хотя бы то, что взял, - мы еще проживем, а полетит он - полетим и мы к чертовой бабушке. Другое дело Гюберт! Ему что? Он ничего не потеряет ни в том, ни в другом случае. Денег он нахватал тьму-тьмущую и обеспечен на свой век. У него в Италии прекрасный особняк, своя яхта, солидный счет в банке. А я? Что я имею за двадцать лет преданной службы? Из крох, которые перепадает, капитала не составишь. Я молчал. Разговор принимал щекотливый характер, и тут легко было поскользнуться. Доктор мог умышленно пересолить, в надежде прощупать мое настроение. Я молчал и продолжал пить чай.

Доктор не ограничился этим и продолжал откровенничать. Я узнал, что до войны он выполнял функции резидента в одном из наших крупных промышленных городов. Узнал также, что он, как и Гюберт, еще в тридцать пятом году начал работать агентом гитлеровской службы безопасности, известной под сокращенным наименованием "СД". Она была

организована в тридцатых годах при имперском руководителе "охранных отрядов" Гиммлере. Доктору дважды довелось встречаться и беседовать в Берлине с самим Кальтенбруннером, обергруппенфюрером СС и начальником службы безопасности, консультировать представителей главного штаба.

Через таких людей, как Гюберт, Робуш и Доктор, служба безопасности пыталась создать на территории Советского Союза активную диверсионно-шпионскую организацию.

Доктор был вызван в Берлин перед самой войной, потом заболел и вот уже полтора года болтается в тылу, консультирует. Теперь полковник Габиш торопит Доктора: надо опять пробраться в Советский Союз, найти потерянных людей, восстановить связи, приобрести новую агентуру в новых районах.

Я, закончив специальную подготовку, должен помочь Доктору в этом. Меня, как я понял, выбросят с радиостанцией, на которой будет работать Брызгалов. На мою ответственность ляжет подбор наиболее удобного и безопасного места для выброски Доктора...

Поздно ночью Доктор проводил меня на вокзал, помог купить билет, усадил в поезд. И я отправился в обратный путь.

12.

ФОМА ФИЛИМОНОВИЧ ПОЁТ

Прошла неделя, как я возвратился на Опытную станцию.

Погода стояла ненастная, злая, с белесо-бурыми туманами и унылыми дождями. Землю пучило от избытка влаги, а дожди - густые и мелкие - всё лили и лили. В заплаканное оконце моей комнаты бились оголенные ветви рябины, и с них беззвучно падали капли воды.

Распутица разъезла все проселочные дороги, и они стали непроезжими.

В свободное время я подолгу стоял у окна, наблюдая, как пузырились и пенились огромные лужи между рядами колючей проволоки, или выходил на крыльцо. Солнце не показывалось.

Сумрачное, свинцовое небо опустилось низко-низко. Рваными лохмотьями, "на бреющем полете" неслись облака, казалось, что они вот-вот зацепятся, за верхушки столетних сосен.

По утрам клочья седого, грязноватого тумана напоздали на строения Опытной станции и обволакивали их, будто мокрой и липкой ватой. Подчас ничего не было видно за пять шагов.

Печей еще не топили. Под навесом кто-то целыми днями колот дрова и выкладывал их ровными поленницами.

По ночам я долго не засыпал, кутаясь в колючее, грубошерстное одеяло и подбирая под себя ноги. Выключив свет, я лежал в темноте с открытыми глазами, отдаваясь своим думам. Ветер свистел за стенами дома, бился в окно, пробирался в печную трубу, тормозил плохо прикрытую дверцу, гремел листом железа на крыше. По комнате, наткаясь на стекла, летала полусонная муха и противно жужжала, а невидимый сверчок тянул свою однообразную запечную мелодию.

Я вслушивался во все эти звуки, в заунывные причитания ветра, и как-то тоскливо и грустно становилось на душе. Я засыпал, устав от дум, но вставал неизменно бодрым и жизнедеятельным.

Дни мои были плотно заняты - я жил по твердому графику. Меня начали обучать шифру, радио и фотоделу. Все это я, конечно, знал не хуже преподавателей и мог преподавать сам. Но было интересно и полезно видеть, как это поставлено у немцев. Ежедневно, кроме воскресенья, до самого обеда я был загружен занятиями. Шифру меня обучал Похитун, а радио и фотоделу немец Раух.

Кормили меня хорошо, наравне со штатными сотрудниками Опытной станции. Даже выдавали через каждые три дня по бутылке водки местного производства. Кроме того, в день приезда я получил приличную сумму в оккупационных марках. Следовательно, я мог кое-что прикупить на рынке, хотя нужды в этом не было.

От коменданта Эриха Шнабеля я получил постоянный пропуск и в свободное время мог

беспрепятственно отлучаться в город. Это было очень важно - ведь я ждал условного сигнала от Семена Криворученко. Искать его следовало только в городе. На этот счет у меня с ним была точная договоренность. Я уже совершил несколько прогулок в город, но они оказались безрезультатными. Никаких сигналов я не нашел, хотя был уверен, что Криворученко уже переброшен и ищет меня.

Однажды вечером, вернувшись к себе в комнату после ужина, я, к великому удивлению, увидел в комнате большой радиоприемник "Филипс". Для него у изголовья кровати поставили специальный маленький столик. Я был озадачен и отправился за разъяснениями к гауптману Гюберту.

На мой вопрос Гюберт холодно ответил, что это сделано по его распоряжению. Он считает, что мне нельзя отрываться от советской действительности. Я должен знать все, что происходит в советском тылу и о чем осведомлен каждый советский гражданин. По мнению Гюберта, лучше всего меня бы держало в курсе дел систематическое чтение советской прессы, но она поступает на Опытную станцию нерегулярно.

- Ловите, что пожелаете, настраивайтесь на любую волну, - сказал в заключение Гюберт - только воздержитесь от коллективных слушаний. Что полезно вам, может повредить другим. Так я получил возможность слушать голос Большой земли. Я вернулся в свою комнату, подсел к приемнику, быстро ознакомился с его устройством и стал немедленно ловить передачу из Москвы...

Уснул поздно, но теперь уже не от грустных дум. Я не слышал, как стрекочет сверчок, как барабанит дождь по крыше, как завывает ветер. Я слышал лишь голос Родины. Трудно передать то чувство, которое я испытывал в эти минуты. Пожалуй, по-настоящему меня мог бы понять только человек, который сам пережил подобное.

Я проснулся, когда едва брезжил рассвет, и находился в том утреннем полусне, когда еще не хочется шевельнуться, не хочется покидать нагретую постель, даже глаз не хочется открывать. Я лежал лениво, стараясь угадать, который час. В это время скрипнули плохо смазанные петли двери и в комнату осторожно, бочком, вошел старик с охажкой дров в руках. Я наблюдал за ним сквозь неплотно сжатые веки. Он тихо, без стука, уложил дрова около печки, достал из голенища бересту для разжигания и, стараясь не шуметь, начал разводить огонь.

Это был невысокий старик, с далеко не мужественной осанкой, заросший бородой до самых ушей. Глаза его, маленькие, как у медведя, умно поблескивали из-под косматых бровей. На голове торчала потрепанная шапчонка из искусственной мерлушки, а на плечах был заплатанный пиджак с длинными лапами, перехваченный в поясе тоненьким ремешком. Через несколько минут в печи бился и гудел сильный огонь. Мне показалось, что в комнате сразу стало теплее. Старик между тем присел на корточки, прислонился плечом к стене и глядел, как с треском горят сухие дрова. Его губы шевелились, он что-то бормотал про себя, но я не мог разобрать, что именно. Несколько раз он кинул взгляд в мою сторону, но я делал вид, что сплю, и не шевелился.

Старик достал из кармана кисет с табаком и газету, сложенную гармошкой. Оторвав клочок газеты, он скрюченными, узловатыми пальцами с обломанными ногтями принялся вертеть самокрутку. Он вертел ее и тихо, но довольно явственно проговорил:

- На-кось, выкуси, злыдень...

Я едва удержался от смеха.

Он старательно облизал самокрутку, такую огромную, что ею могли бы накуриться несколько человек, сунул ее в рот и спрятал кисет.

Затем ловко выхватил из печи огонек, прикурил и опять произнес:

- Вишь чего захотел!

Дед пускал дым в приоткрытую дверцу печки, но дым все же поплыл по комнате.

Нестерпимое желание закурить охватило меня. И закурить именно самосада из стариковского кисета, свернуть сигарку из его же газеты. И я не выдержал:

Резко поднявшись, я сел на кровати, спустил ноги и попросил:

- Дедок, поделись табачком!

Он ничуть не смутился, обернулся и поглядел на меня. У него были сердитые глаза, в которых светились ум и хитрость.

- Проснулись? - спросил он. - А чего проснулись? Вам бы слать себе да спать, господин хороший.

- Привык вставать рано, - сказал я. - И табачку твоего захотелось попробовать.

Старик покачал головой, поднялся, сунул руку в карман и шагнул ко мне.

- Из русских? - спросил он, изучающе разглядывая меня.

- Что значит - из русских? - недовольно произнес я. - Я настоящий русский.

- Вот я и подумал, что русский, - подтвердил дед. - Хотя тут вот начальник немец и радист немец, а по-русски здорово лопочут. Не хуже нас. Он протянул мне кисет и добавил: - Табачок-то дрянной, самоделковый, горлодер.

- Ничего, - сказал я. - Всякий курить приводилось.

- Тогда угощайтесь.

Дед вернулся к печке и уложил в нее оставшиеся поленья. Я свернул сигарку, прикурил от стариковской закрутки, сделал привычную затяжку, захлебнулся, и глаза мои полезли на лоб.

Самосад был до того крепок, что горло мое сдавили спазмы, и я отчаянно закашлялся.

Старик закатился тоненьким, дребезжащим смешком, и глаза его задорно блеснули.

- Ну как? - полюбопытствовал он. - Всякий курили, а такой нет?

Я не мог сразу ответить. Наконец откашлявшись, бросил закрутку в печь и едва выдавил из себя:

- Табачок, будь он проклят!..

- Это с непривычки, - успокоил меня старик. - А вообще, конечно, табак дрянь, горлодер.

Я отдышался окончательно, закурил свою сигарету и опросил старика:

- Зовут-то тебя как, отец?

- Фомой Филимоновичем Кольчугиным...

- Из местных?

- Не совсем. Однако недалеко отсюда, из черниговских.

- А сюда как попал?

- Кого же сюда пошлют? Некого. В старину говорили, что на безрыбье и рак рыба, а я говорю: на безлюдье и Фома человек. Вот и пригодился Фома. Народу-то нет, господин хороший.

Разметало народ по всему свету: одни сюды, другие туды подались, А я в тутошнем городе двадцать годков без малого живу. Человек я безобидный, никакой работой не брезгую, всем известен, вот меня и приткнули сюда по печной да по конской части.

Все это звучало более или менее правдоподобно. Я знал, что гитлеровцы берут даже в свои военные учреждения на черную работу русских людей. Но Опытная станция представляла собой не обычное учреждение. Это был строго засекреченный разведывательный пункт.

Попасть сюда было не так легко!

- Хитришь, отец, - шутливо заметил я и подмигнул Фоме Филимоновичу. К нам первого встречного не возьмут, даже если он самый лучший в городе работяга. Видно, по чьей-то рекомендации сюда пристроился.

- Ага... Что-то вроде этого, - кивнул Фома Филимонович. - Без этого трудно теперь. На бирже труда заручка оказалась. Землячок мой в каких-то начальниках ходит там, а мы при царе у одного помещика с ним лет пять работали. Не забыл он Фому, закинул за меня словцо - и выхлопотал мне местечко. Вот комендант ваш и забрал меня. Я ему перво-наперво дровец припас, навозил, наколол с солдатами, дымоходы прочистил да и за лошадами приглядываю. Солдат что? Нынешний солдат к лошадям непривычный. По этой части и за солдатом глаз нужен.

- А кем работал у помещика?

- Конюхом.

- Ну и как жилось тебе у помещика? - спросил я.

- А как? Неплохо жилось, царство ему небесное. Душой не буду кривить, хорошо жилось. Помещик хоть и немец, а славный был человек. В почете я был у него, как спец по охотничьим делам. А он уж так любил эту охоту, что и обсказать трудно. Нашему начальнику сто очков вперед дать мог.

- Вот как...

Старик был словоохотлив, но с хитринкой. Эта хитринка проглядывала в осторожности, с которой он ронял каждое слово.

- Ну, покалякали и хватит, - заключил он, подтягивая поясок. - Сейчас подброшу вам, господин хороший, еще дровец охапки две, и теплынь у вас будет, как в баньке.

- А на дворе холодно? - поинтересовался я, чтобы задержать старика и продолжить беседу.

- А с чего оно быть теплу-то? - ответил старик. - Времечко такое подоспело: ни на колесах, ни на полозьях. К зиме поворачивает... А вы из Москвы будете?

Я кивнул.

- Славный, сказывают, городишко.

- Ничего, подходящий... - в тон ему заметил я. - А как тебе платят здесь?

- А платят аккуратно, каждую неделю. Ну и харчишки... - И он улыбнулся. - Насчет заработка что можно сказать? От такого заработка не помрешь, а хором не наживешь.

- Не тяжело тебе в твои годы с лошадьми и печками возиться?

- А што... лихо нам не страшно, всякое видывали. - И он опять улыбнулся.

- Почему зубы не лечишь? - спросил я, увидав у него во рту желтые корешки.

- Лечить-то уж нечего, господин хороший. За шестьдесят пять годков все дочиста и съел.

- И пиджачишко у тебя не по сезону, легонький. Шубу надо.

- Шубу моим костям надо уж сосновую... последнюю шубу. Я уж и так загостевался на этом свете.

- Это ты зря. О смерти нечего думать... - заметил я и спросил, какая семья у Фомы Филимоновича.

Он рассказал, что имеет двух сыновей. Жену похоронил в двадцать девятом году. Старший сын в финскую войну потерял на фронте руку, но, вернувшись инвалидом, снова поступил на обувную фабрику. Вместе с фабрикой эвакуировался куда-то в глубь страны, и слух о нем пропал. Второй сын не успел окончить техникум, где сейчас находится - неизвестно. А внучка, от старшего сына, живет с Фомой Филимоновичем.

- Вот так и живем, господин хороший, - закончил старик. - Пойду припасу вам дровец, - и, переваливаясь, зашагал к двери.

Я взглянул на часы и заторопился. Через четверть часа должен был начаться урок по радиоделу, а я еще не завтракал. Я быстро оделся, наскоро умылся и помчался в столовую. Быстро покончив с едой и кофе, я поспешил обратно.

Со своим учителем Вальтером Раухом я столкнулся в дверях. Он куда-то торопился.

Вернувшись в свою комнату, он сунул мне в руки какой-то иллюстрированный журнал, сказал, чтобы я подождал его, и исчез.

Окно его комнатки, как и моей, выходило в лес. Здесь Раух жил. Здесь и занимался со мной. Работал он на радиоцентре, в отдельном домике.

Я полистал журнал и положил на стол. Взгляд мой остановился на огромных часах, стоявших в углу на тумбочке. Они меня заинтересовали в первый же день, но при Раухе разглядеть их внимательно я не мог. Часы были аккуратно вделаны в резной деревянный футляр в виде старинной готической башни. В нижней части башни имелись воротца, обитые красной медью, с двумя медными кольцами вместо ручек, а шпиль башни венчал пятиконечный крест с распятием. Башня была обнесена рвом, над которым висел перекидной мостик на цепях. Очевидно, футляр делал искусный мастер. Ажурная резьба на карнизах, каждое бревнышко, каждая деталь, звенья цепи, деревянный крест - все было выточено с душой, с любовью. А над воротами башни, на темной деревянной планочке, я заметил три маленькие разноцветные кнопки: белую, синюю и черную.

Я задумался о назначении кнопок. Зачем они здесь? Уж, конечно, не для того, чтобы заводить

часы, и не для того, чтобы переводить стрелки.

Я нажал белую кнопку. Часы продолжали тикать. Нажал синюю - то же самое. Попробовал черную - опять ничего не случилось. В чем же дело?

Часы стали отбивать время. Звон был мерный и торжественный.

"А может быть, кнопки для того, чтобы вызывать или прекращать звон?" подумал я и вновь поочередно, сначала слева-направо, затем справа-налево, нажал на кнопки. Часы продолжали невозмутимо отбивать удары: пять, шесть, семь...

Тут я услышал скрип двери в коридоре. Я отошел от часов и заглянул в дверную щелку. Нет, это шел не Раух, а старик Кольчугин. Он нес в мою комнату охапку дров. Я вернулся к часам. И вдруг услышал грохот. Я застыл на месте. Мне почудилось, будто вот здесь, рядом со мной, кто-то бросил на пол дрова. Но в комнате был я один. Что за чертовщина?! Неужели, если Фома Филимонович бросает дрова в моей комнате, расположенной в противоположном конце дома, грохот слышен здесь? Я еще не догадался, в чем дело, когда услышал пение. Кто-то пел старинную русскую песню, и до меня отчетливо доносилось каждое слово:

Славное море, священный Байкал...

Так петь эту песню мог только русский человек.

Эй, баргузин, пошевеливай ва-а-ал!

Молодцу плыть недалече...

От напряжения и волнения у меня на лбу выступила испарина. В голове шевельнулась догадка. Я приблизил лицо к часам - звуки лились из них, из ворот башни:

Хлебом кормили крестьянки меня,

Парни снабжали махоркой...

И тут пришла запоздалая мысль: вот для чего нужны кнопки! Все ясно! Я нажал белую - пение продолжалось, синюю - то же самое, наконец, надавил на черную - и пение смолкло. Я опять нажал белую и услышал голос:

Шилка и Нерчинск не страшны теперь,

Горная стража меня не догнала,

В дебрях не тронул прожорливый зверь,

Пуля стрелка миновала...

Проверку следовало довести до конца. Я понимал, что в моем распоряжении считанные секунды - вот-вот может вернуться Раух.

Я быстро вышел из комнаты Рауха и устремился к своей. У дверей остановился и замер. До слуха явственно донеслись слова песни:

Слышны уж грома раскаты...

Я дернул дверь на себя. У печи на корточках сидел старик Кольчугин. Он уставился на меня любопытными глазами.

- Поешь? - спросил я.

- Пою помаленьку, - отозвался Фома Филимонович.

- А я за сигаретами... забыл, - произнес я, схватил со стола пачку сигарет и ушел.

Значит, меня подслушивают. Это ясно. Из моей комнаты в комнату Рауха, который владеет русским языком, идет скрытая проводка, а репродуктор искусно замаскирован в часах.

Новость важная. Чрезвычайно важная. Я вернулся в комнату Рауха, нажал на черную кнопку и едва успел закурить, как вошел Раух.

13.

ШИФРОВАЛЬЩИК ПОХИТУН

Через четыре дня я сделал новое открытие: во время моих прогулок по городу за мной велась слежка. Выяснилось это так. Проходя мимо дома на окраине города, я обратил внимание на одного человека. Он сидел на деревянной скамье, вделанной в стенную нишу. Погода стояла пасмурная, и можно было подумать, что он укрывается от дождя. Я так и

подумал.

На человеке была клетчатая кепка из ткани, обычно идущей на одеяла.

Полчаса спустя в

самом центре города я заметил эту "кепку" на противоположной стороне улицы. Я решил на всякий случай проверить этого субъекта. Сделать это надо было так, чтобы не выдать своих подозрений. Я дошел до угла и остановился, засунув руки в карманы. "Кепка" тоже дошла до угла, на мгновение задержалась в нерешительности и пересекла улицу. Я поежился от холода и дождя, потоптался на месте и повернул обратно. Пройдя полсотни шагов, я сделал вид, что оступился, начал растирать ногу и увидел позади себя "кепку". Не ограничившись этим, я решил убедиться еще раз и пошел дальше.

Проходя мимо городской биржи труда, отгороженной от улицы глухим кирпичным забором, я свернул в калитку, сделал несколько шагов и повернул обратно. И при выходе столкнулся нос к носу с "кепкой".

Это был плохой агентик, неопытный, не уверенный в себе. Зная, что во дворе биржи всегда толпится много народу, он, опасаясь потерять меня и, конечно, не ожидая, что я сразу выйду, бросился сломя голову за мной.

Больше в этот день я его не видел, да и вообще никогда уже не встречал. При очередной прогулке в город я опять обнаружил за собой наблюдение, но теперь его вело новое лицо.

Это открытие осложняло мои планы. Надо было что-то придумать. Встречаться с Криворученко, имея за собой "хвост", конечно, нельзя.

Я долго размышлял над тем, как выйти из положения. И придумал. Я решил "подружиться" с шифровальщиком Похитуном. Это был первый человек, заговоривший со мной по-русски на Опытной станции. Он же первый начал заниматься со мной радиоделом. Что-то похожее на сближение наметилось между нами на первом же уроке. Возможно, поводом послужила моя "откровенность" с Похитуном. Я охотно отвечал на все его вопросы и даже выкладывал перед ним свои "взгляды".

Нетрудно было заметить, что Похитун любит не только чеснок, которым от него разило, но и спиртное. Я убедился, что он горчайший пьяница. Водка, получаемая мною, оказалась тем магнитом, который притягивал его ко мне. Алкогольный червяк не давал покоя Похитуно. Первый урок по радиоделу закончился тем, что он, мертвецки пьяный, свалился на свою койку и захрапел тотчас, как только содержимое моей бутылки переключалось в его утробу. Но он успел кратко поведать мне о своей жизни. Я узнал, что еще до первой мировой войны Похитун служил бухгалтером в московском филиале крупной немецкой фирмы и по хозяйским делам дважды бывал в Берлине. Там хозяйский сын, немецкий офицер, хвастал в компании собутыльников феноменальной памятью Похитуна на цифры. Похитун мог наизусть пересказать гроссбух филиала за полугодие с тысячами разных чисел. Там же он познакомился с молодым капитаном Габишем. Война 1914 года... Похитун сдался в плен немцам и был подобран Габишем, у которого, по словам Похитуна, "преотличнейший нюх на деловых людей". Похитун был штатным шифровальщиком в царской армии, а стал шифровальщиком в немецкой разведке.

В России у него остались жена и сын, но он о них забыл и в двадцатых годах женился на немке. Жена его - особа с крутым характером, но отменная хозяйка. Она живет сейчас в предместье Берлина, и он получает от нее три письма ежемесячно. Ровно три - ни больше, ни меньше.

Накануне этой войны Похитун почти совсем прекратил пить. "Вылечила" его жена довольно радикальным способом: все, что он зарабатывал, она отбирала до последней марки и складывала в комод, к которому доступ Похитуно был категорически запрещен. Рассчитывать же на угощение друзей почти не приходилось.

А когда Похитун в феврале сорок первого года оказался на фронте и выскользнул из-под контроля жены, он стал опять пошаливать. Итак, у этого типа за спиной почти тридцать лет усердной службы в немецкой разведке...

Я пришел к выводу, что Похитун - человек безвольный, ломкий. Это была личность без

личности, какой-то "пловун". Но при всем этом он действительно обладал феноменальной памятью и блестяще знал шифровальное дело. В его голове легко и прочно укладывались всевозможные цифры и коды, сложные цифровые и буквенные комбинации, разнообразные шифровальные ключи.

Эти достоинства спасали его от увольнения с работы за чрезмерную любовь к спиртным напиткам.

"В шифре, - говорил Похитун, - я так насобачился, что стал настоящим профессором".

И этому можно было поверить.

Коротко говоря, он ускоренными темпами стал навязывать себя в мои приятели. Этому способствовала не только моя водка, но и получаемые мною деньги. Часть их я сразу предложил Похитуну. Он не отказался, заметив, что почти все его жалование и сейчас попадает в руки жены, которая намерена поразить его вскоре каким-то решительным коммерческим ходом.

Водка развязывала Похитуну язык, и он в пьяном виде выбалтывал то, что надежно хранили сейфы и о чем он трезвый побоялся бы даже заикнуться.

Однажды в конце урока после бутылки "зелья", которую я накануне принес из города, он под большим секретом выболтал мне чрезвычайно важный факт. Оказывается, во время моей поездки к Доктору Гюберт перекинул на нашу сторону агента-радиста, некоего Василия Куркова. Его обучал радиоделу Похитун, но не здесь, на Опытной станции, а в городе, где Курков жил на конспиративной квартире. После выброски Курков передал пять радиограмм. Он сообщил, что хорошо устроился, нашел комнату в надежной семье, начал собирать разведывательные данные, собирается в Москву, чтобы навестить Брызгалова. Но потом замолк по неизвестным причинам и подряд пропустил четыре сеанса, не отзывается... Гюберт очень нервничает. Да и Похитуну неприятно: могут подумать, что он плохо подготовил Куркова, а он выжал из него все, что мог.

- Его бросили, наверное, к Саврасову на Урал? - рискнул я задать вопрос.

- Какой шут, к Саврасову! - возразил Похитун. - Он послан на самостоятельную работу в район станции Горбачево, между Орлом и Тулой.

Наша "дружба" принесла свои плоды. За мной прекратилась слежка. Это объяснялось очень просто: Похитуну, безусловно, доверяли, в его преданности не сомневались, и когда я стал ходить в город вместе с ним, то ни разу не обнаружил за собой "хвоста". Да и незачем было вести за мной слежку, когда мы вместе уходили и вместе возвращались. Наша "дружба", конечно, не мешала Похитуну докладывать начальству о моем поведении. В этом я нисколько не сомневался.

Как-то мы опять отправились в город. Надо сказать, что по совету Гюберта я уже больше недели не брился и оброс курчавой бороденкой, делавшей меня неузнаваемым.

Город был мне знаком: здесь родилась моя жена, и я несколько раз бывал в нем до войны.

Всегда волнующе-отрадно навестить места, с которыми связаны давние радостные воспоминания. Я нашел знакомую улицу, обсаженную кленами, и стал искать глазами аккуратно срубленный домик, в котором прошло детство жены. Но домика я не нашел, как не нашел и соседних с ним домов; вместо них было немецкое кладбище с березовыми крестами, расставленными в строгие шеренги.

В горле у меня запершило, горький осадок лег на душу. Я быстро покинул улицу. У

Похитуна, между прочим, создалось мнение, что я тянул его сюда затем, чтобы специально поглядеть на кладбище. Он даже стал напевать старую солдатскую песню: "Спите, орлы боевые...", но потом умолк.

Никаких знаков и сигналов Семена Криворученко я не нашел, хотя мы исходили из конца в конец все главные улицы городка.

"Неужели выброска сорвалась? - лезли в голову тревожные мысли. - Но что могло помешать ей? А может быть, случилось худшее, без чего не обходится дело в войну? Может быть, и Семен и радист обнаружили себя и попали в лапы гитлеровцев? Но ведь их должны были сбросить в глухом лесу, а в лесные дебри гитлеровцы забираются редко".

Во всяком случае, и из этой прогулки в город я возвратился ни с чем. Беспокоила мысль об этом радисте Куркове. Что, если он разведает, что в указанной мной больнице никакого Брызгалова не было и нет? Необходимо немедленно связаться со своими, предупредить их.

14.

ПАРАШЮТИСТ

Зима стояла на пороге. Заморозки уже частенько перепадали по утрам, обжигая одинокие, жалко трепетавшие листья на оголенных деревьях. Листья коробились, жухли, свертывались в трубочки и безропотно умирали, слетая на землю с грустным шелестом. Бесчисленные лужицы, заводи и берега рек покрывались за ночь хрустким ледком. Грязь на дорогах густела к утру и только за день оттаивала опять.

В один такой день я проснулся в очень плохом настроении. Я все время думал о Криворученко. На нем сосредоточивались мои надежды и помыслы все последние дни. Я был во власти одной мысли: почему он до сих пор не дает о себе знать?

С каждыми новыми сутками настроение мое падало катастрофически. Предчувствие надвигающейся беды охватывало меня. Особенно остро я переживал то, что, находясь в окружении врагов, не мог ни с кем поделиться тревожными думами, перекинуться двумя-тремя дружескими словами.

Самым трудным было сохранить видимость внешней жизнерадостности и бодрости, чтобы не навлечь на себя никаких подозрений.

Перед лицом опасности я редко терял самообладание, перед лицом испытаний старался быть собранным. Но видимо, и опасности и испытания выпадают разные - раз на раз не приходится.

День прошел, как обычно, целиком загруженный до обеда. После обеда я надеялся побеседовать со стариком Кольчугиным, но он куда-то исчез.

Похитун по случаю понедельника пребывал в тяжелом похмелье и ползал по территории станции, как отравленная муха. На него напала хандра. Я сходил в город один и вернулся окончательно расстроенный. От Криворученко по-прежнему ничего не было...

Незаметно стемнело. Застучал электродвижок, и в окнах вспыхнул свет.

Я сидел в столовой за ужином, когда мое внимание привлек необычный шум во дворе. Я услышал зычный и картавый голос коменданта Эриха Шнабеля. Он выкрикивал фамилии младших офицеров и солдат, затем приказал им быстро следовать за ним. Раздался свисток, топот ног, бряцание оружия, и все смолкло.

Я постарался быстрее управиться с ужином и вышел во двор.

Уже стемнело. Кругом стояла настороженная тишина, нарушаемая монотонным и негромким постукиванием движка. И вдруг в лесу, совсем недалеко, ударил выстрел и как бы в ответ ему скороговоркой застрочили автоматы.

Я прислушивался. Что это означало? До передовой далеко. Десанту здесь делать нечего. Возможно, партизаны?

И вот послышался отчаянно-зловещий крик, который мог принадлежать лишь человеку, попавшему в смертельную опасность. Протяжный крик закончился стоном и оборвался. Все стихло.

Не в силах оправиться с охватившим меня волнением, я быстро прошел в свою комнату и включил приемник. Москва передавала обзор о боях под Сталинградом. Но слова диктора не доходили до моего сознания. Мысленно я был там, в лесу, где, несомненно, случилось что-то страшное. В это время кто-то неуверенными шагами торопливо прошел по коридору и остановился у моих дверей.

Я взялся за регулятор громкости и стал вертеть его. Дверь отворилась, и вошел Похитун. На лице его блуждала подленькая улыбка. Напустив на себя таинственно-заговорщический вид, он наклонился к моему уху и шепотом произнес:

- Изловили советского парашютиста... Только что. Еще свеженький, горяченький... Он смотрел в мои глаза хитрыми белесыми глазками и хотел, видимо, определить, какое впечатление произведет его сообщение. Я неопределенно пожал плечами и ничего не сказал. Да я и не мог ничего выговорить. В груди что-то с болью перевернулось. Тревога, острая, глубокая, наполняла все мое существо. Я сделал вид, что увлечен прослушиванием обзора и прибавил громкость.

Похитун потоптался на месте и полюбопытствовал:

- Не имеете желания взглянуть на своего землячка?

Меня взорвало.

- Как это понимать? - злобно осведомился я.

Губы Похитуна растянулись в усмешке.

- Да я же шучу. Какой вы петушистый!.. Слушайте. Мешать не буду. - И он вышел из комнаты своей утиной походкой.

Я резко встал и прижал руку к сердцу. Мною овладело отчаяние.

"Криворученко! Это Криворученко! Это его крик ты слышал. Это его схватили враги!" - шептал тайный голос.

Я ощутил, как холодные росинки выступили на моем лбу.

В коридоре вновь послышались шаги, но теперь быстрые, уверенные. И едва я успел сесть на место, как вошел инструктор-радиот Вальтер Раух.

- Вас требует к себе гауптман, - сказал он коротко и вышел, хлопнув дверью.

В голове у меня все перемешалось. Болезненное воображение рисовало картины одна другой чудовищнее.

"Неужели схватили Семена? - сверлила голову мысль. - Как он мог оказаться здесь? Почему с парашютом? Ведь и он, и Фирсанов, и Решетов точно знали, как и я, со слов Брызгалова, где расположено "осиное гнездо".

Взвинченный до предела, я выключил приемник и пошел к Гюбергу. На дворе я несколько раз подряд глубоко вздохнул, чтобы унять волнение. Мне надо было выбросить из головы страшные мысли, чтобы не выдать себя перед Гюбертом. Ведь я не знал, что ожидает меня там. Но в ушах моих стоял тревожный человеческий крик.

Не знаю, каких усилий стоило мне собрать себя, заглушить стук сердца, и не знаю также, насколько мне это удалось.

Я постучал в дверь гауптмана.

- Да! - отозвался Гюберт.

Я открыл дверь, переступил порог, и из моей груди чуть не вырвался вздох облегчения: это был не Криворученко. Это был совершенно незнакомый мне человек. Перед Гюбертом, прислонившись плечом к стене, стоял парень лет двадцати пяти с искаженным болью лицом. Его опутанные волосы золотистого оттенка колечками падали на мокрый лоб. Пот стекал со лба и, видимо, разъедал его светлые, с сухим блеском глаза, потому что он странно помаргивал и встряхивал головой. Руки его были связаны тонкой медной проволокой, левая - выше локтя - забинтована. На бинте расплывалось кровавое пятно.

Боль сжала сердце: это был не Криворученко, но это был советский человек!

Вокруг его плеч болтались обрезанные парашютные лямки, а на столе лежал пистолет "ТТ".

Гюберт, холодно взглянув на меня, бросил:

- Садитесь.

Я сел. Теперь я был вполоборота к пленнику, зато лицом к лицу с Гюбертом.

- Ну? - обратился Гюберт к парашютисту.

Я повернул голову. Гимнастерка пленного взмокла, прилипла к телу.

Судорожно шевеля лопатками, он хрипло проговорил:

- Я все сказал. Ясно?

В тоне его чувствовался бесшабашный вызов смерти. Я еле сдержал себя, чтоб не вздрогнуть.

- Господин Хомяков, - сказал мне Гюберт. - Этот субъект утверждает, что родился в городе Баталпашинске, Армавирской области. Насколько мне известно, Армавирской области не

существует и не существовало в составе русской федерации. А вы как считаете? Пометите мне разобраться.

Гюберт говорил бесстрастно, без интонаций. Казалось, слова срываются с его губ независимо от его желания.

"Что же мне ответить? Лгать, как лжет он, этот юноша, запутаться, навлечь на себя подозрение, поставить под угрозу провала большое дело, доверенное мне, или разоблачить его, советского человека?"

Я колебался недолго и ответил:

- Я не бывал в тех краях, но мне кажется...

Мне не дали закончить.

- Плевать я хотел на то, что вам кажется, - прервал парашютист, заставив меня вздрогнуть. - И на все плевать я хотел... Я лучше знаю, где я родился! - И он смерил меня с ног до головы взглядом, полным ненависти и презрения.

Я понимал его. Отлично понимал, преклонялся перед его мужеством.

- Все ясно... - с холодным безразличием произнес Гюберт и опросил пленного: - Вы по-немецки понимаете?

Тот как-то злорадно усмехнулся и с неплохим произношением ответил:

- Ферштее нихьтс!

Гюберт поморщился и вновь спросил:

- По всей вероятности, вы офицер. Так?

- Да, и горжусь этим.

- Чин?

- Чины у вас, мы без них обходимся.

- Прошу прощения, - иронически заметил Гюберт. - Звание?

- Лейтенант.

- Зачем пожаловали в наши края?

- Это не ваши, а наши края. Я могу вас опросить: зачем вы сюда пожаловали?

"Молодец! - отметил я про себя. - Герой!"

Я непреодолимо хотел чем-нибудь - жестом, кивком или движением глаз ободрить смелого советского воина, но об этом нечего было и думать. Я взглянул на Гюберта. В его глазах мерцали злые огоньки, губы подрагивали. Но он невозмутимо, даже без угрозы, предупредил:

- Ничего, скажете, товарищ Проскуров.

- Закурить дайте! - неожиданно потребовал тот.

- Это дело другое, - произнес Гюберт. Он взял сигарету, раскурил ее и, подойдя к Проскурову, сунул горящим концом в рот.

Проскуров дернулся, облизал губы и сплюнул.

- Я презираю вас, слышите вы! - крикнул он в лицо Гюберту. - Презираю! Не прикасайтесь ко мне! - И он топнул ногой. - Вы способны издеваться над детьми и безоружными... Вы трус! Вы подлый трус! Развяжите мне руки, и я не посмотрю, что у вас пистолет. Я прыгну на вас и перегрызу вам горло! Я не боюсь вас!.. И не скажу вам больше ни слова!

Все это он выпалил дрожащим от ярости голосом. Ярость была не только в голосе, но и в его глазах, в искаженном лице.

Гюберт повел плечом, отвернулся и сказал мне:

- Идите, господин Хомяков. Этого субъекта надо привести в чувство, успокоить. Тогда, я надеюсь, мы найдем общий язык.

- Попробуйте! - угрожающе проговорил Проскуров.

Я вышел подавленный. Хотелось уткнуться головой в подушку и плакать от сознания своего бессилия.

Но этим эпизодом мои испытания не кончились. Они только начались. Не прошло и получаса, как ко мне пожаловал Похитун. Без всяких предисловий он объявил:

- Гауптман распорядился поместить парашютиста Проскурова на ночь в вашей комнате. На

полу. А воть он что-нибудь выболтает. Постарайтесь разговорить его. Ему сейчас притащат матрац. В коридоре всю ночь будет сидеть автоматчик. Так что ничего страшного. Устраивает такая компания?

- Не особенно, - через силу ответил я.

- Ерунда! Плюйте на все и не вешайте нос! Часы его сочтены. Утром его прикончат. Гауптман не привык цацкаться... Желаю спокойной ночи и хороших сновидений. - Похитун развязно поклонился, глупо осклабился и вышел.

"Этого еще не хватало!" - подумал я, не зная, куда себя деть и за что взяться. Мне предстояла страшная пытка.

Через короткое время солдат втащил в мою комнату набитый соломой матрац и бросил его на пол у окна. Вслед за этим комендант ввел связанного Проскурова, подвел его к матрацу и толкнул. Проскуров упал лицом вниз и страшно выругался.

Он лежал долго, молчал, тяжело вздыхая и исподлобья поглядывая на меня.

Я решил не гасить свет, разделся и лег. Я понимал игру Гюберта: он, не брезгуя ничем, хочет лишний раз проверить меня. И вот нашел удачный предлог.

Я не мог поговорить по душам с Проскуровым, а как страстно хотелось. Ведь это была его последняя ночь! Где-то там, на нашей стороне, конечно, есть у него отец, мать, может быть, братья, сестры, жена... Кто им поведаст о трагической гибели сына, брата, мужа? А я был бессилён помочь. Меня, конечно, подслушивали. Раух, наверное, уже сидит у своих часов и ждет не дождется услышать мой голос.

О сне нечего было и думать. Как можно заснуть, когда чуть не рядом с тобой лежит твой товарищ, жизнь которого окончится с восходом солнца, когда ты слышишь его прерывистое дыхание, видишь его бледное лицо.

Мне хотелось биться головой о стену...

Проскуров перевалился на бок, и я поймал на себе его стерегущий взгляд.

- Как вас именовать: господин или товарищ? - спросил он громко.

У меня застучало в висках.

- Это не имеет значения, - ответил я.

- Вы русский или только владеете русской речью?

На такой вопрос я без опаски мог ответить прямо:

- Я русский.

- И вы не связаны?

- Как видите.

- Почему?

Я промолчал. Продолжать такой разговор было хуже пытки огнем и каленым железом.

- Вы живете какой-нибудь идеей или так... вообще? - спросил Проскуров.

- Каждый живет своей идеей, - ответил я и закрыл глаза, делая вид, что хочу спать.

Но Проскуров не унимался: ему нечего было терять, участь его была решена.

- Что вы здесь делаете?

Я промолчал.

- За сколько сребреников продал свою душу, Иуда?

Я не ответил.

- Сволочь! - выругался Проскуров. - Этот капитан хвастает, что у него даже мертвые разговаривают. Посмотрим! Я плюну перед смертью в его рожу...

Ночь превратилась в кошмар. Мгновениями я, кажется, забывался, но это было мучительное забытьё. Думы терзали меня, взвинчивали нервы, я был на грани психоза.

Проскуров

всю ночь не спал. Он стонал, ворочался, бранился, кому-то угрожал, даже смеялся, засыпал меня вопросами. Я, сжав зубы, молчал и притворялся спящим. Все время я ловил на себе его взгляды, и они действовали на меня, как ожоги.

На рассвете, едва ночной мрак за окном сменился предутренней серостью, в комнату вошел Шнабель с двумя солдатами. Проскурова увели.

- Шкура!.. - бросил он мне последнее слово.

"Вот и всё! - подумал я. - Был человек, жил, смотрел, боролся, дышал вместе со мной одним воздухом - и человека не стало. А я, кроме фамилии его, ничего не узнал".

Минут десять спустя где-то вдали простучала короткая автоматная очередь...

15.

ПРИЯТНАЯ ПРОГУЛКА

В начале ноября неожиданно наступило потепление, пошли мелкие дожди.

Все это время я жил под впечатлением истории с парашютистом лейтенантом Проскуровым. Пьяный Похитун сообщил мне, что Проекурова вначале предполагали повесить, но затем Гюберт приказал расстрелять. Как объяснил мне Похитун, мужество Проскурова поразило даже Гюберта. Он решил проявить благородство и заменить ему позорную смерть более почетной.

Но это не меняло сути дела: Проскурова не стало, он бесследно исчез, его закопали где-то в лесу, не осталось даже могилы. Этот лейтенант все время стоял у меня перед глазами, в моих ушах звучал его гневный голос. Я думал о нем постоянно, он являлся передо мной во сне, требуя ответа: господин я или товарищ?

Я чувствовал какую-то вину перед погибшим Проскуровым, долго и упорно спрашивал себя: каким образом мог бы помочь ему, чем облегчить его судьбу? И не находил ответа. Но в душе какой-то голос неумолимо твердил, что я все же мог предпринять попытку, но не сделал этого. Мне казалось, что вина моя состоит уже в одном том, что я по-прежнему жив, здоров, хожу, ем, пью, курю, выполняю свое задание, а Проскуров лежит в земле, истерзанный и расстрелянный врагами. А может быть, он вовсе не Проскуров, а какой-нибудь Фролов или Донцов и родом не из Баталпашинска, а из Ленинграда или Саратова?

Я не знал и никогда уже не узнаю, зачем он оказался в районе Опытной станции, с каким заданием его сбросили. Но этого не добился и Гюберт.

Между тем мое время уплотнилось еще более. Я стал не только учеником, но и учителем.

Гюберт вызвал меня к себе и сказал, что поручает мне обучение одного парня.

- Что от меня требуется? - опросил я.

- Его надо основательно познакомить с Москвой. Он должен иметь представление о ней, как любой москвич. В вашем распоряжении будут карта и справочник.

Мне оставалось только принять приказание к пополнению.

Я ожидал почему-то, что учеником окажется немец, но комендант Шнабель привел ко мне русского.

- Константин, - назвал он себя при знакомстве, не сказав фамилии.

По виду ему было не больше двадцати пяти - двадцати шести лет.

"Что же тебя, подлец, толкнуло идти в услужение к фашистам? - подумал я, взглянув ему в глаза. - Смерти испугался?"

По опыту я знал, что пути к душе человека очень часто непроходимо трудны.

Познакомившись с Константином, я сразу почувствовал, что никакого душевного контакта между нами не будет.

Константин показался мне человеком чрезвычайно тяжелым, с явно угнетенной психикой. В выражении его худого, истощенного и малоподвижного лица проглядывала не только смертельная усталость, но еще и тупое безразличие, равнодушие ко всему, что его окружало. Жизнь, видно, основательно выжала, высушила его. Его скорбные глаза смотрели отчужденно, а подчас я подмечал в них глубокую опустошенность.

Я невольно сравнивал его с Проскуровым: в том бурлила жизнь, а в этом уже свила себе гнездо смерть.

За два занятия я с невероятным трудом вытянул из него несколько слов, не относящихся к делу, и узнал, что он бывший кадровый офицер в звании старшего лейтенанта, окончил Орловское танковое училище, в плен к немцам попал в бессознательном состоянии,

тяжелораненым. И все.

На занятиях он молчал, безразлично смотрел на меня и в ответ на мои объяснения угрюмо кивал головой. За два урока он не задал мне ни одного вопроса.

После второго урока я отпустил Константина и решил проверить, куда он пойдет. Мне хотелось узнать, где он живет: на Опытной станции или в городе? Лучше всего было сделать это из комнаты Похитуна, окно которого выходило во двор.

Похитун отдыхал, лежа на неубранной постели, задрав ноги в сапогах на спинку кровати. В комнате пахло водкой и чесноком.

Заговорив с Похитунуном, я смотрел в окно: Константин, опустив голову, медленно пересек двор и скрылся в двери дома, где размещался Курт Венцель и другие младшие офицеры.

Значит, жил он, как и я, на Опытной станции. То, что я не видел его ранее, не удивило меня.

- Дождь все сыплет? - спросил Похитун, не меняя позы.

Я ответил, что дождь перестал.

- В город заглянем?

Как я мог возражать, когда только и думал о городе!

Но пошли мы не сразу, а после обеда. Зашли в казино. Оно пустовало. За единственным столиком сидели три эсэсовца, пили водку и громко разговаривали. На помосте дребезжал плохонький оркестр из пианино, аккордеона и скрипки. Тщедушный, обросший щетиной румын с огромными, на выкате, глазами пиликал на скрипке, и она издавала фальшивые, тянущие за душу звуки. От них даже на лице Похитуна обозначилась гримаса страдания.

- Мерзавец мамалыжник, что вытворяет! - произнес он, покачав головой, и потянул меня к стойке.

У меня в кармане были считанные гроши, положенные деньги должны были выдать лишь завтра, но о наличии этих грошей Похитун знал с моих слов. Мы выпили по стопке водки, и Похитун, как всякий пьяница, сразу осоловел. На него напала болтливость. Он взял меня под руку, и мы зашагали по городу.

За эту неделю я сравнительно хорошо изучил Похитуна. Я догадывался, что ему приказано приглядывать за мной и что он неспроста сам предлагает мне прогулки в город.

Но я понимал также, что моя водка и мои деньги тоже устраивают его и что о распитии водки за мой счет он доносить Гюберту не станет.

Чем больше узнавал я Похитуна, тем больше поражался. Даже в пьяном состоянии он легко разбирался в головоломных шифрах и никогда не допускал ошибок. Язык его заплетался, когда он говорил об обычных вещах, но, как только речь заходила о делах профессиональных, он изменялся до неузнаваемости. У меня сложилось впечатление, что шифровые и кодовые вариации так прочно засели в его голове, что говорит он о них чисто автоматически.

Похитун был в жесточайшей вражде с самой элементарной гигиеной. Он не пользовался зубной щеткой, обходился без носового платка, с отвращением относился в чистому белью. Кровать его неделями стояла неубранной, полотенце было черным-черно. В баню его загнали чуть не насильно, под угрозой ареста, когда всему личному составу станции делали противотифозные прививки.

Я испытывал к нему непреодолимое чувство брезгливости, но с этим приходилось мириться: Похитун был мне нужен, и пока я не видел на Опытной станции другого человека, которого можно было бы использовать в своих интересах.

Мы шли по самой людной улице города. Миновали "Арбайтсдинст" ("Биржа труда"), "Ортокоммандатур" ("Местная комендатура"). Я внимательно ошупывал взглядом стены домов, заборы, но сигналов Криворученко не находил. Мы свернули на поперечную улицу, прошли мимо сожженного здания кинотеатра, в который когда-то водила меня жена. Рядом уцелело каменное помещение бывшей пищеторговской столовой. Сейчас на нем висела небольшая вывеска с надписью на немецком языке - "Зольдатенхейм" ("Солдатский клуб"). На перекрестке свернули еще раз, прошли квартал и очутились возле парикмахерской. Над входной дверью в нее, на куске железа, желтым по черному красовалась предупреждающая

надпись: "Нур фюр ди цивильбефолькерунг" и тут же по-русски! "Только для гражданского населения".

Глаза мои скользнули ниже вывески, правее дверей, - и я едва не вскрикнул от радости.

Наконец-то! Вот он, долгожданный сигнал! Вот он, условный знак!

Это было настолько неожиданно, что я усомнился: не галлюцинация ли? Я так долго ждал сигнала, так много думал о нем! Но нет, ошибки быть не могло. На углу дома я увидел еще один такой же знак. И тут и там было написано: "К/4". Расшифровывалось это просто: "К" - значит Криворученко, а "4" - вчерашнее число. Но это было понятно лишь мне. Даже такой маститый специалист по шифру, как Похитун, не мог обратить внимания на эту надпись. Она не вызывала никаких подозрений. Всевозможных надписей, цифр, указателей и предупреждений на стенах было полным-полно.

Криворученко использовал для сигнала первый из четырех разработанных нами вариантов, самый простейший, и сразу достиг цели.

Значит, Семен уже появлялся в городе!

На радостях я способен был выкинуть что-нибудь такое... И выкинул: прыгнул через лужу на тротуаре, а Похитун, державшийся за мою руку и потерявший точку опоры, угодил в лужу.

- Куда вас несет? - обиженно заворчал он. - Что вас, сзади жжет, что ли?

- Это шнапс действует, - отшутился я.

Границы моего мира раздвинулись. По договоренности я обязан был сейчас же подать ответный сигнал, дать знать, что у меня все благополучно, что я заметил знак, но сделать этого не мог - мешал Похитун. Он, конечно, мог помешать мне и завтра, но я был твердо уверен, что так или иначе найду выход и на несколько минут останусь один.

Обратный путь мне показался необыкновенно приятным. Улицы города выглядели как будто приветливее, а дорога через лес - не такой уж грязной.

Голова моя была полна радостных мыслей. Я думал над тем, где обосновался Семен с радистом, как и под видом кого пробрался в город, днем или ночью. Я шел, насвистывая, и думал о близкой встрече.

16.

ЗНАК - "СК/4"

Гюберт будто почувствовал, какие надежды я возлагаю на этот день, и сломал все мои планы. Еще до обеда, во время урока по радиodelу, он вызвал меня и спросил:

- Советских писателей и их произведения вы, я надеюсь, знаете?

Я ответил, что не очень, но основные знаю.

- Тогда никуда не отлучайтесь, - предупредил он. - Вы мне будете нужны.

Я молча повернулся и вышел, проклиная в душе Гюберта.

Я не суеверен, но мне вдруг

показалось, что приказ Гюберта может быть как-то связан с моим желанием пойти сегодня в город.

Но город я все-таки посетил, хотя и не мог подать Криворученко ответный сигнал.

Уже вечером меня вновь пригласили к Гюберту.

- Поедемте, - сказал он.

Мы вышли со двора и уселись в громоздкий вездеход, в котором ожидал нас худощавый немец в военной форме.

- Познакомьтесь, - предложил Гюберт.

Я подал руку и назвал себя.

- Отто Бунк, - отрекомендовался наш спутник.

Так я впервые увидел помощника Гюберта, долго отсутствовавшего.

Поездка, занявшая более трех часов, никакого интереса для меня не представила. Машина остановилась на окраине города, возле обшарпанного дома. Мы вошли, и в угловой комнате я

увидел груды книг, сваленных в беспорядке. Гюберт распорядился просмотреть их и отобрать те, которые принадлежат перу советских писателей. Видимо, они понадобились Гюберту, коль скоро он сам поехал сюда.

Я принялся за работу, а Бунк и Гюберт, светили мне фонарями.

В этой книжной свалке, которую я добросовестно перетряхнул, набралось десятка два интересующих Гюберта книг. Я нашел томики Федина, Серафимовича, Сейфуллиной, Фадеева, Горбатова и других известных мне писателей.

Бунк увязал книги и положил в машину.

И лишь на обратном пути я кое-что извлек для себя. Гюберт и Бунк говорили по-немецки о положении на фронтах, о смерти какого-то знакомого им обоим полковника, о том, что Габиш никак не избавится от ревматизма. Потом Бунк сказал, что неподалеку от города разместились новый авиаполк тяжелых бомбардировщиков авиации стратегического назначения, что он уже успел познакомиться с некоторыми офицерами.

Когда машина подъехала к Опытной станции и Гюберт сошел на землю, со стороны города послышался сильный взрыв.

За ним последовал второй, третий, четвертый. Я насчитал их шесть подряд.

Гюберт постоял, вслушиваясь, и обратился к помощнику:

- Это еще что за новость?

Отто Бунк недоумевающе пожал плечами.

- Позвоните в город и выясните, - приказал Гюберт.

И мы прошли во двор.

Когда я дошел до порога своего дома и взялся за дверную ручку, грохнули еще два взрыва, правда слабее, чем первые: затем прострелотали длинные автоматные очереди, шелкнуло несколько одиночных выстрелов, и все стихло.

Я не меньше Гюберта заинтересовался тем, что произошло в городе. Но через кого узнать? Ничего не поделаешь, придется потерпеть...

Не зажигая света, я улегся в постель. В комнате было тепло и даже уютно. Я погрузился в размышления. Пораздумать было над чем. В который раз за этот неудачный день я стал суммировать все, что мне стало известно об Опытной станции и что надо было сообщить на Большую землю. В том, что связь с Большой землей наладится в самое ближайшее время, я нисколько не сомневался. Не сомневался и в том, что мы встретимся с Семеном, хотя не имел еще ни малейшего представления, когда, где и как. Но я знал, твердо знал, что найду выход. Кажется, я уже задремал, когда кто-то вошел в комнату и включил свет. Это был Похитун. У него была дурацкая привычка садиться на кровать. Сейчас он тоже плюхнулся на одеяло у меня в ногах.

- Сволочи!.. Что они хотят этим доказать? - сказал он с нескрываемым раздражением. - Все равно выловят всех до одного.

- О ком это вы? - спросил я с удивлением.

- Вы знаете, что произошло в городе?

Я покачал головой.

- А взрывы?

- Слышал и взрывы и пальбу.

- Вот, вот... Это местные бандиты. Сволочи!..

Я понимал, кого Похитун именует бандитами. Знал я, что, возможно, Раух подслушивает нашу беседу. Учитывал и то, что Похитун мог быть специально подослан ко мне. Но решил поддержать беседу.

Из наблюдений и разговоров, подслушанных на улице, в казино и даже на Опытной станции, я понимал, что в городе действует патриотическое подполье, но точно не знал еще ничего. Я надеялся, что Похитун по обыкновению выболтает что-нибудь.

- Что же они вытворяют? - спросил я.

Похитун встал и заходил по комнате своей ныряющей походкой.

- Подняли на воздух казарму батальона СС и швырнули две гранаты в гестапо. Убиты девять

офицеров и что-то около шестидесяти солдат...

- А куда смотрит комендант, начальник гестапо?! - Я даже привстал, имитируя испуг и возмущение.

- Миндальничают, вот что я скажу. А надо хватать из жителей каждого десятого без разбора, не считаясь ни с полом, ни с возрастом, и стрелять! А еще лучше - вешать. Вешать беспощадно - среди дня, прямо на улице, на столбах, на воротах!.. У них организация! Это не так просто. Нужен террор! Понимаете - террор.

Я сел, опустил с кровати ноги и закурил.

- Вешать, террор, это все хорошо. Только... знаете ли, поверить, чтобы в этом маленьком городке существовала организация...

- Хм... Вы хотите сказать, что это никакая не организация, а просто кучка головорезов из окруженцев? А электростанция?! - воскликнул Похитун. Почему на прошлой неделе четыре дня не было света в городе? Почему, я вас спрашиваю? Это тоже кучка головорезов? А помните, мы шли с вами и наткнулись на шлагбаум около автобазы?

- Ну, помню. Ремонт канализации, и проезд через два квартала был закрыт...

- "Канализация, канализация"! - передразнил меня Похитун. - Это для дураков. Но мы-то с вами не дураки. Хм... Канализация! Хорошенькая канализация! Улица на протяжении двух кварталов была заминирована. За ночь подорвались сразу три машины. Это вам что? Тоже кучка головорезов? Ничего себе, кучка. Вот ведь что делают, подлецы!..

В душе я торжествовал. Мои предположения оправдались: и здесь советские люди не склонили головы перед оккупантами. В городе, несомненно, существует и действует подпольная группа. И группа хорошо организованная. Подорвать казарму и помещение гестапо совсем не просто. Это предприятие рискованное и сложное, требующее подготовки и, главное, смелых людей. А такими людьми могут быть только истинные патриоты.

Похитун продолжал ходить взад и вперед, шаркая ногами.

Я нарушил затянувшуюся паузу и сказал:

- Хорошенькое дело! Так они, чего доброго, и к нам еще сунутся...

- А что вы думаете? - подхватил Похитун. - И сунутся. Им нечего терять. В этом-то и вся суть...

Я не ожидал от него подобной паники, и мысль о том, что Похитун специально подослан ко мне, отпала.

Мы поговорили еще немного об активности "бандитов", а потом переключились на другие темы. Я предложил совершить вылазку в город и посидеть в казино.

- По случаю чего? - осведомился Похитун.

- Сегодня получил монету.

- Ах, вот оно что... Готов, готов! Но я вижу, что и вы не дурак выпить. А?

- Все хорошо в меру, - заметил я. - Так пить, как вы, я не могу.

Похитун потер руки и опять уселся на кровать. Он начал рассказывать сальные, плоские анекдоты, причем, еще не договорив, начинал смеяться. Ему казалось, что смешно и мне, но я только улыбался. Меня смешили не анекдоты, а сам Похитун. Я улыбался и в то же время обдумывал один ход. Мне очень хотелось узнать фамилию Доктора, у которого я гостил, и мне казалось, что удобнее всего попытаться выведать это у Похитуна. И я придумал. Я принялся чесать руки.

Похитун вначале не обращал на это внимания, а потом спросил:

- Вы что чешетесь? Чесотку подхватили?

- Не знаю, - ответил я и нахмурился. - У меня все время чешется после знакомства с вашим врачом.

Похитун поднял свои вылезшие брови:

- С каким врачом?

- К которому я ездил.

Похитун хрюкнул и рассмеялся.

- Виталий Лазаревич такой же врач, как мы с вами. И его экзема не заразна. Я с ним спал на

одной койке и вытирался одним полотенцем. У вас повышенная мнительность. Натрите руки водкой. Это лучшее средство.

Я обещал воспользоваться советом, зевнул и сказал Похитуна, что хочу спать.

- Ну и спите себе, - разрешил он и оставил меня в покое.

Мне даже не верилось, что ход, предпринятый мною и к тому же очень примитивный, себя оправдал.

Значит, Доктор и есть тот самый Виталий Лазаревич Шляпников, с которым имели дело наши контрразведчики. Как тесен мир! Встретились все "знакомые"!

Я встал, открыл печную дверцу, порылся в теплой золе, нашел крепкий уголек, сунул его в карман своего плаща, выключил свет и лег спать.

С утра со мной занимался немногословный и педантичный радист Раух.

От него трудно было услышать лишнее слово. Он говорил только о том, что мне следовало знать. Занимались два часа: час - фото, час - радиодело.

Потом явился Константин. Я разложил на столе план Москвы, усадил ученика и поставил перед ним задачу: каким маршрутом быстрее всего добраться с Курского вокзала на Савеловский. Он сделал это без затруднения и именно так, как сделал бы я. Затем мы побродили с ним по Малому и Большому кольцу, покружили по кривым арбатским переулкам, въехали в Москву с Ярославского, Ленинградского, Рязанского, Дмитровского и других шоссе.

Константин не изменял себе и оставался таким, каким был при первой встрече: отчужденным, угрюмым, глядящим исподлобья и даже враждебно.

Иногда по блеску в его глазах мне казалось, что он хочет спросить меня о чем-то, не относящемся к занятиям. Я с интересом ждал от него живого слова, но блеск сейчас же угасал, и лицо Константина оставалось мертвенно-неподвижным.

А может быть, все это мне только казалось, потому что я этого хотел и ждал?

После занятий с Константином я попал в лапы Похитуна. Прежде чем приступить к разбору очередной шифровальной комбинации, мы уточнили время, когда отправимся в город.

И никто не знал, что творилось у меня в душе, никто не догадывался, что означает для меня сегодняшний день. А день был необычен, и уж я-то забыть об этом не мог. Я знал, что все советские люди, где бы они ни находились - в огне переднего края, в суровой Сибири, в знойной Средней Азии, в тылу врага, в партизанском отряде или в лапах фашистов, за колючей проволокой или в застенках гестапо, - всюду-всюду, хотя бы только в сердце и молчаливо, как я, празднуют двадцать пятую годовщину Советской власти, годовщину Великой Октябрьской революции.

Я был горд тем, что продолжаю дело, начатое нашими отцами. Я был горд тем, что тоже нахожусь на линии огня, что здесь мой передний край, что моя вахта не менее сложна, опасна и ответственна, чем любая другая.

После окончания занятий меня вызвали к Гюберту. Сердце ёкнуло: а вдруг он и сегодня сорвет вылазку в город?

Гюберт усадил меня против себя, и я сразу заметил необычное: он остановил внимательный и пристальный взгляд на моих руках.

Но он допустил промах. Я сразу увязал его интерес к моим рукам со вчерашним моим ходом. Ясно, что Раух подслушивал мой разговор с Похитуном.

- Как вы себя чувствуете? - поинтересовался Гюберт, не сводя глаз с моих рук.

- Прекрасно. Вот только руки чешутся... Я уж грешным делом подумал, не наградил ли меня Доктор своей экземой.

- Ерунда, - отрезал Гюберт. - Но показаться врачу следует. Вы нужны мне абсолютно здоровым. Когда будете в городе, зайдите в комендатуру и отыщите врача Питтерсдорфа. Я дам ему записку. Он осмотрит вас.

Гюберт написал записку и вручил мне.

Страхи оказались напрасными. Гюберт не покушался на мое время.

Я решил было выманить Похитуна в город до обеда, но, поразмыслив, пришел к выводу, что

это может вызвать подозрение не только у него. Надо было ждать обеда.

Выйдя из дома Гюберта, я увидел старика Кольчугина. Он сидел под навесом, около сложенных дров, и затесывал топором клин. Возле него, широко расставив тощие ноги и заложив руки за спину, стоял Похитун. Он что-то рассказывал, а старик только крутил головой и делал свое дело.

С неба, задернутого мутными тучами, стал опять накрапывать мелкий дождь. Похитун передернул плечами, стал под навес, закурил, а потом отправился в дом.

Я сошел с крылечка и направился к Кольчугину. Старик заинтересовал меня с первой встречи, но я еще не мог раскусить его.

- Как она, жизнь-то? - обратился я к нему.

- Да прыгаю помаленьку...

Из-под его мерлушковой шапчонки прядями выбивались мягкие серебряные волосы.

- Зимы-то нет?

Старик задрал голову к небу и заметил:

- Да, запаздывает. Что-то заколодило там, наверху.

- Забот много? - спросил я, не зная, как и чем разговорить старика.

- Чего-чего, а забот нашему брату не занимать. Хватает...

Дождь усиливался, и я зашел под навес.

- Курить хотите, господин хороший? - опросил старик.

- Да нет, - ответил я.

- А то курите. Покурите - не отплюетесь! - И старик закатился смешком.

- Ты бы лучше угостил господина Похитуна. Он любит крепкое, посоветовал я.

- Нужен он мне, как ячмень на глазу... Пропаший человек! Дюже до шнапса охочий.

- Начальство нельзя критиковать, - заметил я.

- И то верно, - согласился дед. - Да ведь наше дело такое: лай не лай, а хвостом виляй.

- Это как же понимать? - спросил я.

- А как хотите, так и понимайте, господин хороший. - Он встал, внимательно осмотрел клин, стряхнул щепки с пиджака и, сунув клин за поясной ремень, добавил: - Пора, Фома, и до дому. Прощевайте, господин хороший!

Это "господин хороший" резало мой слух, как тупая пила. Я пожелал старику счастливого пути и отправился к себе. Кольчугин, видимо, не склонен был продолжать разговор, а мне неудобно было навязываться.

Время тянулось медленно, и я был несказанно рад, когда окончился обед. Дождь шел не переставая. Над лесом висело сумрачное, сырое небо. Я надел дождевик, зашел за Похитуном, и мы отправились в город.

Дождь сыпал и просеивался сквозь холодный туман. Мы старательно месили грязь, черную, как вакса, и клейкую, как смола.

Похитун шел впереди, как неподкованная лошадь по льду. Ноги его расхотелись на горбах тропинки, скользили на обнаженных корнях. Грязь разлеталась в стороны. Полы блестящего клеёнчатого плаща шлепали по его сапогам.

На полпути к городу Похитун остановился и предупреждающе поднял руку. Навстречу ползли по расквашенной дороге две легковые машины. Они приближались, погромыхая цепями на задних скатах, и через минуту проплыли мимо нас. В машинах сидели летчики.

Одну из машин занесло, она нырнула колесом в лужу и обдала Похитуна фонтаном грязи. Он дернулся, взбрыкнул ногой, поскользнулся и со всего размаха сел в лужу. Я с трудом сдержал смех.

Встав на ноги, Похитун растерянно поводил глазами, встряхнул головой и разразился залпом отборных ругательств.

Тут попало и летчикам, и погоде, и черту, и его матери.

Я уже испугался, что наша экспедиция сорвется, но я плохо знал Похитуна. Кое-как обтерев заляпанный грязью плащ, он с необычной резвостью бросился на тропинку, которая вела к городу стороной, и крикнул:

- За мной!

Я поспешил за ним. Лес редел. Дождь густой сеткой заштриховывал городские строения вдали.

- С чего это мы свернули сюда? - спросил я Похитуна.

- Э, батенька, я уже ученый! Летчики поехали к нам за объектами для бомбежки, - ответил он, полагая, что из этого мне станет ясно, почему понадобилось пробираться дальней тропкой.

- Ну и что же?

- А то, что меня сейчас же хватятся на станции.

- Вот оно что...

- А как же! Я нарочно сюда и свернул. А они будут догонять меня по той дороге.

Он чуть не бежал вприпрыжку, тяжело дыша и посапывая. Я с трудом поспевал за ним и диву давался, откуда у него взялась такая прыть.

- Может быть, нам лучше вернуться? - задал я каверзный вопрос.

Похитун остановился, повернулся, смерил меня недоумевающим взглядом и спросил:

- Это как же понимать? Предательство?

- Уж сразу и предательство! Зачем так громко? Я же о вас пекусь.

- Пошли, пошли! - нетерпеливо сказал он. - Обо мне вы не пекитесь. О себе пекитесь.

Объекты от летчиков никуда не уйдут.

Наконец мы добрались до города.

Казино, как и позавчера, пустовало. Занято было всего три столика. Тихо завывал оркестрик.

Я выбрал столик в самом темном углу и поманил официанта. Я решил сегодня во что бы то ни стало напоить Похитуна до чертиков и под удобным предлогом вырваться на пять - десять минут. Мне надо было лишь добраться до парикмахерской, где оставил свои знаки Криворученко.

Нам подали бутылку венгерского вина (мне), бутылку мутноватого шнапса (Похитуну), консервированную рыбу в маринаде, несколько кусочков голландского сыра и соленые грибы местного изготовления. Хлеба не полагалось.

- Для начала хватит? - осведомился я.

- Вот именно, для начала... - Похитун захихикал.

- Пить много не буду, - заметил я, разливая напитки по стаканам.

- Это как же? - удивился Похитун.

- Мне надо быть у врача. - И я вытащил записку Гюберта.

- Ну и бог с вами...

Мы выпили по стакану, принялись за закуску, и в это время в зал вошел унтер-офицер Курт Венцель.

Я толкнул Похитуна. Он заерзал на месте, втянул голову в плечи и сгорбился.

- Чуюло мое сердце! - с плачущей миной проговорил он, быстро налил себе новую порцию и опрокинул.

Курт Венцель оглядел зал и направился прямо к нам. Бросив взгляд на стол, он облизнул толстые губы и, наклонившись к уху Похитуна, стал что-то шептать.

"Почему Венцель сразу пришел сюда? - блеснула у меня мысль. Вероятно, Похитун предупредил, где мы будем".

Похитун махнул рукой и встал. Я взял бутылку со шнапсом и стал наливать в стакан.

Предполагая, что я забочусь о нем, Похитун подарил меня благодарным взглядом и сел. Но я поднес стакан Венцелю. Тот глупо улыбнулся и медленно, сквозь зубы, не выпил, а высосал водку.

- Я вас буду ждать здесь, - сказал я Похитуну. - Схожу в комендатуру к врачу и вернусь. Идет?

- Да, да... Обязательно. Мы придем вместе с Куртом.

Курт Венцель кивнул.

Они вышли, и я остался один. О такой удаче я даже не мечтал. Расплатившись с официантом и предупредив его, чтобы он приберег нам столик в случае наплыва публики, я покинул

ресторан.

Город тонул в дожде и тумане. По мостовой и тротуару пузырились грязные лужи. Запахнув плащ, я прежде всего направился в комендатуру. Так было лучше. Я все-таки не исключал возможности слежки за собой, а в комендатуре можно было "провериться".

Дежурный офицер сказал, что врач Питтерсдорф на квартире, и указал на дом тут же, во дворе комендатуры. Я без труда нашел врача, представился ему и подал записку Гюберта. Доктор оказался благодушным толстяком лет за пятьдесят. По-русски он говорить не мог, знал лишь несколько слов, и, если бы не записка Гюберта, мы, вероятно, и не столкнулись бы. Он внимательно исследовал мои руки, заставил снять рубаху, похлопал по плечу и сказал: - Гут! Зер гут!

На записке Гюберта он написал диагноз, который я прочел позднее: "Фантазия. Повышенная мнительность. Здоров как бык". Я сунул записку в карман, любезно раскланялся и выбрался во двор комендатуры. Двор был пуст. Я заметил второй выход, на смежную улицу, и воспользовался им.

Пройдя квартал, я оглянулся: никого. Я пошел прямо, еще раз обернулся и лишь тогда свернул в переулок.

Уже темнело. Около парикмахерской - ни души. Наступал самый ответственный момент. Малейшая оплошность с моей стороны могла погубить все, а поэтому следовало быть крайне осторожным. Я прошел до угла и заглянул за него - пусто. Нащупал в кармане припасенный уголек, зажал его в руке и шагнул к стене. Поставить букву, одну-единственную букву - это отняло у меня какую-то долю секунды. Затем подошел к двери и рядом с косяком тоже чиркнул углем. Теперь каждый знак выглядел так: "СК/4". Я прибавил лишь "С" - первую букву своей фамилии. Это означало: "Я здесь. Все благополучно. Жди моих сигналов".

Теперь пришла моя очередь назначить встречу.

Облегченно вздохнув, я зашагал в казино.

К моему удивлению, Похитун и Венцель уже ждали меня. Оказалось, что до города их подвезли на своих машинах летчики.

На столе стояла начатая бутылка, закуска и три стакана. Похитун знал, что деньги у меня есть. Щелкнув пальцами, он громко крикнул официанту по-немецки:

- Нох айне!12

Но одной дело не ограничилось. До Опытной станции мы едва добрались. Похитун, расчувствовавшись, чмокнул меня в ухо и, как бревно, свалился на кровать. Мне тоже пришлось выпить довольно много. В голове непривычно шумело. Не успев прикоснуться к подушке, я сразу будто провалился в глубокий сон.

17.

ФОМА ФИЛИМОНОВИЧ ПРИГЛАШАЕТ ВЫПИТЬ

Время шло, дела мои налаживались, провокации Гюберта как будто прекратились. Я, понятно, знал, что за мной приглядывает Похитун, знал, что меня подслушивают, но привык к этому и не

особенно тревожился.

Можно без натяжки сказать, что за последние дни я даже успокоился, ко мне вернулся крепкий, здоровый сон, я стал лучше есть, в голову не лезли беспокойные мысли.

Мне удалось обменяться новыми сигналами с Семеном Криворученко. Я назначил ему встречу пока на открытом воздухе, в городе. При встрече я намеревался назначить ему свидание в таком месте, где можно было поговорить подробно.

Пришла настоящая зима. Ранним утром мой сон нарушил Кольчугин. Я вскочил с кровати, разбуженный грохотом, и увидел в дверях смущенного старика. Он нес изрядную охапку дров, и, когда переступил порог, добрая половина их упала на пол.

- За такое дело полагается по мордасам, - огорченно произнес Кольчугин и принялся

подбирать поленья.

- Ерунда! - успокоил я старика. - Очень хорошо, что разбудил. Через сорок минут занятия.

- Так не будят... - пробормотал он.

Я бросился к окну, расшитому тоненькими кружевами мороза, и присвистнул: все было бело от выпавшего за ночь снега.

Я быстро оделся, умылся и побежал в столовую. Стояло прелестное первозимнее утро с легким, бодрящим морозцем. Все было присыпано свежим, чистым, нетронутым снегом. Холодным пламенем сияло солнце, под его лучами снег сверкал мириадами искр. В воздухе алмазами переливалась морозная пыль. За проволочной оградой Опытной станции торжественно и величаво красовался запорошенный лес. Пышные пласты снега лежали на ветвях сосен и елей, на крышах домов, на оконных наличниках. На трубах и верхушках столбов высились белые шапки, телефонные и антенные провода провисли.

Я быстро позавтракал и вернулся в свою комнату.

Сегодня первые два часа я должен был посвятить Константину, но до этого мне хотелось переброситься несколькими словами со стариком. К нему я никак не мог подобрать ключик. Мне совершенно ясны были враги, ясен был "друг" Похитун, казалось, ясен был Константин, а вот, что таилось в душе у Кольчугина, мне раскусить еще не удалось. Он был хитер, как старый лис, испытывавший на своей холке зубы борзых, и скользок, как угорь. Он умело скрывал свое нутро. Когда я в разговоре ставил его перед необходимостью выложить откровенно свое мнение, дать оценку определенным фактам и событиям, высказать свое отношение к конкретным лицам, он, подобно ежу, сворачивался и ошетинивался: отвечал на вопросы скупно, неопределенно, а то и вовсе обрывал разговор на самом интересном месте. Как ни странно, но меня почему-то подкупали глаза Кольчугина. В них светилось что-то хорошее, располагающее. А вот его манера общения со мной настораживала. Он часто заводил по своей инициативе разговоры, далеко не беспредметные, и у меня закрадывалась даже мысль, уж не "подключен" ли старик тоже к проверке моих настроений.

Он выспрашивал меня, кто я таков и как сюда попал; почему я не бреюсь и отпустил здесь бороду, почему мне, а не ему, не Похитуну и не Венцелю дают водку; какая у меня профессия; есть ли у меня семья, из кого она состоит и где находится; чем я занимаюсь с Константином.

Больше того, Кольчугин как-то даже пригласил меня к себе в город, как он выразился, в "свои хоромы".

Я спросил его:

- А зачем?

- А так... - ответил он. - Посидим, чайком побалуемся.

Я ответил, что подумаю. Старик тут же предупредил меня:

- Только не болтайте об этом, господин хороший.

- Как это - не болтайте? - осведомился я.

- А так. Чтобы знали об этом вы да я...

Я еще раз сказал, что подумаю, но это предупреждение насторожило меня. Я решил рассказать обо всем при удобном случае Гюберту. Видимо, Кольчугин втягивает меня в какую-то интригу, и, конечно, по распоряжению Гюберта...

Возвращаясь в свою комнату, я тронул двери инструктора Рауха - они были закрыты. Значит, он в операторской, работает. Я пошел к себе.

Кольчугин сидел возле открытой печи в излюбленной позе - на корточках, и дымил своим горлодером.

Я посмотрел на часы. До прихода Константина оставалось десять минут. У меня мелькнула мысль угостить старика водкой, бутылку которой я получил накануне.

- Фома Филимонович, - сказал я, - ты водочкой не балуешься?

- А почему же? Можно и пошалить, - ответил старик. - Но я смотрю так: всему свое время, все надо делать с пользой и в меру. У меня братень старшой, царствие ему небесное, страсть как уважал эту брыкаловку. За глоток ее готов был в церкви плясать. Вот он и добаловался.

Пошел как-то кажись, в тринадцатом году - в соседскую деревню на свадьбу. У него голос был, что у протодьякона. Песни знал всякие. Вот его и приглашали. Ну, а где петь, там и пить полагается. Поднакачали его на этой свадьбе до краев. До умопомрачения нахлестался он и все домой рвется. А стояла зима. Ранняя зима, как сейчас, но морозец держался уже исправный, правильный морозец. Его не пущают, а он рвется. Ночь, зима... И все-таки, ушел. И шубенку оставил. А в дороге, видать, заблажило его, и прилег он под копенку сена дух перевести. И перевел. Как прилег, так и не встал. Нашли его на шестые сутки, а он как кочерыжка. Водка - такое дело, господин хороший!.. А побаловаться, что ж... я не против. Но на службе ни-ни. Вот припожалывай до меня, там мы и соорудим по махонькой, у меня есть припас, а хошь - свою тащи.

- А если гауптман узнает?

- Тогда и затевать нечего. Гауптман по головке не погладит.

Меня это никак не устраивало. Меня всегда учили придавать серьезное значение мелочам. И хотя рюмка водки, выпитая в доме старика, была бы мелочью, я не хотел пить ее тайком. Такую мелочь Гюберт мог расценивать по-своему. Кольчугин не Курт Венцель, не Похитун и не Доктор.

Надо змять этот разговор, а если старик будет навязываться с приглашением, обязательно поговорить с Гюбертом. Я переключил разговор на другую тему, поинтересовался, как обстоит в городе дело с продуктами питания, есть ли у горожан топливо, потом перешел на вопросы семейные и спросил Кольчугина:

- А сыновья у тебя коммунисты?

- Это зачем же? - возрился на меня старик. - Нет, нет! Старшой, правда, хотел было записаться, да я рассоветовал. К чему? Можно и так прожить.хлопоты лишние и опять же неприятности... Времена меняются. Предполагаешь одно, а глядишь - другое получается. А вы не ходили в коммунистах?

- Нет, - сказал я, усмехаясь, - можно и так прожить. хлопоты лишние, и опять же неприятности.

Дед насупил брови, закрыл печную дверцу, поднялся и сказал:

- Ну, пойду. Дорожки надо расчистить.

Я проводил его и взглянул на часы. За разговором я не заметил, как прошло без малого полчаса, а Константина все не было. Он отличался аккуратностью, и я решил справиться у коменданта, почему его нет. Но в коридоре я наткнулся на Похитуна.

Он пощелкал себя по горлу и поинтересовался:

- Есть?

Я кивнул.

- Несколько капель для поправки, а?

Я ответил, что жду Константина. Похитун приложил палец к своим синим губам и, дыша на меня чесноком, таинственно шепнул:

- Вы его не дождетесь. Берите водку и ко мне. Я вам расскажу такое, что вы ахнете.

Через минуту с бутылкой в руках я был в комнате Похитуна. Он сам выбил пробку, налил в стакан и выпил, ничем не закусив.

Затем он подсел ко мне поближе, обнял меня за плечи и, строго-настрого предупредив о строжайшем молчании, начал рассказывать.

Оказывается, сегодняшней ночью Константина повезли на самолете для выброски под Москвой. Его сопровождал помощник Гюберта - Отто Бунк. Константину выдали деньги, документы, пистолет и рацию. И только сейчас стало известно, что самолет вернулся не на свой, а на прифронтовой аэродром. В самолете все кроме пилота оказались мертвыми, в том числе Отто Бунк. Пилот, раненный в шею и руку, с трудом посадил самолет. Из шифровки можно понять, что под Каширой, перед тем как совершить прыжок, Константин вытащил пистолет и уложил всех.

Я и в самом деле чуть не ахнул.

Вот тебе и Константин! А я что думал о нем? За кого я его принял?..

Вот как оно бывает: встанет гора между людьми и не распознают они друг друга.

В отношении Константина у меня сложилось довольно твердое убеждение, а вышло... вышло иначе. Он оказался настоящим советским человеком, героем. Как трагично сознавать, что между нами - единомышленниками и соратниками в общей борьбе - сразу легла пропасть взаимного отчуждения, что мы не поняли друг друга, не нашли общего языка. Какую силу мы представляли бы вдвоем! Трагизм был именно в том, что мы не имели права доверять друг другу, открыться друг перед другом, подчиняясь основным законам нашей работы конспирации, когда простое, человеческое, должно быть подчинено более высоким соображениям, и дело не может быть поставлено на карту.

Похитун же негодовал. Он пил водку и наливался злобой.

- Собака! Бешеная собака! - ругал он Константина. - Его вырвали из лагеря еле живого, опухшего. Он был похож на мешок с костями. Его выходили, вылечили, выкормили, обучили. И смотрите, отблагодарил!..

- Да-а... - протянул я. - Страшная история! Я вам говорил как-то, у меня душа не лежала к Константину...

- Помню, помню... Но кто же мог допустить? Только, ради бога, молчок. Ни гу-гу! Иначе с меня кожу сдерут...

Я заверил Похитуна, что все останется в тайне, но тут у меня возникла неожиданная мысль: а что, если использовать болтовню Похитуна в свою пользу для закрепления своего положения? Я пропускал мимо ушей ругань Похитуна и думал о своем.

Сославшись на то, что надо повидать инструктора Рауха, я немедленно отправился к Гюберту и постучал в закрытые двери его кабинета.

- Войдите! - разрешил Гюберт.

По его лицу трудно было что-нибудь определить, на нем лежала маска абсолютного спокойствия.

- Урок с Константином сегодня не состоялся из-за его неявки, - доложил я.

- Ах, так! У вас всё? - небрежно спросил он.

- Нет, не всё.

- Я вас слушаю.

- Мне он не нравится.

- Не нравится? - удивился Гюберт. - Чем именно? Садитесь!

Я понимал, что ничем навредить Константину не могу. Он сделал все, что задумал. Я рад за него. Но, как разведчик, я должен был использовать с выгодой такую удобную ситуацию.

- На последнем занятии он вел себя подозрительно, - сказал я.

- То есть? - Гюберт чуть-чуть приподнял брови.

- Интересовался мной, спрашивал, как я сюда попал, спрашивал о вас. Когда я пояснял ему расположение московских парков, мне показалось, что он знает их не хуже меня.

- Почему вы решили доложить мне об этом лишь сегодня?

То, что Гюберт вчера отсутствовал весь вечер и появился на Опытной станции только ночью, я знал точно, и поэтому ответил:

- Я хотел это сделать вчера, но мне не удалось. Я дважды пытался попасть к вам, но вас не было. Кроме того, я считаю, что это не поздно и сейчас. Если вы подскажите мне, как себя вести с Константином, то я надеюсь прощупать его основательно. Правда, он тип очень скрытный и замкнутый, но мне думается, что я смогу его расшевелить.

- Не стоит, - произнес Гюберт. - С Константином вы больше не встретитесь.

- Совсем?

- Да, кстати, он знает вашу фамилию?

- Если и знает, то не от меня. Я ему не назвался, - солгал я и спросил: - А что?

- Так, между прочим, - ответил Гюберт и, очевидно, для того чтобы не вызвать у меня никаких подозрений, добавил: - Если вы с ним встретитесь в городе и он заговорит с вами, то ни имени, ни фамилии своей не называйте. Это лишнее. А то, что вы мне сообщили,

заслуживает внимания. Я учту. У вас всё?

- Всё.

- Хорошо, идите.

Я направился к инструктору Рауху, затем к Похитуну, а после обеда собрался в город.

18.

ВЕСТИ ИЗ ЛЕСА

Кольчугин расчищал от снега дощатый настил, ведущий к бане. Увидев меня, он разогнул спину, снял рукавицу, осмотрел небо и почесал затылок.

- Погодка-то, господин хороший! - заговорил он. - Сейчас бы по первой пороше да по зайчишкам поплутать, а? Стоящее дело!

- Да, заманчиво, - согласился я.

- Теперь снег пойдет валить...

Я согласился и с этим. Небо затянули тучи, и с часу на час можно было ожидать снегопада.

- Куда собрались, господин хороший?

- Хочу воздуха зимнего глотнуть.

- Ну, ни пуха ни пера, гуляйте!

Я вышел со двора. Тропку, которой обычно пользовались, идя в город, занесло снегом, и я пошел по дороге, наезженной автомашинами.

Морозец пощипывал кончики ушей. Острые струйки студеного воздуха проникали под одежду и приятно охладили тело.

Лес наполняли зимние, горьковатые запахи хвои. Я дышал глубоко, всей грудью.

Кольчугин оказался прав. Не успел я добраться до города, как в воздухе тихо и беззвучно запорхали первые снежинки. Сухие и колкие, они щекотали лицо. А когда я вошел в город, снег повалил мягкими и крупными хлопьями.

За последние десять дней я уже третий раз приходил в город, но слежки за собой не замечал. Не заметил ее и сегодня, хотя все время был начеку.

Я шел не торопясь, с видом празднующегося, останавливался у плакатов и объявлений. Время я рассчитал строго.

Местом для встречи с Криворученко был намечен небольшой район, где я загодя поставил условный знак. По договоренности удаляться от знака в ту или другую сторону разрешалось не больше чем на сто шагов. Недалеко от единственного оставшегося в городе кинотеатра, где крутили немецкие фильмы, на деревянном заборе я разглядел свой знак.

По улице торопливо сновали прохожие.

Я пошел дальше, сдерживая нарастающее волнение. В моем распоряжении оставались считанные минуты.

Я считал шаги: двадцать... тридцать... семьдесят. Довольно.

Я остановился возле объявления бургомистра, недавно вывешенного на всех улицах, и стал его читать. Бургомистр настойчиво призывал трудоспособных горожан записываться вместе с семьями на отъезд для работы в германской промышленности и сулил им молочные реки в кисельных берегах.

С обращением я познакомился на всякий случай заранее. Сейчас я его не читал. Я смотрел на него, и буквы плясали у меня перед глазами. Волнение ширилось, нарастало, а снег все валил и валил...

Я отсчитывал про себя секунды: семь... восемь... двенадцать... и замер, скосив налево глаза, - рядом со мной кто-то остановился. Я увидел только большой волчий трех и шелковистую курчавую бородку, запорошенную снегом. Да и весь человек, залепленный снегом, походил на елочного деда-мороза.

Неизвестный тоже решил, видимо, прочесть объявление до конца.

Его соседство меня совсем не устраивало. Вот-вот должен подойти Криворученко. Я не

допускал мысли, что он заговорит со мной при постороннем. Криворученко, конечно, пройдет мимо.

Я с досадой подумал: "Черт его принес, этого дядю! Не нашел другого времени".

Я решил отойти и раздумывал над тем, в какую сторону отойти лучше. Но едва я сделал движение, как неизвестный шепнул:

- Кондратий Филиппович, дорогой!.. Это я...

Нет, я даже не повернулся. В этом не было нужды. Голос Семена я мог различить из тысячи голосов. И я его узнал.

Впившись глазами в обращение, я вздохнул:

- Семёнка!..

А как мне хотелось расцеловать его!

- Да, да, я... Все в порядке! - шепнул он.

- Времени в обрез, - процедил я сквозь зубы.

- У меня тоже... И подвода ожидает, - торопливо проговорил Семен. Ш-ш...

Подошла женщина. Ее, очевидно, привлекло любопытство: двое читают, почему ей не почитать. Может быть, что-нибудь интересное. Но, пробежав глазами текст обращения, она шумно вздохнула и ушла своей дорогой.

- Говори скорее, - торопил я. - Где бросили якорь?

- В двенадцати километрах. Лес густой, болото, глухомань. Назначайте, где лучше встретиться.

- В кино. Запомни, в кино. Я укажу дату и время...

- Не пойдет, - прервал меня Криворученко. - В городе меня уже знают я три раза привозил в баню дрова из леса и сейчас привез... Личность для посещения кино неподходящая...

Это меня обескуражило. Другого варианта я не подготовил.

- У вас на Опытной станции, - продолжал Криворученко, - есть истопник Кольчугин.

Попытайтесь его использовать.

Я не поверил собственным ушам.

- О ком ты?

- О Кольчугине, Фоме Филимоновиче.

- Откуда ты его знаешь?

Криворученко молчал. Приближались мужчина и женщина. Они тащили за собой санки, на которых была укреплена бочка с водой. Когда они прошли, Семен ответил:

- Сказал командир партизанского отряда. Я был у него. Кольчугин участник городского подполья. Он прорвался к вам при содействии старшего подпольной группы, а тот работает в управе... У Кольчугина два сына на той стороне. Одного звать Петром, второго - Власом.

- Тут не провокация?

- Что вы! И лесник говорил мне о Кольчугине.

- Какой лесник?

- Связой между партизанами и подпольем.

- Что он говорил?

- Что Фома Филимонович вернейший человек. Его сразу не раскусишь.

"Куда там!" - подумал я и спросил:

- Кольчугин знает, кто я?

- Откуда он может знать? Никто не знает, кроме командира отряда, а он - здешний секретарь райкома. Я было решил встретиться с вами через Кольчугина, но потом не рискнул. Лучше вы сами с ним сговоритесь. Он считает вас предателем, сообщил об этом подполью, и подпольщики уже хотели казнить вас...

- Здорово! Только этого и не хватало... Вас двое?

- Да, я и радист. Это уже второй... Тут целая история...

- Ладно. Это потом. Отстучи сегодня же, что у меня все в порядке, а подробности после беседы. Да... Передай срочно, что между городом и селом Поточным разбазируется авиаполк. Пусть его кроют. Пусть немедленно положат кого-нибудь из наших в больницу под именем

Брызгалова. Всё. Иди. Дня через три жди мои сигналы. Понял?

- Да, да... А если Кольчугин будет ломаться, вы ему шепните: "Как лес ни густ, а сквозь деревья все же видно". Это их пароль.

- Добре! Иду...

Криворученко отошел. Я "дочитал" обращение до конца, мысленно поблагодарил бургомистра за то, что оно такое пространное, и зашагал домой.

Снег кружил в воздухе, и трудно было определить, откуда он летит: то ли сверху, то ли снизу. Удачная погодка!

В эту ночь я долго не мог заснуть, но теперь уже от избытка радостных мыслей.

Я лежал на койке с закрытыми глазами, в полной темноте. Пурга бесновалась и выла снаружи, возилась в печной трубе, скреблась в окно, а я все думал и думал.

Вначале я мысленно побывал в глухомани, где укрывался Семен с радистом. Успел ли он добраться до места? Хотя в лесу пурга не так страшна, как в степи. Всего двенадцать километров разделяло нас. Но я лежал в теплой комнате, на простыне и подушке, под одеялом, а они?.. Они, наверное, жмутся друг к другу в какой-нибудь норе, дрожат от стужи, а над ними темень, вьюга... А может быть, радист отстукивает сейчас ключом, и его точки-тире жадно ловит радицентр партизанского штаба.

Потом я постарался суммировать все, что накопил в своей памяти за это время и что необходимо было передать на Большую землю. Получилось немало. Во всяком случае, на первых порах радист будет обеспечен работой по горло. Надо сообщить, что нашелся Вилли, и что Вилли - это и есть гауптман Гюберт, о котором говорил Брызгалов, что Гюбертом руководит полковник Габиш, что я познакомился с Доктором - Шляпниковым, что в район станции Горбачеве выброшен радист Курков, что опустившийся на нашу землю под Каширой Константин - герой и настоящий человек, что, наконец, "осиное гнездо", как мы и предполагали, занимается подготовкой и переброской на нашу сторону разведчиков, радистов и диверсантов.

Напоследок мысли мои закружились вокруг старика Кольчугина. Хорош старик! Молодчина! Залез головой по самую шею в пасть зверя и действует! Вот это подлинно русская душа, советский человек!

И теперь мне ясно, зачем он приглашал меня в гости и предупреждал о молчании. Он намерен был передать меня подпольщикам. Только и всего! И получилось бы довольно забавно, особенно если бы меня прикончили. Ну ничего...

При выполнении задачи, которая на меня возложена, такие переплеты не только вероятны, но и вполне естественны.

19.

ОБЪЯСНЕНИЕ В БАНЕ

День выдался морозно-звонкий, с чистым и ясным небосводом. С утра топили баню, и в ней поочередно, в порядке субординации, мылись обитатели Опытной станции. Из банной трубы струился витой столбик дыма. Черные вороны нетерпеливо, с деловым видом копались в куче золы, сереющей на снегу.

В бане хлопотал старик Кольчугин. Но топкой его дело не ограничивалось: Гюберт, Шнабель и Раух использовали старика как банщика, заставляя его натирать себе спины. Гюберт, подчеркивая свое знание России, парился до одурения.

Сейчас Фома Филимонович таскал в баню охапки дров, а я сидел на скамье возле дома и ожидал своей очереди. Ожидал и наблюдал за стариком, обдумывая, как похитрее обставить решительное объяснение с ним.

Кольчугин подошел ко мне и сказал:

- Через полчасика пожалуйста, господин хороший. Знатная сегодня банька вышла. Даже

гауптман отблагодарил.

- А спину потрешь? - спросил я.

- Можно потереть. А можно и веничком... березовым веничком. Куда лучше против мочалки. От всяких недугов освобождает.

- Гауптмана ты тоже веничком полощешь? - поинтересовался я.

- Кто что любит, господин хороший.

- А воды хватит? - спросил я, вспомнив, что в прошлый раз мне едва удалось смыться.

- Сегодня всем хватит. Солдаты натаскали. Давайте собирайтесь...

Он зашагал по деревянному настилу к бане, а я отправился к себе за мылом, полотенцем и бельем.

По дороге я заглянул к Похитуну. Он валялся в приступе хандры на своей разрытой, неопрятной постели, ворочался с боку на бок, охал, вздыхал, кряхтел и кашлял.

- Мылись? - поинтересовался я, заранее зная, что он не мылся.

- Делать мне больше нечего! - ответил Похитун и повернулся лицом к стене.

"Грязная тварь!" - подумал я.

Похитун был не в настроении разговаривать. Он вчера выпил всю мою водку и знал, что больше у меня нет. Знал он также, что в банный день я не хожу в город и что рассчитывать на угощение не приходится. Я отправился в баню.

В предбанник, совершенно темное помещение без окон, вместе со мной белым облаком ворвался холодный воздух. В лицо пахнуло теплом. Я захлопнул за собой дверь, накинул цепочку, задвинул защелку и начал раздеваться.

Фома Филимонович, раздетый, расхаживал по бане. В чугунном котле глухо клокотала закипавшая вода. Огонь из печи бросал золотые отсветы на стену и лавку, на которой я сидел. Перегоревшие березовые дрова излучали жар. Приятно паховало смолой.

- Сейчас мы парку свежего поддадим! - весело объявил старик, когда я перешагнул порог бани.

Я остановился. Фома Филимонович откинул железную дверцу, черпнул большим ковшом воду из бочки, нацелился и плеснул ее на накалившиеся камни. С шипением и свистом мощной струей вырвался сухой пар. Он закружился под потолком, пополз в предбанник. Я присел на корточки.

- Могу еще подбавить, - сказал Кольчугин.

- Хватит и этого за глаза.

- Тогда пожалуйста, - пригласил старик.

Я нерешительно полез на полку, осторожно ступая на скользкие приступки.

- На гору! На гору! - подбодрил меня Фома Филимонович, видя, что я замешкался на предпоследней приступке.

Я собрался с духом и залез на самый верх. Здесь было сущее пекло. Пар пробирал до костей, дышать было нечем. Но я не хотел терять репутации в глазах Фомы Филимоновича, крепился и решил держаться до победного конца. Дед подал мне шайку с холодной водой. Черпая воду пригоршнями, я помочил грудь у сердца и затылок. Немного полегчало.

Фома Филимонович наблюдал за мной, стоя у стены.

- Ну, как оно? - осведомился он.

- Хорошо! - отозвался я.

И в самом деле, было очень хорошо. Я с детства питал неодолимую любовь к русской бане, любил побаловаться паром и испытывал сейчас подлинное, ни с чем не сравнимое наслаждение.

- А еще можно и так, - заговорил дед. - Распариться да в снежок... Повалиться, покататься да опять в баньку. Потом никакая хвороба не прицепится.

- Это уж слишком, - заметил я и поинтересовался: - А ты пробовал?

- Как не пробовать, пробовал, но давно. А вот сын, старшой, тот и теперь...

- Это которого Петром звать? - пустил я первый пробный шар.

- Ага, - машинально подтвердил старик и, спохватившись, уставился на меня испытующе и

тревожно.

Откуда я знаю имя сына?

Я продолжал плескаться водой и, как бы не замечая его смущения, продолжал:

- А меньшого зовут Власом?

Фома Филимонович недоуменно воззрился на меня, чуть приподняв лохматые брови. Его лицо, изрытое глубокими морщинами, застыло в неподвижности. Пальцы теребили березовый веник.

- Ты что, оглох? - крикнул я.

- А? Что такое? - Старик сделал вид, что не расслышал.

- Я спрашиваю тебя: меньшого зовут Власом?

- Ну?

- Что - ну? Ты отвечай, а не нукай.

- Ну, Власом. А што? - и похлопал веником по своим жилистым, волосатым ногам.

- Да так, ничего, - невозмутимо ответил я. - Хорошие имена.

- В общем... неплохие, - нерешительно, каким-то чужим голосом проговорил Фома Филимонович, переминаясь с ноги на ногу. Он, видимо, раздумывал над моим странным поведением.

- Почему неплохие - хорошие! - поправил я старика. - Они ведь, кажется, и хлопцы настоящие, не то что их батя.

Тут Фома Филимонович с ненавистью уставился на меня и тихо спросил:

- К чему вы это все, господин хороший?

Я резко ответил:

- Ты не прикрывайся "господином хорошим", не выйдет!..

- Что так? - растерянно спросил дед.

Я решил сжимать пружину до отказа и сказал:

- Так вот, о сыновьях... Ты говоришь: к чему все это? К тому, отец, что хорошими сыновьями гордиться надо!

Фома Филимонович шумно вздохнул. Видимо, собрался с духом и, усмехаясь, проговорил фальшивым, веселым тоном:

- А чего ими гордиться? Нечего гордиться... Сами дралу дали, а батьку-старика с внучкой бросили - как, мол, хотите, так и устраивайтесь! Им-то небось хорошо, плевать на всё, живут себе и в ус не дуют. А каково мне? Им, видать, и в ум не взбредет, что родной их батька...

- Да, вот именно, - решительно перебил я деда, - что родной их батька в это время господам хорошим в парной баньке березовым веничком задницы полирует.

Кольчугин дернулся, точно в него выстрелили. Он хотел что-то сказать, но я продолжал:

- Вот сегодня, после баньки, я с большой охотой проведаю твои хоромы, и мы разопьем по чарочке. Не раздумал?

Старик, предчувствуя что-то недоброе, молчал, опустив руки.

- Что же ты молчишь? Перерешил?

- Почему?.. Нет... - неохотно ответил Кольчугин.

- Вот и прекрасно! - одобрил я. - Гауптману я доложил. Он не против. Он сказал: "Сходите, сходите. Это неплохо... За этим тихоней стариком надо приглядеть, а то он что-то все высматривает, вынюхивает, обо всем выпрашивает. Больно подозрительно. Подпоите его и расспросите... Кстати, узнайте, в каких отношениях он состоит с тем человеком, который рекомендовал его нам и работает в управе. По нашим данным, этот человек является активным участником подполья". Вот так мне сказал гауптман Гюберт. Понял?

Фома Филимонович выпрямился и стал как будто выше ростом, шире в плечах. Ярость вспыхнула в его светлых глазах, они сузились и показались мне черными, как угли. Ветвистая жила на лбу налилась кровью. Желваки заходили на скулах под кожей. Некоторое время он не мог произнести ни слова и наконец, подавшись немного вперед не сказал, а прохрипел:

- Кого ты здесь изображаешь, живоглот? Кто ты таков есть?

Я не узнал мирного, добродушного, с хитринкой в глазах старика. На меня смотрели глаза,

полные ярости и злобы, не предвещавшие ничего доброго. Губы Кольчугина дрожали, лицо стало багровым. Все в нем горело, кипело, бурлило. Зажав в горсть левой руки кожу под сердцем, он медленно надвигался на меня.

- А ну, стой! - прикрикнул я, схватив в руки шайку, наполненную водой. - Стой, а то так и огрею!

На всякий случай я привстал и уперся головой в низкий потолок.

- Кто ты есть, шкура? Говори! - повторил старик. Он весь трясся, точно в лихорадке.

- Ого! - сказал я спокойно. - Гауптман, оказывается, прав. "Знаем мы этих тихих, - говорил он. - Все они притворы".

Но я увлекся и чуть не переиграл. Кольчугин был, видимо, скор на руку. Тяжело сопя и не спуская с меня воспаленных глаз, он подался влево, нагнулся, и в руке у него оказался внушительный колун с длинным топориком.

- Вмиг порешу и себя сгублю! Я смерти не боюсь. Но прежде тебя в печи сожгу вместе с потрохами. Раскрывайся, стерва!.. - Он поднял колун и ступил на первую ступеньку.

- Хватит! - строго прикрикнул я. Пора было играть отбой. - Довольно! Раскроюсь... "Как лес ни густ, а сквозь деревья все же видно"... А то и в самом деле подеремся в бане, как дурни, да еще голые.

Старик вздрогнул всем телом, опустил руки, колун со стуком упал на деревянный пол. Голова Кольчугина опустилась на грудь.

- Я такой же, как и ты и твои сыновья, советский человек, а не предатель... - сказал я, спускаясь вниз.

Кольчугин молчал, смятенный и подавленный. Потом он тяжело опустился на ступеньку и уставился широко раскрытыми глазами в одну точку. Он заплакал. Беззвучно заплакал, дергая плечами и глотая соленые слезы.

Я скатился вниз, бросился на пол, опустился на колени перед стариком и взял его руки в свои. Боль сжала сердце. Я проклял себя в ту минуту за свою нелепую выходку. Ведь можно же было объясниться иначе, без всяких фокусов! Черт меня дернул...

- Прости, Фома Филимонович! Прости, дорогой! Обидел я тебя...

Он высвободил руки и положил их на мои плечи.

- Чего же ты молчал? - тихо проговорил он своим прежним голосом. Ведь могла беда стрястись, непоправимая беда! Укокошить мы могли тебя. Все готово было...

- Знаю, все знаю.

- Откуда? - удивился Кольчугин.

- От верного человека.

- А пароль как узнал?

- От него же.

- Кто же он?

- Мой помощник... Это длинная история, потом расскажу. Он в лесу, связан с командиром партизанского отряда и с курьером вашим, лесником. Теперь сообщу будем действовать... Фома Филимонович встал, посмотрел на меня в упор, не мигая, и губы его раскрылись в улыбке. Он улыбался, а под ресницами еще серебрились слезы. Я обнял его и расцеловал. Взволнованный, он расправил плечи, прошел в предбанник, откинул цепочку и защелку. Я сообразил, в чем дело: он хочет, чтобы дверь была не заперта.

Вернувшись, он схватил веник, угрожающе потряс им и приказал:

- А теперь полезай наверх! Лезь и ложись! Уж я покажу тебе сейчас, как у нас чешут спины.

Ох, и знатно я тебя отделаю!..

Я покорно выполнил приказание - забрался на самую верхотуру и лег. Я готов был на любую пытку. Я чувствовал, что Фома Филимонович устроит мне настоящую баньку!

А он между тем плескал воду на раскаленные камни и подбавлял парку.

ОПЯТЬ ПАРАШЮТИСТ

Чем успешнее шли мои дела, тем осторожнее я действовал.

Наибольший успех - установление связи с Семеном Криворученко и приобретение такого союзника, как Фома Филимонович. Объяснение в бане окончательно и прочно определило наши отношения.

Теперь я был не один. Это и облегчало, и осложняло мою роль. Ведь известно, что самым уязвимым местом разведки является связь. История давала много примеров тому, как иногда блестящие, талантливые разведчики, отличавшиеся безумной смелостью, отвагой, умом и профессиональным умением, бесстрашно проникавшие на неприятельскую территорию или в чужую страну и успешно бросавшие там якорь, гибли именно "на связи".

Они проваливались в большинстве случаев при встречах со своими помощниками, со старшими, с держателями явочных квартир, со связными, курьерами.

Памятуя об этом, я объяснил Фоме Филимоновичу, что обо мне и моей задаче не должен знать никто из его товарищей по подполью. Я строго-настрого предупредил его не расшифровывать и Криворученко. И то и другое не вызывалось никакой надобностью.

Очередную встречу с Криворученко я отложил. Она нужна была позарез, но я все-таки отложил ее. Я знал, что она не уложится, как в прошлый раз, в несколько минут, что я должен буду выслушать Семена, должен буду написать несколько донесений для передачи на Большую землю, уговориться о способах дальнейшей связи. На все это потребуется время и, главное, совершенно безопасное место.

Меня выручил Фома Филимонович. Он предложил к моим услугам для встречи с Криворученко свои, как он выразился, - "купецкие хоромы". Он заверил меня, что числится у оккупантов не на плохом счету, а потому я могу не тревожиться. Оставалось решить вопрос со временем.

Я не хотел идти в город с Похитуном. На этот раз он явился бы для меня помехой. Я мог бы пойти один, как уже ходил не раз, но решил полностью обезопасить себя и изобрести удобный предлог. Мало ли что может случиться? А вдруг я понадобится Гюберту? Вдруг меня начнут искать? Я хотел быть твердо уверен, что ничего подобного не произойдет. Наконец предлог был найден. Помог случай.

Я отправился в город, чтобы предупредить Семена и оставить понятный одному ему знак. Ведь он ожидал встречи через три дня, а минуло уже несколько раз по три. Меня сопровождал Фома Филимонович. Вернее, он не сопровождал, а наблюдал за тем, чтобы никто не вздумал следить за мною. Я шагал по улицам, а он за мною следом, выдерживая определенную дистанцию. Я раздумывал над тем, как лучше организовать встречу с Семеном, и вдруг услышал странно знакомый голос. Что-то зашевелилось в моей памяти. Голос раздавался сзади, и тот, кому он принадлежал, шел не один, а с кем-то в компании. Я убавил шаг, силясь припомнить, где я мог слышать этот голос. До моего слуха долетали смешки, обрывки фраз. Но память отказывала.

Будто невзначай я уронил сигареты из пачки, чтобы, подбирая их, взглянуть на обладателя знакомого голоса. Но мой маневр предупредили:

- Эй, любезный! Из вас что-то сыплется...

Я быстро обернулся, сделал шаг назад и почувствовал, будто горячий туман заволакивает мне глаза. Я увидел... Проскурова! Парашютиста Проскурова, схваченного и расстрелянного Гюбертом, неизвестного лейтенанта Советской Армии, из-за которого так долго и мучительно страдала моя душа. Разум отказывался признать это, но факт был налицо. Передо мной был Проскуров: те же рыжие волосы, спадающие завитками на лоб из-под шапки-кубанки, тот же сухой блеск в глазах. Значит, он жив! Значит...

И только сейчас я сообразил, как ловко меня одурачил Гюберт. Хотя, что значит одурачил? Правильнее сказать - пытался одурачить.

Но нужно отдать справедливость - инсценировку он провел превосходно: крик в лесу, стрельба, картина допроса, страшная ночь в моей комнате... Да и Проскуров сыграл свою

роль блестяще. Так блестяще, что не вызвал у меня даже намека на подозрение. Проскуров прошел мимо в компании двух полицаев и одного высокого человека. Меня он, к счастью, не узнал. Этому, очевидно, помешали отросшая борода и спущенные уши шапки-ушанки.

Я замедлил шаг, не теряя из виду Проскурова, и дал сигнал Фоме Филимоновичу приблизиться.

- Видишь, пошли трое? - спросил я старика, когда он пошел почти рядом со мной.
- Вижу.
- Надо обязательно узнать, кто этот, в серой кубанке.
- А я знаю, - ухмыльнулся дед.
- Кто?
- Наклейкин, предатель, в гестапо работает... дифферентом каким-то.
- Референтом?
- Во-во... А что случилось, душа моя? Долго его в городе не видать было, а теперь вот выполз откуда-то.
- После, отец... Теперь сворачивай направо и гляди в оба.

Я вынул из кармана уголек...

На другой день, сейчас же после завтрака, я заглянул в клетушку Фомы Филимоновича на Опытной станции. Клетушка была пришита к глухой стене бани. И старик именовал ее своим "закутком". Фома Филимонович, сидя на чурбаке, накладывал кожаную заплатку на валенок.

- Вишь, - пожаловался он, тыча пальцем в большую дыру в заднике валенка, - каши просит. В руке он держал шило, а в зубах конец дратвы. Он примеривал лоскуток кожи то одной, то другой стороной, пока не приладил его наиболее удачно.

В закутке аппетитно пахло стариковским горлодером. В маленькой железной печурке потрескивали охваченные огнем березовые чурбачки.

Здесь можно было разговаривать без опасений быть подслушанным.

- Ты знаешь, где живет Наклейкин? - спросил я старика.
- Знаю. В доме, где пекарня... Насупротив биржи. Как раз насупротив. А что?

Мне пришлось коротко рассказать Фоме Филимоновичу историю моего знакомства с Прескуровым.

Он выслушал, поцокал языком и сказал:

- Не след тревожиться... не след. Мы наципдем из него лучинки.
- Нет, нет. Ни в коем случае! - запротестовал я.
- Это как же? Такого стервюгу? Ты знаешь, что он людей ни в грош не ставит? Людям хоть в петлю от него лезь? Обличье у него соколье, а сердце воронье. Подлый человечиска, трухлявая душонка в нем. Губит людей, как короед древесину. Насобачился на предательстве. И вокруг внучки вертелся, как бес перед заутреней.
- Вокруг какой внучки?
- Вокруг моей, какой же еще? Увидел ее и прямо дыхнуть не дает девке, лезет ей в душу, как бурав в доску... Пристает с ножом к горлу. И еще грозит: "Не пойдешь, так отправлю тебя вместе с батькой на кудыкалку". А что такое "кудыкалка", мы уже знаем. А он может, подлец! Он около начальства вьюном вьется.

- А другой кто, высокий?

- Дрянь... Переводчик гестапо. Давно до него добраться надо.

У меня окончательно созрел план. Я доказал Фоме Филимоновичу, что расправа с Проскуровым меня не устраивает.

- Можно сделать так, что они сами его уберут, - заверил я старика. - Уберут в самое короткое время, да еще так, что его днем с огнем не сыщешь.

Кольчугин согласился. А вечером я напросился на прием к Гюберту. Я доложил ему, что, гуляя по городу, встретил весьма интересную личность.

- Мы встречались до войны. Он этажом ниже жил, отдельную квартиру занимал. Я его узнал, а он меня нет. Если память мне не изменяет, он офицер НКВД. Потом уехал на границу

служить, в пограничные войска.

Гюберт встал. Я понял, что он очень заинтересован и взволнован.

- Что вы предлагаете? - спросил он.

- Предлагаю выследить его.

- Что вам нужно для этого?

- Только ваше согласие.

- А люди?

- Боже упаси! - с легким испугом возразил я. - Никаких людей. Я выслежу его сам.

- Уверены?

- Не вижу в этом ничего сложного.

- Я разрешаю вам лично задержать его, - сказал Гюберт, вынул из ящика стола маленький маузер и подал мне. - Понятно?

Я кивнул головой, но тут же счел нужным спросить:

- А куда его доставить?

- Только сюда.

- Ясно. Если надо будет, прибегну к помощи полиции... Тогда разрешите мне завтра остаться без обеда и покинуть станцию сразу после занятий.

Гюберт холодно улыбнулся:

- Если это не отразится на вашем здоровье.

Я тоже позволил себе улыбнуться в присутствии гауптмана, сунул пистолет в карман и вышел.

21.

"ВНИМАНИЕ! СЫПНОЙ ТИФ!"

Тропинкой в один след, проторенной в снегу, я шел в город. У домика на окраине, где когда-то я увидел "кепку", сидел Фома Филимонович. Я прошел мимо него как незнакомый человек.

Вечерний сумрак все плотнее прижимался к строениям города. Улицы были заметены снегом. На тротуарах - сугробы, и никто не расчищает их: нет хозяина в городе, нет хозяйской руки. Оккупантам не до уборки улиц, они заняты другим. Каждый день идут составы на запад, в Германию. Увозится даровая рабочая сила на подневольный, каторжный труд. Люди стоняются из окрестных деревень, их хватают в городе, периодически устраиваются облавы. Кругом идет ничем не прикрытый грабеж. Увозится все, что имеет хоть какую-нибудь ценность: древесина, железный лом, кровельное железо, зерно, фураж, скот, кирпичи, рельсы, стекло, сырая необработанная кожа, медь... Доламывается и растаскивается то, что чудом уцелело от огня, снарядов и бомб...

Криворученко был уже там, где ему надлежало быть в это время. Он стоял и читал наклеенную на заборе газету. Я прошел мимо, подал условный знак следовать за мной и направился дальше.

Фома Филимонович топтался на перекрестке с кisetом в руках и держал в руках сигарку.

Когда он закурил и от этой сверхмощной сигарки пошел дымок, я понял, что все идет благополучно и никакого "хвоста" за мной нет.

Старик пустил для ясности два-три густых облачка и пошел налево. Я последовал за ним, а за мной - Криворученко.

Потянулся высокий, покосившийся деревянный забор. Фома Филимонович протиснулся сквозь щель и исчез. Впереди никого не было. Темнота уже плотно заволакивала улицу. Я дошел до щели и тоже протиснулся в какой-то двор. Я лишь успел мельком взглянуть на немецкую надпись на заборе около щели: "Ахтунг! Флекфибер!" "Внимание! Сыпной тиф!" Я усмехнулся и осмотрелся. Двор был велик и сплошь завален грудями кирпича, железобетона, балками. Здесь когда-то стояло большое здание. Удар бомбы превратил его в

развалины. Опаленные огнем, почерневшие от дыма куски уцелевшей стены угрожающе нависали над тоненькой тропкой, по которой не оглядываясь шагал Кольчугин.

Тропка вела в самую глубь

развалин. Я сделал несколько шагов и услышал позади скрип снега. Я хотел оглянуться, но не успел - Криворученко обнял меня и принялся мять мои кости.

- Экий, брат, ты медведь! - проговорил я, с трудом переводя дух. Ну-ну, пойдем скорее...

Успеем еще...

Тропка проползла сквозь развалины и привела нас к "хоромам" Фомы Филимоновича. Мне показалось, что это землянка, заваленная снегом. Наружу выглядывал кусок железной водосточной трубы. Из нее вперемешку с густым дымом вылетали искры.

Фома Филимонович ждал нас у входа, запустив пальцы в бороду, отороченную густым инеем.

- Прошу, дорогие гости! - пригласил он и повел за собой вниз по ступенькам.

Мы пробирались в кромешной темноте, держась руками за стену. Я насчитал двенадцать ступенек.

- Надежные у меня хоромы, - слышался голос старика. - Подвалище глубокий. Здесь раньше банк был.

Наконец спуск окончился, и мы оказались в сравнительно просторном помещении. Это была подвальная клетка с довольно высоким потолком, в которой даже Криворученко мог стоять не сгибаясь. Все ее убранство составляли два топчана, стол между ними, две табуретки, железная печь с длинной трубой, уходящей в глухую стену, и что-то, имеющее отдаленное сходство с комодом.

На столе стояла керосиновая лампа. Царил полумрак. Но, когда Фома Филимонович поднял огонек в лампе, стало светлее.

Как ни угрюмо было убежище старика, оно все же дохнуло на меня милыми домашними запахами, уютом и покоем. Самовар, прижавшийся к железной печке, пускал замысловатые ноты. Его труба пряталась в дверце печи.

- А это моя наследница, - сказал Кольчугин.

Ко мне подошла тоненькая, стройная девушка с еще полудетскими чертами лица. Она подала мне маленькую горячую руку и назвала себя Татьяной. Пожимая ей руку и как-то неуклюже раскланиваясь, Криворученко так внимательно смотрел на девушку, что она смутилась.

У нее были чистые, доверчивые и немного печальные серые глаза. Природную, естественную грацию подчеркивало даже простенькое сатиновое платьице. Ткань от частых стирок до того проредилась, что казалась прозрачной.

Мне захотелось получше рассмотреть Семена. Я подвел его поближе к свету и взгляделся в обросшее курчавой бородкой и продубленное ветрами и морозами лицо. Мы долго трясли друг другу руки и в заключение крепко расцеловались.

- Тут, братцы, можете секретничать как хотите, - проговорил Кольчугин. - Тут нет никакой опаски, а если кто нагрянет... - Он подошел к комоду, сдвинул его с места, и мы увидели квадратную дыру в стене, - сюда ныряйте. Уж там, кроме меня, никто вас не отыщет. А если хотите одни остаться, то мы с внучкой откомандируемся.

Я решительно запротестовал и дал понять, что не собираюсь таиться ни от старика, ни от Тани.

Довольный, Фома Филимонович поставил на место комод, подошел к Криворученко, взял его за борт полушубка и спросил:

- Так это ты пароль Кондратию Филипповичу притащил?

- Я, Фома Филимонович.

- А кто сказал тебе?

- Командир отряда, товарищ Дмитрий. А лесник вам кланяться велел.

- Трофим?

- Да, Трофим Степанович.

- Видать, он тебя и с партизанами свел?

- Наоборот, партизаны с ним познакомили.

Таня сняла с самовара трубу, обтерла его тряпкой, продула и попросила деда поставить на стол. Но прежде чем Фома Филимонович успел приподняться, Семен быстро подхватил самовар и водрузил его на стол.

На столе появились фаянсовые кружки, чайник. Белая скатерть с синей махровой каймой, стираная-перестиранная, оживила скромную обстановку.

- Ты что, дедок? - удивленно спросил я, видя, что Таня расставляет тарелки. - Угощать собираешься?

- А как же! Чем богаты, тем и рады. Я же манил тебя в гости, - он подмигнул мне, - а ты все ломался.

- Напрасно, отец. Время дорого... Мы...

Старик взглянул на меня с таким укором в глазах, что я не окончил фразы. Видно, мало было радости у этих людей и давно не сидел за их столом близкий человек.

Я быстро сбросил пальто и сел за стол. Собственно, торопиться мне было некуда. Прошло всего сорок пять минут, как я покинул Опытную станцию.

Семен последовал моему примеру. Он отстегнул от поясного ремня флягу, выразительно посмотрел на меня и приладил ее, чтобы она не упала, к заварному чайнику.

Таня подала на стол большую сковороду с пузатыми, докрасна зажаренными карасями и солонку с крупной серой солью.

- Что это за надпись грозная красуется на вашем заборе? - спросил я Кольчугина.

- Это Таня смастерила, - ответил старик. - Туда, где такая вывеска, немцы в жисть ногой не ступят. Уж больно боятся они сыпняка. Пуще, чем черт ладана.

Мы рассмеялись выдумке Тани. Семен разлил спирт по кружкам, разбавил его водой, мы чокнулись и выпили. Таня, едва пригубив кружку, поставила ее на стол.

- На-тка, откушай карасика! - И старик подsunул сначала мне, а потом Семену по жирной, чиненной пшеном рыбине. - Знатная рыбешка! Все ребята свои выручают, подбрасывают.

22.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ЛЕСУ ПОД ПЕНЗОЙ

Прикончив пятого карася, я вооружился карандашом, бумагой и быстро исписал целый листок. Это было мое первое донесение. Я отдал его Семену, и он молча кивнул. Потом я спросил Семена:

- Кто у тебя радист?

- Раздушевный паренек шестнадцати годков и ростом с винтовку.

- Постарше не было?

- Да я этого ни на кого не променяю. Золото, а не парень! Был постарше... Я же дважды к вам прыгал...

- Как это - дважды?

- А так. Накрохина помните?

- Конечно.

- Так вот, первый раз я прыгал с ним.

- Ну... и в чем дело? Что ты тянешь?

- Да тут длинная история...

- Ну, ну, выкладывай!.. Будете слушать? - опросил я хозяев.

И Фома Филимонович и Таня дружно закивали.

- Смотрите, - предупредил Семен, - минут пятнадцать украду у вас, но послушать стоит, не пожалеете.

Закурили. Семен пересел с топчана на табуретку и начал рассказывать "длинную историю".

- Погода в тот день стояла неважная. С полудня запуржило, задула поземка, а к вечеру закрутила метель. Я и Накрохин решили, что в такую погоду о вылете и думать нечего. Метет

так, что за десять шагов трудно что-нибудь разобрать. И вдруг уже в полночь открывается дверь и входит в хату весь залепленный снегом известный вам майор Коваленко.

Отряхнулся он и говорит:

"А ну, собирайтесь и живо в сани! Поедем на аэродром".

Очень ветрено было, и, хотя лошадки старательно тащили сани, на дорогу к аэродрому мы затратили добрый час. Наконец добрались. И прямо - в землянку к командиру отряда.

Невезение началось с первой минуты. Не успели мы переступить порог, как тут же выяснилось, что у пилота, который должен был вывозить нас, температура поднялась до тридцати девяти. Надо же такому случиться!

Пилот доказывал, что может лететь, но командир оставался неумолимым и приказал ему лежать. Я и Накрохин были уже знакомы с пилотом. Бывалый, опытный летчик. Я считаю, что половина успеха в нашем деле зависит от опытности летчика. А тут вдруг... Мы повесили носы.

Но майор Коваленко сказал командиру отряда:

"Отменять вылет нельзя. Давайте другого пилота".

На счастье, в резерве оказался молоденький хлопец. Машина у него была какая-то странная, оборудована из рук вон плохо. Кабина пилота отделялась от кабины пассажиров глухой переборкой так, что общаться с пассажирами в воздухе он не мог.

Пилот - паренек лет на пять моложе меня - объявил нам басом:

"Как дам белую ракету, прыгайте! Ясно?"

"Ясно, - говорит Накрохин. - Хотя, позвольте... Почему ракету?"

"А что другое предложите? - спросил пилот. - Я же от вас отделен. Место приземления безлюдное, от передовой далеко, поляна в лесу, там хоть сто ракет пускай... Лезьте в кабину".

Машина поднялась, сделала круг, легла на курс и стала набирать высоту.

Мы прилипли к оконцу, затянутому мутным оргстеклом, и сидели так до решающей минуты. Ощущение было такое, будто мы не летим, а стоим на месте, вернее - висим в какой-то мутной жиже. Ни горизонта не видно, ни звезд, ни земли - ничего! На сердце тоскливо и беспокойно.

Я был уверен, что мы заметим передний край по вспышкам выстрелов и ракет, но мы его не увидели. Минут сорок спустя машина вырвалась из снежной полосы, показались звезды, поплыли глухие, без огней деревушки. На душе полегчало. Я знаками спросил пилота, миновали ли мы линию фронта, и он знаками дал понять мне, что уже давно миновали.

И вот на исходе часа мы ясно увидели, как внизу вспыхнула и рассыпалась белая ракета, затем вторая. Что бы это значило? Мы знали точно, что нас никто не должен встречать. Но в этот момент яркая россыпь белой ракеты, пущенной уже нашим пилотом, ослепила нам глаза. Сигнал. Пора! Мы быстро вскочили со своих мест. Накрохин дернул дверцу на себя и решительно нырнул в темноту вниз головой. Я без задержки последовал за ним. Опускаясь, я отлично слышал в небе звон мотора нашего самолета и еще подумал с досадой: "Чего он тянет? Летел бы уж... А то еще, чего доброго, сшибут..."

Спокойно приземлился, освободился от лямок, зарыл парашют в снег, огляделся: голая степь и снег, белый, чистый, глубокий. А где же лес? Где поляна? Мне стало не по себе. Я начал всматриваться и наконец на востоке увидел едва заметную темную каемочку леса. "Значит, пролетели лес. Но где же Накрохин? - думаю. - Что буду делать без него, без радиии?" Я заметался по степи, как огонь на ветру. Накрохина нигде не было. Тогда я решил укрыться в лесу.

Вдруг вижу - деревушка, хаток пятнадцать. Можно было, взяв правее, миновать ее, но я этого не сделал. Знал, что обычно опасность ожидает разведчика в населенном пункте, но шел.

Шел потому, что хотел узнать, что это за деревня и где я нахожусь.

Я понимал, что могу нарваться на немцев, а поэтому стал подбираться к деревне осторожно, оглядываясь, вслушиваясь. На окраине выбрался на наезженную дорогу. Она вела в лес. Я остановился. Тишина. Ни человеческого голоса, ни лая собаки, ни огонька... Я подкрался к крайней избенке, кособоккой и словно придавленной снегом. "А вдруг в этой хате немцы?"

Я достал из кобуры пистолет и согнутым пальцем постучал в окно. Никто не отозвался. Постучал вторично. Тишина. Хотел постучать уже в третий раз, но увидел, что кто-то прилип носом к стеклу. Вгляделся - женщина. Она тоже вглядывалась в меня и дрожащим, старушечьим голосом спросила:

"Чего тебе, непутевый?"

"Как называется ваша деревня?" - спросил я.

Она молчала. На мне был белый маскхалат с капюшоном, и трудно было разобраться, кто я таков.

"Чего же молчишь?" - спросил я.

"А ты кто такой?" - спросила в свою очередь она.

Я не решился назвать себя и, будто не расслышав ее вопроса, спросил:

"Немцы есть в деревне?"

И тут она вдруг завопила:

"Роберт Францевич! Роберт Францевич! Вставай скорее! Немцев спрашивают..."

Размышлять было некогда. Я помчался изо всех сил. Роберт Францевич, конечно, эсэсовец или комендант. Сейчас он натягивает на себя шинель, потом схватит автомат, выскочит из избы, даст очередь, поднимет своих на ноги - и начнется погоня. Я мчался к лесу, не чуя ног под собой. Леса я достиг в считанные минуты. Посмотрел на часы - стрелка уже перевалила за пять. Тут мне пришла мысль сбить возможную погоню со следа. Я обдумывал, как это сделать, и увидел сваленную ветром сосну. Корни ее, присыпанные снегом, торчали в двух шагах от дороги, а вершина уходила в лес. Я прыгнул с дороги на корень и пошел по стволу. Добравшись до конца, я соскочил и побежал в чащу. Бежал долго, остановился передохнуть и вздрогнул: на меня кто-то шел, ломая сухие ветки. Я поднял пистолет и крикнул:

"Стой! Кто идет?"

В ответ раздался спокойный голос Накрохина:

"Не дури, Сенька. Это я".

Я бросился к нему, обнял его на радостях и спросил:

"Где же ты пропал?"

"На сосне болтался!"

"Как?"

"Очень просто. Опустился на нее, запутался в стропах и еле высвободился. Но я не пойму, куда мы попали? Ведь то место я хорошо знаю".

Я рассказал Накрохину о своем приключении. Он покачал головой. Плохо дело! Видно, летчик спутал. Мы хотели было сделать перекур, но тут до нашего слуха долетели ослабленные расстоянием голоса людей.

"Это погоня", - сказал я.

"Только без паники, - говорит Накрохин. - Иди за мной!"

Мы пошли, и минут через десять вновь услышали голоса впереди себя.

Накрохин выругался и сказал:

"Только бы овчарок не пустили по следу, сволочи, а так мы их обдурим".

Мы свернули круто влево и прибавили шагу. Мы спускались в овраги, скользили по снежным увалам, взбирались на пригорки и наконец выбрались на накатанную дорогу. Она мне показалась знакомой.

Накрохин посмотрел на часы и ахнул: до первого сеанса с Большой землей оставалось в запасе не более получаса.

"Бежим, - сказал он. - Десять минут по дороге, пять в сторону, а пять останется мне для раскладки рации".

И тут он втянул голову в плечи и опять выругался: впереди снова послышались голоса. Нас, как волков, обкладывали со всех сторон. Мы взяли круто вправо и побежали сколько было сил. На ходу натыкались на пни, проваливались в ямы, стучались лбами, падали друг на друга, поднимались и вновь бежали...

Остановились, выбившись из сил, на замерзшем болоте. Прислушались и ничего, кроме

собственного дыхания, не слышали. Погоня, видимо, отстала или сбилась со следа.

Накрохин сказал:

"Отсюда ни шагу, пока не кончу сеанс. А ты сторожи".

И он передал мне свой автомат. Затем он раскинул рацию, набросал при свете карманного фонарика радиogramму, начал настраиваться. Потом сказал:

"Черт знает что... Я хочу им передать, а центр свою передачу навязывает".

"Принимай! - посоветовал я. - Теперь не до споров".

Накрохин перешел на прием, записал несколько слов и вдруг, сбросив наушники, захохотал и стал кататься по снегу.

Я опешил, не понимая, в чем дело. Подумал, грешным делом, уж не рехнулся ли он.

Нахотавшись вволю, он сунул мне в руку лоскут бумаги. Я осветил фонариком и обмер: телеграмма была незашифрованной. И она гласила:

"Выходите в первый населенный пункт и сообщите его наименование. По вине и неопытности молодого пилота вас выбросили на свою территорию, в Пензенскую область. Майор Коваленко".

Тут уж расхохотались все: и Фома Филимонович, и Таня, и я...

Старик смеялся, бился в кашле и приговаривал:

- Не могу... Ей-богу, не могу!.. Довоевались хлопцы. В Пензенскую область... Бегали, как зайцы по просу...

- А эсэсовец? - спохватилась Таня. - Эсэсовец Роберт Францевич откуда взялся? А погоня?

- Сейчас, сейчас. Все по порядку, - успокоил Семен. - Теперь уже и до конца недалеко. Так вот... Прочел я и до того расстроился, что едва не заплакал. Ну, а потом наступила разрядка.

Мы выложили здоровенный костер, наломали хвой, улеглись на нее и заснули. И приснилось мне, будто погоня настигла нас. Меня схватили, оплетают веревкой, я хочу вырваться и не могу. Проснулся - и в самом деле связан. И Накрохин тоже. Уже светло. Нас плотным кольцом обступили бабы, подростки, кто с топором, кто с вилами, кто с граблями.

А предводитель у них старик лет под семьдесят, с малокалиберной винтовкой.

Накрохин говорит ему:

"Мы свои, дедушка. Ошибка тут вышла".

"Волки вам свои! - объявил дед. - Ишь ты, свои отыскались! Как научились по-русски болтать, значит, и свои? А это что за цацка? - Он тряхнул автоматом. - А это что? - Он пнул ногой рацию. - А немцы кому понадобились?"

"Ну ладно! - в отчаянии проговорил Накрохин. - Веди нас куда следует, а там разберутся".

А разобрались лишь назавтра к вечеру. А Роберт Францевич мне не приснился. Тот старик, что предводительствовал бабами, и оказался им. Его-то я и считал за эсэсовца, а он родом из-под Риги, латыш, эвакуировался в Пензенскую область и работал в этой деревне кузнецом.

- А как же пилот? - поинтересовалась Таня. - Почему он дал белую ракету?

- У него выхода другого не было, - ответил Криворученко. - Мы пролетали над соединением нашей авиации дальнего действия, и с земли, не зная, чей самолет, потребовали условного ответа. Иначе угрожали открыть зенитный огонь. Пилот заглянул в табличку, видит, что надо отвечать белой ракетой. А по белой мы должны прыгать. Вот так оно и вышло...

Рассказ развеселил всех. Потом я спросил Криворученку, почему он второй раз прыгал не с Накрохиным, а с новым радистом. Семен объяснил, что у Накрохина умер сын, и Фирсанов отпустил его на две недели в Казань.

Я встал. Предупредил Семена, что связь будем поддерживать через Фому Филимоновича, а когда понадобится, встретимся снова.

Старик проводил меня до забора и пожелал счастливого пути.

Я шел на Опытную станцию довольный и веселый. В радиogramме я сообщил все, что требовалось и что я намечал.

ПОХИТУН ВПАДАЕТ В ПАНИКУ

Гауптман Гюберт ожидал меня в гостиной. Он прохаживался по комнате, заложив руки за спину.

- Каковы успехи? - опросил он. Я потер лоб, как бы собираясь с мыслями, и сказал смущенно:

- Я могу задать вопрос?

Гюберт удивленно поглядел на меня:

- Прошу...

- Скажите, пожалуйста, если это можно: какой участи подвергся тот парашютист, которого вы поймали осенью?

Губы Гюберта дрогнули. Такого вопроса он, конечно, не ожидал. Устремив на меня пристальный взгляд и, видимо, быстро соображая, он произнес:

- Передан городским следственным органам. А что?

- Я не могу поручиться наверняка, хотя обычно на зрительную память не жалуюсь, но, кажется, с тем офицером оказался этот самый парашютист. Я выследил его. Он вошел в дом 67 по Витебской улице и остался там.

Гюберт озабоченно нахмурился и сказал:

- Позвольте... позвольте... Как это могло быть?

- Не знаю. - И я пожал плечами.

Мы оба "играли". Это были строго рассчитанные ходы шахматистов.

- Почему же вы не схватили его?

- Во-первых, я решил, что его, видимо, используют в какой-то комбинации. И во-вторых, он был не один. Распрощавшись с тем советским офицером, он направился дальше в сопровождении полицейского... Похоже, что пробравшийся сюда офицер-чекист крепко связан с этим парашютистом. До вашего указания я решил не действовать.

Гюберт помолчал и сказал:

- Вы поступили правильно. Я выясню, в чем там дело. Они видели вас?

- Думаю, что нет.

- Это уже лучше...

Я положил пистолет на стол и попросил указаний для дальнейших действий. Гюберт отмолчался.

Я шел к себе, твердо уверенный, что судьба предателя Наклейкина, мастерски сыгравшего роль Проскурова, а заодно и судьба гестаповского переводчика решена окончательно и без вмешательства подпольщиков. Два предателя получают должное от руки своих же хозяев... И в то же время я дивился беспечности Гюберта: как мог он, зная, что я посещаю город, оставлять в нем предателя Наклейкина?.. Неужели даже такой стреляный воробей сделал промах?

В своей комнате я застал Похитуну у включенного радиоприемника. Он слушал передачу Советского Информбюро. Похитун был так сосредоточен, что даже не заметил, как я вошел. Я встал за его спиной и прислушался. Диктор сообщал об окружении трехсоттысячной немецкой армии фельдмаршала фон Паулюса под Сталинградом, подробно перечислял трофеи, захваченные советскими войсками, называл номера разгромленных вражеских дивизий, фамилии пленных генералов.

Как долго мы ждали этой победы! Мысленно я трижды прокричал: "Ура!"

Я тронул Похитуну за плечо. Он вздрогнул и, выключив приемник, разразился площадной бранью.

- В чем дело? - удивился я.

Он встал со стула и, расставив тощие, кривые ноги, посмотрел на меня дикими глазами. От него несло водкой и чесноком. Он был пьян, но это не помешало ему, видимо, понять смысл событий, происшедших под Сталинградом.

- Что? Вы не слышали? - спросил он и икнул.

- Я только что вошел, - спокойно осветил я и потянулся к приемнику, чтобы включить его. Похитун отстранил мою руку и снова выругался.

- Что делают, что только делают, а?! - воскликнул он с возмущением. Вы подумайте, подумайте только! Ведь это позор на всю Европу, на весь мир. А что скажут немцы в Германии, что скажут союзники? Десятки тысяч пленных, целые дивизии полетели в тартарары... Неслыханное побоище! Я вас спрашиваю: что будет дальше? Почему вы молчите? - Он уставился на меня каким-то ошалевшим взглядом, ожидая ответа, затем схватился за голову и сел на кровать.

"Припекло по-настоящему!" - подумал я и сказал:

- Не пойму, что вас вывело из себя. Что стряслось? Вы можете рассказать толком?

Я учитывал, что нас могут подслушать. Ну и отлично! Пусть Гюберт знает, как настроены его подчиненные.

- Толком! - усмехнулся Похитун, достал из кармана какую-то тряпку, мало похожую на носовой платок, и громко высморкался. - Вы просите толком? Извольте: если верить вашим, то из наших под Сталинградом сделали блин. Просто блин! Вы это понимаете?

- Довольно смутно, - заметил я. - Каким вашим и из каких наших?

- Блин... блин... блин... Ха! Город сровняли с землей, а он ожил. Как Феникс из пепла! Чудо двадцатого века! Чудо из чудес! Теперь уже не мы окружаем русских, а они окружают нас. Судьба играет человеком... Поднявший меч от меча и погибнет. Позор! Катастрофа!

Полнейшая катастрофа! Что же будет дальше, я вас спрашиваю? Что? Если не мог устоять Паулюс, то кто же устоит? На кого можно положиться?

- Не понимаю, чего вы так разволновались? - сердито сказал я. - Война есть война!

Подумаешь, стукнули нас разок...

- Вы думаете? - опросил Похитун.

- Конечно.

- Я тоже хотел бы так думать, но...

- Что - но? Не впадайте в панику!

Похитун икнул несколько раз сряду и проговорил:

- Не получается... Не получается, и баста...

- Напрасно.

- Что - напрасно? - воскликнул Похитун. - Совсем не напрасно... Какой позор! Паулюса следует повесить. Да, повесить!.. Ха! Я вчера слушал радио. Ваша певичка пела насчет того, что "и не пить им из Волги воды". Я слушал и смеялся: "А мы пьем, а мы пьем... Ты себе пой, а мы пьем". А теперь?..

Похитун, пошатываясь, направился к выходу и сильно хлопнул дверью. Я тотчас же выключил свет и подсел к приемнику.

24.

ГАБИШ СТАВИТ ЗАДАЧУ

Мне думалось, что история с Константином не должна пройти даром для гауптмана Гюберта. Так оно и вышло. Из болтовни Похитуна, который, как шифровальщик, был в курсе всех событий, я узнал, что назначено расследование.

На другой день после моей встречи с Криворученко, на Опытной станции появился немецкий майор, оказавшийся, как удалось мне узнать позже, следователем. Он снял допросы с Гюберта, Рауха, Шнабеля, Похитуна. Последним он вызвал меня. Переводчиком был Раух. Из вопросов следователя я без труда догадался, что ему известен разговор, состоявшийся у меня с Гюбертом относительно Константина.

После отъезда следователя Похитун сказал мне, что "Гюберту нагорит, если не вмешается полковник Габиш". По мнению Похитуна, Габиш очень ценит Гюберта, во всем

поддерживает его и не дает в обиду.

Похитун оказался прав. Габиш, очевидно, решил вмешаться и неожиданно появился на Опытной станции. Это случилось через два дня после отъезда следователя.

Не знаю, о чем он разговаривал с Гюбертом, кого еще вызывал к себе, но Похитун "доложил" мне, что там (имея в виду кабинет Гюберта) "идет беседа на высоких тонах".

В тот же вечер, когда я уже собрался улечься в постель, меня пригласили к Гюберту. За его столом сидел жирный, с неподвижным, как у индийского божка, лицом Габиш, а Гюберт стоял у окна. Он, как всегда, казался холодным и бесстрастным, стоял, сложив руки на груди, молчал и даже не ответил на мое приветствие.

Я думал, что Габиш начнет разговор о Константине, но он заговорил не об этом. Сунув мне на этот раз свою пухлую, влажную руку, он пригласил меня сесть и опросил:

- Как ваши успехи? Как поездка к Доктору?

Я коротко рассказал об учебе и о встрече с Доктором.

- Доктор говорил вам, с какой заданной ви будет ехать обратно домой?

Я кивнул.

- Ви будет самостоятельно работайт и имейт дел только с Доктором. Ясно?

- Вполне, - ответил я.

- Для Брызгалов ви повезет раций, но лично с ним не встречайт. Рацию ви передайт господину Саврасоф, а он даст ее Брызгалов. И Саврасоф пусть устраивайт Брызгалов работа. У вас будет другой большой дел. Ви будет работайт так, как работайт немец и как не умеет русский. И ви будет получать большой деньги.

При этих словах я ослабил и поклонился.

Габиш сказал, что под моим началом будет несколько железнодорожников, проверенных на деле. Но ограничиваться этими людьми не следует. Я должен позаботиться о приобретении новых агентов, способных выполнять задания германской разведки. Моя задача - организовать непрерывные систематические диверсии на железнодорожном транспорте, выводить из строя ближайшие к фронту узлы, мосты, водокачки, депо, поворотные круги, стрелки, систему светоблокировки, подвижной состав. Особенно важно создавать "пробки" на узловых станциях.

- Ви должен создавайт массовой диверсионный аппарат, - подвел итог полковник Габиш. - Вам будет помогайт Доктор. Саврасоф надо забывайт, Брызгалов тоже.

Я заявил, что буду только рад забыть Брызгалова, и поинтересовался, через кого придется мне поддерживать связь с Опытной станцией.

- И через Доктора, и через радиста, - сказал Гюберт.

- Я, я, рихтиг, правильно, - подтвердил Габиш. - Через Доктор ви даете отчет вся диверсионный работа, а через радиста будет передавайт разведывательный информация.

- Следовательно, вы дадите мне радиста?

- Да, - твердо ответил Гюберт.

- Радист уже есть, - добавил Габиш. - Радист там, ваша сторона. Он ожидайт ваш приезд. У меня мелькнула догадка, что речь, вероятно, идет о радисте Куркове, связь с которым прервалась.

- Но ми с вами будем еще иметь беседа, - предупредил Габиш, вынул из кармана большой платок, вытер им кончик своего массивного носа и поинтересовался: - Ви курсе событий, происходящий на фронт?

- Примерно, - ответил я.

- Мы у него в комнате поставили приемник, - вставил Гюберт.

- Очень хорошо! - одобрил полковник. - И не надо быть страх, что там есть.

- Я понимаю. Война есть война.

- И очень правильно. Котел Сталинград - блеф. Ми будем Москва. Это тактик фюрер... - Он помолчал и спросил: - Что было у вас с Константин?

Я рассказал буквально то же, о чем доложил Гюберту, то есть, что Константин показался мне подозрительным.

И тут Габиш, подобно Гюберту, пустился на хитрость:

- Ви его встречайт в город?

- Нет, не встречал... - Я хотел было добавить, что встречал Проскурова, но, перехватив предупреждающий взгляд Гюберта, умолк.

- Тогда все есть ерунда, - подвел итог Габиш. - Ми будем проверяйт Константин. Ми не допускайт его учеба. Ви делает...

Габиш вдруг замолк и прислушался. Лицо его исказилось, стало каким-то жалким, беспомощным. Снаружи явственно доносился рокот самолетов, нарастающий, мощный.

- Давайте смотреть воздух, - предложил Габиш и с быстротой, не свойственной его чину и комплекции, выскочил из-за стола.

Гюберт подал ему шинель, оделся сам.

Рокот приближался, ширился, нарастал, и уже тоненько тренькали стекла в окнах.

Во дворе Опытной станции толклись почти все ее обитатели. Я увидел Шнабеля, Рауха, Венцеля, Похитуна, повара, солдат.

Стаяла тихая безветренная ночь, и в тугом, промороженном воздухе, точно шум мощного прибора, то замирая, то усиливаясь, наплывал рокот моторов. Но в бездонном небесном океане, кроме мерцающих звезд, ничего нельзя было увидеть.

С северо-востока шли тяжелые советские бомбардировщики. Это было понятно по звуку моторов. Это было ясно и мне, и всем обитателям станции.

Однако Габиш, стоявший на крыльчке дома, счел нужным сказать:

- Наши идут с бомбежка.

Он сказал это, поправил нервным жестом меховой воротник шинели и начал растирать рукой замерзающие щеки.

Гюберт громко скомандовал по-немецки:

- Выключить движок!

- Гут! - тихо одобрил Габиш.

Среди обитателей станции произошло движение, кто-то побежал в помещение электростанции, и через несколько секунд монотонный стук движка умолк.

Самолеты плыли над нами.

Гюберт сошел с крыльца и остановился посередине двора. Его окружили Шнабель, Раух, Венцель. Я остался рядом с полковником Габишем.

В небе вспыхнули стремительные лучи прожекторов, и тут же затаивали автоматические зенитки. Над городом и южнее его вспыхнули две огромные "люстры". Стало светло, как днем. Я отчетливо увидел каждое поленце дров, сложенных под навесом, ручку на дверях бани, провисающие от снега провода антенны, шевроны на шинелях Гюберта и Шнабеля, каждую морщину на лице Габиша.

Первые самолеты перешли в пике, и их рев перекрыл дикий свист падающих бомб.

Огромные вспышки яркого света раскололи ночь. Раздались гулкие взрывы. Земля качнулась под ногами, рубленые домишки закрипели. Освободившиеся от бомб самолеты чуть не на бреющем полете уносились прочь, на восток, а новые, идущие оттуда, с ревом и рокотом устремлялись к земле.

На Габиша нашел столбняк. Он стоял, как жена легендарного Лота, с помертвевшим лицом, не произнося ни слова.

Гюберт шепнул что-то на ухо Похитуна, и тот со всех ног бросился в дежурную комнату.

Через короткое время он вновь появился на дворе и на ходу громко крикнул:

- Аэродром бомбят у Поточного! Больше десятка самолетов...

Я-то уже знал, что бомбят. Значит, Криворученко передал то, что я сообщил ему устно при первой нашей встрече.

Бомбовые удары следовали один за другим и сериями. За городом бушевало пламя страшной силы, заливая все вокруг зловещим кровавым светом.

ДЕЛА ОХОТНИЧЬИ

Я бездельничал и не знал, куда себя деть. Мое пребывание в "осином гнезде" подходило к концу. Об этом сказал мне Гюберт. Я понял его так, что моя переброска задерживается из-за Доктора, которого ожидают со дня на день. Но Доктор почему-то не торопился. Шли дни, а его не было.

С Криворученко я больше не встречался. В этом не было нужды. Фома Филимонович с отменным усердием выполнял обязанности связного и через два-три дня уносил от меня коротенькие весточки для Большой земли.

Сегодня, после занятий с инструктором Раухом, я повалялся на койке, послушал радиопередачу и вышел на воздух, решительно не зная, что предпринять и чем занять себя. Фома Филимонович топил баню. Вот-вот должен был вернуться Гюберт. Он и Похитун отсутствовали уже вторые сутки. В сопровождении двух солдат и своры собак, взятой в городской комендатуре, они лазали по окрестному лесу в поисках медвежьей берлоги. Увидя меня, Кольчугин подошел прикурить и тихо сказал:

- Зайди в баньку, душа моя. Целый короб новостей...

- Зайду, - ответил я.

- Как у тебя в комнате,
не холодно?

- Прохладно.

- Ну потерпи. Вот истоплю баньку и за твою печь примусь.

Побродив немного по лесу, я зашел в баню. Фома Филимонович без верхней рубахи, с закатанными штанами и босой старательно драил веником лавки и полки. В печи клубился огонь. От котла с водой шел парок. Въедливый дым стариковского горлодера плавал в воздухе, и от него першило в горле.

Фома Филимонович подошел ко мне и весело сказал:

- Лихо наши их взвеселили, а?

- Не понял, - заметил я.

- Я про бомбежку, - пояснил дед.

- Узнал подробности?

- А как же! Я все могу узнать... Всякий кулик на своем болоте велик. Все в аккурат выведал.

- Ну и как? - торопливо опросил я.

- Лихо, лихо вышло! Уж куда лучше: весь аэродром разнесли, только один самолет уцелел, а остальные прахом пошли. И цистерны с горючим ахнули. Что там творилось, не приведи господи! Одних грузовиков сорок штук сгорело. Так что можешь докладывать.

Фома Филимонович сел на лавку, достал из узелка черный-пречерный сухарь, зачерпнул жестяной кружкой из котла, помочил сухарь и начал его сосать. Он сосал его и прихлебывал горячую воду.

Я в это время обдумывал текст телеграммы на Большую землю.

- А зверь-то наш! - сказал старик немного спустя. - Тю-тю!

Зверем он именовал предателя Наклейкина, так удачно выступившего в роли парашютиста Проскурова.

- Что же с ним? - полюбопытствовал я.

- И хвоста от зверя не осталось, - ответил дед и рассмеялся. - Убрали крапивное семя. И переводчика того, заразу, тоже. Они же сами убрали. Ай, и здорово ты сработал, Кондрат Филиппович! Мастак ты...

Я спросил о подробностях, и дед охотно рассказал мне.

Дело обстояло так. Третьего дня вечером Таня неожиданно наткнулась на улице на Наклейкина. Она возвращалась с маслобойки, где ей удалось раздобыть немного подсолнечного жмыха. Уже темнело. Он был вместе со своим приятелем - переводчиком гестапо. Он остановил ее, начал всяческие разговоры разговаривать, посмеялся, что она за

жмыхом бегала. Я, говорит, могу тебе за дружбу хоть каждый день по три банки консервов дарить. И шоколад есть у меня. Зря ты от меня бегаешь, я ведь с серьезными намерениями к тебе, все честь по чести будет. Королевой, говорит, будешь жить. В общем, старый разговор завел, гадюка. Танька думала было бежать, а потом вспомнила, что с минуты на минуту должен явиться Криворученко. Боязно ей стало; а что, если этот пес Наклейкин со своим дружкой увяжутся за ней до самого дома?

Нельзя, чтобы Семен попался на глаза предателям. И она решила поддерживать разговор. Когда они свернули к дому, где жил Наклейкин, Таня заметила, что сзади идут четверо неизвестных в гражданском. Она вначале заподозрила, что это приятели Наклейкина и что он что-то затеял против нее, но Наклейкин тоже забеспокоился и стал оглядываться.

Короче говоря, на перекрестке неизвестные налетели на Наклейкина и стали крутить ему руки назад. Переводчик сразу дал ходу, побежал. Один из нападавших вытащил пистолет, послал пулю вдогонку и уложил беглеца намертво. Увидя такое дело, Наклейкин изловчился и вытащил свой пистолет, но выстрелить ему не удалось: сильный удар по голове свалил его наземь. Таня, насмерть перепуганная, стояла прижавшись к стене.

Когда Наклейкин затих, неизвестные заговорили между собой, и Таня поняла, что это немцы. Один из них подошел к Тане, осветил ее лицо фонариком и, подмигнув, толкнул в плечо и скомандовал: "Шнелль, марш!.."

И Таня помчалась, не чувствуя под собой ног.

- А сегодня сволокли зверя на кладбище, - закончил Фома Филимонович.

Так закончилась жизнь предателя.

Затем старик сообщил мне последнюю новость: партизаны ходили в рейд, разгромили гитлеровский гарнизон, захватили большой обоз с оружием и продовольствием.

Я поблагодарил Фому Филимоновича за новости. Он предупредил меня, что скоро придет топить мою печь.

Я вернулся к себе, а часа через три в комнату ввалился Кольчугин с дровами.

- Гауптман прибыл, - доложил он, складывая дрова.

- С медведем?

- Ну прямо... - усмехнулся старик. - Вместо медведя тетеревов настреляли.

- Много?

- С полдюжины.

- Ого!

- Да разве это охота? Баловство одно! - заметил Фома Филимонович. Двое суток - и полдюжины! Только время убили.

Я высказал предположение, что виновны тут, видимо, не охотники - война распугала дичь.

Старик возразил: дичи в лесу много, а вот охотники - шляпы. Не знают, где хоронится птица.

- А то Похитун! - возмутился он. - Какой же из него охотник! Балбеска сущая! Обсевок какой-то... рвань! Смотреть на него тошнехонько. Он пьяный не отличит тетерева от своих сапог, а еще хвастается: я да я... А что он? Тьфу! - И дед сплюнул. - Ввернул я ему как-то, что, мол, не годится, когда курица хочет петухом петь. Так он обозлился! Ну и пусть себе... А дичинки в наших лесах на всех хватит.

Достав из подувала уголек и присев на корточки спиной к дверям, Фома Филимонович начертил на полу неровный круг и объяснил мне, что это лес. Затем он обозначил Опытную станцию, озеро, реку, протоку, зимник и поставил крестики там, где, по его твердому убеждению, должна таиться дичь.

В это время распахнулась дверь, и на пороге появился Гюберт. На нем был охотничий, ладно сшитый костюм и мягкие меховые сапоги.

Он пнул носком сапога Фому Филимоновича пониже спины. Тот вскочил, и Гюберт прошел в комнату.

В глазах старика, как мне почудилось, мелькнул недобрый огонек. Я по себе знал, что самая сильная обида это та, на которую нельзя ответить, и отлично понимал Фому Филимоновича. Бросив несколько поленьев дров в печь, он собрался уже выйти, как Гюберт спросил,

подозрительно разглядывая примитивный чертеж на полу:

- Чем занимаетесь?

Вопрос мог быть обращен и ко мне и к Кольчугину. Я решил ответить за обоих и сказал:

- Спорим насчет охоты.

Гюберт сел на стул и, уставившись на Фому Филимоновича холодными глазами, спросил:

- А ты понимаешь что-нибудь в охоте?

- А почему я не должен понимать? Чай, годков тридцать брожу по лесу. Собаку на этом деле съел.

- Собаку... - усмехнулся Гюберт, что с ним бывало редко. (И я решил, что он вернулся из лесу в хорошем настроении.) - А ходишь на охоту?

Фома Филимонович поскреб затылок:

- Это дело сложное. Надо коменданту города в ножки кланяться, а я не хочу - стар уж, да и характер не таков. И опять-таки с ружьишком дело дрянь... Совсем дрянь!

- Плохое?

- Никакого нет.

- Выходит, что дрянь не с ружьишком, а без него? - заметил я.

- Так оно и выходит, - согласился Фома Филимонович, порываясь покинуть комнату.

Но Гюберт его остановил:

- погоди!.. Ты и в самом деле охотник? - спросил он.

- А зачем мне брехать при седой голове, - ответил старик. - Я, можно сказать, потомственный охотник. Прадед мой, дед и батька - все были отчаянные медвежатники да и дичинкой не гнушались. Особенно боровой. Мне довелось еще промышлять в лесу с батьковским самопалом. Старинная такая штуковина! Как вдарить из нее, так и оглохнешь сразу.

В глазах Гюберта я заметил искорки заинтересованности. Лицо заметно оживилось. Я еще не видел его таким и вспомнил слова доктора: "Гауптман Гюберт - какой-то маньяк".

Гюберт, не сводя глаз с Кольчугина, спросил:

- Почему же ты до сих пор молчал?

- А зачем лезть на глаза? - смело ответил Фома Филимонович. - Да и опять-таки, проводник у вас есть, господин начальник.

- Это кто же? - подняв брови, осведомился Гюберт.

- А господин Похитун...

Гюберт опять усмехнулся и проговорил:

- Какой из него проводник? Он понимает в охоте так же, как ты в астрономии.

- Вот, вот!.. - подхватил Фома Филимонович. - И я то ж говорю... С его мордой пристало только кассы взламывать. Кабы такой егерь в доброе старое время моему хозяину попался, он бы за него и щенка последнего не дал. Ей-богу!

Я опасался, что прямота в высказываниях Кольчугина не понравится гауптману, но этого не произошло.

- Твой хозяин, видно, требовательный был человек?

- Он был человек правильный, серьезный и охотник отменный! Царство ему небесное. - И старик перекрестился, заведя под лоб хитрые глазки.

- Это хорошо, - одобрил Гюберт. - А как звали твоего хозяина?

- Карлом Карловичем Эденбергом... Первостатейный был хозяин.

- Эденбергом?! - воскликнул в удивлении Гюберт.

- Да, - подтвердил Фома Филимонович.

- Так ты у Эденберга служил?

- Без малого семнадцать годков. И не служил, а работал, - поправил дед. - Сам и в могилу положил старика в шестнадцатом году. Золото, а не человек! Такого днем с огнем теперь не сыщешь: требовательный, и добрый, и горячий. Для всякого человека у него хорошее слово припасено. На семь годков старше меня был и рано ушел. Такому жить бы да жить...

Во мне зрело твердое убеждение, что Фома Филимонович врет самым отчаянным образом. Я был поражен его смелостью и находчивостью и, признаться, немного струхнул за деда.

Струхнул потому, что у меня складывалось впечатление, что по странному совпадению Гюберт знал этого Эденберга. Я побаивался, что старик запутается. Действительно, в здешних местах до революции существовал такой помещик. Об этом мне Фома Филимонович как-то рассказывал. Это было связано с Наклейкиным, отец которого служил управляющим имения у этого помещика. Но Фома Филимонович не работал у помещика, работал его двоюродный брат, по фамилии тоже Кольчугин. И по рассказу Фомы, не таким уж милым человеком был этот Эденберг, каким расписывал он его сейчас...

А Фома Филимонович продолжал говорить, не моргнув глазом и нисколько не смущаясь. И чем дальше он говорил, тем естественнее и правдоподобнее звучал его рассказ. Я сам готов был верить ему. Старик делал вид, что воскрешает в памяти сохранившиеся детали, и, пользуясь тем, что Гюберт слушает его со вниманием, продолжал плести.

- А какой охотник был покойный Карл Карлович! - проникновенно говорил он. - Куда там! А без меня в лес - ни шагу! Точно... Звал меня Хомкой. Ружья его всегда у меня в избе висели. Я за ними и присматривал. Никому более не доверял...

Он умолк и неожиданно обратился к Гюберту, попросив у него разрешения закурить.

Гюберт, к моему удивлению, разрешил. Фома Филимонович

достал кисет, свернул сигарку и задымил.

- Так-так... - задумчиво промолвил Гюберт. - Значит, ты знал Эденберга... - И, повернувшись ко мне, продолжал: - Представляете себе?

Я кивнул.

- самого старика Эденберга я, правда, почти не знал, - сказал он. Видел лишь один раз, даже плохо представляю, как он выглядел, а вот с сыном его мы вместе учились.

- Правильно! - подтвердил Фома Филимонович. - Был у него наследник, один-одинешенек. И его я знал, Как же! Тоже Карлом звали, как и батьку.

- Совершенно верно, - подтвердил Гюберт. - Карлом, как и отца.

Я диву давался. Искусство старика поражало меня. Откуда такая бойкость? Я и не представлял себе, что с гауптманом Гюбертом можно было заговорить о чем-либо, не относящемся непосредственно к делу.

- Сынок-то его больше по разным странам ездил, - продолжал Фома Филимонович, - к нам сюда редко заглядывал. Непоседа был, за девками все волочился и такой хлюпенький с виду, не в батьку... А одевался с шиком, всем, бывало, господам нос утрет. И в музыке силен был. Выйдет в сад, в беседку, и в сопилку свою дует и дует... И как у него терпежу только хватало. А за год до смерти батьки пропал куда-то. Совсем пропал. Слух прошел, что громом его убило где-то в горах...

- Ерунда! - заметил Гюберт. - Он в крушение попал в Польше в 1915 году и погиб.

- Видишь... - покачал головой Фома Филимонович. - Хорошим людям не везет. А хозяин после его смерти совсем сдал. Любил его шибко...

- Да... В хороших руках ты был, старик! - одобрительно произнес Гюберт. - Придется попробовать тебя.

- Попробуйте, - отозвался Кольчугин.

- Ружье тебе дам отличное, - сказал Гюберт. - Посмотрю, какой ты охотник.

- А чего смотреть, - заметил Фома Филимонович. - Я ведь зазря не гою болтать, господин начальник. Непривычный к этому сызмальства. Каков есть, таков есть. Будут у нас и зайчишки, и тетерева, и глухарей сыщем. Они, правда, одно время откочевали отсюда, подались на Смоленщину, а ноне, как я примечаю, опять тут объявились. Недавно за дровами с солдатами ездил, своими глазами двух видел. Здоровенные, сытые, красавцы! Я все загодя проверю, обнюхаю и поедем наверняка. Мне вот все недосуг было. То трубы почистить надо, то дровишек запасти, то с конями, а тут опять снегу поднамело. Не в обиду будь сказано - ленивые солдаты вам попались!

Гюберт энергично потер ладонью о ладонь и встал.

- Попробуем. Обязательно попробуем... - сказал он и обратился ко мне: - Почему вы не подстригаете бородку?

Я провел рукой по голове и признался:

- Разленился.

Гюберт покачал головой и ничего не сказал.

- Можно идти мне, господин начальник? - спросил Кольчугин.

Гюберт вдруг принял свой обычный холодно-безразличный вид. Он надменно кивнул. Старик вышел, а вслед за ним и Гюберт. Минуту спустя ко мне забрел Похитун.

Уставший и голодный, он был мрачен. Хоть он и бахвалился, что является завзятым охотником, я этому не верил. Вид его после охоты говорил об обратном.

- О чем вы тут? - спросил он, наверняка зная, что у меня был Гюберт, и притом необычно долго.

Я рассказал о беседе Гюберта с Кольчугиным.

- Ядовитый старикашка! - отозвался Похитун о Фоме Филимоновиче. - И языкатый... Вы обедали?

- Не успел.

- Пойдемте. У вас ничего нет?

- Пока нет, но к вечеру выдадут.

Похитун разочарованно сморщился, и мы отправились в столовую.

26.

МОСКОВСКИЕ РОДСТВЕННИКИ

Следующий день начался с того, что меня вызвали к Гюберту. Он принял меня в своем кабинете и объявил, что завтра начнутся пробные прыжки с парашютом.

Я выразил полную готовность.

Затем Гюберт вынул из кармана ключи в кожаном чехольчике и подошел к сейфу. Дверца сейфа открылась с шипящим свистом.

Гюберт подал мне листок бумаги, на котором его рукой по-русски были написаны шесть фамилий и адреса передаваемых мне на связь агентов, а также пароли. С этими людьми мне предстояло "работать" на нашей стороне.

- Запишите, если не сможете вызубрить и запомнить, - сказал Гюберт. Они будут знать лишь вас одного. Друг с другом незнакомы.

Я придвинулся к столу и вооружился карандашом.

- Я сейчас вернусь, - сказал Гюберт и вышел.

Мне слышно было, как он пересек гостиную, как хлопнула дверь другой комнаты. Я остался в кабинете один. На столе лежали какие-то заметки, расшифрованные телеграммы на специальных бланках, гербовая круглая печать и рядом с ней открытый металлический футляр для ее хранения. С моего места была отлично видна внутренность сейфа, стопка папок, какие-то книги в цветных коленкорových переплетах, пистолет "Парабеллум" без кобуры.

Стоило мне протянуть руку - и любой документ или печать оказались бы у меня. Я мог сделать несколько оттисков гербовой печати. Я мог ознакомиться с содержанием расшифрованных телеграмм. Я мог, наконец, поинтересоваться содержимым сейфа. Но я даже не шелохнулся. Я вспомнил сверток, доставленный Доктору. Значит, проверка не прекращалась. Конечно, все предметы разложены на столе с таким расчетом, чтобы можно было легко и сразу определить, к чему я прикасался. А возможно, что Гюберт наблюдает за мной откуда-нибудь.

Я сидел не двигаясь минут восемь-десять, стараясь запечатлеть в своей памяти все, что надо было, о шести предателях-агентах. Потом я сделал себе условные пометки на листке бумаги. Вернулся Гюберт.

- Ну как? - поинтересовался он.

- Кое-что записал, а потом сожгу, - сказал и вернул ему список.

Гюберт положил листок в сейф, закрыл дверцу, окинул коротким взглядом стол и сел. В это время в соседней комнате слышались шаги и раздался осторожный стук в дверь.

- Да! - бросил Гюберт.

Вошел Похитун. Он на цыпочках пересек комнату по диагонали, приблизился к столу и осторожно положил перед Гюбертом бланк телеграммы.

Я уже давно заметил, что, являясь перед "грозные очи" гауптмана, Похитун становится как бы меньше ростом. Так было и сейчас.

Гюберт пробежал телеграмму глазами и, взглянув на Похитуна, строго спросил:

- Ну, кто оказался прав?

- Вы, господин гауптман, - подобострастно ответил Похитун и спросил: Можно идти?

- Нет. Вы мне нужны. Садитесь.

Похитун сел на самый дальний стул, в углу комнаты, у окна, и смиренно сложил руки на коленях. Он всегда старался держаться подальше от гауптмана.

Гюберт посмотрел на него, потянул носом воздух и сказал:

- Сколько раз предупреждать вас: когда являетесь ко мне, не начинайте себя чесноком!

Похитун встал.

- Что вы молчите? - спросил Гюберт.

- Виноват... - произнес Похитун и хотел было сказать еще что-то в свое оправдание.

Но Гюберт вдруг набросился на него и распушил на чем свет стоит. Бледный, с трясущимися ногами, Похитун сел.

Гюберт взял лист бумаги, карандаш, написал несколько строк и подал мне:

- Зашифруйте, - предложил он. - Посмотрим, как получится.

Я без труда в течение нескольких минут зашифровал предложенный текст и вернул его Гюберту.

- Расшифруйте, - сказал он Похитуну.

Тот вгляделся в текст, поморщил лоб и, даже не прибегая к карандашу, слово в слово доложил Гюберту то, что было мною зашифровано.

- Можете идти! - бросил Гюберт Похитуну. - Телеграммы "шестого" докладывайте вне всякой очереди.

- Слушаюсь, - пробормотал Похитун и исчез. Он не любил задерживаться в кабинете Гюберта.

Когда дверь закрылась, Гюберт взял телеграмму, принесенную Похитуну, и сказал:

- Ваш радист заработал.

Я нахмурился и сказал, что не понимаю, о ком идет речь.

Гюберт пояснил, что речь идет о том самом радисте, о котором говорил полковник Габиш и через которого я буду поддерживать связь. Он не назвал фамилии радиста, но я понял, что речь идет о Куркове. Гюберт предупредил, что завтра повезет меня на аэродром.

Новость очень встревожила меня. Видимо, несмотря на мою радиограмму, Курков не обнаружен, не схвачен и продолжает работать на фашистскую разведку. Это мне не нравилось. Я начинал побаиваться этого Куркова. Он всегда мог по требованию Гюберта навести справки обо мне, Саврасове, Брызгалове, и тогда дело будет плохо...

Перед самым обедом ко мне ввалился Похитун.

- Башка трещит! - заявил он.

Похитун был уже в некотором подпитии и явно намекал на новую порцию. Я ума не мог приложить, где и как он доставал спиртное. Мне казалось, что единственным и постоянным поставщиком его являюсь я, но уже часто выпадали дни, когда я не имел водки, а Похитун все-таки напивался. Открыл мне глаза Фома Филимонович. Оказывается, кроме меня у Похитуна были еще ученики, жившие в городе; им, так же, как и мне, выдавали водку, и Похитун, очевидно, не брезговал и их угощением.

- Хорошо было бы перед обедом, - мечтательно сказал Похитун.

Я достал из тумбочки бутылку и едва сдержал улыбку: третья часть ее была уже отпита.

Похитун отвернулся и сказал:

- Пошли ко мне!

Когда он принял новую порцию и закусил выпитое долькой чеснока, я решил его уколоть:

- Здорово вам попало сегодня за этот чеснок.

- А ну его! - махнул рукой Похитун. - Не знаю, какая муха укусила его сегодня! Видно, не с той ноги встал.

- Но вы все-таки признали себя виновным.

- А что бы вы хотели? Вы когда-нибудь пробовали ему противоречить?

- Нужды не было.

- Ваше счастье. Вы бы живо убедились, что такому человеку возражать нельзя. Ему всегда надо отвечать: виноват!

- Бросьте вы этот чеснок, - посоветовал я. - Дался он вам.

- Не могу. Не могу... - ответил Похитун и выпил вторую порцию. Отказаться от водки и чеснока - никогда! Я привык к ним с детства. Да, да. Вы не улыбайтесь. Это единственное мое утешение... А вообще, я обделен судьбой и природой. Я жалкий и несчастный человек. Моя голова могла бы принадлежать более счастливому человеку. А тут еще Сталинград! Господи! Вы слышали, что там творится? Настоящая окрошка, месиво какое-то, мясорубка... Я слушаю, и у меня мозги трястись начинают. Где же правда, я вас спрашиваю? Я уже ни в кого и ни во что не верю. Пусть идут они к черту, все эти гудерианы, паулюсы, кейтели, листы, браухичи и прочие. Тоже мне вояки! Еще Москву обещали!

Меня не трогали эти душевные излияния, я знал, что они наиграны.

- Вы, я вижу, паникер. Не годится. Ничего страшного еще не случилось. И насчет Москвы вы не правы. В Москве мы еще побываем...

- Хо-хо-хо! - рассмеялся Похитун. - Скорее на Марс попадем или на Луну...

Я нахмурился и сердито заметил:

- Ничего смешного!

- Я побился бы с вами об заклад, да жаль, что ваша миссия окончилась, - сказал Похитун.

- Да, сейчас моему отъезду ничто не препятствует. Курков-то заработал!

- А? - и Похитун икнул. - А как вы узнали?

- Сказал гауптман.

- Верно! - подтвердил Похитун. - Совершенно верно. Заработал сукин сын! А сколько переживаний он мне доставил, когда умолк! Пройдоха парень. Я, каюсь, уже и надеяться перестал. У него, оказывается, перегорела лампа в передатчике, а запасные пропали. Но он выкрутился. Нашел взамен какую-то... Пройдоха, пройдоха... С таким радистом вы не пропадете. А шифр знает не хуже меня.

Похитун был уже во власти винных паров, глаза его осоловели, язык заплетался.

Но жажде его не было предела. Он решил покончить с водкой и решительно выпил оставшуюся. Потом встал, положил руку мне на плечо и доверительно сказал:

- А родственнички ваши живы и здоровы. Не волнуйтесь...

Я смотрел на него и молчал, чувствуя, что у меня холодеет внутри.

- Поняли? - спросил Похитун.

Я машинально кивнул головой.

Как понимать его слова? О каких родственниках идет речь?

- Теперь обедать, - заявил Похитун. - Я готов сожрать целого быка.

Он обнял меня и потащил в коридор. Я высвободился из его объятий. Я не страдал особой брезгливостью - мне приходилось спать с незнакомыми людьми в одной постели, есть из одной тарелки. Но вот "ласку" Похитуна я не мог вынести. И не потому только, что он был чудовищно неопрятен, но главным образом потому, что у него была грязная душа.

В коридоре нам попался Фома Филимонович. Он нес дрова в мою комнату. Мы отошли в сторонку и уступили ему дорогу.

Когда Фома Филимонович скрылся за дверью моей комнаты, Похитун сказал:

- Старая кляча!

- Он, видимо, наступил вам на хвост? - заметил я.

- Чтоб его черт проглотил и не выплюнул! Колючий тип!..

Мне не хотелось показаться во дворе в компании с пьяным Похитуном. И я отпустил его одного, сославшись на то, что надо зайти в свою комнату. Он пошел по коридору неуверенной походкой, странно ныряя и выписывая ногами крендели.

- Эк его мотает! - проговорил Кольчугин в приоткрытую дверь. Загубила его эта брыкаловка окончательно. Через нее предателем стал...

Покачивая головой, старик замолчал и пошел к выходу.

Я остался один в своей комнате. Сообщение Похитуна дало повод для новой тревоги, для новых мучительных раздумий.

"А родственнички ваши живы и здоровы. Не волнуйтесь", - так сказал Похитун. И мне показалось, что в его тоне проскользнула какая-то злорадная нотка.

Гюберту, Габишу, Похитуну и, кажется, даже Доктору я сказал и написал, что мои жена и дочь живут в Москве, и уж конечно, под фамилией Хомяковы. Это моя ошибка. Серьезная ошибка, вытекающая из недооценки врага. Курков не мог сообщить о том, что живы и здоровы заведомо не существующие люди.

Что можно обо всем этом думать?

Или это новая, очередная провокация со стороны Гюберта? Невозможность разгадать смысл сообщения Похитуна буквально бесила меня. Неужели я разоблачен? Значит, дни мои сочтены, и если меня пока еще не трогают, то, вероятно, потому, что продолжают проверять через того же Куркова.

Но тогда зачем Гюберт сообщил мне фамилии шести своих агентов, укрывающихся на нашей стороне? Или это тоже трюк? Да, трюк, рассчитанный на то, чтобы не спугнуть меня, не вызвать во мне подозрений. Ведь Гюберт мог дать мне заведомо вымышленные фамилии и адреса.

Но почему не сам Гюберт сказал мне о родственниках, а Похитун? За каким дьяволом Гюберт поручил это Похитуну? Возможно, что Похитун проявил собственную инициативу, что бывало с ним не раз. Да, да, может быть, и так. Но если и так, все равно ничего от этого не меняется.

Я с трудом заставил себя проглотить обед. Заснул очень поздно. Тупая боль в затылке мешала сну.

27.

ТРЕНИРОВКИ

Все эти дни я предавался горьким мыслям. Чем бы я ни занимался, о чем бы ни думал, я вновь и вновь возвращался к одному и тому же: я разоблачен. Правда, пока все шло гладко, отношение ко мне не изменилось, но я с минуты на минуту ожидал трагического финала.

При каждом вызове к Гюберту кровь прилиwała к голове и сердце начинало стучать. Каждый раз я ждал, что он посадит меня против себя и со свойственным ему холодным спокойствием предложит объяснить биографические несоответствия.

Как ни странно, я почти не думал о собственной судьбе, меня волновало и бесило, что проваливается дело, что по моей вине сорвана важная операция, сорвана глупо, по легкомыслию. Угнетало чувство стыда перед товарищами.

Я часто встречался с Гюбертом. Три раза он возил меня в своей машине на аэродром. На его глазах я совершал "пробные" прыжки и "осваивал" парашютный спорт. Убедить Гюберта в том, что я никогда до этого не имел дела с парашютом, не составило никакого труда. Я относился к учебе так, как относился бы к ней человек, еще не совершивший ни одного прыжка. Притворяться не приходилось. Имея за плечами добрую дюжину прыжков, выпавших на мою долю и так непохожих друг на друга, я считал и считаю по сей день, что каждый новый прыжок - это шаг во что-то новое и что привыкнуть к прыжкам, как, допустим, можно привыкнуть к метанию гранаты, или вождению машины, или верховой

езде, очень трудно, почти невозможно. Парашют - это особый вид спорта, и каждый новый прыжок, по-моему, правильно считать первым прыжком.

Я прыгнул четыре раза: два днем и два ночью. Первый раз прыгнул "пустым", то есть без груза, второй - с радиостанцией и солидной пачкой бумаги, заменявшей деньги.

После четвертого прыжка Гюберт сказал:

- Теперь я за вас спокоен. В наши годы не все идут на прыжки так уверенно.

Но я-то не был спокоен. У меня из головы не выходил Курков. Мне казалось, что Гюберт играет со мной, как кошка с мышью. По вечерам одолевала тоска. Я не знал, что думать, старался уйти от тревожных мыслей и держать себя в руках, но это было нелегко.

Однажды в полдень Гюберт вызвал меня к себе. И опять я шел к нему в страшном напряжении, бегло перебирая в голове десятки подготовленных вариантов. Но когда начался разговор, я едва сдержал вздох облегчения.

- Прыгать вам придется, - объявил он, - на отрезке Орел - Тула, недалеко от станции Горбачево. Вот здесь. - И он показал место на разложенной перед ним карте. - Смело выходите на станцию. Там вас встретит Курков.

"Опять Курков", - мелькнула тревожная мысль.

Гюберт объяснил, что подлетать ближе к Москве, по его мнению, было бы рискованно. Чем ближе к столице, тем сильнее зенитный огонь и больше шансов оказаться подбитым.

- А как Доктор? - поинтересовался я. - Он приедет?

- Доктора ждать не будем, - ответил Гюберт. - Лечение его затягивается.

- Когда я полечу?

Гюберт ответил неопределенно:

- На этих днях, - и тут же добавил: - Завтра Кольчугин везет меня на охоту.

На этом мы расстались.

Настроение мое, хоть внешне все шло гладко, не улучшилось. Я прошел к себе и стал раздумывать над текстом телеграммы на Большую землю. Я знал, что Фома Филимонович найдет повод заглянуть ко мне.

Телеграмма Решетову и Фирсанову должна быть предельно короткой и ясной. Надо предложить им оставить Криворученку и радиста здесь, в тылу, и доукомплектовать группу двумя товарищами из местных подпольщиков. Об этом был уже разговор и с Криворученко и с Кольчугиным. Я считал, что не следует выпускать из поля зрения "осиное гнездо". Группа должна держать связь с Фомой Филимоновичем, а он, по мере сил и возможности, будет обеспечивать ее необходимой информацией.

Я составил телеграмму, закодировал ее и, свернув трубочкой листок бумаги, спрятал в стенную щель.

После обеда ко мне зашел сияющий Фома Филимонович. В руках у него была длинноствольная, центрального боя двустволка.

- Ну-ка, смотрите, господин хороший, - обратился он ко мне, подавая ружье. - Маракуете в этих делах?

В этой комнате старик неизменно обращался ко мне на "вы".

Я взял ружье. Это был курковый, вполне исправный "Франкот" двенадцатого калибра. Я попробовал затвор, курки, прикинул ружье несколько раз к плечу и сказал:

- Стоящая штука...

Старик рассказал, что по распоряжению Гюберта комендант Шнабель дал ему на выбор пять ружей: "Чеко", "Зауэр", "Питтер", "Браунинг" и "Франкот". Фома Филимонович остановился на последнем. Он уже успел пристрелять ружье с различных дистанций по разным мишеням и остался доволен.

- Кучно кладет, - хвастался дед, любовно поглаживая ружье. - Видать, убойное... С таким подранков не будет.

Я вынул телеграмму и отдал ему. Он зажал ее в кулак и подмигнул мне. В коридоре он тихо сказал:

- Опять ты что-то сумной. Вызвал что-нибудь новое?

Я отрицательно покачал головой.

- Все будет хорошо. Поверь мне. У меня сердце - вещун.

Я заглянул в глаза Фомы Филимоновича: его мучила та же тревога, которую я не мог скрыть от него. И он же успокаивал меня...

С рассветом состоялся торжественный выезд Гюберта на охоту. Как всегда в таких случаях, все обитатели станции были на ногах. Шли сборы. Фома Филимонович бегал по двору и хлопотал. Ему предстояло держать экзамен, значение и последствия которого в то время не могли предвидеть ни я, ни тем более он.

Я волновался за Фому Филимоновича, пожалуй, не меньше, чем он сам.

Охотничий задор молодил старика, он бегал вприпрыжку от склада к кухне, от кухни в свой закуток, оттуда - в дежурную комнату.

Около восьми утра все высыпали во двор. К крыльцу дома Гюберта Кольчугин подвел под уздцы лошадь, впряженную в широкие просторные сани с плетеной кошевкой.

- Дичь-то будет? - окликнул я старика.

- Цыплят по осени считают, господин хороший, - отозвался он.

За спиной у Фомы Филимоновича висело ружье. Опытной, привычной рукой он подтянул супонь на хомуте, поправил чересседельник.

Из дома вышел Гюберт в охотничьем костюме. Комендант подал ему лыжи. Он тотчас встал на них и принялся пробовать крепления, пританцовывая на месте.

На лыжи встали и солдаты, сопровождавшие гауптмана, с автоматами, обвешанные гранатами.

В сани укладывали мешки, охотничьи сумки, ружья в твердых футлярах, продукты, термосы с горячей пищей и кофе, кружки.

Лошадь ярко-рыжей масти, с белой проточиной на лбу и большой седловиной на спине не внушала мне особого доверия. Я критически оглядывал ее. Костлявый зад, тощие, с выпирающими ребрами бока и понурый вид как бы говорили о том, что это жалкое существо только случайно забыто смертью.

Фома Филимонович как бы угадал мои мысли и бодро заявил, похлопав лошадь по крупу:

- Стоящая коняга! Такая не подведет!

- Дурень старик, из ума выжил! - промолвил Похитун и, подойдя к Фоме Филимоновичу, сказал ему что-то на ухо.

- Хорошо считать зубы в чужом рту, господин хороший! - огрызнулся дед. - А ты посчитай в своем!

Похитун прокашлялся и ничего не ответил. Ему подали огромный овчинный тулуп, позаимствованный в караульном помещении, и он натянул его поверх шинели.

- Трогать! - скомандовал Гюберт.

Часовой распахнул ворота. Похитун неуклюже плюхнулся в сани, и под его тяжестью в мешке что-то хрустнуло.

- Пьяный, что ли? - спросил Гюберт.

Похитун промолчал и поднял воротник.

- Он и трезвый-то недотепа, прости господи! - в сердцах бросил Фома Филимонович, уселся на передок, взялся за вожжи, круто повернул коня и тронул.

За санями на лыжах пошли Гюберт и автоматчики. Весь гарнизон повалил со двора, провожая охотничью процессию.

- Ни пуха ни пера! - крикнул я вдогонку.

Мне никто не ответил. Узкая, малонаезженная дорога врезалась в завьюженный лес, и сани уже скрывались за деревьями.

Ровно через сутки охотники неожиданно вернулись. Обычно Гюберт задерживался на двое-трое суток. Я с опаской подумал, что Фома Филимонович не выдержал экзамена и сорвал охоту. Я тотчас же вышел во двор. И первый, кто мне попался на глаза, был Гюберт. Уставший, с опавшими, но зарумянившимися щеками, он стоял на крылечке своего дома и тоненькой хворостинкой тщательно выбивал снег из своих меховых сапог. Двор был пуст, сани стояли уже под навесом.

Я подошел к Гюберту и поприветствовал его.

Он довольным тоном сказал:

- Ну и каналья, дед!..

- Подвел? - спросил я, чувствуя хорошее настроение гауптмана.

- Нисколько! Я получил колоссальное удовольствие. Не напрасно покойный Эденберг кормил его своим хлебом.

Мои опасения рассеялись. Но я шутливо заметил:

- Результаты охоты определяются не охотничьими рассказами, а наличными трофеями

- Только так! - подтвердил Гюберт. - И результаты прекрасные. На два ружья приходится четырнадцать тетеревов, три глухаря, пять рябчиков и два зайца. Как?

- Замечательно! - воскликнул я.

- И стрелок он отличный! - продолжал Гюберт. - Перестрелял меня. Бьет с любого положения... Но не в этом главное. Я впервые узнал, что тетеревов можно стрелять, не слезая с саней. Они подпускают к себе на десять пятнадцать шагов. Как в сказках барона Мюнхгаузена! Сидят на березах, будто чучела, и только шеями крутят.

- Видно на место хорошее попали? - допытывался я.

- Редкое место! И недалеко. Молодец дед!

Гюберт был необычно словоохотлив, и мне опять припомнились слова Доктора о том, что ради охоты гауптман способен на все. Гюберт долго рассказывал, как они подкараулили глухарей, как напали на след зайцев, как рябчики водили за нос Похитуна.

Когда Гюберт ушел к себе, я попытался разыскать Фому Филимоновича, но его точно ветром сдуло. Я заглянул на кухню, где уже ощипывали и потрошили дичь, в баню, в закуток старика, в дежурную комнату - его нигде не было.

На вечер у меня была намечена встреча с Криворученко. Третья и последняя встреча. Я должен был сегодня переговорить окончательно и со стариком и с Семеном.

В поисках Кольчугина я заглянул к Похитуну и застал его за переодеванием. Он неуклюже и смешно прыгал на одной ноге, запутавшись другой в штанине.

- С успехом можно поздравить? - сказал я вместо приветствия.

Похитун повернулся ко мне, наступил на штанину и упал на пол. Штанина треснула.

Похитун с остервенением плюнул и разразился площадной бранью. Я молча наблюдал за ним, сдерживая смех. Он сидел на полу, разглядывал брюки, отыскивая разорванное место. Потом выругался еще раз и наконец натянул их на себя.

- Что вы сказали? - спросил он, уставившись на меня тусклыми глазками.

Он явно не хотел вымещать на мне свое раздражение. Он отлично знал, что вчера, после их отъезда на охоту, мне должны были выдать водку.

- Пришел поздравить вас с успехом.

- А ну их!.. - бросил Похитун, засовывая ногу в сапог.

- Кого их?

- Успехи, успехи эти самые! Я промок до костей. Это не охота, а сумасбродство. Так можно за милую душу схватить воспаление легких.

- Зато удача!

- Ничего удивительного. Кольчугин - человек местный и лес знает.

- И охотник отличный, - вставил я.

- А человек препротивный! - сказал Похитун.

- Гауптман придерживается иного мнения. Я с ним только что беседовал.

- "Гауптман, гауптман!" - с нескрываемой досадой передразнил меня Похитун. - Что -

гауптман? Ему нужна дичь, а там хоть камни вались с неба... А я измучился, как собака, и ни разу не выстрелил.

- При чем же здесь Кольчугин? - удивился я.

- При том... - неохотно буркнул Похитун. Он уже надел сапоги и теперь влезал в мундир.

- То есть?

- При том, что он грубиян и подлиза, этот ваш Кольчугин.

- Почему - мой? - рассмеялся я.

- Потому что вы его подсунули гауптману. Сам гауптман говорит.

- Так и говорит, что подсунул?

- Ну не так, а вроде того... Покурить есть?

Я угостил его сигаретой и сел за стол. Сегодня я был особенно заинтересован в беседе. Мне хотелось вызвать Похитуна на откровенность и выудить у него подробности о Куркове и о моей таинственной "семье".

- Вы напрасно обижаетесь на старика, - сказал я. - Не так уж он плох, как вы думаете.

Похитун молчал, рассматривая свои черные ногти.

- Он был о вас очень хорошего мнения, - фантазировал я, - до той поры, пока вы не начали задирать его, не стали подсмеиваться над ним. К людям надо относиться терпимее. У каждого из нас есть свои недостатки, есть они и у Кольчугина. Он ведь тоже выпить не дурак, но побаивается - у него другое положение...

Похитун хмыкнул и спросил:

- Он, значит, тоже?

- А вы думали? И добрый по натуре, хлебосол.

Похитун недоверчиво покрутил головой и промолвил:

- Этого я не звал.

Мне не хотелось продолжать этот разговор, чтобы не навлечь подозрений, и я сказал:

- Скоро окончится наша дружба...

- Да, жаль! - заметил Похитун. - И водочка окончится.

В коридоре послышались шаги. Мы умолкли.

В комнату вошел Раух и сказал Похитуну по-немецки:

- Гауптман приказал вам подготовиться к поездке в авиадесантный полк. После обеда за вами придет машина. Подготовьте интересующие командование полка сведения и захватите карту.

- А где карта? - поморщившись, спросил Похитун.

- У гауптмана, - ответил Раух.

Похитун кивнул. Раух вышел.

- Вот, видали? - обратился ко мне с усмешкой Похитун.

- Что такое?

- Ехать надо.

- Куда?

- К чертям на кулички, к десанникам. Это добрых полтора километра.

- А когда?

- После обеда... - Он выдержал паузу. - Черт знает что! Это не мое дело. Я шифровальщик. Я должен сидеть на месте. Всегда ездил помощник гауптмана, покойный Бунк, а теперь меня впрягли.

- Печально, - заметил я. - Чего доброго, мы больше не увидимся. Знаете что?

- А?

- Давайте разопьем бутылочку. Комендант предупредил меня, что это последняя. Уж он-то, видимо, знает, что говорит.

- Давайте, давайте! Все возможно.

Я принес из своей комнаты бутылку водки. Похитун выложил на стол головку чеснока, твердые как камень галеты и пожелтевший кусочек сала.

Мы выпили за нашу "дружбу". Я пригубил, а Похитун хватил половину граненого стакана.

Он закусил чесноком и салом, а я - галетой, напоминающей по вкусу фанеру. Потом пил один

Похитун. Пил за скорое расставание, за одаренного ученика, каковым считал меня, за благополучный исход моей переброски, за мои будущие заработки.

Убедившись в том, что Похитун уже "под градусом", я пустил пробный шар:

- Гауптман объявил, что на той стороне меня будет встречать Курков.

- Правильно, - подтвердил Похитун. - Я знал об этом раньше гауптмана.

- Я, между прочим, думал, что Курков в Москве...

- Чего ему там делать, - сказал Похитун. - В Москве он показался один раз всего и то ради того, чтобы узнать о самочувствии ваших родных.

По спине у меня поползли мурашки. Я потерял всякое желание продолжать разговор и даже ощутил сухость во рту. Значит, меня разыгрывают и дурачат. Никаких родственников в Москве у меня нет, и отыскивать их там Курков не мог. Значит, меня провоцируют. И будут провоцировать до конца.

Я выждал, пока Похитун прикончил всю бутылку, и посоветовал ему отдохнуть.

Но Похитун напился не до такой степени, чтобы забыть о своих обязанностях.

- Отдыхать некогда, - сказал он и посмотрел на часы. - Надо подготовить кое-что, взять карту у гауптмана и обедать.

Я посмотрел на часы, попрощался и отправился к себе.

Я ничего не понимал. Почему Гюберт медлит? На это могли быть два ответа. Либо Курков вообще не был в Москве, и Гюберт хотел только показать мне, что моя версия проверяется по его приказанию. Либо Курков побывал в Москве, и тогда... Но тогда он должен был сообщить Гюберту, что никаких Хомяковых по указанному адресу нет и никогда не было. Тогда - катастрофа, провал. Но зачем эта странная игра в кошки-мышки? Ведь я в любой день могу уйти в город и не вернуться.

Нет, тут что-то не то. Правда, возможен еще и третий вариант: Курков побоялся пробраться в Москву и послал Гюберту ложное сообщение. Такое тоже бывало.

Во всяком случае, надо срочно послать Фирсанову телеграмму с просьбой немедленно создать в Москве фиктивную семью Хомяковых. Дурацкий просчет! Зачем нужно было давать Гюберту ложный адрес? Ведь я с успехом мог заявить, что моя семья в эвакуации. В сотый раз я мысленно казнил себя за легкомыслие. Конечно, я старался не выдать себя, ел спокойно, болтал с соседями по столу, но меня одолевало беспокойство и нетерпение. Я спешил повидаться с Криворученко.

29.

ГРУППА "К"

Выходя из ворот Опытной станции, я увидел грузовик. В кабине сидел Похитун.

- Куда, Хомяков? - окликнул он.

- В город.

- Деньги есть?

- Есть. - Я похлопал себя по карману, где лежала пачка накопленных для Фомы Филимоновича марок.

- Садитесь со мной, - предложил Похитун. - И на секунду заглянем в казино. Только на секунду.

Я втиснулся третьим в кабину, и через десять минут машина остановилась возле казино. Шофер попросил Похитуну не задерживаться: дорога предстояла долгая, и ему хотелось добраться до полка засветло.

К моей радости, Похитун отказался сесть за стол и лишь попросил меня купить ему бутылку водки на дорогу, Я купил две и вдобавок кое-что из закуски. Он рассыпался в благодарности. Мы распрощались, не ведая о том, что увидимся не скоро...

Похитун с машиной подвернулся очень кстати: я вы играл время и избавился от возможной слежки.

Быстро добравшись до "хором" Фомы Филимоновича, я увидел возле покосившегося забора, облепленного пышными пластами снега, Таню. Она расчищала дорожку деревянной лопатой. На всякий случай я оглянулся хотя в этом и не было нужды: Таня уже подала условный знак, что все в порядке. Мгновенно я протиснулся сквозь щель и побежал по тропинке ко входу в подвал. Надо было немедленно увидеть Криворученку, сунуть ему шифровку с просьбой "создать" мою семью в Москве и сейчас же откомандировать его обратно в лес. Может быть, не поздно, может быть радиограмма спасет меня.

Я скатился по ступенькам в подвал, шагнул в открытую дверь и попал в мощные объятия Криворученко.

Как и в первый раз, горела лампа, но стол был уже накрыт, и за ним восседал причесанный, в чистой рубашке Фома Филимонович. Пахло чем-то вкусным.

Я высвободился из лапищ Криворученко и спросил:

- Сколько времени тебе надо, чтобы вернуться в лес?
- А что случилось? - в свою очередь спросил он бледнея.
- Надо немедленно передать радиограмму. Когда очередной сеанс?
- В двадцать три тридцать, - ответил он. - Но мы можем вызвать наших и раньше. А что такое?

- Напишу - прочтешь, - коротко ответил я и сел за стол, чтобы составить шифровку.

Таня и Фома Филимонович растерянно смотрели на меня, предчувствуя что-то необычное.

- А вы раньше посмотрите, что вам сообщают, - спохватился Семен и полез в карман.

- Давай! - бросил я.

Криворученко подал свернутую бумажку размером со спичечную наклейку, густо исписанную бисерным, но очень разборчивым почерком радиста. Я прочел:

1. Оставление группы "К" и ее доукомплектование санкционируем.
2. Известный вам Константин полностью реабилитирован, представлен правительственной наградой, находится отпуску на родине.
3. Вас проверяют, но вы не беспокойтесь. Радист Курков явился повинной, во всем признался. Его имени дана радиограмма благополучия вашей семьи.

Я не мог вымолвить ни слова. Черт возьми, как я не догадался? Ведь это так просто! Вот и разгадка "семьи".

Не знаю, каким было мое лицо, но, очевидно, необычным, так как друзья не на шутку перепугались. Столбняк, сковавший меня, длился недолго - всего несколько секунд. Я быстро пришел в себя, вскочил, расцеловал Семена, за компанию Таню и Фому Филимоновича и крикнул:

- К черту телеграмму! Никакой телеграммы!

- Я же говорил тебе, душа моя, - важно напомнил Фома Филимонович, что все обойдется. Вот и обошлось. Нет, сердце у меня - вещун! Ну-ка, внучка, спроворь закуску.

Таня вытащила из-за топчана большой противень с двумя зажаренными тетеревами.

- Вот они где, голубчики! - воскликнул я. - То-то я принимаюсь, принимаюсь... Как же они залетели сюда?

- Дедушка приманил, - сказала Таня.

Милым движением она перекинула русую тугую косу за плечо, подошла к Фоме Филимоновичу и, смущенно улынувшись, прижала его голову к себе.

Старик обнял внучку, гладил ее руки. Видно, крепко любил он ее, любил с особой, трогательной нежностью.

Фома Филимонович отпустил внучку и рассмеялся. Смех у него был рассыпчатый, добрый.

- Приманил не приманил, а маленько сплутовал, - сказал он. - Гауптман чуть-чуть просчитался. Уложили-то не четырнадцать, а шестнадцать штук. Вот я двух и приволок домой. Грех небольшой...

- Правильно, - одобрил я. - А куда ты так рано исчез?

- А меня гауптман отпустил. Сказал: "Иди отдыхай, дед! Ты это заслужил". И руку мне подал. Подал и добавил: "Ты оправдал себя и теперь будешь у меня егерем".

- Вот это здорово! - обрадовался я.

- И очень важно для нашего дела, - вставил Семен. - Я уже говорил об этом Фоме Филимоновичу.

- А вы знаете, Кондратий Филиппович, как у нас тут хозяйничал Сеня? спросила Таня. Я взглянул на Семена.

- Ладно уж! - махнул рукой Криворученко.

- Почему же ладно? - запротестовала Таня и рассказала, что Семен обеспечил их дровами, как-то притащил двух зайцев, а самое главное - принес соль. А на соль можно выменять что угодно. И Таня уже достала керосину, сахару и даже сапоги.

Криворученко, краснея, пробасил, что, мол, его дело маленькое, что, дескать, лесник Трофим Степанович, через которого Семен поддерживает связь с партизанами, прислал подарок Фоме Филимоновичу.

Таня расставила на столе стеклянные банки с чем-то густым и темным. Начали рассаживаться. Дед и внучка принадлежали к числу тех редких людей, которые весело переносят нужду и умеют будни превращать в праздник.

Мужчины выпили по маленькой, и все приступили к еде.

- Самодельный коньячок... пять звездочек, - пошутил Криворученко. Это тоже лесник презентовал. Мы хотели распить за помин души Наклейкина, да Танюша не согласилась.

- Решили лучше за твои проводы, - добавил старик.

- А чем ты насолил Похитуну? - спросил я его. - Зол он на тебя, как черт.

- А и пусть. Продажная шкура, этот Похитун. Холуи заправский. Для того он и сотворен. На другое не способен.

- Ты от него не отмахивайся!

- Что так?

- А вот так... Он нам еще понадобится. Он враг, но мы должны использовать его слабости. Портить с ним отношения не следует.

Умный старик не стал спорить.

- Значит, люб не люб, а дружбу завязывай!

- Выходит так.

- Задача мудреная, - покачал головой Фома Филимонович. - Душу с него воротит. Да и зашибает он здорово.

- Это как раз и хорошо. Ты должен его задобрить. Ты приучи его есть из твоих рук. Худо ли, хорошо ли, но он считает тебя за своего, а это главное.

- Что да, то да, - согласился Фома Филимонович. - "Ворон ворону глаз не выклюет"... Тетеревов мы заели клюквенным киселем. Кисель был кислый и очень густой, но после наскучившего немецкого пайка я съел его за милую душу, хотя от кислоты сводило скулы.

Потом занялись делом. Я инструктировал Криворученку, а он делал одному ему понятные заметки в записной книжке. Криворученко должен был принять в свою группу еще двух товарищей и, поддерживая связь с Фомой Филимоновичем, держать под наблюдением "осиное гнездо".

Если Гюберт перебазировал свою резиденцию, надо было следовать за ним, сохраняя по-прежнему необходимую дистанцию.

Обо всех изменениях в личном составе Опытной станции, о выявленных агентах надо регулярно информировать штаб.

И Фоме Филимоновичу я поставил задачи: закрепиться на станции, по возможности наладить "дружбу" с Похитуном, добиться расположения Гюберта с таким расчетом, чтобы, меняя место дислокации, Гюберт не отпустил от себя старика, как нужного ему человека.

Листок записной книжки Семена был уже тесно заполнен непонятными словами.

- Ну как, друзья? - спросил я в заключение.

- Сделаем, Кондрат! - заверил Фома Филимонович.

- Сделаем все возможное и невозможное, - добавил Семен.

Таня сидела в сторонке, теребя косу, и слушала нас, полуоткрыв губы.

- И поскорей давай людей Семену, Фома Филимонович, - напомнил я.
- За этим дело не станет, - проговорил старик.
- Только одного, - сказал Семен. - Второго пришлет командир отряда. Есть у него парень надежный, хорошо знающий округу, по фамилии Логачев.
- Толковый парень, - заметил Фома Филимонович
- Все мы его знаем, - вмешалась в разговор Таня. - Логачев до войны был первым физкультурником в городе, бегун, прыгун, работал в техническом контроле на заводе. Жена его, медсестра, эвакуировалась с больницей, а он остался для работы в тылу. Комсомолец...
- Да что говорить, лучшего не сыскать, - подтвердил Фома Филимонович. - Орел-парень! Что тебе рост, что силенка... И мозговитый. Ну, а второго дам тебе я. Обижаться не будешь.
- Кого, дедка?
- А Мишутку Березкина. Наш, городской. В подполье с первых дней. Его немцы не трогают. Одна нога короче другой, малость прихрамывает... А парень - сорвиголова! На любое дело пойдет и глазом не моргнет. Только прикажи. Если бы не ты, Кондрат, он бы Наклейкина обработал. Вот такой...
- Ладно. Ты сведи его с Семеном, и они поговорят. Ну, мне пора, сказал я и встал. - Кажется, обсудили все...
Я стал прощаться.
- Будь удачлив, Кондрат! - напутствовал меня старик.
- Берегите друг друга, - предупредил я.
- Все будет хорошо, - заверил Криворученко.
Таня вышла на разведку, а через минуту двинулся и я, чтобы уже никогда более не возвратиться ни в "хоромы" Кольчугина, ни в этот засыпанный снегом двор, ни в этот город. Во всяком случае - до конца войны...
На дворе уже стемнело. В лицо дул колючий, обжигающий ветер. Небо было задернуто тучами.
Я поднял воротник, застегнул наглухо пальто, сунул руки поглубже в рукава и зашагал к себе.

30.

ПРЫЖОК

На третий день после моего прощания с друзьями, перед обедом, Гюберт вызвал меня к себе и объявил:

- Подготовьтесь. Вечером поедете на аэродром.

Я ответил, что у меня все готово. Под словом "все" имелись в виду радиостанция, предназначенная для Брызгалова, выданная мне довольно крупная сумма денег в советских знаках, документы.

Только сейчас я сообразил, почему Гюберт тянул с моей выброской: он ждал непогоды. Сегодня непогода пришла. Еще с ночи посыпал мелкий снег, ветер усилился, и под его порывами тонко и жалобно заскрипели сосны в лесу.

Эти дни Фома Филимонович, по договоренности со мной, задерживался на Опытной станции допоздна. А в его "хоромах" дежурил Криворученко, чтобы вовремя радировать нашему штабу о

времени моей выброски.

Фома Филимонович проявлял отменное усердие, повсюду отыскивая для себя работу, чем вызвал похвалу коменданта. А работы старик не боялся: он знал шорное и плотничье ремесло, мог класть печи, чинил обувь, понимал в слесарном и кузнечном деле.

После вызова к Гюберту я улучил момент и заглянул в закуток старика. Фома Филимонович сидел на низенькой скамеечке с доской на коленях и резал самосад.

- Сегодня ночью, - сказал я.

Старик отложил работу, встал, разогнул спину:

- Сейчас отпрошусь в город.

- Удобно? - спросил я.

- Нужны нитки для дратвы. Комендант сам наказывал, а у моего знакомого они есть.

Я кивнул. Фома Филимонович знал, что делал, и предупреждать об осторожности его, подпольщика, было излишне.

Я хотел уже выйти, но старик подошел ко мне вплотную, неловко обнял, ткнулся бородой в мою щеку.

- Будь удачлив! - сказал он. - Не забывай нас, грешных, а уж мы тебя не забудем...

Через полчаса он покинул Опытную станцию.

Я еще раз проверил свой вещевой мешок, где лежали деньги и рация, и положил его на кровать. Моя миссия закончилась. Я выполнил, кажется, все, что от меня требовалось. За Криворученко я не волновался, старик тоже обосновался надежно, и для тревоги за них оснований пока не было. Все теперь зависело от правильности поведения.

Перед обедом ко мне зашел инструктор Раух и предложил зашифровать срочную радиограмму. Он пояснил, что Похшун застрял где-то в дороге из-за неисправности машины и позвонил, что будет добираться на попутных.

Радиограмма предназначалась "моему" радисту, Куркову, извещала его о моей выброске. Я в душе усмехнулся: мне даже не требовалось уведомлять Большую землю - это сделал сам Гюберт.

Я зашифровал текст. Раух, как всегда сухо и вежливо, поблагодарил меня и вышел. Вот с кем я не мог установить никакого контакта, хотя Раух и занимался со мной в два раза больше, чем Похитун.

Внешне Раух держался непроницаемо. В его вежливости и корректности трудно было уловить какую-нибудь фальшь. На поверхностный взгляд он даже мог быть симпатичен.

Похитун говорил о Раухе весьма почтительно и кое-что выболтал. Так я узнал, что летом, незадолго до моего появления на Опытной станции, Раух расправился с девушкой, из которой он готовил радистку. Она жила на станции, а перед концом учебы самовольно ушла в город, для того якобы, чтобы побывать в кино. Но в кино ее не видели. Возникли подозрения, и назавтра Раух с отменной вежливостью предложил ей после занятий прогуляться по лесу и там застрелил. Вообще он охотно выполнял такие поручения, "отбивая хлеб" у коменданта. Глядя на Рауха, опрятного, предупредительного, с чистым и спокойным взглядом голубых глаз, никак нельзя было подумать, что этот джентльмен палач по призванию.

После обеда на Опытной станции появился полковник Габиш. Меня тотчас же вызвали к нему, в кабинет Гюберта. Он стоял перед зеркальным шкафом и сосредоточенно исследовал свой нос. На меня он не обратил никакого внимания, хотя и разрешил мне войти. Я кашлянул. Габиш продолжал созерцать свой нос, массируя его пальцем, то приближая свое обрюзгшее лицо вплотную к зеркалу, то отодвигаясь. Вошел Гюберт.

- Садитесь, Хомяков. Что вы стоите? - спросил он.

Тогда повернулся и невозмутимый Габиш, поздоровался со мной, грузно опустился на диван.

- Ви готов, господин Хомякоф? - спросил он.

- Да, вполне.

- Вопросы есть?

- Нет, мне все ясно.

Габиш помолчал. С брезгливой миной, выпятив губы, он усердно счищал ногтем мизинца со своих брюк какое-то пятнышко. Покончив с ним и погладив колени, он продолжал:

- Ви свой люди помнит?

Я кивнул утвердительно.

- Пожалуйста, рассказывайт о них, - предложил Габиш.

Я перечислил шестерых агентов по имени, отчеству и фамилии, назвал адреса и пароли, сказал, где и кем каждый из них работает.

- Оччень карашо, - одобрил Габиш. - Что есть тут, - он постучал себя пальцем по лбу, - никто не может знать. Это есть фундаментально, а всякий записка бывайт плохой конец.

Гюберт подошел к начальнику и подал ему листок бумаги. Габиш отдалил его от себя на вытянутую руку, как это делают дальнорюкие люди, прочел и, задержав на мне дольше обычного свои бесцветные глаза, проговорил:

- Ми теперь знайт и говорит вам, что ваш жена и дочь жив и здоров. Ви уехал, долго гуляйт, и они немножко волнуются. Ви должны быть рад это слышать!

Я ответил, что меня, конечно, радует это сообщение, как и всякого, имеющего семью, и что я рад буду поддержать их существование в эти тяжелые времена выданными мне деньгами.

- Отблагодарите Куркова, - заметил Гюберт. - Это он проявил заботу.

Я заверил, что непременно сделаю это.

- Курков вас будет встретить, - сказал Габиш.

- Хомяков сам его уведомил телеграммой, - пояснил Гюберт.

Габиш наклонил голову, подумал и обратился к Гюберту по-немецки:

- А как они узнают друг друга?

Гюберт ответил, что скажет мне об этом на аэродроме и сообщит пароль.

- Это можно сделать и сейчас, - разрешил Габиш.

Гюберт сказал:

- Курков ниже вас на голову. Молод, ему всего двадцать лет. Блондин, узкое, длинное лицо.

Почти безбровый. Ходит немного вразвалку. На нем будет черная шапка и шинель моряка.

Левая рука в лубке и на повязке. Он сам должен найти вас. Он назовет пароль: "Куда держите путь, гражданин?" Вы ответите: "Пробираюсь до хаты, домой". Ясно?

- Да. "Пробираюсь до хаты, домой". Ясно.

- Раций Брызгалоф везти не надо, - предупредил Габиш. - Вызывайте Саврасоф и вручайте ему.

- А если Саврасов не найдет возможности выехать? - спросил я.

- Найдет! - твердо сказал Гюберт. - Напишите ему, что вы привезли для него деньги, и он явится без задержки.

Габиш рассмеялся.

- Это есть умно! - воскликнул он.

В кабинет без стука вошел комендант Шнабель и поставил на стол металлический поднос. На нем были три рюмки, бутылка итальянского вермута и несколько мандаринов, обернутых в тонкую бумагу. Когда Шнабель вышел, Габиш сказал:

- Надо оччень карашо думать, как ви будет встречайт Виталий Лазаревич.

Поскольку ни Габиш, ни Гюберт до этого не называли при мне Доктора ни по фамилии, ни по имени (я узнал это от Похитуна), я сделал удивленное лицо и с наигранным недоумением спросил:

- Простите, господин оберст, кого я буду встречать?

- То есть как? - удивился Габиш и взглянул на Гюберта. - Ви не знайт, как звать Доктор?

Трудно было сказать, была ли это новая неожиданная проверка или простая забывчивость со стороны моего шефа.

- Ах, так это Доктор, - сказал я. - Тогда мне все понятно.

Гюберт тем временем подошел к столу, наполнил рюмки и одну из них поднес Габишу.

- Берите, - пригласил меня Габиш. - Будем пить за ваши удач.

Я взял рюмку. Гюберт поднял свою.

- Вином я вас не встречал, зато вином провожаю, - торжественно проговорил он. - Прозит!

Все выпили, и опять разговор вернулся к Доктору. Чувствовалось, что оба они тревожились за судьбу Доктора. Гюберт предупредил, что Доктор будет прыгать только на сигналы, то есть наверняка. Место для приземления должен буду подготовить я после получения телеграммы от Гюберта о готовности Доктора к вылету. А о подыскании ему места для жилья и, на всякий случай, работы мне надлежало побеспокоиться заблаговременно.

Попивая глоточками вермут, Гюберт давал мне последние инструкции относительно связи.

Пока, до прибытия Доктора, меня будут слушать один раз в десять дней по расписанию, которое имеется у Куркова. Я должен буду информировать Гюберта о встречах со своими

людьми, о приобретении новой агентуры. А Доктор привезет уже новое расписание.

Под конец беседы Габиш обратился ко мне с вопросом.

- Вам нужен оружий?

Я пожал плечами.

- Пожалуй, в нем нет нужды, - сказал я, вспомнив про историю с заброской Константина.

Пусть до конца будут уверены во мне.

Габиш и Гюберт переглянулись.

Гауптман спросил:

- А почему вы отказываетесь?

- Зачем оно мне? Ведь для того чтобы его носить, необходимо разрешение. Прыгать же с оружием глупо и опасно. На той стороне, если понадобится, раздобуду. Теперь, во время войны, это нетрудно. А вот капсулку с ядом, на всякий случай, я попросил бы.

- Очень верно! - одобрил Габиш. - Тогда есть всё. - Он встал с дивана, неестественно выпрямился, выставив вперед живот, подал мне руку и немного торжественно сказал: - Ваш дел, господин Хомякоф, будет узнайт фюрер! Ви должен понимать! Хайль Гитлер!

Мы расстались, а через три часа Гюберт вез меня на своей машине на аэродром.

Погода была самая подходящая: бушевала снежная сумятица, ветер поднимал снег, бросал его в машину, срывая с гребней сугробов. По сторонам дымились верхушки снежных барханов.

На территорию аэродрома мы проехать не смогли. Еле-еле, с частыми пробуксовками, машина дотащилась до проволочной ограды; тут она зачихала и захлебнулась, зарывшись в снег.

Гюберт предложил идти пешком - другого выхода не было. Мы вышли из машины.

Небо было затянуто мглой. В стороне едва угадывались очертания села Поточного; там маячил робкий, одинокий огонек. Нудно и тоскливо, точно голодный пес, завывал ветер. Поземка крутила, шипела, завертывала петли, перевивала снег, собирая его в гривы. Сухие, колючие снежинки жалили лицо, как огнем.

Мы шагали, наклонившись вперед, по цельному снегу, утопая по колено. Густой пар валил изо рта. Наконец мы добрались до аэродромных построек.

Теперь тут всё спрятали в землю. Наша авиация поработала здесь добросовестно. На аэродроме ночевало не больше трех-четырёх самолетов. За проволокой чернела груда искореженного огнем металла - остатки грузовых машин.

Мы вошли в одну из землянок, разбросанных по территории аэродрома. Солдаты, сидевшие у стола, тотчас вскочили со своих мест и поспешно выбрались наружу.

- Устали? - спросил Гюберт, вытирая платком мокрое лицо.

Я признался, что устал. Мы закурили, сняли головные уборы. Гюберт извлек из кармана плитку настоящего шоколада, дал половину мне и сказал, что сам проводит меня на выброску. Явился унтер-офицер, весь облепленный снегом, козырнул Гюберту и доложил, что самолет ждет нас на старте.

Мы вышли в сопровождении унтер-офицера и

вновь побрели по снегу к самолету. Приземистая, похожая на притаившегося перед прыжком хищного зверя, машина готова была к разбегу по дорожке, которую все время разгребали солдаты аэродромной команды. Глухо рокотали два мотора на неполных оборотах. На белом камуфлированном фюзеляже и на высоком стабилизаторе зловеще вырисовывались черные кресты. Экипаж был на местах.

Нам подали руки и помогли забраться внутрь. Тут было тесно и неудобно, как во всякой боевой машине.

- Все идет нормально, - произнес Гюберт и обратился к механику: - А где капитан Рихтер? Механик не успел ответить. Рихтер, обучавший меня прыжкам, явился сам. На меня надели парашют, проверили лямки.

- Всё? - спросил по-немецки Рихтер.

Гюберт кивнул. Рихтер подал сигнал пилоту. Взревели моторы. Вокруг машины

забесновалась белесая мгла. Все задрожало, самолет рванулся вперед. Я не успел заметить, как он оторвался от земли, и определил, что мы в воздухе только по ровному и монотонному рокоту моторов.

Все сидели молча.

Непередаваемое чувство овладело мной. Как понять это человеку, не пережившему нечто подобное тому, что пережил я? Я возвращался на Родину из самого логова врага. Я не только остался жив, но выполнил порученное задание, вложил, пусть небольшой, вклад в дело борьбы своего народа против злейшего врага...

На большой высоте самолет перевалил через линию фронта. Его встретил слабый зенитный огонь, который быстро прекратился.

"Если бы знали там, на земле, кто летит, так, наверное, и вовсе бы не стреляли", - совсем по-детски подумал я.

Рихтер подсел ко мне карту и пальцем показал линию фронта. Я кивнул.

Высота стала падать. Внизу вдаль замерцали слабенькие огоньки. Самолет сделал плавный поворот, выровнялся и как бы притих.

Над моей головой замигала яркая белая лампочка. Это для меня. Пора!

Рихтер отвинтил и отбросил крышку люка. Холодный воздух ворвался и закружился в кабине. Гюберт встал. Он крикнул мне что-то на ухо, но я увидел только, как шевельнулись его губы. Я ничего не услышал, да и не хотел слышать. Что мне теперь до всех разговоров! Я смеялся в душе.

Спустившись в люк, я повис на локтях. Рихтер поправил на мне парашют. Сердце на мгновение замерло. Затем я сдвинул локти и провалился в снежный круговорот. В лицо ударило что-то плотное и непроницаемое.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОНЕЦ "ОСИНОГО ГНЕЗДА"

31.

ГОРЕ

С той ночи, как я возвратился на Большую землю, прошло почти четыре месяца. Зима круто повернула на весну. На смену морозам пришли оттепели. По широким просторам, степям и лесам нашей великой страны бродил бодрый весенний ветерок. Реки готовились взломать ледяной покров. Нестойкие морозцы держались лишь ночью, и по утрам только местами стекленели лужицы, затянутые тоненькой, непрочной коркой льда. Снег, изглоданный и источенный, точно короедом, теплыми ветрами, тяжелел, оседал, становился ноздреватым и похожим на слежавшуюся соль. Его поедало солнце, подтачивали туманы. Он еще держался в оврагах, на откосах дорог, в теневых местах. А под снежной коркой звонко журчали потоки талой воды и пенистыми ручейками текли своим извечным путем. Обнажились пашни, чернели дороги, а кое-где на припеке щетинилась и ласкала глаз молодая травка.

Мой домик стоял в глубине соснового бора, у самого обрыва, на берегу тихой речушки, в пятидесяти минутах езды от Москвы.

Я вспомнил ту снежную ночь, когда, подхваченный потоками ледяного воздуха, я падал сквозь непроглядную муть к белой земле. В памяти еще свежи были подробности той ночи. Я помнил, как перехватило дыхание, когда рывком раскрылся парашют, а потом я свалился в мягкий снег и заскользил по снежному склону на дно оврага. Это было между шоссе и станцией Горбачево.

Передохнув немного и оглядевшись, я с трудом скатал парашют, взвалил его на плечо и выбрался из оврага.

Кругом была ночь, снег. Так же, как и на той стороне, на вражеском аэродроме, здесь

тоскливо выл ветер. Ни жилья, ни звездочки, ни огонька... Но теперь все - и ночь, и пурга, и ветер - не казалось таким зловещим. Все это пустяки. Ведь я был на своей, на родной земле! Я пытался сориентироваться, но никак не мог определить, по какую сторону шоссе оказался и где находится станция, на которой меня ждали.

Я бродил по степи добрый час, устал и взмок. Наконец ветер донес надрывные и тяжелые звуки работающего мотора. Я прислушался. Звуки то усиливались и казались совсем близкими, то замирали. Я пошел на них и минут через десять - пятнадцать выбрался на шоссе.

Первое, что я увидел, - был гусеничный трактор-тягач. Он натруженно тарыхтел, поднимаясь на взгорок, волоча за собой огромные сани с цистерной. Я подошел к трактору и, уцепившись за поручни, спросил водителя, куда он едет. Выяснилось, что на станцию Горбачево и что до нее километров семь.

Трактор, несмотря на оглушительный треск мотора, полз очень медленно, и, добираясь на нем, я мог бы замерзнуть. Я решил идти пешком и зашагал, оставив трактор позади. Мимо проносились автомашины с потушенными фарами. Шоферы лихо вели их в потемках на большой скорости и очень ловко разъезжались при встречах.

Но вот встречный грузовик внезапно мигнул фарами, ослепил меня и остановился.

- Эй, товарищ, одну минутку! - раздался голос.

Из кабины вылез приземистый человек в черном полушубке и, подсвечивая карманным фонариком, направился ко мне. Подойдя вплотную и осветив меня с ног до головы вместе со скомканным парашютом за спиной, он спросил:

- Кто вы такой?

- Человек...

- Да вы бросьте шутить! Вы не майор Стожаров?

- Ну да, черт возьми!

- Где же вы пропадали?

- Как это понять? - усмехнулся я.

- Давно приземлились?

- Пожалуй, больше часа. Еле выбрался на дорогу,

- Фу ты черт! А мы с ног сбились. Скорее в машину! - И он подхватил мой парашют. -

Сторожили вас на станции, кругом все облазили. Замерзли?

- Наоборот. Весь мокрый. Вот в машине, наверное, замерзну.

- Не успеете. Лезьте в кузов. Я бы вас в кабинку посадил, да мне надо дорогу показывать.

Машина чужая...

Сколько человек было в закрытом брезентом кузове, я в темноте определить не мог. По голосам можно было предположить - не меньше четырех. Я оперся спиной о кабину, а ногами о что-то твердое.

Некоторое время мы ехали по шоссе, затем кузов накренился набок, машина перевалила через кювет и запрыгала на ухабах. Я был в каком-то блаженном состоянии.

Вскоре наша машина остановилась и послышалась команда:

- Вылезайте, товарищи!

Спрыгнув на землю, я увидел среди степи одинокий самолет, почти слившийся с белым снегом.

- Быстрее в самолет! - раздался тот же голос. - А то погода час от часу все хуже.

Я поднял голову - с неба опять начала сыпаться мелкая пороша.

Через несколько минут я снова был в воздухе. В самолете было светло, тепло, уютно. Мягкие кресла покрыты парусиновыми чехлами. Меня угостили бутербродами с ветчиной, горячим чаем из термоса, преотличным "Беломорканалом".

Как быстро все изменилось! Какой-нибудь час назад я сидел во вражеском самолете, бок о бок с оккупантами, с гитлеровцами Гюбертом и Рихтером. Час назад мне жал руку матерый диверсант, фашистский волк Гюберт. А сейчас я обменивался рукопожатиями с товарищами, советскими разведчиками. Всегда - и в детстве, и в зрелые годы - я увлекался

приключенческими книгами, зачитывался романами Жюль Верна, Майн Рида, Луи Буссенара, Фенимора Купера. Я тайно и явно завидовал подвигам смелых патриотов-героев, борцов за справедливость и свободу, мечтал о путешествиях и приключениях, но разве мог я думать, что подлинная жизнь бросит меня в такой водоворот борьбы, опасностей, приключений! Разве мог я думать, что стану участником таких необычайных событий! С самолета я вновь попал в машину, из машины - в горячую ванну, а из ванны - за накрытый стол. Московская ночь была уже на исходе.

Распоряжался за столом майор Петрунин, тот, кто подобрал меня на шоссе, - широкобровый, скуластый и очень энергичный. Помогал ему маленький лейтенант с пушком на верхней губе, которого все звали Костей. Они были радушны, оказывали мне самое сердечное внимание, проявляли трогательную заботу.

За столом я почувствовал, что меня начинает пробирать мелкий озноб. Этого только не хватало! Неужели простудился или подхватил грипп? Я высказал свои опасения товарищам. Тотчас же Костя сбегал к квартирной хозяйке и возвратился с тремя таблетками кальцекса.

- Эту утром, - поучал он меня, выкладывая таблетки на стол, - эту в обед, а эту перед сном. И как рукой все снимет, товарищ майор!

Действительно, все как рукой сняло. По-видимому, озноб был вызван сильной нервной реакцией. Я встал здоровым.

В полдень меня принял полковник Решетов. Я увидел то же хмурое, суровое лицо, те же внимательные и как будто сердитые глаза. Он по-прежнему то и дело массирует свою поврежденную левую руку.

Встретил он меня приветливо: вышел из-за стола, обнял, довел до кресла и усадил.

Беседа затянулась часа на три.

Полковника интересовало буквально все, что происходило на Опытной станции. Я восстановил в памяти все события и изложил их последовательно, день за днем, перечислил всех обитателей станции, дал им характеристику, а затем отвечал на бесчисленные вопросы полковника.

- Вы уверены, что Габиш полковник? - спросил он.

- Конечно. Я видел его в форме полковника, и обращаются к нему все как к полковнику.

- Значит, русским языком он владеет сносно?

- Вразумительно. Может обходиться без переводчика.

- А Гюберт?

- Хорошо. Так же, как и своим, только с акцентом.

Полковник Решетов вставал, прохаживался по кабинету, вертел карандаш между пальцами, вглядывался в карту, висевшую на стене, и снова усаживался против меня в кресле. Он все время был в движении, в мыслях и ставил всё новые вопросы.

- Значит, гауптман Гюберт - заядлый охотник? - спросил он.

Я подтвердил.

- Это интересно. Очень интересно! А кто из них - Габиш или Гюберт посоветовал вам заинтересовать Саврасова деньгами?

Я ответил, что Гюберт.

- А как отнесся к этому Габиш?

- Он рассмеялся и сказал, что "это есть умно"!

- А какую цель преследовали вы,

давая указание Кольчугину закрепиться на Опытной станции?

Я пояснил. Фома Филимонович, став необходимым спутником гауптмана в охоте, сможет упрочить свое положение и информировать Криворученку обо всем, что происходит на Опытной станции.

- Разве я поступил не так? - спросил я.

- Вы поступили совершенно правильно! - успокоил меня полковник. Кольчугин, говорите, человек вполне надежный?

- Да. За него я могу поручиться.

- Ну хорошо, - сказал Решетов. - На сегодня довольно. Я полагаю, что пора послать гауптману Гюберту такую телеграмму... Пишите. - Он подал мне блокнот и карандаш. - "Саврасов месяц назад арестован присвоение крупных денежных сумм и подделку отчетных документов осужден десять лет". Как вы находите?

- Пилюля для них неожиданная и горькая...

- Что поделать, - усмехнулся Решетов. - Все равно придется глотать. Раз он так любит деньги... Не меньше, чем вы. - Мы рассмеялись. - Вы не кладите карандаш, пишите дальше: "Брызгалов из больницы выписался, веду розыски. Сообщите, как поступить радиостанцией". Вот так. Теперь всё.

- Когда отправить эту телеграмму?

- Дней через десять - двенадцать после того, как вы уведомите Гюберта, что прибыли благополучно.

- Понимаю.

Полковник взял из моих рук блокнот, перечитал телеграмму вслух и заметил:

- Пожалуй, так будет правильно. Вы дали Саврасову телеграмму, а вам ответили, что его нет. Вы выехали или вылетели на место и разузнали все подробности. Времени вполне достаточно. Все коротко и предельно ясно. Для порядка порадуйте их кое-какой информацией. Ну, а этих ваших новых "друзей", шестерых железнодорожников, мы постараемся сегодня же устроить... О них можно будет сообщить дополнительно и по-разному. Все это мы обсудим. Кстати, вы хорошо запомнили фамилии, имена, пароли, не перепутали?

- Надеюсь, что нет... А Константина вы видели?

- А как же! Он сидел в этом же кресле, в котором сидите вы.

- Интересно, какое впечатление произвел он на вас?

- Как вам сказать... - Решетов на мгновение задумался. - Во всяком случае, человек решительный и преданный. Ведь он очень много перенес, много выстрадал и не согнулся. Ну и дал же он вам аттестацию!..

- Я думаю...

- Когда я назвал Константину имена Отто Бунка, Гюберта, Похитуна и прочих гадов из этого гнезда и сообщил, что пилот, который его вез, уцелел, парень задумался.

- То есть? - поинтересовался я.

- Задумался и сказал: "Вот оно что... Значит, кто-то вас информировал? Понятно! Вопросов я вам, товарищ полковник, задавать не буду, так как знаю, что вы мне на них не ответите, но теперь мне кое-что ясно. Придется произвести переоценку некоторых фигур". С уверенностью он, конечно, ничего сказать не может...

Мы помолчали. Полковник искоса поглядывал то на меня, то на свою руку, затем встал и спросил:

- Вы хотели бы повидаться с женой?

Ну что я мог ответить? Конечно, хотел бы, но пока идет война, это, вероятно, невозможно. Я так и сказал.

- Невозможного ничего нет, - объявил Решетов. - Так вот... Завтра возьмите мою машину и съездите в Л., на аэродром. И встретите жену. Самолет должен прилететь к шестнадцати часам...

Кажется, я изменился в лице.

- Завтра? - растерянно, глупо улыбаясь, переспросил я.

- Да, да. Ее по нашему вызову отпустили на пять суток. Ведь она работает в госпитале. Мы подумали с Фирсановым и решили, что, чем вам ехать туда, лучше ее сюда вызвать. Тем более что вы с самого начала войны не виделись. Да и вообще ей надо немного... - Что "немного", полковник не договорил, а сделал неопределенный жест рукой. - Идите отдыхайте!

Я скатился с седьмого этажа, не чувствуя ступенек, и пришел в себя лишь на морозном воздухе.

Значит, Маша работает в госпитале? А как же дочурка, как Танечка? Возьмет ее Маша с собой? А почему бы и нет? Таньке сейчас... Я подсчитал... Да, ей сейчас уже четыре года и восемь месяцев. Конечно, они прилетят вместе.

Но прилетела одна Маша.

Я сразу заметил ее среди пассажиров, вышедших из самолета, и бросился навстречу. Она была меньше всех, в своей старенькой беличьей шубке, с маленьким чемоданом в руке. Она стояла и искала меня глазами, а увидев, пошла быстро, ровными, мелкими шажками, такой знакомой и родной походкой. Но не дойдя до меня шага два, она остановилась, прижала руку к груди и как-то странно посмотрела на меня. Я подумал, что ей стало плохо, только не мог догадаться отчего. Потом она улыбнулась. Улыбнулась тихой улыбкой, как улыбаются лишь тяжело больные или чем-то потрясенные люди.

Я схватил ее, обнял, прижал к груди, заглянул в глаза. Она опять улыбалась, а из глаз ее градом катились слезы.

- Машенька! Что с тобой? - Я расцеловал ее в теплые щеки, в глаза, в губы. - Я же тут, с тобой!.. Успокойся.

Но она все плакала и только через минуту, тяжело вздохнув, проговорила:

- Нет у нас больше Таньки, Кондрат!..

У меня сжало горло. Я почувствовал смертельную усталость и слабость во всем теле. Все вокруг стало чужим и безразличным. Потом, боясь, что мужество совсем покинет меня, я взял Машу под руку и повел сам не знаю куда.

Мы медленно шли по расчищенной от снега, асфальтированной дорожке, и Маша тихо, как бы опасаясь, что кто-то услышит про наше горе, рассказывала, как все случилось.

Это произошло еще в августе сорок первого года, когда эшелоны с эвакуированными пробивались в глубь страны, на восток. В ночь на 26 августа на поезд налетели фашистские бомбардировщики... Осколок убил девочку мгновенно, она даже не проснулась. В Машу угодило два осколка. Она выжила. Ее увезли в один из уральских военных госпиталей, а когда встала на ноги, осталась там работать. Меня убивать страшной вестью не хотела. Она знала, что я занят. Оказывается, Фирсанов переписывался с нею. И как знать, плохо или хорошо она поступила, утаив от меня смерть дочери...

Маша умолкла и молчала до самой квартиры. И я молчал. И думал. Много горя выпало на долю Маши. На шестой день войны погиб ее старший брат командир артиллерийского полка. Месяцем позднее разбился второй брат, летчик-испытатель. А теперь Таня...

Я знал, что у каждого человека, рано или поздно, бывает своя невозвратимая утрата. У Маши уж слишком много!

Итак, произошло это в ночь на 26 августа сорок первого года. Эту дату я не забуду. И врагам ее припомню. Сделаю все, что в моих силах!..

Когда пять суток спустя я провожал Машу в обратный путь, она сказала:

- Кондрат... В степи, недалеко от станции Выгоничи, есть маленький холмик. Я обложила его камнем... Четырнадцать шагов от выходной стрелки железнодорожного пути, став спиной к водокачке - строго вправо. Семь шагов от березы-двойняшки. Она одна растет там... Я все вымерила своими шагами... Там лежит Таня. Если тебе придется...

- Хорошо, хорошо! - прервал я ее. - Я все понял...

Шесть дней спустя, в ночь на воскресенье, меня разбудил телефонный звонок.

Рассвирепев, я вскочил, схватил трубку и крикнул:

- Какого дьявола вам надо?!

- Вас, майор, именно вас! Впрочем, кто у телефона?

- Майор Стожаров.

- Порядок! Говорит Петрунин. Неужели вы так крепко спите? Я барабаню с полчаса.

Скажите, вы правительственные награды имеете?

- Не заработал еще. Что за пустяшные вопросы среди ночи?

- Читайте, что имеете. Михаил Иванович Калинин подписал Указ о награждении вас орденом Красного Знамени, Криворученко и радиста Ветрова орденами Красной Звезды, а

Кольчугина - медалью "За боевые заслуги". Ясно?

Я ничего не ответил - не нашелся. И принял это сообщение довольно равнодушно. Еще слишком сильна была боль, от которой я не мог оправиться. Все думал о Тане. Не хотел думать, глушил в себе мысли, но... ничего не получалось. А тут...

- Вот и всё, - подвел итог майор Петрунин. - И прошу учесть, что я первый вас поздравил.

- Учту, - угрюмо бросил я.

Через несколько дней мне приказали вылететь к подполковнику Фирсанову. Я быстро с радостью собрался. Горестные мысли и щемящая печаль уступят место удесятеренной ненависти к врагу. Скорее к новым делам, к беспощадной борьбе.

Теперь все эти дни в прошлом. Теперь это воспоминания. Они приходят непрошено, и от них никуда не уйдешь.

32.

ДОКТОР НАНОСИТ ВИЗИТ

День был на исходе. Я, майор Петрунин, лейтенант Воронков и еще два офицера из отдела полковника Решетова ехали "встречать" Доктора.

В два часа ночи он должен был выброситься на нашу территорию.

Этому предшествовал оживленный обмен радиogramмами между мной и Гюбертом: уточнялись даты, место приземления.

Машина плавно катилась по чистому и ровному шоссе. Я сидел в кабине, откинувшись на спинку сиденья, и дремал: долгая езда укачала меня.

В пути мы дважды попадали под дождь, и я серьезно опасался, сможет ли машина добраться до отдаленного от шоссе и жилых мест пункта встречи, к которому вел длинный отрезок обычной грунтовой дороги.

Перед развилкой Петрунин забарабанил по крыше кабины и крикнул:

- Сворачивай направо!

Шофер остановил машину, сошел на землю и, оглядев дорогу, проворчал:

- Гиблые места!

- Не паникуй, Петя! - сказал Петрунин.

Петя почесал в затылке и полез обратно в кабину. Машина съехала с шоссе на большак и сразу завилыла из стороны в сторону. Мы поехали по жидкой грязи медленно, на второй скорости. Спасало то, что под верхним оттаявшим слоем земли лежал еще мерзлый слой.

- Жми, жми, Петя! - подбадривал Петрунин.

- "Жми, жми"! - ворчал тот. - Начнешь жать - обязательно заночуешь в кювете!

Он ловко выруливал машину, а машина так и норовила сползти с горбатого большака в кювет. А тут еще клонящееся к закату солнце играло своими лучами в лобовом стекле и слепило глаза.

Кое-как, перегрев мотор, мы преодолели этот злосчастный участок, но перед самой деревенькой все-таки основательно завязли. Задние колеса затащило в канаву, и машина прочно села на дифер. Мы выбрались из кузова.

Шофер повздыхал, выругался и отправился в деревню. Вслед за ним ушел и Петрунин.

Вернулись они с двумя бревнами. Мы стали "вываживать" машину и кое-как вытянули ее из канавы.

В деревню попали затемно. Остановились в доме председателя колхоза и остаток вечера прокоротали за чаем и разговорами.

В половине первого я и майор Петрунин покинули дом, предварительно еще раз проинструктировав остающихся. Мы взяли с собой мешок с сухой паклей, банку с машинным маслом, бутылку с бензином, ракеты и ракетницу.

Ночь стояла тихая, полная какого-то значительного спокойствия. Все небо было усеяно звездами. Луна уходила за горизонт и, прячась за тучку, как бы подмигивала нам.

Подмораживало. Лужицы, затянутые тонким матовым ледком, похрустывали под ногами.

- Погодка на нас работает, - заметил Петрунин. - Обратно по морозцу быстро выберемся.

Мы вышли из деревни, миновали кладбище, обогнули небольшую березовую рошу, наполненную бодрящим весенним ароматом, перебрались по мостику через крошечную речонку и зашагали по открытому полю. Пройдя два километра, увидели белый шест - метку, поставленную нами заранее. Мы вынули из мешка паклю и выложили из нее на земле круг трех метров в диаметре. Паклю полили машинным маслом.

Петрунин зарядил ракетницу, я приготовил карманный фонарик. Мы закурили и стали ждать. Минут за пятнадцать до назначенного времени с запада послышался стонущий рокот мотора. По звуку мы без труда определили, что идет немецкий самолет.

- Смотри, еще спутает, - заметил Петрунин. - Возьмет да и пройдет стороной.

- Не должен, - сказал я. - На всякий случай надо посигналить.

Я поднял в небо сильный фонарик и просигналил условленным шифром.

Кажется, Петрунин оказался прав - самолет явно отклонялся в сторону и удалялся. Шум его мотора становился глуше. Тогда я плеснул из бутылки бензина на паклю, чиркнул спичку, и пакля, мгновенно вспыхнув, загорелась круговым пламенем. Звуки мотора стали вновь нарастать и приближаться. Наш сигнал заметили. Самолет снизился и проплыл над головами.

Я отошел в сторону, и снова начал сигналить фонариком.

Самолет трижды подмигнул нам зеленым огоньком.

- Все идет, как по нотам, - проговорил Петрунин и начал подливать в огонь масло.

Самолет развернулся и снова пошел на нас. Под его крылом на мгновение зажегся красный фонарик.

- Прыгнул, - сказал я. - Гаси костер.

Красный огонек подтверждал прыжок. Петрунин начал затаптывать костер. Я напряженно всматривался в звездное небо и наконец заметил в нем купол парашюта и болтающуюся на стропах человеческую фигуру.

Доктор не мог похвастаться точностью приземления. Его сносило к деревне, и я побежал.

Он опустился шагах в четырехстах от огня, упал животом на землю и остался лежать неподвижно. Я подходил, мигая фонариком, но он не поднимался. Я решил было, что Доктор ушибся или потерял сознание, но тут же услышал, как щелкнул затвор пистолета. Доктор готов был ко всяким случайностям.

- Кто? - повелительно крикнул он, когда я остановился от него в двух шагах.

- Хомяков, - ответил я. - Вы не ушиблись?

- Как будто нет.

- Ну вот и великолепно! А помните, как вы боялись прыгать?

- Было, было... - И Доктор упругим движением вскочил на ноги.

Я осветил его лучом фонарика. На нем была армейская шапка-ушанка с вдавленной вместо звезды, стеганый ватный костюм и солдатские кирзовые сапоги.

- Выключите фонарь, - сказал он мне и протянул руку. - Здравствуйте, Хомяков! Жребий брошен! Точь-в-точь, как в американском кинобоевике...

Я почувствовал, что рука Доктора по-прежнему была в тонкой перчатке. Доктор сунул пистолет в карман.

Я спросил:

- Кто вас провожал?

- Гауптман... А кто там вытанцовывал над огнем?

- Один из тех шести, - ответил я. - Он достал машину. Сам за шофера. Он сейчас подойдет.

Доктор угостил меня сигаретой, осветил зажженной спичкой мое лицо и спросил:

- Куда мы сейчас?

- В Москву. Куда же еще? Я ведь сообщил, что все подготовил.

- Понимаю, понимаю. - И он, пытая дымом, поглядел по сторонам.

Подошел майор Петрунин.

- Познакомьтесь, - предложил я.

Доктор протянул руку, не называя себя, и лишь промолвил:

- Очень приятно.

- Звонарёв, - отрекомендовался Петрунин.

- А как с парашютом? - спросил Доктор.

Я сказал, что оставлять здесь парашют нельзя и что его придется захватить с собой, а по дороге где-нибудь припрятать. Доктор согласился. Петрунин скатал парашют, затиснул его в мешок из-под пакли и взвалил на плечо. Мы тронулись к деревне.

- Значит, прямо в Москву? - спросил Доктор.

- Сначала зайдем в деревню, - ответил я.

- А зачем? - поинтересовался Доктор.

- Машина наша стоит у отца Звонарёва.

- А как там?

- Это что-то на вас не похоже, Доктор, - усмехнулся я. - Деревушка глухая, в девятнадцать дворов. Остались одни бабы да деды...

- Оно конечно, - бодро ответил Доктор, но тут же спросил: - А нас по дороге в Москву не прихлопнут на контрольных пунктах?

- Мы ночью не поедem, а днем не проверяют.

- А где же мы будем торчать до утра?

- У отца Звонарёва.

- Удобно?

- Удобнее и быть не может, - вмешался в разговор Петрунин. - Старику моему уже за восемьдесят стукнуло, и он глух, как доска.

Немного помолчали, потом я спросил:

- Что нового на станции? Все живы?

- Там всё по-старому, вот у вас тут дела неважные...

- Именно?

- А Саврасов? Завалился?

- Тут уж я ни при чем. Без меня это стряслось.

- Идиотина! - сказал Доктор. - Денег ему не хватало!.. А Брызгалова не отыскали?

- Нет.

- Ну этого-то я найду, - уверенно заявил Доктор.

"Едва ли", - подумал я.

Подходя к деревне, Доктор осведомился:

- Радист Курков далеко?

- А что?

- Надо же отстучать Гюберту.

- Всё сделаем. К обеду господин Похитун доложит гауптману телеграмму.

Когда вошли в деревню, Доктор заметил:

- Действительно, медвежий уголок. Тут можно целый десант высадить, и никто не почешется. Сказано, Русь-матушка...

У дома председателя колхоза я предупредительно пропустил Доктора вперед и сказал:

- Сюда... вот сюда...

Доктор толкнул дверь, вошел в освещенную комнату и тут же, без команды, поднял руки: на него в упор смотрели три пистолетных ствола.

33.

НОВОСТИ

К моменту прибытия Доктора люди полковника Решетова проделали большую работу. Помимо Саврасова и Брызгалова, были выловлены и разоблачены еще шесть вражеских агентов, переданных Гюбертом под мое начало. Многое сообщил Курков, явившийся с

повинной и не пожелавший работать на врага.

Доктор не стал запыряться. Умный, умудренный многолетним опытом, искушенный в делах разведки, он понял сразу, что попался крепко. Он избрал правильный путь, решил признаться во всех своих преступлениях и хотя бы частично искупить этим вину. И он признался. Он вывернул себя наизнанку. Прежде всего он собственноручно написал, по выражению Решетова, свой "послужной список", а потом принял за Габиша, Гюберта и остальных. Он не пытался смягчить свои преступления, дал себе убийственную характеристику, но не пожалел красок и для своих шефов. Они предстали перед нами во всей своей красе. То, что удалось разведать мне за время пребывания в "осином гнезде", составило лишь крохотную долю того, что сообщил Доктор. Он выдал серьезную шпионскую группу Бурьянова, о которой я не мог даже подозревать. Он сообщил о том, что станция Габиша проводила широкую вербовочную работу среди предателей и пособников оккупантов и сейчас подготавливает из них три группы шпионов и диверсантов для подрывной работы на нашей территории.

Доктор назвал их имена и фамилии, а также известных ему агентов, в разное время переброшенных за линию фронта.

Он вернулся к прошлому, к довоенным годам, выложил историю с Робушем и сказал, что на нашей территории должна существовать еще одна небольшая, но строго законспирированная шпионская группа, созданная самим Гюбертом при первом его визите в Советский Союз. Полковник Габиш высказывал намерение передать эту группу также под руководство Доктора, но потом почему-то передумал.

Доктор располагал своим шифром и кодом, специальными позывными и волнами для радиста, и, если бы он не стал сразу на путь признания, мы попали бы в затруднительное положение. Разоблачив себя, Доктор не счел нужным утаивать что-либо и великолепно понял, что именно от него требуется. Он "доложил" Гюберту о благополучном прибытии. С помощью Доктора полковник Решетов продолжал искусно водить за нос капитана Гюберта, время от времени передавая ему выгодную нашему командованию лжеинформацию. Комбинация с Доктором натолкнула Решетова на совершенно новую, смелую мысль. Он задался целью совершить налет на "осиное гнездо" и захватить все документы и материалы, там хранящиеся.

Операция эта предварительно была продумана, оставалось разработать детали. Руководство одобрило этот план. В Москву вызвали подполковника Фирсанова и начальника разведки штаба майора Коваленко.

Мне предложили засесть за телеграммы, поступившие за это время от Криворученко, и составить по ним обзор о положении дел в его группе и на станции.

Я пересмотрел кипу телеграмм и выбрал из коротеньких сообщений все, что только было возможно.

Складывалась такая картина. В конце зимы Гюберт перенес свою резиденцию на новое место. Он перебазировался на восемьдесят километров западнее прежней стоянки и разместился в бывшем доме отдыха. "Осиное гнездо" по-прежнему прикрывается вывеской "Лесной опытной станции", стоит в лесу между городом и большим селом, районным центром. От города до него восемьдесят километров, а от села - всего четыре.

Похитун объясняет это перемещение тем, что близость города могла привести к полной расшифровке Опытной станции, и Гюберт решил предвосхитить события.

Изменений в личном составе Опытной станции никаких не произошло, только на вакантную должность помощника Гюберта прибыл некий майор Штейн.

Гюберту присвоено звание майора. Он награжден железным крестом. Штейн владеет русским языком и отличается более крутым, нежели покойный Отто Бунк, характером. Он завел на Опытной станции овчарок.

В своих показаниях Доктор дал аналогичные сведения и лишь добавил, что Штейн, по его мнению, является преемником Гюберта, так как были разговоры о переводе Гюберта на новую должность.

В группе Криворученко теперь не двое, а пятеро: сам Криворученко, радист Ветров, Логачев, пришедший из партизанского отряда, Березкин - из городского подполья и Таня Кольчугина.

Она попала в группу после какой-то удачно проведенной комбинации, но какой именно - мне было непонятно. Можно предположить лишь, что уход Тани в лес был связан с отъездом из города Фомы Филимоновича.

Да, старик покинул свои "хоромы". Он выполнил мое задание. Он сумел войти в такое доверие к Гюберту, что тот захватил его с собой на новое место. Старик и в самом деле заделался егерем. Мог ли я предполагать, что его разговор с Гюбертом об охоте приведет к таким результатам?

Фома Филимонович выполнил и второе мое задание: ему удалось наладить отношения с Похитуном; он поступился своим характером и стал неразлучным "другом" грязного шифровальщика.

Фома Филимонович ездит на охоту с Гюбертом, и весенний сезон, по словам Криворученко, прошел у них на славу. Но Гюберт стал более осторожен. Если раньше он ездил в сопровождении двух автоматчиков, то сейчас берет с собой по три-четыре, а то и по пять солдат.

Группа Криворученко стоит лагерем в лесу, в девятнадцати километрах от Опытной станции. Лагерь именуется "Полюсом недоступности". Встречи с Фомой Филимоновичем проводятся в лесу, между "осиным гнездом" и Полюсом недоступности, но иногда и в селе. В лесу с ним встречаются поочередно Криворученко, Логачев и Березкин, а в райцентре - только Березкин. Старик свободно пользуется лошадью Опытной станции, часто ездит в лес на охотничьи разведки. Пользуясь этим, Фома Филимонович даже приезжал на Полюс недоступности. В марте группе Криворученко выбросили на парашюте мешок с грузом. В мешке были батареи для радиостанции, медикаменты, боеприпасы и продукты первой необходимости. Так выглядели дела на той стороне...

Вскоре полковник Решетов вызвал Фирсанова, Коваленко, Петрунина и меня, чтобы посоветоваться о плане налета на Опытную станцию. Единодушно было решено снова выбросить меня в тыл врага, возглавить группу Криворученко и уже там, на месте, разработать до мелочей два-три варианта операции, которые мы здесь наметили в общих чертах.

- Сколько вам надо времени на подготовку? - обратился ко мне Решетов.

Я ответил, что недели три.

- Мало, не успеете. Месяц! - заключил Решетов и на этом отпустил нас.

34.

СНОВА В ДОРОГУ

Быстро бежало время. Ушла весна с запоздалыми снегопадами и теплыми ветрами. Отгромыхал первыми грозами, омыл землю прямыми крупными дождями веселый, прозрачный май. Пришло лето.

Электричка мчала меня в Подмоскowie. Я сидел у окна.

Зеленый ковер сменялся сосновыми борами, березовыми рошицами, мелькали дачные места. В пруду с шумом и гамом плескались ребятишки.

Подготовка моя закончилась. Сегодня ночью я должен был выехать поездом на прифронтовой аэродром, а там... там опять прыжок. Я шел на новое задание с большим подъемом. Несомненно, сказывались опыт и связанная с ним уверенность в своих силах. Электропоезд на полминуты остановился на маленькой станции. Из вагонов хлынул поток озабоченных пассажиров. Я сошел с платформы и по дорожке, так похожей на партизанскую тропу, направился лесом к домику, в котором жил все это время.

Да, пришло лето. С осин летели пуховые "гусеницы", отцвела черемуха, доцвела сирень, елки выбросили молодые побеги салатного цвета. Воздух сочный, густой, настоенный на

зелени, - пьянил. Солнце узкими полосами пробивалось через пушистые кроны деревьев и вносило яркую пестроту в лесной полумрак.

Вот и мой домик. Он уже стар, почернел от времени, покосился немного и, кажется, грозит заглянуть в овраг, в речушку. На лужайке перед домом лето выткало чудесный зеленый ковер. Такой чудесный и нежный, что мне жаль топтать его ногами! Я его обхожу.

Дом обнесен ветхим частоколом, маленькие окна полускрыты кустами сирени. По углам крыши на длинных шестах закреплены две скворечни. Из них доносится писк. Старый скворец, нахохлившись, сидит на скворечне и греется на солнышке.

Я уже привык к своему временному жилью, и мысль о том, что через несколько часов я его покину, навеивает какую-то безотчетную грусть.

Войдя в комнату, я увидел майора Петрунина. Он сидел, странно выпрямив корпус. Его всегда беспокойные руки сейчас неподвижно покоились на коленях. У майора были недюжинные организаторские способности. Я невольно заражался его энергией. Все привыкли видеть его в постоянном движении, за каким-нибудь делом. И я удивился, застав его на этот раз в необычной для него позе.

- Распрощались? - спросил он и тут же встал.

- Да. А вы о чем призадумались?

Майор сделал круговой жест рукой. На диване, на стульях, на столе, на кровати, на полу и подоконниках - везде, где только можно, - лежали пистолеты, гранаты, патроны, автоматы, подсумки, компасы. На вешалке болтался заплечный мешок, а на спинке стула - парашютный. У порога лежал ручной пулемет.

- Соображаю, что еще надо взять, - озабоченно сказал майор.

Сначала мы составили список, а потом отобрали и отложили в сторону два автомата, два пистолета, боеприпасы к ним, пятнадцать противотанковых гранат, полдюжины бутылок с самовоспламеняющейся жидкостью "КС", ракетницу, набор ракет трех цветов, два компаса, аптечку, нательное белье, спирт в металлических флягах, сахар, консервы, концентраты, сухари, табак, спички, - словом, все то, что попросил в последней телеграмме Криворученко и что добавил я сам. Все это надо было уложить в один мешок, который сбросят на грузовом парашюте перед моим прыжком.

- Боюсь, что не влезет в один мешок, - засомневался я.

- Это уж мое дело, - сказал Петрунин и приступил к укладке.

Все отлично улеглось.

В сумерки укладка была закончена. На полу лежал здоровенный, пухлый, туго перетянутый ремнями мешок.

А минут через десять на машине подкатил Костя Воронков, и мы поехали в Москву.

35.

ОДИН В ЛЕСУ

Все слышали такие странные клички, как "тихоход", "огородник", "этажерка", "примус", "утенок", "король воздуха". В этих словечках заложены любовь и юмор, теплота и дружеская фронтовая шутка. Так окрестили в годы войны замечательный нехитрый самолетик У-2, завоевавший славу смелого соколенка и приумноживший заслуги нашей боевой авиации.

Это он во мраке ночи незаметно, тихо появлялся над тщательно замаскированными вражескими объектами и подвешивал огненные "люстры" ориентиры и своеобразные светофоры для своих старших братьев-бомбардировщиков. Это он в погоду и непогоду, зимой и летом, весной и осенью скрытно подкрадывался к переднему краю противника и добросовестно обрабатывал его гранатами, сам оставаясь неуязвимым. Это он подвозил к передовой, в дивизионные санбаты, драгоценную человеческую кровь, возвращавшую жизнь тысячам бойцов, и доставлял в безопасный тыл тяжелораненых, которым требовалась

немедленная и сложная операция. Это он развозил по всему необъятному фронту, от Черного моря до Ледовитого океана, офицеров связи с приказами и планами, которые нельзя было доверить ни коду, ни шифру, ни телеграфу, ни телефону, ни радио, - сокровенные замыслы и предначертания советского командования. Это он первым опустился на Малую землю, к народным мстителям - доблестным партизанам, и связал их с Большой землей.

"Рус фанер" - с презрением и издевкой отзывались о нем в первые дни войны гитлеровцы. Но когда они познакомились с ним вплотную, когда он стал отбивать у них аппетит и превращать спасительную ночь в яркий и беспощадный день, они начали называть его не иначе, как "стоячая смерть".

Я питал большую любовь к этой маленькой и удобной, нетребовательной и выносливой, безотказной и маневренной машине. Она оказала мне при полетах в тылы врага много неоценимых услуг. Я предпочитал ее любой другой машине. Но, признаюсь честно, когда в эту ночь повис в ней над линией фронта, то особого удовольствия не испытывал.

Подо мной внизу кипел тяжелый бой, разгоревшийся с вечера. Басовито ухали дальнобойные пушки, и разрывы снарядов угадывались по взметавшимся вверх языкам пламени, взлетали ракеты, освещая все вокруг мертвенным светом, огненный пунктир трассирующих пуль чертил воздух, что-то горело, и огонь метался из стороны в сторону.

Попав под многослойный зенитный огонь, "утенок" жалко вздрагивал всем своим хрупким телом. На нижних плоскостях появились пробоины. Но он, словно преисполненный презрения к смерти, упорно полз через линию фронта.

Нас спасало лишь то, что немцы били наугад, так как после первого выстрела летчик почти совсем сбросил газ, и мы плыли бесшумно. Но зато мы теряли высоту и снижались.

Я вздохнул облегченно не тогда, когда огонь, преследовавший нас, остался позади, а когда снова услышал мотор, заработавший на полных оборотах. Значит, все обошлось и на этот раз. И на этот раз "утенок" оправдал себя.

Потянулась территория, захваченная противником. Летчик внес поправку в курс, взял правее, и спустя некоторое время я увидел внизу сигналы Криворученко. Пять костров, выложенных в форме конверта, показались мне маленькими светящимися точками. Самолет шел на них, сделал разворот, и мне подали сигнал.

Я удачно сбросил мешок с грузом, а сам немножко замешкался. Я зацепился лямками за что-то в кабине и прыгнул на несколько секунд позднее, чем следовало. И эти несколько секунд обошлись мне очень дорого.

Выбираясь на плоскость, я подумал, что и этот очередной прыжок дается мне как первый в жизни, потом ступил в пустоту и провалился.

Когда я опускался, сигнальные огни появлялись то позади, то впереди меня и, как казалось, разгорались все ярче и ярче. Я следил за ними, но с каждой секундой убеждался, что меня относит в сторону. И вдруг я обнаружил, что спускаюсь не на землю, а на воду. Было это озеро, болото или пруд - я не успел определить. Зеркальная водная поверхность отчетливо рисовалась на густо-черном фоне леса, в воде мерцали отраженные звезды. В моем распоряжении оставались считанные секунды. Раздумывать и гадать было некогда. Ясно, что, если я опущусь на воду, не освободившись от парашюта, меня накроет, я запутаюсь в стропах и, конечно, не выплыву. Когда до воды оставалось несколько метров, я отстегнул лямки и камнем полетел вниз.

Я нырнул удачно и довольно глубоко, но дна не достал. На поверхность выбрался с трудом:

движения связывал вещевой мешок. От сапог я освободился так же решительно, как от парашюта. Затем, не сбросив заплечного мешка, я стал медленно подгребать к берегу. Вскоре ноги мои коснулись дна, я попробовал встать, но тотчас погрузился до колен в липкую и густую жижу. Меня охватил естественный в таких случаях страх. Я решил, что попал в одну из зыбких трясин, из которых спастись можно лишь чудом. Кое-как высвободив ноги, я поплыл как можно быстрее и наконец ощутил под ногами более или менее твердую почву. Передохнул. От напряжения меня мутило, в висках стучали молотки. Сердце колотилось часто и гулко.

До берега оставалось еще шагов восемь - десять.

С исколотыми об осоку и изрезанными в кровь босыми ногами я наконец на четвереньках выбрался на кочковатый, сырой берег и растянулся пластом.

Мокрый, не чувствуя от усталости холода, я пролежал неподвижно минут пятнадцать. Затем встал, прислушался, осмотрелся. Где-то далеко-далеко ворчала артиллерийская канонада, а здесь вокруг меня стояла глухая тишина. Лишь болото, из которого я выбрался, тяжело вздыхало, булькало, чмокало, как огромное чудовище, - это вода заливала мои глубокие следы в илистом дне.

Только теперь я почувствовал, что начинаю коченеть: зубы лихорадочно застучали, озноб охватил все тело. Я хотел сразу бежать в лес, чтобы согреться, но вспомнил о парашюте: нельзя бросить его на болоте, надо спрятать. Ночью этого не сделаешь, придется ждать утра...

Да и куда бежать? Прыгнув с опозданием, я перед приземлением не мог засечь сигнала, а в болоте окончательно потерял ориентировку. В каком направлении надо идти, где искать Криворученку и его ребят? До рассвета оставалось часа два - срок небольшой, но у меня зуб на зуб не попадал, всего трясло. И все-таки надо что-то предпринимать.

Прежде всего я выбрался на сухое место, снял с себя одежду, белье, выжал то и другое и снова натянул на себя. Теплее не стало. Озноб усиливался. Я отхлебнул из фляги, закрепленной на поясе, и это ненадолго согрело меня.

Можно бы развести огонь, обсушиться и обогреться, благо зажигалка моя работала, но нет, нельзя: неизвестно, где я находился, неизвестно, кого мог бы привлечь мой костер.

Я прыгал на месте, делал коротенькие пробежки, приседал, согревал себя этим на короткое время и вновь мерз.

Потом я забрался в густой молодой ельник. Мне казалось, что в нем, укрытый от промозглого дыхания болота, я согреюсь. Из ельника меня выжила мошкара. Она гудела, насадала, липла к лицу, рукам, мокрой одежде и жалила беспощадно. Я опять выбрался на чистое место и принялся плясать. Тьма постепенно редела. Никогда розовеющее на востоке небо не приносило мне такой радости. Я прыгал, бегал, ждал, считал секунды. Я видел, как меркли звезды, но мне казалось, что они гаснут слишком медленно и слишком уж долго и ярко горят на западе.

Я успокоил себя мыслью, что ребята, конечно, ищут меня, возможно, что бродят где-нибудь вблизи и не решаются окликнуть.

Я хотел было подать голос, но не рискнул. В тылу врага опасность подстерегает на каждом шагу. Могло быть и так, что невдалеке проходит дорога, что появление самолета замечено врагом и меня уже ищут.

Небо бледнело. Я различил на руке циферблат часов с замершими стрелками, гряду леса, очертания болота и, наконец, увидел свой парашют. Он белел посередине болота, окруженный чашеобразными цветами кувшинок.

Когда солнце показалось над вершинами осин, я решился: снял с себя влажную одежду и бросился в темно-зеленую воду. Сразу стало теплее.

Парашют дался мне с большим трудом. Я долго барахтался в болоте, пока наконец не выволок его на сушу.

Я спрятал парашют под трухлявый пенек, уселся на солнышко и принялся развязывать вещевой мешок. Вытряхнув на землю его содержимое, я грустно покачал головой: все пропало! Сахар, соль, шоколад, табак, сухари - все превратилось в месиво, облепившее белье. Единственное, что было годно к употреблению, - это две банки рыбных консервов и десяток папирос, хранившихся в металлической коробочке.

Я решил поесть. Но перочинный нож, уже второй за войну, подаренный мне Костей Воронковым, видимо, выпал из кармана при прыжке. Я пустил в ход все, что можно: поясную пряжку с острым штырем, пряжки от парашютных лямок, острые сучки - и кое-как, изодрав в кровь пальцы, исковеркав банку, добрался до консервов.

Солнце пригревало все сильнее. Я не стал дожидаться, пока моя одежда высохнет, и оделся.

Я был уверен, что на мне она просохнет быстрее.

Спрятав в заплечный мешок оставшуюся единственную банку консервов, флягу со спиртом и пару белья, я решил, не углубляясь в лес, обойти вокруг болота. Мне казалось, что где-то на этом маршруте я натолкнусь на друзей, а если и не на них, то на следы костров, которые они жгли. По моим расчетам, сигнальные костры отстояли от болота недалеко, я лишь не знал, в какой стороне. А что друзья, разыскивая меня, так или иначе возвратятся к месту, где раскладывали костры, я ни на минуту не сомневался.

Я закурил, двинулся в путь и, ощутив во рту неприятную горечь, бросил папиросу. Это был верный, знакомый признак: при малейшем повышении температуры я не мог курить.

Пройдя немного, я почувствовал, что во рту пересохло, руки стали влажными, а на лбу выступила испарина. Обеспокоенный, я прибавил шаг.

Осиновый лес, окружавший болото, был угрюм и мрачен. Лишь кое-где проглядывали атласно-белые стволы берез. Воздух здесь был сырой, полный испарений, затхлый.

Я обошел часть болота, вдававшуюся острым клином в лес, и ощутил невероятную усталость. Все тело горело, суставы ныли, в ушах стоял звон.

Поляны, где ночью горели костры, я не обнаружил, а поэтому решил отдалиться от болота и немного углубиться в лес. Осины отступали. На смену им пошли ели, березы, дубки; лес стал веселее и приветливее.

Пройдя с километр, я вышел наконец на небольшую, поросшую сочной травой и папоротником полянку. Меня мутило и покачивало от усталости. Надо было передохнуть.

Положив на траву свернутый вещевой мешок, я прилег, и перед глазами поплыли круги - белые, желтые, синие.

Мне казалось, что стоит только закрыть глаза, уснуть, и я больше не поднимусь. Чудилось, что я уже утратил ясность сознания и воспринимаю окружающее сквозь какой-то горячечный туман. Я решил проверить себя, приподнялся, сел и посмотрел на стену леса. Нет, сознание мое еще не помутилось: я отличил березу от ели, ель от сосны, сосну от жидкой осины.

Над моей головой промчалось что-то, со свистом рассекая воздух. Я быстро повернулся и увидел стаю уток, удалявшуюся "уголком".

Я прислушался к лесным звукам: что-то трещит. Конечно, это коростель, а вот - перестук дятла. Я различил "позывные" кукушки, квохтанье дрозда, залихватый голос иволги, теньканье синицы.

Но жар усиливался. Для того чтобы в этом убедиться, мне не надо было градусника.

Я вновь прилег, уставившись глазами в безмятежно спокойное и чистое небо, какое бывает в эту пору лета.

Вокруг меня недружно, вразнобой и монотонно стрекотали кузнечики, над головой неприятно гудел мохнатый шмель. Когда я прищуривал глаза, шмель превращался в самолет, круживший надо мной низко-низко.

"Надо уснуть. Усни! - подсказывал мне внутренний голос. - Ведь ты не спал ни в прошлую, ни в позапрошлую ночь. Усни, и тебе сразу станет легче".

Я внял этому голосу, закрыл глаза, и на меня сразу навалились какие-то огромные мягкие глыбы. Одна, другая, третья... Стало трудно дышать. Но нет, сдаваться нельзя! Если болезнь меня одолеет, свалит с ног здесь, в лесу, я, конечно, погибну. И кто знает, отыщут ли даже мое тело.

Я встал и, шатаясь, побрел обратно к болоту. Может, там ищет меня Криворученко?

Я брел, словно опоенный ядом, неровной, шаткой походкой.

Вдруг передо мной открылась новая поляна. Где же болото? Я остановился, пораженный: значит, заблудился, шел не в ту сторону... Меня охватило отчаяние, я хотел крикнуть и, если память мне не изменяет, кажется, крикнул, но звука своего голоса не услышал.

Вдруг перед моим горячечным взором возникла дряхлая-предряхлая избенка. Я впился в нее глазами. Завешанная прозрачной дымкой тумана, она стояла на самом конце поляны, точно выхваченная из сказки, похожая на театральную декорацию.

Качаясь, я двинулся к избушке. Но не дошел до нее, упал.

А сознание твердило: "Нет, нет... Только не здесь... Вставай! Иди!"

До избушки оставалось каких-нибудь полсотни шагов. Собственно, это была не избушка, а полусгнивший, покосившийся сруб, с провалившейся кровлей, обросший мхом, точно плющом.

Я полз, тяжело дыша, по поросшей голубикой поляне и видел только сруб - и ничего больше. Дверей в нем не было, вместо них зияла черная квадратная дыра. Возле сруба заметил маленький островок широкопёрой ржи-падалицы, бог весть кем и когда занесенной сюда. Я перелез через трухлявый порог и вытянулся на неровном, устланном горбылем полу. Так ничком, не шелохнувшись, я пролежал несколько минут. Потом перевернулся на спину и уставился глазами в черный, прокопченный потолок. Бугристый, весь в трещинах и дырах, он угрожающе нависал надо мной. Я смотрел, не мигая, боясь сомкнуть веки; слезы бежали из глаз, катились по щекам, и я не смахивал их. Все стало безразлично. Слух автоматически уловил кваканье лягушек, и я подумал, что где-то близко вода, возможно - болото. Это была последняя мысль. Сознание оборвалось.

36.

"ПОЛЮС НЕДОСТУПНОСТИ"

Я очнулся в полдень, на открытом воздухе. Я лежал на земле, между березами, осыпанный солнечными брызгами. Наверху с легким шелестом трепетали листья.

Где я? Куда попал?

Опустив глаза, я увидел большое болото и опушку леса за ним.

Лежал я на ворохе душистой хвои, застланной сверху сухим сеном. Подо мной и на мне были серые немецкие шинели. Один вид их заставил меня вздрогнуть и вызвал вереницу страшных догадок.

Тело уже не болело. Я ощущал, если можно так сказать, приятную слабость. Я приподнялся на локте, чуть повернул голову вправо и едва сдержал крик радости: почти у моего изголовья, свернувшись клубочком, спала Таня Кольчугина. На ней была темная юбка, армейская гимнастерка и легкие, из опойки, сапожки. Тугую темно-русую косу, перекинутую на грудь, Таня держала в руке.

Я облегченно вздохнул и снова лег. Я и не старался понять, как очутился здесь, среди своих. И вообще, кажется, в тот момент у меня не было никаких мыслей. Отдавшись ощущению покоя, я бездумно лежал с открытыми глазами. Я очнулся в каком-то новом, праздничном мире. Мне было очень хорошо. Сквозь ветви небо казалось необыкновенно чистым и голубым. На болоте что-то промышляли длинноногие кулики, бродившие по берегу с писком и пересвистыванием. Золотокрылый дятел, усевшийся на суку, спугнул синюю сойку. Я ощущал аромат земли, леса и трав, нагретых солнцем. Слышал тихое дыхание Тани, жужжание насекомых, крики уже оперившихся, но еще не поднявшихся на крыло молодых уток.

Я заснул, опять проснулся, снова заснул. Проснувшись не знаю уж в который раз, я увидел возле себя высокого, крепкого парня. Он стоял ко мне вполоборота и исследовал в бинокль небо. Там, в облаках, гудел, точно комар, самолет. По звуку я сразу определил, что это "мессершмитт".

Я не знал в лицо троих из группы Криворученко: Ветрова, Березкина и Логачева. Кто же этот парень? Сильная грудь физкультурника распирает гимнастерку, фигура ладная, силищей так и дышит. Наверное, это Логачев, о котором я был слышан от Тани и Фомы Филимоновича. На парне была летняя армейская форма, новая, - вероятно, из мешка, сброшенного на грузовом парашюте.

"Конечно, это Логачев", - окончательно решил я и окликнул парня:

- Товарищ Логачев!

Нет, он не вздрогнул от неожиданности, хотя мгновенно обернулся в мою сторону. Я увидел белозубую улыбку на крупном, открытом и приветливом лице.

Шагнув ко мне и наклонившись, он проговорил:

- Правильно, товарищ майор, я - Логачев. Наконец-то вы пришли в себя!

Я попытался опереться на локоть, но он мягко, но настойчиво потребовал:

- Лежите! Лежите спокойно!

- А вы разве доктор? - усмехнулся я.

- Не доктор, но в отряде кое-чему научился, всяких больных повидал.

- Вот как?.. И сколько же мне лежать?

- Хотя бы сегодня. Ведь вы только очнулись. Нельзя же так, сразу.

- Хорошо, - согласился я. - А где остальные?

- Криворученко и Березкин в разведке, а Таня и Сергей здесь. Я сейчас позову их. Только вы, пожалуйста, не вставайте, а то мне нагорит.

Логачев сделал несколько шагов, и мне показалось, будто он провалился сквозь землю. Он непостижимо исчез из моих глаз. Не успел я удивиться, как все объяснилось. Послышались голоса. И на том месте, где исчез Логачев, на уровне земли появилась сначала голова Тани, затем ее плечи и наконец вся Таня. За нею из-под земли выбрался небольшого роста паренек, видимо радист Ветров, и наконец Логачев. Оказывается, впереди был обрыв, и, лежа, я не мог видеть его.

Первой подбежала Таня:

- Кондратий Филиппович! Ожили! - Она опустилась возле меня, поцеловала в заросшую многодневной щетиной щеку, смутилась, начала поправлять постель, на которой я лежал.

- Тише ты, тише... - наставительно и серьезно проговорил подошедший хлопец, в котором я без труда признал радиста Сергея Ветрова. Здравствуй, товарищ майор! - Он подал руку и назвал себя.

Голос у него был басовитый, а может быть, он нарочно старался так говорить. Хотя на нем было все, что положено разведчику в тылу врага: на шее автомат, на пояском ремне пистолет в кобуре, компас, финский нож, обоймы к автомату в парусиновых чехлах и через плечо на тоненьком ремешке кожаная потертая планшетка, - ничего героического его вид не являл. Ростом он был на самом деле с винтовку. Большие глаза, тонкая девичья шея. Из-под короткого ежика выступал мальчишеский выпуклый лоб, курносое лицо густо усыпано веснушками.

"Какой же ты малец!" - чуть не рассмеялся я, глядя на него.

Держал себя Ветров с подчеркнутой важностью: он хмурился, на переносице собирались от сосредоточенности морщинки, светлые глаза посматривали с напускной суровостью.

Логачев и Таня расположились на траве, по обе стороны от меня, а Ветров опустился на корточки в ногах.

Оказывается, ребята отыскивали меня лишь на третьи сутки после прыжка, но не в избушке, а на поляне, рядом с вещевым мешком.

- Мы трое суток сряду, не смыкая глаз, искали вас днем и ночью, рассказывал Логачев. - И чего только не передумали...

- Я нашел ваш вещевой мешок с банкой консервов и флягой в первый же день, вечером, на поляне, - вставил Сережа Ветров.

- Верно, - подтвердила Таня. - И мы решили не брать мешок, а установить возле него дежурство. Семен был уверен, что вы придете к мешку, и он оказался прав. Пока все искали вас, Березкий и Ветров дежурили поочередно возле мешка. А на третьи сутки, рано утром, в дежурство Сережи Ветрова вы и сами заявили. - Таня озорно улыбнулась и добавила: - Ветров здорово испугался вас...

Сережа возмущенно тряхнул головой.

- Ничего удивительного! - сказал он. - Тут кто хочешь испугается. Вид у вас был такой!.. Вы шли, падали, поднимались, кричали что-то в бреду, а когда я связал вас и уложил, городили такое, что у меня волосы дыбом поднимались.

- А у тебя и волос-то нет, - деловито поправил Логачев. - Ты стриженный.

Все рассмеялись. Сережа шмыгнул носом, нахмурился. Он сидел, обхватив руками колени, и

покачивался из стороны в сторону.

- Что же со мной стряслось? - поинтересовался я.

Отвечал Логачев:

- По всей видимости, горячка.

- Сколько времени прошло с той ночи?

- Семь суток, - сказала Таня.

Я ахнул. Шутка сказать: семь суток, и я ничего не помню! Абсолютно ничего! Потом друзья рассказали мне все подробно.

До лагеря ребята несли меня на руках, пять километров... Клади мне на голову и сердце холодные компрессы, пичкали разными снадобьями из неприкосновенного запаса, ночью держали в землянке, а на день выносили на воздух.

- А если бы Сережа не нашел ваш мешок, - сказал Логачев, - было бы плохо. Ведь мы искали вас совсем в другой стороне.

Мы проболтали до самого вечера. Собственно, говорили ребята, а я больше слушал. Уже в сумерки в лагерь вернулись Криворученко и Березкин.

Встреча с Семеном была бурной и радостной. Он расцеловал меня и тут же предложил побрить. Я не возражал.

Познакомился я и с пятым участником группы - Березкиным. Он мне пришелся по душе. Небольшого роста, худощавый, подвижный, в кепке с заливчатски заломленным козырьком, с темным лицом и наголо остриженной головой, он походил на цыгана. Чувствовалось, что он подвижен как ртуть, очень энергичен и не может сидеть без дела. Пока шли бритье и беседа, в которой мы вновь и вновь возвращались к недавним событиям, Березкин нашел себе работу. Остро отточенным перочинным ножом он искусно выстрогал и тщательно отделал две узенькие дощечки, сложил их вместе, обтянул брезентом и, достав из кепки иголку с суровой ниткой, обшил. Получились прекрасные ножны для охотничьего ножа, которые он тут же и вручил Логачеву.

Из рассказов ребят выяснилось, что, если бы Фоме Филимоновичу не удалось закрепиться около гауптмана Гюберта в качестве егеря, друзья несомненно потеряли бы "осиное гнездо" из виду.

Никто, кроме Гюберта и его нового помощника Штейна, не знал, куда будет перебазирована Опытная станция. Не знал даже Похитун. Но старик Кольчугин спас положение. Он отправился со станцией на новое место, обосновался там и немного спустя отпросился на пять дней в отпуск домой. Через Березкина он сообщил Логачеву о новом местонахождении Опытной станции.

Я очень обрадовался, узнав, что через четыре дня Фома Филимонович обещал сам пожаловать на Полюс недоступности. Обрадовался, а потом встревожился.

- Это не опасно? - спросил я.

- Да нет, - успокоил меня Криворученко. - Мы не злоупотребляем этим. Он придет второй раз, а обычно мы встречаемся в лесу. Гюберт отпускает его по разным охотничьим делам. То он тетеревиные тока отыскивает, то утиные выводки, то скрадки оборудует, шалаши всякие строит. Да и осторожен Фома Филимонович. В лесу его черта с два найдешь, а он любого увидит...

Через два дня я впервые встал и сделал небольшую прогулку. Я очень ослаб, похудел, но ко мне вернулся прежний аппетит, и дело быстро шло на поправку.

За эти дни я лучше узнал Логачева, Березкина и Ветрова. Это были верные, надежные люди, отлично подготовленные. С Сережей Ветровым мы откровенно побеседовали как-то вечером, в его дежурство. Он был очень смешлив, но изо всех сил старался не смеяться. Сережа сдерживал себя, когда речь шла о смешном; на его крутой, выпуклый лоб набегали тоненькие, как паутина, морщинки. Видно было, что он изо всех сил старался выглядеть солиднее и старше своих семнадцати лет.

Он рассказал о себе. Его отец и старший брат воевали на фронте: отец комбатом, брат - командиром орудийного расчета. Мать и сестра живут в Москве, обе работают.

Сережа поделился со мной своими жизненными планами. Он стал радистом, потому что с детства увлекался радио и твердо решил посвятить себя этому делу. Он будет изобретать, экспериментировать, и о нем еще услышат. Он не прочь и попутешествовать. Например, он собирается побывать на Южном полюсе и говорит об этом так уверенно, как будто все зависит только от него.

Десятилетку Сережа не окончил - помешала война, но после войны обязательно закончит, а потом собирается учиться на радиофакультете.

Криворученко говорил о Ветрове очень тепло. Он еще в бытность мою на Опытной станции расхваливал радиста, а сейчас души в нем не чаял. Сережа за все время не сорвал ни одного сеанса, не перепутал ни одной радиogramмы, ухитрялся вести прием и передачи даже в походе, когда группа меняла место стоянки.

А Березкин слыл мастером на все руки. Все ребята курили из мундштуков, сделанных Березкиным. Он чинил оружие, правил бритвы, плел корзины для ловли рыбы, ремонтировал зажигалки и карманные фонарики. Взяв в руки какой-нибудь предмет, он сразу начинал соображать и прикидывать, что полезное можно из него сделать. Все, что попадалось ему на глаза, превращалось в строительный материал. В сумке из-под противогаза у Березкина хранились напильники, буравчики, стамеска, шило, металлическая линейка, клещи, плоскогубцы, два ножовочных полотна, оселки, сапожные ножи, иглы.

После купания в болоте я думал, что навсегда лишился часов. Я уже хотел их выкинуть. Но Березкин не позволил: полдня ковырялся в них и вернул. Часы, к моему удивлению, бодро тикали, отставали лишь на одну минуту в сутки от Сережиного хронометра.

37.

ТАНЯ ЕДЕТ ВО ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ

Ребята удачно окрестили свой лагерь Полюсом недоступности. Среди болот, раскинувшихся на сравнительно большой площади, стоял небольшой, метров двести в длину и немного меньше в ширину, сухой островок, заросший смешанным лесом. Тут росли сосны и ели, береза и ольха, орешник и дуб, осина и шиповник. Северная сторона острова, где лес рос особенно густо, была пологой и опускалась в болото, а южная кончалась отвесным десятиметровым обрывом.

В отвесной стене, замаскированной густым кустарником и толстенными, в руку человека, корнями, ребята вырыли и оборудовали под жильё вместительную пещеру. Перед входом устроили нечто вроде балкона. К пещере вели два хода: один сверху - с вершины обрыва, другой - снизу, с едва заметной на болоте тропинки.

- Сюда не всякий рискнет пробраться, - говорил мне Криворученко. Первые дни мы ходили через болото не иначе, как по двое, а потом освоились. Теперь даже ночью ходим свободно. За болотами тянулся густой смешанный лес с непроходимыми зарослями орешника, рябины, молодой березы, ольхи.

- Местечко это высмотрел и посоветовал нам Фома Филимонович, - сказал Криворученко. - Не ошибся дед!

Место действительно было очень удобное, поистине недоступное, но, к сожалению, не очень здоровое. Над болотными хлябями подолгу задерживался влажный туман, от них тянуло сыростью даже в жаркие дни. Вода и после кипячения отдавала тиной. Комары и гнус водились здесь тучами. По вечерам и ночам они ватагами толклись в воздухе, и все звенело от их жужжания. Но менять стоянку не имело смысла, тем более что задерживаться здесь надолго я не собирался. Мое задание было ограничено хотя и не совсем точными, но все же недолгими сроками.

В тот день, когда в лагерь должен был прийти Фома Филимонович, я, выражаясь официальным языком, окончательным образом принял на себя командование группой и провел с ребятами обстоятельную беседу.

Это происходило прохладным, росистым утром.

Мы проверили наличие имущества, оружия, боеприпасов, специальной техники, продуктов и взяли всё на учет. Того, чем располагала группа, и того, что было сброшено в мешке, было вполне достаточно для выполнения поставленной перед нами задачи.

Затем я сказал Семену, что хочу осмотреть Полюс недоступности и подступы к нему. Мы обошли остров, а потом отправились через болото в лес.

В болоте гнездились множество дичи. Кулички и бекасы выпархивали из-под самых ног.

И я невольно сказал:

- Вот бы сюда централочку!

Семен, шагавший рядом, тряхнул своим непокорным чубом, усмехнулся и сказал:

- Нет, мы ведем себя тихо.

- И правильно. А вблизи никто не появляется?

- Вблизи нет, - ответил Семен, - а вот на озере, километрах в семи отсюда, Березкин как-то видел двух крестьян. Рыбу ловили бреденьком. Но это было еще весной.

Дальше он рассказал мне, что группа помимо наблюдения за резиденцией Гюберта вела и обычную разведку. Ребята поочередно выходили в отдаленные населенные пункты и, называя себя партизанами, что было удобнее всего, беседовали с жителями и узнавали от них различные новости. Ребята также совершали вылазки на шоссе и наблюдали за прохождением воинских транспортов. Все сведения передавались на Большую землю.

- А партизаны далеко? - поинтересовался я.

- Не особенно, - ответил Семен, - километров двенадцать. Столько же, сколько до шоссе, но в другую сторону. Логачев дважды проводывал их.

Обход занял около трех часов. Я получил полное представление о Полюсе недоступности.

Возвращались в лагерь проголодавшиеся, уставшие и еще издали заметили царившее там оживление. До нас доносился громкий говор, смех, а когда мы вышли из зарослей орешника, то увидели Фома Филимоновича в окружении Тани и ребят.

Они сидели у пылающего костра, под березой, где я впервые пришел в себя. Над огнем висел закопченный котел, из него валил пар.

Фома Филимонович, увидев меня, поднялся с земли и заторопился навстречу.

Он обнял меня и долго тискал, приговаривая:

- Заждался тебя, душа моя! Заждался! Грешным делом, подумывал, что не свидимся... Какой же ты чахлый!

- Маленько прихворнул, - ответил я, глядя в подсушенное временем и заботами лицо старика.

- Слышал, слышал... Ребятки всё рассказали. И угораздило же тебя влипнуть в это болото, пропади оно пропадом! - Старик покачал головой и потянул меня к костру.

- Ты надолго? - спросил я.

- Да часика на три... - ответил Кольчугин и обратился к Тане: - А ну-ка, дочка, давай глухаря налаживать.

Таня бегом бросилась в куст орешника и вернулась с ощипанным и выпотрошенным глухарем.

- Ну-ка, Мишутка, - обратился старик к Березкину, - спроворь мне листьев, да покрупнее. Живенько!

Березкин побежал выполнять поручение.

Фома Филимонович поглядел ему вслед, подмигнул мне и спросил:

- Как паря?

- Хорош!

Кольчугин усмехнулся и заметил:

- Суший цыган... ни дать ни взять. И большой умелец. У него из рук ничего не вывалится!

Фома Филимонович поворошил палкой костер, сгреб в сторонку горящие поленья и золу и, вытащив из-за голенища большой нож, вырыл им в земле вместительную ямку. На самое дно ее он насыпал золы. Когда Березкин принес листья, старик аккуратно обернул в них глухаря, положил в ямку, засыпал ровным слоем золы и земли и передвинул костер на прежнее место.

- Вот так... - проговорил он, вытирая о траву нож.

В котле бурлило какое-то варево, и аппетитный запах щекотал ноздри.

Все расположились вокруг костра, смолистый дымок обкуривал нас и разгонял мошкату.

Сквозь зеленые кружева ветвей проглядывало густо-синее безоблачное небо.

Фома Филимонович подвинулся, положил руку на мое колено и сказал:

- Значит, сон в руку выдался. Привиделось мне сегодня в ночь, будто я от тебя письмишко получил. И вручил мне его Похитун. Пришел - а ты уже тут.

- А как Похитун? - спросил я.

- А что Похитун? Он не живет. Прикидывается, что живет. Все мертвую закладывает. Съедает его винный червячок, съедает. Все свои беды и радости вином заливает. Пропащий человек!

А мы с ним "душа в душу", Сошлись мы... Ты прав был, Кондратушка: надо... для пользы дела. Тьфу!..

- Ты что же, пешком?

- Зачем пешком, на кобылке! Я ее на заброшенном зимовье оставил. Стреножил и оставил.

Пусть пасется. Сено ноне выдалось высокое, жирное. Хорош был бы укус. Э-хе-хе! И погодка стоит подходящая. Я кружным путем до зимовья ехал, а сюда, конечно, пешочком, с ружьишкой. Пока шел, глухаря и двух тетерок взял...

Ребята внимательно слушали. Березкин тоже слушал, но по укоренившейся привычке был занят делом: накалял в огне тоненький железный прут, видимо обломок шомпола, и выжигал им какой-то замысловатый узор на очищенной от коры тросточке. Делал он это так, будто в этом состоял весь смысл его жизни.

Таня сидела возле деда. Она стала просто неузнаваемой. Жизнь на свежем воздухе, в лесу, преобразила ее. Она загорела, окрепла, возмужала, стала подвижнее. В ее спокойных и когда-то печальных глазах появился задорный, веселый блеск.

Семен Криворученко то и дело поглядывал на Таню. Сегодня, смущаясь и ища нужные слова, он сказал мне, что Таня - его невеста. Все уже решено и договорено: и друзья знают, и Фома Филимонович одобряет.

Что можно было сказать на это? Я был очень рад за обоих: ведь я так любил Семена, моего верного, близкого, боевого друга-товарища, и я успел полюбить нежную и отважную Танюшу. Хорошо, что они будут вместе. Я поздравил своего друга, пожелал ему большой любви и посоветовал беречь счастье.

Танюшу я не успел еще поздравить. Я надеялся, что подыщу для этого удобный случай, а пока спросил:

- А как же Таня попала на Полюс недоступности?

Ответил Фома Филимонович. Когда стало известно, что Опытная станция меняет свое место и Гюберт увозит с собой старика, встал вопрос о Тане. Оставлять ее одну в городе было опасно, брать с собой невозможно. Надо было найти какой-то выход, и, хотя времени было мало, ребята сообща додумались. За несколько дней до перебазирования Опытной станции Фома Филимонович пробрался к Гюберту и заявил, что намерен отправить свою внучку в Германию. Пусть, мол, она поживет в такой великой стране, как Германия, поработает на первых порах, а потом, глядишь, и подучится чему-либо, а то и образование настоящее получит... Гюберт отнесся к просьбе Фомы Филимоновича положительно и заинтересовался, чем он может помочь. Кольчугин объяснил, что хорошо бы получить от Гюберта "бумаженцию", которая дала бы внучке возможность добраться до Германии по-людски, в пассажирском поезде, а не в общем эшелоне. Он добавил, что внучка у него, как-никак, одна-единственная, да и сам он "служит верой и правдой". В тот же день Гюберт вручил Фоме Филимоновичу деньги и документы на индивидуальный проезд в город Франкфурт-на-Майне Кольчугиной Татьяне Фоминичне.

- А дальше? - любопытствовал я.

- Дальше пошло все как по маслу, - усмехнулся Логачев.

- До вокзала я довез Таню на машине, - продолжал Кольчугин, - а с машины она попала на подводу к Семену - и прямо в лес.

- И волки сыты, и овцы целы! - заключил Березкин.
- Здорово! - одобрил я. - И смело! А Гюберт не интересовался ее судьбой?
- Было дело, - ответил Фома Филимонович. - Как-то он любопытствовал и спросил, что пишет внучка, а я почесал затылок и сказал, что молчит... Видать, забыла, дрянная девчонка, старика. Увидела свет, голова вскружилась, и забыла. Гюберт успокоил меня и сказал: "Не унывай, найдется. В Германии все люди на счету!" А я про себя подумал: "Хитрый ты, чертяка, слов нет, однако мы похитрее оказались и обдурили тебя". Потом как-то, по наущению Семена, я сам подошел к Гюберту во дворе и сказал: "Как же быть мне, господин майор? Пропала ведь Танька. Ни слуху ни духу! Уж не приключилась ли с ней беда?.. Ведь времечко-то

военное, тревожное". И Гюберт опять успокоил меня: "Не волнуйся, старик, все выяснится, ничего страшного не случится. Объявится, мол, твоя внучка да еще пригласит тебя в гости". На том и окончились все разговоры.

Варево побежало из котла через край, и костер зашипел. Таня спохватилась, сняла с котла деревянную крышку, и клубы горячего пара смешались с дымом.

Я выжидал и берег сюрприз до удобной минуты.

Таня разостлала в сторонке от костра плащ-палатку, положила на нее крышку. Семен Криворученко снял котел обеими руками и водрузил на крышку. Появились деревянные ложки, черные, уже тронутые плесенью сухари.

- Где же моя фляга? - спросил я.

- В порядке, товарищ майор, - ответил Березкин. - В целости и сохранности. Доставить сюда? Я кивнул, и Березкин побежал в землянку.

Когда он вернулся и мы по капельке спирта разлили в кружки, я объявил, что Указом Президиума Верховного Совета Фома Филимонович Кольчугин, Криворученко и Ветров удостоены правительственных наград.

Вначале все опешили от этого известия, особенно Сережа Ветров. Он покраснел, как бурак, и мне показалось, что глаза его подернулись влагой. Он судорожно глотал воздух и, не в состоянии выговорить ни слова, смотрел в огонь. Фома Филимонович хмурился и пощипывал свою обкуренную бороду.

- Чего же приуныли?! - громко воскликнул Логачев. - Выпьем за первые и не последние! Все встрепенулись.

- Медаль!.. - сдержанно проговорил Фома Филимонович и покрутил головой.

Таня обняла деда и крепко расцеловала.

- Начинайте, Фома Филимонович, - обратился к Кольчугину Березкин. - Вы старейший, вам и начинать. - И он подал старику огромную деревянную ложку, могущую сойти за черпак.

- Старейший - это еще не старый, - ухмыльнулся Кольчугин.

Вооружившись ложками, все дружно бросились в решительную атаку на суп, черпая его прямо из котла. Суп из двух тетеревов, заправленный концентратами из пшенной крупы, выдался на славу. Все наперебой хвалили повара - Танюшу.

- Ешь, Кондрат, до отвала, нагуливай жирок! - приговаривал Фома Филимонович.

Сам он ел степенно, не торопясь, держа под ложкой сухарь.

Сережа Ветров подражал ему.

Когда деревянные ложки стали скрести по дну котла, Фома Филимонович сдвинул костер и извлек из ямки глухаря. Он дымился паром и издавал непередаваемо аппетитный запах.

Старик разрезал глухаря на куски и предложил:

- Угощайтесь!

От второго блюда все пришли в еще больший восторг. Когда я расправился с первым куском, Фома Филимонович подсунул мне второй.

Я наотрез отказался:

- Хватит! Так наелся, что шевельнуться не могу. Сам ешь!

Фома Филимонович покачал головой:

- Тоже не могу. Душа больше не принимает.

Выручил Криворученко:

- Ну-ка, переправьте этот ломтик сюда! Моя душа примет...

Обед разморил всех. Не хотелось подниматься, двигаться. Подбросили свежих поленьев в костер, и, заняв позы поудобнее, ребята начали доставать кисеты и крутить сигарки. Фома Филимонович отказался от табака, предложенного мною, и свернул самокрутку из своего горлодера. Выхватив из костра горящее полешко, он дал прикурить мне и прикурил сам.

Березкин запалил свою сигарку солнечным лучом, через увеличительное стекло.

Возобновился прерванный разговор. Я попросил Фому Филимоновича рассказать, что представляет собой новый помощник Гюберта - майор Штейн.

Старик сел поудобнее, подобрал под себя ноги и начал:

- Это такой злыдень, такая выжига, что Гюберта за пояс заткнет! Злой, как цепной пес! Ест всех поедом. Все жилы выматывает. Такому палец в рот не клади! А с полковником Габишем - друг. Тот сам его доставил к нам, на своей машине.

Оказывается, с появлением Штейна на Опытной станции положение Фомы Филимоновича несколько изменилось. Через Похитуна Кольчугин узнал, что Штейн с первых же дней настроился к нему очень враждебно. Ему не понравилось пребывание Фомы Филимоновича на станции. В присутствии Похитуна Штейн как-то сказал Гюберту: "Напрасно вы держите здесь эту старую дрянь. У русских есть очень удачная поговорка: "Сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит". Гюберт ответил ему: "Волк волку рознь. Зубы старого волка никого не пугают". Штейн заметил: "Кроме зубов, у него есть глаза и уши". Тогда Гюберт объяснил, что не опасается Кольчугина, что внучка его живет в Германии, что до революции старик несколько лет работал у такого верного их соотечественника, как покойный помещик барон Эденберг. Тот был не настолько глуп, чтобы держать около себя всякую дрянь. Штейн не унимался и утверждал, что нельзя сравнить нынешние времена с дореволюционными, что тогда люди смотрели на все иначе. Гюберту, видно, надоело пререкаться, и он заявил, что знает, что делает, и попросил своего помощника не касаться больше этой темы. Штейн только пожал плечами.

Однако точка зрения Гюберта не изменила отношения Штейна к Фоме Филимоновичу. Он еще пуще невзлюбил старика, не отвечал на его приветствия и при встречах глядел на него так, что Фоме Филимоновичу становилось не по себе.

Однажды Гюберт, выйдя во двор и увидев Кольчугина, приказал отыскать и вызвать к себе Штейна. Старик разыскал Штейна на радиостанции за беседой с радистом Раухом и передал приказ. Штейн сразу изменился в лице, затопал ногами, разразился бранью, назвал Кольчугина старым дураком и строго-настроено наказал, чтобы он даже близко не подходил к радиостанции.

- Он по-нашему, по-русски, здорово говорит, - пояснил Фома Филимонович.

- Так, так... - заметил я, слушая старика. Такой оборот дела мне не особенно нравился. В лице Штейна появилась определенная угроза. Продолжай, отец...

Фома Филимонович рассказал, что Штейн завел на Опытной станции новые порядки. Если раньше она охранялась одним караульным у входа, то теперь установлен еще и внутренний пост, во дворе. Кроме того, Штейн завел овчарок.

- Злые, как черти! - говорил Кольчугин. - Признают только проводника своего да повара. Но ко мне мало-помалу привыкли. Не гавкают уже и не кидаются. А первые дни - страсть одна! Так и наскакивают. Я их мясцом приманиваю. Их держат полуголодными, а я нет-нет, да и подброшу кусок. Поначалу рычали, скалились и мясо не брали. Должно, так приучены. А потом пообвыклись.

- Значит, Штейн - человек опасный? - уточнил я.

Фома Филимонович махнул рукой.

- Какой это человек! У него желчь одна и злоба. Разве может человек обидеть бессловесное существо? - И Фома Филимонович рассказал случай, дополнивший характеристику Штейна. Как-то Штейн ездил куда-то верхом и вернулся домой на взмыленной лошади. Она хромала на заднюю ногу, и Кольчугин сразу подметил, что у лошади повреждено сухожилие. Когда

Штейн надавил на больное место, конь вздрогнул, бросился в сторону и задел копытом ногу Штейна. Тот выругался, вытащил пистолет и выпалил два раза сряду коню в ухо.

- Вот он какой подлец! - заключил старик. - Бессловесную скотину, коня, расстрелял. Бешеный!

- Да-а... - протянул я. - Видно, трудный характер у нового помощника Гюберта. Чем же еще он отличился?

- А он, что ни день, то и отличается. Как-то дал зуботычину Похитуну. Повстречал его пьяного в столовой и так запросто сунул ему в зубы. Вот уж проклинал его после Похитун. Боже ты мой!.. Он такую затаил против него злобу, что слопать готов с потрохами. И еще Штейн придумал штуку: два раза в неделю, как по расписанию, солдат и проводник берут самую здоровую овчарку, Спрутом ее звать, и марш в лес... Часа по четыре, по пяти болтаются в лесу и прочесывают всю округу.

- И что-нибудь получается?

- Ничегошеньки. Один раз пожилую бабу задержали с лукошком, в другой напоролись на подростков. Подростков пороли шомполами.

Рассказал Фома Филимонович и еще одну подробность. В апреле на станции появился молодой парень, белорус, по имени Тарас. Он прожил на станции около месяца. С ним занимались Раух и Похитун. А перед самым маем Гюберт вернулся из города, вызвал к себе Тараса и так исколотил его, что парня на руках вынесли из его кабинета. Этой же ночью Венцель и Раух вывели Тараса в лес и расстреляли.

- Страшные дела творятся, Кондрат! - сказал Фома Филимонович. - Лежишь ночью в своей дыре, а в голову лезет всякая дурь. Выведут так же вот в лес - и будь здоров!

- До этого еще далеко, - заметил я. - Да и мы постараемся не допустить этого. Теперь послушайте, что я вам скажу.

Я изложил друзьям суть задания, с которым прибыл, и задачи на ближайшие дни.

- Ой, беда с тобой, Кондрат! - проговорил Фома Филимонович, когда я окончил. - Помереть спокойно не дашь!.. Всё планы плануешь. Что ж заварили кашу - придется расхлебывать. Хм... А каша, душа моя, крутенькая получилась. До того крутенькая, что и ложкой не провернешь.

Я предложил Фоме Филимоновичу по-новому приглядеться к Опытной станции, рассмотреть и запомнить все так, чтобы можно было начертить ее подробный план. Старик больше не должен появляться на Полюсе недоступности. Это не вызывалось необходимостью и в то же время могло повлечь за собой тяжелые последствия. Он согласился. Мы договорились об очередной встрече и о знаках в лесу на тот случай, если возникнет надобность в срочном свидании.

Я, Криворученко и Логачев проводили Фому Филимоновича до заброшенного зимовья и лишь под вечер вернулись обратно.

38.

СЕМЕН, СЕМЕН...

Четыре дня спустя, рано утром, меня разбудил сдержанный разговор. Я прислушался и услышал голос Миши Березкина.

- Вот и пойдем вместе, - говорил он. - Я хочу прогуляться с тобой

- Ты у меня, как хвост у коня, - ответил Семен Криворученко. - Но сегодня я не вижу надобности в совместной прогулке.

- А я вижу, - настаивал Березкин.

- "Я, я"! - передразнил его Семен. - Сиди уж. Может, ты понадобишься Кондратию Филипповичу.

Оба умолкли. Я сообразил, о чем идет речь. Криворученко собирался в лес, чтобы проверить, нет ли сигналов от Фомы Филимоновича.

Я слышал, как одевался Семен, как шуршал он одеждой, не слезая с нар.

- А вот я могу сделать так, что один ты не пойдешь! - объявил Березкин.

Я приподнял голову и увидел Криворученко. Он сидел, свесив ноги, и застегивал ворот гимнастерки.

- Что же ты сделаешь, хотел

бы я знать? - сказал он.

- Посмотри на ноги!

Криворученко вытянул босые ноги, пошевелил пальцами и заметил:

- Ну и что? Ноги как ноги...

- Без сапог?

Семен поглядел по сторонам, заглянул под нары, тряхнул чубом и сказал:

- Мишутка, детка! Дай-ка сюда сапоги. И быстренько! А то я зажарю босиком и схвачу насморк. Сам потом жалеть будешь. Ну! Считаю до десяти. Раз... два... три...

Березкин вздохнул, вытащил из-под головы сапоги и бросил их Семену.

- Вот так лучше, - сказал Криворученко.

Через полчаса он ушел.

Я с утра засел за карту, чтобы по ней хорошенько ознакомиться с расположением "осинового гнезда" и его окрестностями. Ко мне подсели Логачев, Березкин, Ветров и Таня. Они помогли мне пояснениями, так как хорошо знали местность.

Гюберт выбрал новое место в глухом лесу. В четырех-пяти километрах от него, строго на запад, находился районный центр, а километрах в восьмидесяти на восток - уже знакомый нам город. В пятнадцати километрах юго-восточнее "осинового гнезда" на карте был обозначен леспромхоз, который, по словам Логачева, с приходом оккупантов разорен и бездействует, людей там уже давно нет.

На востоке от Полюса недоступности пролежала железная дорога, за которой базировался партизанский отряд, а на западе - шоссе.

Сам Полюс недоступности находился в двадцати километрах южнее "осинового гнезда", в заболоченной местности.

В радиусе пятнадцати - двадцати километров от нашего лагеря находились деревни Ловлино, Раковка, Карасево, Ближня. Между ними были проложены лесные, недоступные для автотранспорта дороги, которыми оккупанты почти не пользовались.

От железнодорожного разъезда - через леспромхоз, деревню Селезневку и "осиное гнездо" - тянулся большак, местами устланный щебенкой, а в низких, болотистых местах - кругляком. Пользуясь картой и подсказкой друзей, я принялся составлять рабочую схему и провозился с ней до обеда. После обеда занялся составлением донесения полковнику Решетову, так как в шестнадцать часов Ветров должен был проводить сеанс.

Уже под вечер я спохватился, что Криворученко еще не возвратился. Логачев меня успокоил.

- К ночи вернется, - сказал он. - Мы обычно к ночи возвращаемся из обхода.

Я попросил Логачева показать на карте место свиданий с Фомой Филимоновичем. Оно оказалось в районе Ловлино, по прямой - километрах в десяти отсюда.

Но Криворученко не вернулся и к ночи. Все обеспокоились, хотя вслух и не высказывали опасений. Ужин прошел вяло, в молчании. И сразу после ужина все, кроме дежурившего Ветрова, залезли в землянку.

Погода стояла пасмурная, небо затянули тучи, дул порывистый ветер, тоскливо и неумно шумел окрестный лес.

Лежа на нарах, не зажигая коптилки, ребята стали высказывать догадки и предположения о причинах задержки Семена.

- Возможно, Фома Филимонович сам пришел, - проговорил Логачев. - Может быть, какие-нибудь новости... Разговорились...

- Один раз было так, - осторожно вставила Таня, - что дед заночевал в лесу, а с ним остался и Семен.

- А помнишь, как Семен оступился и вывихнул ногу? - напомнил Березкин.

- Ну и что? - спросила Таня. - Что ты хочешь этим сказать?

- Я хочу сказать, что в дороге всякое может случиться, - ответил Березкин, встал и зажег коптилку.

Таня лежала в своем уголке, заложив руки за голову, и, щурясь, смотрела на мигающий огонек. Сережа Ветров заглянул в землянку, обвел всех взглядом и, посмотрев на наручные часы, исчез.

- Он, видно, вот-вот подойдет, - пробормотал Логачев.

Но время шло, а Семена не было. К сердцу подкрадывалась глухая, неосознанная тревога. Березкин встал, натянул на себя гимнастерку, надел сапоги и обратился ко мне:

- Я пойду встречу его, Кондратий Филиппович. Я всегда говорил, что в лес надо ходить вдвоем. Мало ли что может приключиться, а один в поле не воин. Я и сегодня хотел идти с Семеном, да он заупрямился.

- Я тоже пойду, - решительно поднимаясь, сказала Таня.

- Никуда ты не пойдешь! - сердито прикрикнул я. - Лежи и спи! Пойдут Березкин и Логачев. Поднимайтесь, товарищ Логачев!

- Есть!

Через минуту Логачев и Березкин вышли. Я оделся и последовал за ними. К нам подошел Ветров, светя горячей сигаркой.

Несколько мгновений мы стояли молча, осваиваясь с темнотой.

- Мы пойдем разными тропинками, так вернее... - сказал Логачев.

Я одобрил и спросил:

- Сколько это займет времени?

- Днем часа за четыре можно управиться туда и обратно, а сейчас уйдут все шесть, - ответил Березкин.

- Да, не меньше, - подтвердил Логачев.

- Теперь первый час, - заметил я. - Ну что ж, ступайте!

Ребята взяли автоматы и спустились с обрыва вниз. Сделав несколько шагов, они скрылись во мраке. Ветров отошел в сторонку и сел у обрыва, свесив ноги. Я закурил. На душе было смутно.

- Ночь-то какая дрянная! - сказал Ветров.

- Должна когда-нибудь и дрянная быть, - как можно бодрее отозвался я.

Ветров промолчал. Я выкурил сигарку и возвратился в землянку. Таня лежала неподвижно, лицом к стене. Она или спала, или делала вид, что спит. Я закрыл глаза, но, конечно, заснуть не мог. В голову лезли тревожные мысли. Уж не увяз ли Семен в проклятом болоте? В такой темноте это не мудрено, тем более что в нескольких местах тропинка совсем уходит из-под ног и приходится прыгать с кочки на кочку. Я сам убедился в этом, когда мы провожали Фому Филимоновича, и дивился старику, который так спокойно и уверенно - в его годы! - скакал по кочкам, точно кулик.

Я понимал, что для того, чтобы утонуть в топком месте, достаточно нескольких минут и что, если с Семеном произошло такое несчастье, думать о его спасении уже поздно. Но... нельзя бездействовать ни секунды!

- Таня! - позвал я, поднявшись с места.

- Да, Кондратий Филиппович, - отозвалась она.

- Подмени Ветрова, а мы пройдемся с ним по болоту.

- Хорошо.

Таня вышла вместе со мной.

- Ты, Сережа, дорогу по болоту хорошо знаешь? - спросил я.

- А что же тут знать? - ответил Сергей.

- Не заблудимся?

- Ну что вы...

- Пойдем!

- Фонарик взять?

- Возьми.

Оставив Таню, я и Сережа спустились к болоту. Мигая фонариком, мы отыскивали стежку и, осторожно ступая по ней, отправились в сторону леса. Стежка прихотливо извивалась, пробиралась по зыбким трясинам; под нашими ногами колыхались и чавкали болотные хляби. Я освещал фонариком наиболее подозрительные места. Мы часто останавливались, вслушивались в ночные звуки, несколько раз аукали и звали Криворученку, но безуспешно. Из-под наших ног вспархивали испуганные птицы и, пролетев немного, тут же шлепались на воду. Мы достигли леса, перекурили и вернулись обратно, ничего не обнаружив.

Уснул я не сразу и не скоро. Засыпая, видел неуверенный, зыбкий свет, просачивавшийся в землянку, и зеленоватый туманный сумрак, висевший над болотом. В пещеру пробиралась утренняя сырость. Я накрылся с головой шинелью и забылся.

Проснулся я, когда уже светило солнце. Проснулся от какого-то внутреннего толчка. Таня стояла, прислонившись к стене, и заплетала косу. Я хотел было спросить ее о чем-то, но в это время в дверном проеме показался Березкин. Он дышал тяжело, порывисто и, сделав шаг, сказал:

- Семен погиб!..

- Что ты сказал?! - не своим голосом переспросил я и соскочил с постели.

- Семен погиб! - повторил Березкин и в оцепенении опустился на нары.

За его спиной появились Ветров и Логачев.

- Ой!.. - придушенным голосом вскрикнула Таня и упала.

Все бросились к ней. Мы подхватили ее, положили на нары. Она была без сознания. В землянке стало тихо.

- Говори! - приказал я Березкину.

Он рассказал. К месту встречи с Фомой Филимоновичем вели две тропы: одна - сплошным лесом, через сечи, другая - просеками. Логачев пошел первой, а Березкин - второй. Они условились дойти до зимовья, встретиться там и в зависимости от результатов решить, что делать дальше. Но Березкин не дошел до зимовья, где обычно ожидал Фома Филимонович. Метрах в пятистах от зимовья, в том месте, где к просеке вплотную подходит протока, он увидел мертвого Семена. Через несколько минут подоспел и Логачев.

- Он убит вчера днем или даже утром... - сказал Березкин.

Логачев проговорил:

- Скорее, утром. Он уже окоченел.

- А как, кем, что еще вы увидели?

Логачев медленно покачал головой:

- Ничего не видели. И Семена не трогали. Он лежит так, как лежал.

- Мы не хотели трогать, - сказал Березкин. - Надо все осмотреть кругом. Может быть, что-нибудь обнаружим.

- Берите оружие... быстро! - приказал я. - Тут останется Таня.

А Таня не приходила в себя. Я проверил ее пульс, он едва бился под моими пальцами.

Я написал Тане несколько слов и положил бумажку на стол. Другого выхода не было: мертвого Семена мы могли донести лишь вчетвером, поочередно.

- Пошли! - подал я команду. - Березкин, вперед!

Прежде чем выбраться на просеку, мы долго пробирались по едва заметной тропе. Она плела замысловатые узоры, делала неожиданные повороты, врзалась в густые папоротники, карабкалась вверх, терялась и вновь появлялась среди лесных трав.

По просеке идти было уже легче и безопаснее, так как местность просматривалась далеко вперед. Мы могли заметить врага чуть ли не за километр, хотя так же легко могли быть замечены и сами.

Взмокшие от пота, смертельно уставшие, мы вышли, наконец, к протоке, наполненному черной, неподвижной водой. Березкин остановился и молча показал рукой вперед, на что-то темневшее под кустом орешника.

Семен лежал лицом вниз. Правая рука его, выброшенная вперед, была сжата в кулак, а левая

лежала на затылке. Одна нога была подтянута под живот, будто перед смертью Семен хотел вскочить и броситься вперед.

Глаза его, всегда такие горячие, полные жизни и отваги, теперь были плотно смежены.

Чистым, хорошим помыслам и мечтам, которыми была полна его большая душа, не довелось сбыться...

Мы стояли над мертвым другом, сняв шапки, в глубоком молчании.

- Так и было? - спросил я после долгой, томительной паузы.

- Так... - ответил Логачев.

- А где его автомат?

Никто мне не ответил. Все переглянулись в растерянности.

- С чем же он пошел?

- У него была граната и автомат, - сказал Березкин.

- Правильно, - подтвердил Ветров.

Но ни гранаты, ни автомата вблизи не было. Как погиб Семен, при каких обстоятельствах, от чьей руки? На этот вопрос мы должны были найти ответ.

Я принялся за осмотр тела. Руки и шея Семена были покрыты ранами. Некоторые из них по виду ножевые, другие казались рваными. Глубокая рана зияла на затылке. Она-то, видимо, и оказалась смертельной. Брюки, были во многих местах изорваны в клочья.

- Смотрите! - сказал Логачев, вытянув из сжатой в кулак руки Семена клочок шерсти.

- Собака! - воскликнул Ветров.

- Овчарка! - проговорил Березкин. - Это шерсть овчарки...

Я еще раз, более внимательно, осмотрел тело и в нескольких местах на одежде обнаружил клочья прилипшей шерсти.

Значит, Семен боролся с овчаркой - в этом не было никаких сомнений. Но было также ясно, что Семен боролся не только с собакой. Рана на затылке и порезы требовали другого объяснения.

Мы наскоро изготовили походные носилки из длинных жердей и ветвей, закрепили их поясами и ремнями от автоматов и положили на них мертвого Семена.

- Давайте тщательно исследуем все вокруг, - предложил я. - А ты, Сережа, покарауль здесь. И гляди в оба.

Ветров кивнул и занял место у носилок.

Тщательно осмотрев тропу, мы пришли к единодушному заключению, что шагов двадцать Семен не шел, а полз. Об этом говорили отпечатки рук и ног на земле и примятая трава. Мы решили проследовать в направлении его движения.

И вдруг Логачев сказал вполголоса:

- Нож...

Он поднял его с земли и подал мне. Это был большой, обоюдоострый нож с тяжелой черной ручкой и лезвием, запачканным кровью вперемешку с шерстью.

- Ничего не понимаю, - проговорил я. - Этим ножом мог быть убит Семен, но им же, видимо, кололи и овчарку.

- Сюда! Сюда! - позвал Березкин.

И мы бросились к нему.

Возле самого протока, на берегу, в траве лежали два мертвых немецких солдата. Тут же валялся автомат Семена и граната.

- Семену пришлось схватиться с двумя!.. - прошептал Березкин.

Мы осмотрели убитых. Можно было предположить, что Семен натолкнулся на солдат неожиданно, в густом орешнике. Одного из врагов Семен сразу свалил из автомата, о чем говорили пулевые ранения. Остался еще один. Что-то помешало и Семену и его второму врагу воспользоваться автоматами. По всей видимости, овчарка, бросившаяся на Семена. Защищаясь от ее укусов, Семен, очевидно, уронил и автомат и гранату. А фашист, опасаясь убить овчарку, бросился на Семена с ножом. Он нанес Семену, судя по ранам, два удара, но потом, можно полагать, Семену удалось вырвать у немца нож. Этим ножом Семен убил

гитлеровца и ранил собаку.

- Но собаки нет, - сказал Логачев.

- И это очень плохо, - заметил Березкин.

Да это было плохо. Раненая собака ушла, убедившись, что и человек, с которым она схватилась, и ее хозяева были мертвы. Она постарается добраться до дома и, конечно, приведет сюда людей.

Складывалась скверная обстановка...

Я сказал Логачеву и Ветрову:

- Несите Семена... А мы с Березкиным пройдем до зимовья. Да, кстати, проследим, куда поплелась собака. Потом мы вас догоним и сменим.

Логачев и Ветров подняли тяжелые носилки и отправились в печальный путь. Я и Березкин пошли дальше.

Я уже опасался за судьбу Фомы Филимоновича и за судьбу всего дела: не выследили ли старика и не пришли ли сюда солдаты с собакой по его следу?

- Немцы часто появлялись в этих местах? - спросил я.

- Да нет... - неуверенно ответил Березкин. - Во всяком случае, мы этого не замечали.

Тропинка сошла с просеки и повела нас в сторону, к зимовью.

- Далеко еще?

- Нет, шагов двести, - ответил Березкин и пояснил: - По договоренности с Фомой Филимоновичем мы всегда ожидали друг друга в течение часа. Если за это время один не являлся, то другой уходил. Возможно, что Фома Филимонович был здесь вчера и, не дождавшись Семена, ушел.

- Но Фома Филимонович должен оставить знаки?

- Да. И он всегда оставлял. Мы всегда знали, когда он придет в следующий раз.

- А время?

- Время у нас всегда было одно: полдень. Это удобно и нам и Фоме Филимоновичу: зимовье почти на полпути.

- Стоп! - прошептал я.

И мы замерли, выдвинув вперед автоматы. Овчарка...

Да, это была овчарка, но уже неопасная для нас, хотя поза, в которой она лежала, была естественной для отдыхающей собаки.

Живая, даже смертельно раненная овчарка при виде чужих людей ни за что не улежала бы на месте. А эта даже не шелохнулась. Она была мертва, и мы без опаски подошли к ней вплотную.

Овчарка лежала на брюхе, вытянув вперед лапы и уткнув между ними морду.

- И ее доконал Семен, - произнес Березкин. - Один против троих! Недалеко она ушла...

Овчарка была необычайно крупная, с мощной, широкой грудью, крепкой шеей, толстыми и сильными лапами. По ее спине проходила широкая черная полоса.

"Страшный зверь!" - подумал я и невольно поежился: моему взору представилась схватка Семена с этим свирепым псом. Конечно, она ушла последней, когда все люди были мертвы. Иначе она не бросила бы своих проводников. На собаке мы обнаружили несколько глубоких ножевых ран.

Пса надо было спрятать. Березкин отыскал в сторонке огромный муравейник. Мы разворошили его, уложили в него поглубже овчарку и забросали муравейник хвоей.

Через десять минут мы вышли к заброшенному зимовью, от которого уцелели лишь жалкие остатки - несколько врытых в землю и насквозь прогнивших столбов, торчавших из густого бурьяна.

Березкин принялся за осмотр деревьев, окружавших поляну, и через минуту окликнул меня.

- Вот видите? - Он показал мне зарубки на белой коре березы. - Значит, Фома Филимонович был здесь вчера и, не дождавись Семена, ушел.

Я всмотрелся в зарубки.

- И Фома Филимонович придет сюда послезавтра, - продолжал Березкин.

- Почему именно послезавтра?

- А вот три надреза, видите?

Я кивнул.

Теперь оставалось лишь неясным, когда здесь был Кольчугин - до или после гибели Семена. Но на этот вопрос никто не мог ответить.

На обратном пути мы отволокли трупы гитлеровцев в чашу, тщательно убрали следы крови на тропинке, забрали оружие и поспешили вслед Логачеву и Ветрову.

39.

ГЮБЕРТ СОБИРАЕТСЯ НА ОХОТУ

Горе замутило Танины глаза. Потух в них лучистый, чудесный блеск, и на смену ему пришло выражение безмерного горя. В Тани что-то сразу надломилось. И что меня пугало - она не плакала. Сухими, невидящими глазами она смотрела вдаль и бродила по лагерю, и все мы понимали, как тяжело дается ей это внешнее спокойствие. Никто не пытался утешать ее, так как каждый из нас нуждался в утешении. У Тани не было слов выразить свою боль, не находили слов и мы. Все, начиная с меня, самого старшего по возрасту, и кончая самым молодым - Сережей Ветровым, понимали, что обычные слова утешения здесь не нужны и бесполезны. Говорить пустые, ничего не значащие фразы мы не хотели. Бывают в жизни моменты, когда молчание лучше всего выражает чувство человека.

Почти всю ночь мы рыли могилу на том самом месте, где я не так давно очнулся после недельного беспометства. У нас не было ни лопаты, ни кирки. Мы рыли могилу топором, ножами, немецким штыком, выгребая влажную землю руками.

Рано утром, с восходом солнца, при общем молчании мы бережно опустили тело Семена, обернутое в плащ-палатку. Потом долго стояли у открытой могилы.

"Прощай, дорогой человек!.. Прощай, боевой друг! - мысленно говорил я. - Я запомню день твоей смерти так же, как день смерти моей Танюшки. И я припомню его врагам".

Там, где положили Семена, вырос холмик. Небольшой свежий холмик, который мы обложили дерном.

А солнце уже поднималось. Оно пробилось сквозь густое сплетение ветвей и уронило на холмик яркий золотистый луч.

С нетерпением и тревогой ожидал я встречи с Фомой Филимоновичем. Одно то, что старик требовал досрочного свидания, уже само по себе вызывало беспокойство. И чего только я не передумал: над Фомой Филимоновичем нависла какая-нибудь угроза; Гюберт и Штейн разведали что-либо о Полюсе недоступности; Опытную станцию опять решили передвинуть на новое место...

Я терялся в догадках. Особенно тревожило сообщение Фомы Филимоновича о том, что Штейн приказал регулярно прочесывать лес. Нельзя было не сопоставить этого обстоятельства с гибелью Семена.

Я рассуждал так: Фома Филимонович, вероятно, попал под подозрение, и майор Штейн установил за ним слежку. Эта слежка привела солдат с овчаркой к месту свиданий старика с ребятами. Ведь ранее, до этого, никто из участников нашей группы не замечал, чтобы фашисты проникали в глубь леса так далеко. А тот факт, что мы обнаружили свежие зарубки Фомы Филимоновича на заброшенном зимовье, еще ни о чем не говорит. Эти знаки старик мог оставить до того, как произошла схватка Семена с солдатами и овчаркой, и до того, как он был схвачен сам. И возможно, что с овчаркой пришло не двое солдат, а больше - трое, четверо. Один из них занялся Фомой Филимоновичем, схватил его и повел в "осиное гнездо", а двое, с которыми столкнулся Семен, остались в засаде.

Но могло быть и так, что Фома Филимонович еще не схвачен, но с него не спускают глаз. Возможно, что немцы обнаружили место его свиданий с кем-то, для них еще неизвестным, и решили пока не трогать старика. Они видели, как Фома Филимонович делал зарубки, выждали, пока он ушел, а через некоторое время столкнулись с Семеном.

Одним словом, я приходил к очень неутешительному выводу, что свидание с Фомой Филимоновичем таит в себе опасность не только для него самого, но и для всего дела. Если старик уже арестован, он может появиться в лесу под дулом автомата, как приманка. А если он не арестован, еще не подозревает о своем провале и явится на свидание, все равно по пятам за ним будут идти люди Гюберта. И они, конечно, организуют засаду.

Я поделился своими опасениями с Логачевым и Березкиным. Разумеется, подобные же опасения волновали и их.

- Для меня одно ясно, - сказал Логачев. - Фома Филимонович ничего не знает о гибели Семена.

- Откуда у тебя такая уверенность? - спросил его Березкин.

- Сейчас скажу... Если бы он знал, то, бесспорно, оставил бы на березе сигнал тревоги и опасности. Он знает, как это

делать.

- А если ему не дали этой возможности? - спросил Березкин.

- То есть?

- А так, не дали, и всё. Его сцапали, - сказал Березкин.

- Кто же мог сцапать? Солдаты к этому времени уже были покойниками,

- Это в том случае, если их было двое, - возразил Березкин. - А если четверо, пятеро?..

- Ерунда! Если их было больше, то они не оставили бы в лесу убитых.

- Хотел бы я посмотреть, - усмехнулся Березкин, - как двое или трое уцелевших потянули бы на себе двоих убитых. Не так это легко. Мы вчетвером несли Семена и потратили на это одиннадцать часов...

- Ну хорошо, допустим, ты прав. Дальше?

- Дальше? - спросил Березкин. - Я считаю так... За трупами они могут приехать на подводе. Наконец, они, может, умышленно не трогают убитых, чтобы создать видимость того, что никому не известно о происшествии.

- Да... - задумчиво произнес Логачев. - Все это очень сложно и непонятно. Можно предполагать что угодно...

Я внимательно слушал спор Логачева и Березкина, слушал и размышлял по-своему. Я скорее склонялся к точке зрения Логачева. Мне, как и ему, думалось или, может быть, только хотелось думать, что Фома Филимонович не знает о гибели Семена.

Мы не могли отказаться от встречи с Фомой Филимоновичем, независимо от того, что таила эта встреча.

К долгожданному дню встречи, от результатов которой зависело почти всё, мы обстоятельно продумали план действий.

Прежде всего на заброшенное зимовье отправились сразу все, кроме Тани. Мы вышли ночью двумя группами, разными тропами и к рассвету собрались в условленном месте. Мы не пошли сразу на поляну, понимая, что враг мог нас опередить и выставить засады. Мы подобрались к зимовью с четырех сторон, предварительно обшарив лес в радиусе до полутора километров, и убедились, что после нас здесь никто не был: трупы гитлеровцев лежат там, где мы их спрятали, от овчарки остался почти скелет. То, что мы не обнаружили никаких признаков засады, нас, конечно, обрадовало, но не успокоило: враги могут еще появиться, пойти по следам Фомы Филимоновича.

Чтобы не попасть впросак, я задолго до полудня выдвинул Березкина и Ветрова примерно на километр от зимовья навстречу Фоме Филимоновичу.

Я сказал им:

- Кольчугина пропускайте, себя не обнаруживайте и ждите. Если вслед за ним появятся немцы, исходите из того, сколько их. Если человек пять-шесть, на худой конец - семь-восемь, топайте окружным путем к нам, и мы их здесь сообща встретим, а если их больше, пропустите на приличное расстояние и подавайте сигнал.

Я считал нецелесообразным ввязываться в драку с врагом, намного превышающим нас в численности и вооружении. Я учитывал и то, что нам не удастся застать немцев врасплох. Уж

если они лезут сюда, то знают зачем и будут, конечно, наготове.

Мы долго думали, на каком сигнале остановиться. Расстояние не позволяло прибегать к подражанию крику птицы или животного или к свистку мы могли не услышать ни того, ни другого. Ракета ненадежна: во-первых, в лесу мы могли ее не заметить и, во-вторых, ракетой можно обнаружить себя так же, как и выстрелом.

Все же пришлось остановиться на выстреле как сигнале отступления. Выстрел давался в том случае, если враг намного превысит нас числом. Предупредив нас выстрелом, Березкин и Ветров должны были уйти на запад, в заболоченные места, а оттуда уже добираться до Полюса недоступности.

Я и Логачев должны были задержаться, чтобы предупредить Фому Филимоновича и помочь ему оторваться от немцев, если те движутся по его следам. Я ставил себя на место врагов, как делал всегда в таких случаях, и пришел к заключению, что дистанция между стариком и выслеживающими его солдатами должна быть не маленькая.

Вместе с Фомой Филимоновичем мы должны были уйти в болотистое место, лежавшее в полутора километрах от зимовья. Этот маневр преследовал единственную цель - сбить со следа овчарок, если люди Гюберта ведут их с собой.

Итак, учтя все возможные случайности, я и Логачев выбрали удобную позицию, с которой хорошо просматривалась поляна, и стали ждать.

Примерно за полчаса до обусловленного времени мы услышали скрип тележных колес. Я и Логачев замерли, почти не дышали... Потом мы услышали, что кто-то поет, и по голосу сразу узнали Фому Филимоновича. Он пел тихо, вполголоса, старую русскую песню: "То не ветер ветку клонит, не дубравушка шумит". Слов разобрать было нельзя, но мотив мы улавливали отлично.

Едва я и Логачев успели переглянуться, как на поляну, к руинам зимовья, выехала одноконная телега. На ней восседал Фома Филимонович.

Мы наблюдали за ним и продолжали сидеть не двигаясь. Мы ждали или появления немцев, или сигналов, или, наконец, подхода Березкина и Ветрова. Но пока стояла тишина и, кроме Фомы Филимоновича, никто не показывался.

Я взглянул на часы. Старик явился раньше двенадцати, и обнаруживать себя было еще рискованно. В нашем распоряжении имелось чуть ли не полтора часа. Мы могли ждать и наблюдать.

Фома Филимонович слез с телеги и, продолжая напевать, обошел поляну, всматриваясь в каждое дерево и отыскивая условный знак. Старик прошел в десятке шагов от нас, ничего не заметив. Это меня успокоило - уж если глаза Фомы Филимоновича не смогли нас обнаружить, то немцев можно было не опасаться!

Пробормотав что-то про себя, он подошел к телеге, развязал супонь, снял дугу, вожжи, чересседельник, хомут и пустил лошадь пастись.

Это была ребристая кобыла гнедой масти, очень спокойная на вид.

Фома Филимонович не "проявлял ни малейших признаков беспокойства. Это было важно, однако не давало никаких гарантий, что все в порядке.

Фома Филимонович снова взобрался на телегу, достал кисет и бумагу, скрутил самокрутку и закурил.

А сигнала от ребят все не было, не было и их самих. Прошло полчаса, три четверти, час - положение оставалось прежним.

Вдруг Фома Филимонович, сидящий на телеге, насторожился, склонил голову набок и затем стал всматриваться в растущие вблизи деревья.

Я и Логачев застыли. В чем дело? Что произошло? Что заметил или услышал старик?

Фома Филимонович слез с телеги, взял дарственную централку, подошел к отдельно стоящей березке и, взглянув на ее крону, стал постукивать прикладом о ствол. И только тут я заметил малюсенькую пушистую белку, испуганно метавшуюся в ветвях березы. Так вот кого увидел старик.

Я посмотрел на Логачева. Он улыбнулся. Значит, и он заметил белку.

Неопытная, должно быть вышедшая на свою первую самостоятельную прогулку, она, увидев незнакомое двуногое существо, и не зная с перепугу, что делать. Береза стояла на отшибе, перепрыгнуть зверьку некуда, и белка, пометавшись, прижалась к стволу и замерла.

- Спускайся, спускайся, дурочка! - ласково звал ее Фома Филимонович. Ишь какая крохотулька! Ну, спускайся же, а не то я сам доберусь до тебя.

Только теперь я убедился, что Фома Филимонович ни о чем не знает и никакая опасность нам пока не грозит. Я взял Логачева за руку, и мы вышли из засады. Старик тотчас же повернулся к нам лицом.

- О! Кондрат, Миколка! Смотрите! - И Фома Филимонович показал на белку. - Словим? Это Таньке. Она страсть как любит всяких зверюшек. Ну-ка, Миколка, ты половчее меня...

Теперь у меня окончательно рассеялись все сомнения. По настроению Фомы Филимоновича было ясно, что в "осином гнезде" не произошло ничего непредвиденного для нас.

Логачев положил на землю автомат и полез на березу. Видя опасность, белка тоже стала взбираться повыше. Наконец белка достигла самой верхушки. Дальше лезть было некуда. Она дрожала и поглядывала на приближавшегося врага.

- Смотри не сорвись, - предупредил я Логачева.

Но все окончилось благополучно, если не считать двух-трех укусов, которыми наградила белка Николая, когда он ее схватил и сунул за пазуху.

Мы разглядывали зверьку, погладили его шерстку. И по совету старика Логачев опять спрятал ее за пазуху.

- Вот девка-то будет рада! Приручит ее... До войны она пару выходила, я ей из лесу принес.

Забавные были... - проговорил Фома Филимонович и, сразу переменив тему и напустив на себя строгий вид, обратился к нам: - А кому же это зуботычки полагается надавать, а? Кто заставил меня понапрасну трясти кости прошлый раз? Над кем мне расправу учинить? Ты? - кивнул он на Логачева.

Тот покачал головой.

- А кто же: Семенка, Мишутка?

Мы молчали. Я не знал, как сообщить Фоме Филимоновичу о смерти Семена. Держать же старика в неведении было совершенно невозможно.

И я прямо сказал:

- Семена, Фома Филимонович, уже нет... Семен погиб!..

Что-то дрогнуло в лице старика. Он отступил на шаг и, уставившись на меня, спросил:

- Ты... ты что мелешь, Кондрат?..

Руки Фомы Филимоновича повисли, точно плети, он побледнел и, словно еще не веря тому, что услышал, сказал неверным голосом:

- Как погиб? Почему ты молчишь?

Я коротко рассказал о случившемся.

Фома Филимонович опустился на землю, схватился за голову и заплакал:

- Как сына родного любил!.. Он был ближе сердцу моему, чем кора дереву... Семенушка, голубчик!.. Закопала Танюшка свое счастье в землю... бормотал он.

Я взял старика за плечи и заставил подняться:

- Мужайся, крепись, Филимоныч. Не тебе одному тяжело - и Тане, и мне, и всем... Что ж теперь плакать - поздно!

Фома Филимонович затих, глядя на какую-то точку, и после долгого молчания проговорил:

- Все пройдет, Кондрат... Все стерплю! Дай только опомниться! - Он вдруг сильно затряс головой, как бы стараясь от чего-то освободиться, и сказал жалобным голосом: - Нельзя же так враз - и забыть Семенку... Нельзя!..

- А мы и не забудем! - твердо произнес Логачев. - Никогда не забудем! И фашистам припомним...

Фома Филимонович грустно покачал головой, думая о чем-то своем.

Чтобы рассеять его немного и отвлечь от мыслей о Семене, я сообщил о наших подозрениях и о том, как мы подготовились к этой встрече.

Фома Филимонович сказал:

- Я никого в тот раз не видел. Я пришел, прождал час и ушел... А теперь мне кое-что ясно.
- Что тебе ясно? - насторожился я.

Оказывается, в день гибели Семена со станции на проческу леса ушли двое солдат, прихватив с собой самого крупного и злющего кобеля,
под кличкой Спрут.

- Они вышли раньше тебя?

- Раньше. Их до Ловлино довели на машине.

- А зачем они поехали в Ловлино?

Несколько дней назад из райцентра на Опытную станцию приезжал гестаповец и сказал, что около деревни Ловлино, в лесу, староста обнаружил зарытый в песок парашют, и коль скоро гестапо не располагало собаками-ищейками, он попросил Гюберта обследовать местность. Гюберт отрядил солдата - проводника овчарки, а второго прислало гестапо. Солдаты уехали и не вернулись.

- Ты знал в лицо обоих? - спросил я.

- Одного знал хорошо, второго видел один раз.

Я предложил сходить к кустам, где мы спрятали трупы.

Фома Филимонович без труда узнал в одном проводника собаки и твердо заявил:

- Это Артур. Он самый...

О приезде гестаповца, обнаружении парашюта и посылке солдат в лес Фоме Филимоновичу рассказал Похитун.

Мы вернулись на полянку. Теперь ясна стала причина появления немцев так далеко от "осинового гнезда" и так близко к Полюсу недоступности.

- Что же теперь говорят на станции? - поинтересовался Логачев.

- Разное плетут, - ответил Фома Филимонович. - Одни говорят, что солдаты заблудились в лесу, другие - что напали на след, а след их завел далеко. Штейн считает, что они отправились в Раковку и хлещут там самогон. Он обзвонил все окрестные деревни и наказал старостам и полицейским учинить розыск. Да где же теперь искать... - Старик усмехнулся и махнул рукой. Немного погодя он добавил: - Значит, я был здесь, когда все уже свершилось...

- А что случилось, почему ты досрочно пришел? - спросил я.

- На уток готовимся ехать, Кондрат. Вот какое оно дело!

- Когда?

- С субботы на воскресенье.

- В эту субботу?

- Да нет... В будущую. Через девять дней.

- Решили открыть охотничий сезон пораньше? - усмехнулся Логачев.

Старик кивнул головой и заметил:

- Выходит так. Утка еще не везде готова, но ему мало дела до этого. Сказал: "Ищи, чтобы наверняка".

- Нашел? - полюбопытствовал я.

- Есть на примете озерцо... За мной дело не станет. Ну, я и заторопился свидетелься. Видишь, Кондрат, как оно оборачивается!.. - Фома Филимонович нахмурился (видно, тяжелые мысли опять одолели), помолчал и продолжал: - Тут, однако можно устроить бал-маскарад. Озерцо - в самой глухомани, а нас, охотников, будет раз-два - и обчелся! Ты смекаешь, куда я клоню? Одно дело - громить их гнездо. Это - стоящее дело, слов нет! А сцапать майора живьем тоже недурно. А?

Я, как говорят в таких случаях, весь загорелся. Так вот почему Фома Филимонович просил о внеочередной встрече!

- Где это озеро? - спросил я.

- От Селезневки версты четыре будет.

- От Селезневки, говоришь? - переспросил я, быстро достал из планшетки карту и разостлал ее на траве.

Да, озеро было обозначено. В двух километрах к востоку от него пролегла лесная дорога на железнодорожный разъезд.

- Это? - спросил я старика.

- Оно самое, - подтвердил он. - Мы будем добираться до него на подводе.

Тысячи мыслей зароились в моей голове. Неожиданное обстоятельство облегчало наши планы. Жизнь давала нам в руки редкую... редчайшую возможность.

Я не отрывал глаз от карты, вымерил расстояние от озера до Полюса, до Опытной станции и спросил:

- Значит, точно в субботу?

- Это как водится. Как он велел, так и будет.

- А кто поедет с ним?

- Вот этого не скажу. Весной он брал солдат, на двух подводах ездили, а как решит сейчас - не скажу.

- Ты был уже на озере или только собираешься? - спросил я.

- Собираюсь. Во вторник туда поеду. Гюберт велел поразведать все досконально, соорудить там шалашик, скрадки...

- Хм... во вторник... Чудесно! В котором часу ты там будешь?

- Как сейчас, в полдень.

- Договорились! Я тоже подойду.

- Правильно. Так-то лучше! - одобрил Фома Филимонович. - На месте виднее будет, а к тому времени я проведаю, кто поедет с нами. Однако у меня еще есть что рассказать тебе...

И Фома Филимонович сообщил новость, не очень приятную. Вчера его вызвал к себе Штейн и поинтересовался, куда именно, в какой город выехала его внучка и получает ли Кольчугин от нее какие-либо известия. Старик рассказал, что документы ей дали до Франкфурга-на-Майне, но никаких вестей от нее он не имеет и очень беспокоится. По этому поводу он уже дважды обращался к Гюберту, но тот заверил, что все обойдется хорошо и со временем выяснится.

Штейн ничего не сказал на это и начал расспрашивать о сыновьях Фомы Филимоновича: какого они возраста, кто по профессии, где работали до войны, с кем водили дружбу, служили ли в армии, почему не остались в городе, а эвакуировались, что он знает о них в данное время и так далее... Выслушав ответы Кольчугина, Штейн заговорил о помещике Эденберге, стал расспрашивать, как жил Эденберг, какое у него было хозяйство, кто работал у него по найму, как часто Кольчугин бывал с ним на охоте.

Фоме Филимоновичу не составило никакого труда ответить на все вопросы Штейна: со слов брата он знал всю подноготную о помещике, сам подолгу жила у брата. Но самый факт такого допроса насторожил старика.

- Видать, хочет, злыдень, вывести меня на чистую воду, - заключил Фома Филимонович. - Я уж прикидываю: не пора ли мне сматывать удочки?

Разумеется, для этого были серьезные основания, но уход Кольчугина со станции именно теперь, когда предстояли решающие операции, грозил серьезным осложнением, если не срывом дела. Во всяком случае, пришлось бы решительным образом перестраиваться.

Поэтому я попросил старика:

- Потерпи до субботы!

- А потом?

- Потом ты сможешь плевать на всех, в том числе и на Штейна.

- Что ж, до субботы так до субботы, - согласился Фома Филимонович. Тебе виднее, Кондрат. На этом мы закончили беседу, распрощались, и каждый отправился своей дорогой.

Дождь зарядил с утра в пятницу и лил с небольшими перерывами до половины воскресенья. Это был мелкий, убористый, похожий на осенний, дождь. Сразу похолодало. Как всегда при затяжном дожде, казалось, что теплые, солнечные дни уже никогда не вернуться. Но с полудня в воскресенье подул ветерок, разогнал тучи, и вновь засветило горячее солнце. Мы все приободрились. Одна лишь Таня не видела ничего вокруг. Она окаменела в своем горе, будто заживо умерла.

Я не на шутку тревожился за нее. Мы все горевали о Семене, о нашем замечательном друге и боевом товарище. Но Таню смерть Семена убила. Она отказывалась от еды, почти не спала, похудела, взгляд ее потух. Без радости приняла она подарок деда - белку, но все-таки не расставалась с ней ни на минуту.

Березкин сказал мне по секрету, что, будучи дежурным, он видел, как Таня украдкой ночью покидала землянку, усаживалась у могилы Семена и оставалась около нее почти до рассвета. Так можно было вконец извести себя. Я понял, что прежде всего надо расшевелить Таню, вдохнуть в нее жизнь какой-либо трудной и важной работой. А потому, как только позволят обстоятельства, отправить ее с Полюса недоступности, где все так живо напоминает о Семене.

Кстати, нужно было подыскать посадочную площадку для самолета с Большой земли. Я обратился к карте, но подходящей по размерам поляны в нужном радиусе не обнаружил.

- Неужели нам придется принимать самолет за сотню километров отсюда? спросил я ребят. - Не может быть, чтобы в этом лесу не было хоть одной большой поляны.

- Есть, Кондратий Филиппович, - спокойно заметил Сережа Ветров.

- Где?

- Правда, я не могу поручиться, что она подойдет... - нерешительно начал он. - Я видел ее только ночью. Не знаю, достаточных ли она размеров.

- Где же она? - торопил я. - Покажи!

Сережа долго водил кончиком карандаша по карте, затем вздохнул и положил карандаш:

- Таня должна хорошо помнить ее. Я был там ночью, а она провела на ней весь день, пока мы перебирались сюда со старого места.

- Зови Таню!

Сережа выбежал из пещеры. Я внимательно проводил взглядом его маленькую фигурку. В последние дни я заметил между светлых бровей Сережи морщинку. Ее раньше не было. Эта морщинка придала Сережиному лицу новое, взрослое выражение.

Меня удивляло спокойствие Сережи. Он, как мне казалось, легче всех нас, не говоря уже о Тане, перенес утрату Семена, хотя ему довелось больше, чем кому-либо другому, жить с Семеном один на один в лесу в тяжелых условиях с осени прошлого года.

Но вчера я понял, что сильно ошибался. В полдень, улучив момент, когда дождь прекратился на короткое время, я пошел на край острова и на самом берегу болота увидел Сережу. Он лежал и плакал. Плакал горько, безутешно, как может плакать только сильно и несправедливо обиженный ребенок. Он рыдал, вздрагивая всем телом.

А за обедом, час спустя, Сережа сидел, как всегда, спокойный и уравновешенный. Я подумал было, что кто-то из ребят обидел его, хотя, зная его характер, сомневался в этом. Под вечер я пригласил Сережу на прогулку и привел к тому месту, где он плакал. Мы сели на бережок, закурили, помолчали, а потом, глядя ему в глаза, я сказал:

- Я видел тебя здесь перед обедом. Что с тобой случилось?

Он нахмурился, покраснел и, пересилив себя, ответил дрогнувшим голосом:

- Семен!.. - и, тяжело вздохнув, добавил: - Я не могу представить его мертвым... Только вы не говорите ребятам...

Я обнял его за плечи, молча прижал к себе и сказал:

- Будь солдатом, Сережа! Война... А за Семена мы отомстим так, что ворон костей вражеских не найдет...

И вот Сергей привел Таню.

- Вы меня звали? - тихо, даже робко спросила она.

- Да. Садись... - бодро ответил я. - Ну, Серега, допрашивай!

Таня вопросительно посмотрела на меня, затем перевела взгляд на Сережу.

- Да я вот говорил о поляне, - произнес он.

- О какой поляне?

- А помнишь, та, на которой ты сидела весь день и ждала меня?

- Помню.

- Велика она? - спросил я.

- Ну, как сказать... - Таня немного задумалась. - По-моему, очень большая... Да, большая.

- Больше той, на которой я должен был приземлиться?

Таня махнула рукой:

- Что вы! Конечно больше! На ней десять таких поместится.

- Вот это номер! - поразился я. - А на карте такой поляны нет!

Таня заявила, что она не ошибается.

- Дорогу до нее найдете? Не заплутаетесь? - спросил я.

Таня и Сережа заговорили в один голос и заверили меня, что выведут на поляну без всякого труда.

- Отлично! - сказал я. - Завтра утром мы выступим и больше, пожалуй, сюда не вернемся.

Пойдем на поляну, а оттуда на озеро, встретим там Фому Филимоновича. Сейчас займемся сборами. Когда у тебя сеанс, Сережа?

- В двенадцать, - ответил он.

- Так. Передашь, что утром мы оставляем Полнос недоступности и пусть нас слушают завтра в это же время.

Сережа кивнул головой, а на лице Тани появилось выражение физической боли.

Я понял ее, но продолжал в том же тоне:

- Засветло надо уложиться и распределить весь груз по мешкам... Ты как себя чувствуешь, Таня? Как здоровье?

- Что? - недоуменно спросила она.

- Можно на тебя рассчитывать? Выдержишь? Не придется нам на руках тебя тащить?

Таня смутилась.

- Что вы... - проговорила она.

- Тогда готовь и себе мешок, - сказал я. - Выносите всё наружу.

И закипела работа. Окончили укладку, когда начало темнеть. Приближалась ночь.

- А теперь спать! - приказал я. - Дежурить буду сам.

Все улеглись. Я не верил в то, что ребята уснули, но, когда заглядывал в землянку, там царил полнейшая тишина.

Чуть свет я поднял всех на ноги. Позавтракали всухомятку. Потом взвалили на себя вещевые мешки. Каждый мешок весил чуть ли не два пуда. В них были гранаты, взрывчатка, самовоспламеняющаяся жидкость, ракеты, патроны, батареи к радиостанции, запальный шнур, детонаторы, другое боевое имущество и кое-что из продуктов.

Перед уходом мы постояли в молчании у могилы, прощаясь с Семеном, и покинули Полнос недоступности навсегда.

Здесь, под березами, каждый из нас оставил частицу своей души. Мы шли вперед, и расстояние между нами и Семеном с каждым шагом увеличивалось. Он остался один оберегать наш временный и свой вечный приют...

Мы шли гуськом. Первым шагал Логачев, за ним Таня, затем Ветров, Березкин, замыкающим - я. Идти было очень трудно: давал о себе знать груз за плечами. Но никто не роптал, не охал, не жаловался. Через четыре часа, сделав пять привалов, мы достигли наконец цели. С первого взгляда на поляну я понял, что о лучшем не стоит и мечтать.

Все устали, всем зверски хотелось есть, отдохнуть, но, когда я предложил сейчас же обойти поляну и тщательно осмотреть ее, все, в том числе и Таня, захотели сопровождать меня.

Мы облюбовали в лесу, у самого края, сухую впадину, вероятно воронку от разрыва большой бомбы, уже густо поросшую мягкой травой, и сложили в нее все наше имущество.

Я сказал:

- Что ж, все хотят идти? Придется жребий бросать, кому остаться.

Выручил Логачев.

- Я останусь, - заявил он. - Ночевать тут будем?

- Тут.

- Хорошо, ступайте, я найду себе работенку.

Я решил пройти поляну от края до края, чтобы убедиться, нет ли на ней пней, опасных неровностей или сырых, заболоченных мест.

И мы зашагали вчетвером. Чем дальше шли, тем больше убеждались, что эта поляна - идеальный естественный аэродром. Она была ровна и тянулась с востока на запад километра на два - два с половиной.

- Эге! - воскликнул Березкин. - Да тут можно сажать тяжелые бомбардировщики!

- Видите, Кондратий Филиппович, - сказала Таня, - я не ошиблась.

Тому, что Таня сама вызвалась пойти с нами, и тому, что она заговорила, я, кажется, был рад не меньше, чем этой находке.

С нас градом катился пот, мы чуть волокли уставшие ноги, но продолжали самым тщательным образом обследовать поляну.

Часа через два обессиленные, но довольные мы вернулись к своему новому лагерю.

Логачев, пока мы ходили, не сидел сложа руки. Над воронкой уже возвышался скелет шалаша из длинных жердей. Николай накрывал его заготовленной хвоей. В сторонке ярко, бездымно горел костер.

- Ну, Танюша, засучивай рукава! - сказал я. - От еды, я думаю, никто не откажется.

- Я помогу тебе, Таня, - предложил Сережа Ветров.

Таня не отказалась от помощи и спросила:

- Только что готовить? У нас есть пшенный и гречневый концентраты, есть рыбные и мясные консервы. Можно наделать лепешек из муки, есть немного сала.

- По-моему, - выразил общее мнение Березкин, - давай то, что побыстрее. Я до того отошсал, что готов за поясной ремень приняться.

Таня и Сережа занялись стряпней. Березкин стал помогать Логачеву, а я засел за составление радиограммы.

Затем я достал свою рабочую схему и нанес на нее и озеро и поляну. Поляна стояла почти на полпути к "осиному гнезду" и километрах в шести от озера. В километре от поляны пролегал лесная дорога, идущая от Ловлино на юго-восток к железнодорожному разъезду. Дорогой этой, как мы знали, оккупанты не пользовались...

Наевшись до отвала гречневой каши, приправленной кусочками сала, и запив ее горячим чаем, мы, установив порядок дежурства, проспали до трех часов дня.

Я проснулся последним и почувствовал, что от усталости не осталось и следа. В воздухе пахло хвоей и свежей, сочной травой. День был в самом разгаре, и солнце припекало основательно.

Сережа Ветров сидел, опершись спиной о ствол сосны: в его руках я увидел карандаш и походную записную книжку, с которой он никогда не расставался. Но он не писал, а разговаривал с Таней, которая сидела против него на траве и перебирала крупу. Я прислушался. Они спорили. Сережа доказывал, что без радиосвязи работа в тылу неприятеля невозможна. Таня горячо спорила.

- А наше подполье в городе, - говорила она, - работало и продолжает работать, не имея радиосвязи. У многих партизанских отрядов также нет рации.

- Это не работа, а чепуха! - безапелляционно заявил Сережа.

Таня от возмущения даже крупу рассыпала.

- Как ты смеешь так говорить?! Ведь главное не радио, а люди, наши люди! Они и без радио знают, что делать.

- Не спорь! Ты просто недооцениваешь технику...

С каждой минутой оба все больше распалялись, говорили, перебивая друг друга. Я слушал и

лишь немного спустя сообразил, что Сережа просто "заводит" Таню. Он умышленно порет нелепости, чтобы отвлечь ее и не оставлять наедине с тяжелыми мыслями.

Я в душе поблагодарил хлопца. Еще ни разу со дня смерти Семена я не видел Таню такой оживленной и взбудораженной. Она насакивала на Сергея, упрекала его в политической безграмотности, жестикулировала, и Сережа уже не знал, как выкарабкаться из неудобного положения.

Я нарочито громко зевнул, потянулся и встал. Спор моментально прекратился. Сережа облегченно вздохнул, спрятал карандаш, записную книжку и подошел ко мне.

- А Логачев и Березкин дрова носят, - доложил он.

- Какие дрова? - не понял я.

Сережа усмехнулся:

- Как - какие? Для сигнальных костров. Когда-нибудь все равно надо будет носить.

В двенадцать часов Сережа Ветров передал мою радиограмму. Я сообщал в ней координаты поляны, размеры и грунт ее, ориентиры с воздуха, просил прислать самолет "ЛИ-2" в ночь с субботы на воскресенье, точнее - в воскресенье, в два часа ночи.

Как только стемнело, мы, попив чаю и пожевав сухарей, улеглись спать.

41.

ТАНИНА УХА

Сережа Ветров растолкал меня на рассвете и подал расшифрованную радиограмму. В ней было сказано:

Самолет придет два ноль-ноль воскресенье. Выкладываете шесть костров два ряда коридором. Расстояние между кострами в длину пятьдесят метров. Направление посадки дайте две ракеты - белую и красную.

- Вот это здорово! - обрадовался я и так шлепнул Сережу по спине, что он чуть было не упал.

- Давай буди ребят, надо обрадовать всех

День занимался теплый, прозрачный. Трава, густо покрытая росой, отливала сединой. В небе уже звонко заливались жаворонки, где-то далеко за поляной четко постукивали перепела.

Ничто вокруг не напоминало о войне: чистое, глубокое лазурное небо, торжественно спокойный лес, благодатная тишина, нарушаемая гомоном пробудившихся птиц...

Раздевшись до пояса, мы старательно полоскались у болотца с застоявшейся темно-зеленой водой, отдававшей запахом прели.

После мытья Николай Логачев всем на зависть проделал несколько спортивных номеров. Он сделал стойку "жимом", прошелся на руках вокруг болотца, проделал четыре раза сряду сальто и затем нырнул в болотце еще раз.

Пока Таня умывалась, расчесывала и заплетала косу, белка сидела у нее на плече и, держа в передних лапках крепкую, еще не созревшую шишку, покусывала ее своими острыми зубками. Таня ласково поглядывала на нее.

Позавтракали мы остатками вчерашней каши и занялись сортировкой имущества. Мы решили оставить здесь часть боеприпасов и продуктов, кое-что из снаряжения и одежды, а остальное нести с собой к озеру. Я предупредил друзей, что на поляну мы вернемся только ночью в воскресенье, чтобы встретить самолет.

Итак, в начале десятого мы покинули свой аэродром и, сориентировавшись по карте и компасу, отправились навстречу Фоме Филимоновичу, к озеру, навстречу решающим событиям.

Идти было теперь значительно легче, да и путь был в два раза короче вчерашнего.

Мы не торопились, делали частые короткие привалы. На полпути пересекли лесную дорогу, о которой я уже упоминал, внимательно осмотрели ее. По-видимому, никто по ней не ходил и не ездил за последние недели.

В полдень мы добрались до озера. Оно лежало в низине и мало чем отличалось от болота.

Берега покрывал густой и высокий камыш.

- Какая глухомань! - пробормотал Сережа Ветров.

Мы начали обходить озеро и, когда добрались до чистого берега, услышали, как кто-то шумно бултыхнулся в воду.

И тут же раздался голос Фомы Филимоновича:

- Внучка, отворотись! Я вылезать буду!

Таня прыснула и скрылась в кустарнике. Мы увидели Фому Филимоновича, скакавшего на одной ноге. Он натягивал брюки, и вода сбегала с его бороды веселыми струйками. На отмели, в траве, недалеко от воды, трепыхались и поблескивали красноперые окуньки с ладонь величиной и несколько щук.

- Видали? - похвастался Фома Филимонович, кивая на рыбу. - Чем не рыбак?.. Таня, выходи! Таня подбежала к деду, обняла его, уткнулась лицом в его грудь и заплакала.

- Не надо, Таня, не надо... - приговаривал Фома Филимонович, лаская девушку. - Семенка-то не любил слез... Помнишь, как говаривал он? Не надо, доча, не надо... Все мы люди, и все мы смертны. Война, Танюша! Не у одной тебя горе, оглянись-ка вокруг...

В сторонке, под деревьями, стояла уже знакомая нам одноконная телега, а возле нее - ребристая гнедая кобыла. Она лениво мотала головой и помахивала куцым хвостом, будто нехотя отбиваясь от надоедливых слепней.

Фома Филимонович заправил рубаху в брюки, подошел к телеге, достал из-под вороха сена чугунок и подал его Тане:

- Чисть рыбешку, милая, да закладывай уху. Она как раз ко времени поспеет. В мешке возьми лук и укроп.

Сережа Ветров сейчас же бросился на помощь Тане. Он быстро развел огонь, наполнил чугунок водой и пристроил его над костром. Потом вооружился ножом и стал вместе с Таней чистить рыбу.

- Ну как дела, Филимоныч? - спросил я.

- А так, помаленьку.

- Как чувствует себя Штейн?

- Зверь-зверем ходит. То к одному привяжется, то к другому. Такая уж у него волчья натура!

Похитун совсем затюкал. Как встретит пьяного, так в зубы. Похитуну хоть в гроб живьем ложись. Теперь он брыкаловку сосет только ночью, под одеялом, а днем ни-ни... Боится.

Логачев и Березкин рассмеялись. Я был рад, что Кольчугин снова бодр и весел. Подходили горячие дни, и каждому нужна была большая внутренняя собранность.

- Охота не сорвется? - опросил я.

- Ни в какую! И Похитун поедет. Сам мне вчера говорил. Гюберт солдат прихватит, а сколько - не ведаю. Приказал две подводы готовить, а раз две значит, не одни поедем.

- Когда вас здесь можно ожидать?

- До захода солнца пожалуйем. Раз едем с ночевкой, то нет смысла терять вечернюю зорьку. А Гюберт любит это дело, вкус понимает. А знатное местечко я подыскал?

Я окинул взглядом озеро и кивнул головой.

- Знатное местечко! - продолжал Фома Филимонович. - Уток здесь видимо-невидимо, тьма-тьмушая. Он меня сегодня загодя командировал. Приказал шалашик разбить, плоток сколотить. Но мне сдается, что незачем зря тратить время. - И старик подмигнул. - Нам будет не до уток. Да и боюсь, что не довезу я своих господ до озера. Как, Кондрат?

- Хорошо было бы, - сдержанно ответил я.

- Что ж... Хлопцы, айда обзор места делать! День-то у меня короток короче медвежьего хвоста. Задерживаться не резон. - И старик зашагал прочь от озера.

Логачев, Березкин и я последовали за ним.

Пройдя шагов двести по колее, проложенной телегой Фомы Филимоновича, мы остановились у остатков моста через неширокий проток. Здесь торчали полусгнившие сваи и бревна. Часть их уже давно засосала тина.

- Тут мы всё и совершим, - сказал Фома Филимонович. - Место на редкость подходящее для засады.

Потом мы прошли еще немного и вышли на лесную дорогу.

- Это в Селезневку? - спросил я.

- Ага, напрямиком, - ответил старик.

Дорога выглядела неезженной, и это меня успокоило.

Мы вернулись к озеру и расположились в холодке. Фома Филимонович задумался о чем-то, а потом, покачивая головой, заметил:

- Рискованное дело затеяли мы, хлопцы! Уж больно рискованное.

- Без риска нельзя, - проговорил Березкин.

- А ты помолчи, цыган! - прикрикнул старик.

Березкин рассмеялся.

- Спланировали-то мы ладно, а вот как оно обернется... - осторожно продолжал Фома Филимонович.

Хитрый старик решил, видимо, прощупать мое настроение.

Я ответил:

- Все будет зависеть от тебя, Филимоныч. На тебя вся Москва смотрит. А мы уж не оплошаем...

- А я что? Я маленький человек...

- Нечего вам казанской сиротой прикидываться! - выпалил Березкин.

- Помолчи, цыган! - огрызнулся старик.

Теперь уже все рассмеялись.

С полчаса ушло на черчение подробного плана Опытной станции. Фома Филимонович водил прутиком по песку, я задавал вопросы, а Логачев переносил все на листок бумаги. Старик тщательно провел разведку и без запинки перечислил весь личный состав Опытной станции, показал, где и кто размещен.

- Да, запоматывал, - спохватился ой. - Завтра Штейн уезжает. Если верить Похитуну, то в город, а из города в ту деревню, где было имение Эденберга.

- Хм... Интересно. Это зачем же? - поинтересовался Березкин.

- Бог его знает.

- Это мне не нравится, - сказал я. - Уж лучше бы он остался в своем "осином гнезде".

- Вот такие дела... - покачал головой Фома Филимонович и спросил Таню: - Как уха, стряпуха?

- Еще минут пять, деда, - откликнулась Таня и присела возле старика. У тебя дела плохие? - спросила она, стараясь заглянуть ему в глаза.

- Кто это тебе в уши надул? У меня дела преотличные! - И Фома Филимонович неожиданно и громко рассмеялся.

У костра что-то зашипело.

- Уха бежит! Спасайте! - взметнулась с места Таня. А вместе с ней и Березкин,

Чугунок окутало облаком пара вперемешку с дымом, но Березкин ловко выхватил его и поставил в сторонку.

- Видать, весь жирок убежал, - с сожалением проговорил Фома Филимонович и почесал затылок.

Все достали из-за голенищ деревянные ложки.

- Да здравствует уха и ее творец - Таня! - провозгласил Сережа Ветров.

Все расселись вокруг чугунок. Ели с завидным аппетитом, и через короткое время чугунок опустел. Старик облизал свою ложку, спрятал ее и пошел закладывать лошадь.

- Чугунок оставляю вам, - бросил он на ходу. - Авось пригодится.

Пока Кольчугин запрягал лошадь, я рассказал ему кое-какие подробности предстоящих операций, посоветовался с ним.

- Ты гляди, Кондрат, чтобы хлопцы в субботу в меня не стреляли. Вот будет тогда потеха!

Я проводил старика до лесной дороги. Перед прощанием Фома Филимонович предупредил

меня:

- Ночью огня не разводите. Боже упаси! Хоть и тихо кругом, а все же...

- Знаю, знаю, Филимоныч, - успокоил я его.

- И близко к станции не суйтесь. Ну и за внучкой приглядывай, Кондрат.

Я заверил Фому Филимоновича, что все будет в порядке, пожал его шершавую, покрытую мозолями руку и пожелал счастливого пути.

42.

РЕКОГНОСЦИРОВКА

В среду утром, пока Таня варила кашу, мы выкупались в озере, поплавали и распугали всех уток. Когда перевалило за полдень, Логачев, Березкин и я отправились в разведку, которая на языке военных называется рекогносцировкой. Таня и Сережа остались в лагере. Было бы неправдой сказать, что в предвидении близких событий я оставался спокоен. Конечно, я очень тревожился, но старался ничем не выдать своего беспокойства. Налет на "осиное гнездо" - сложная операция, которая может закончиться и не так, как мы бы хотели. И в то же время я твердо верил в успех дела. Тревожился, но верил. Ни на одно специальное задание в тылу противника я не шел с такой твердой верой в успех, как на это. Значительно неувереннее чувствовал я себя и в дни пребывания в "осином гнезде", и при выполнении предыдущих заданий.

Можно объяснить это тем, что раньше в большинстве случаев я действовал один, только дважды - с Криворученко, а сейчас меня окружали друзья. Пусть нас было немного, это неважно. Но наш маленький отряд был крепко спаян чувством боевого содружества, каждый чувствовал рядом крепкое и надежное плечо товарища. Как много это значит!

Собственно, своих друзей, исключая Фому Филимоновича, я знал очень мало. Но главное я уже ясно видел: их, таких непохожих друг на друга, с такими разными характерами, привычками, возрастом, роднили драгоценные качества, присущие миллионам советских людей, - честные убеждения, чистые помыслы и стремления, любовь к Родине.

Ради этой любви они готовы были идти на все испытания и жертвы. Разведчиками в неприятельском тылу они стали по велению сердца. Они гордились своим участием в разведывательной группе, и в их стойкости и надежности я не сомневался.

Это были простые, трудящиеся советские люди. Никто из них нисколько не походил на загадочных и таинственных разведчиков-сверхчеловеков из некоторых приключенческих книжек: ни Логачев, работавший до войны инспектором техконтроля на фабрике, ни Березкин, перевозивший на тракторе-тягаче кругляк с места порубки на лесной склад, ни Ветров и Таня вчерашние обыкновенные школьники, ни, наконец, старик Кольчугин, бывший столяр городского коммунхоза. Никто из них не думал и не помышлял стать разведчиком. Но пришли грозные дни народной, священной войны - и они просто и естественно встали в ряды бойцов советской разведки.

Повторяю, я знал друзей очень мало, но уже любил каждого из них. Любил Таню - девушку с нежной и ясной душой, разделявшую опасную жизнь своего деда и отдавшую сердце моему покойному другу Семену; любил горячего парня, мастера на все руки, "цыгана" Мишу Березкина; любил уравновешенного, полного силы и здоровья, немногословного Николая Логачева; любил Фому Филимоновича - старика с плутоватыми глазами и чудесным сердцем; любил мечтателя и умницу Сережу Ветрова.

Любил их и верил им. Это придавало мне силы и вселяло веру в успех дела.

План налета на "осиное гнездо" был в общих чертах намечен еще в первые дни моего пребывания на Полюсе недоступности. Гибель Семена и то новое в обстановке резиденции Гюберта, о чем сообщил Фома Филимонович, внесли серьезные поправки в план. Точное время и дату операции установил, как ни странно, сам Гюберт, которому приспичило предпринять в субботу вылазку на охоту. Не ведая того, он заставил события развертываться

с гораздо большей быстротой, чем это предполагалось.

Сегодняшняя наша рекогносцировка преследовала единственную цель разведать путь, которым мы будем подбираться к "осиному гнезду", и подходы к нему.

Нам предстояло пройти туда и обратно более двадцати километров. Мы шли налегке, захватив с собой лишь оружие, бинокль и по нескольку сухарей. Наш маршрут проходил лесом, по бездорожью, по прямой линии, от озера до "осиного гнезда".

Селезневка осталась вправо. Прежде чем пересечь большак, идущий от Ловлино на Селезневку, мы просидели перед большаком в засаде три часа.

Наши спины жарило послеполуденное солнце, а мы лежали и наблюдали за движением по большаку. Собственно, то, что мы увидели, нельзя было назвать движением. За все время в обе стороны проследовали четыре телеги и одна грузовая машина. Подводы были местные, крестьянские, а машина военная. Ее кузов был доверху завален набитыми мешками, на которых восседали четыре гитлеровских солдата.

Мы пересекли большак и, уклонившись немного от основного маршрута, выбрались к дороге между Опытной станцией и Селезневкой. Дорога эта была мертва - никаких следов движения! - хотя, судя по всему, поддерживалась в надлежащем порядке.

Березкин высказал догадку:

- А что, если проезд закрыт?

Я послал его проверить дорогу. Он сторонкой, лесом, направился на разведку, а через полчаса вернулся и доложил:

- Так и есть. Написано: "Внимание! Мины! Проезд закрыт".

Затем мы предприняли вылазку на большак, ведущий из районного центра в "осиное гнездо".

И здесь проезд был закрыт. Наконец мы решились на самый опасный шаг - подобраться поближе к "осиному гнезду". Затея чрезвычайно рискованная, но риск был оправдан.

Предстоящая операция требовала ясного представления о месте, где нам придется действовать.

Соблюдая величайшую осторожность, мы подбирались к "осиному гнезду" густым лесом.

Идти было трудно, но такой лес нас вполне устраивал. Только на самых подступах к бывшему дому отдыха, где Гюберт разместил свою Опытную станцию, лес стал редеть.

Дальше мы не пошли. Я выбрал сосну, возвышавшуюся над остальными деревьями и взобрался на нее. С высоты станция была видна как на ладони. По моим подсчетам, до нее оставалось не менее километра, но меня выручил девятикратный бинокль. Я выбрал сук попрочнее, уселся на него верхом, раздвинул ветви и стал наблюдать.

Мое представление (со слов Фомы Филимоновича) о станции полностью совпало с тем, что я увидел. Это имело огромное значение. Следовательно, все детали нашего плана надежны и точны.

Я отчетливо увидел каждое строение, радиоантенну, колодец посреди двора, гараж, баню, склад. По двору сновали люди.

На этом наша рекогносцировка на местности окончилась.

К озеру мы вернулись, когда солнце уже закатилось. С воды поднялась стая уток, со свистом промчалась над головами, покружилась и снова шлепнулась на воду. Послышалось недружное приглушенное кряканье...

Перед сном я спросил Логачева:

- Сколько времени тебе понадобится, чтобы добраться до партизан.

- Сутки, - не задумываясь, ответил он.

- Не дури! - сказал я. - За сутки не обернешься. Километров пятьдесят будет, не меньше.

- Обернись, если надо.

- Спешка не нужна. Ты должен вернуться в субботу утром. Не позднее. Утром в субботу, а сегодня среда. Понял?

Логачев кивнул головой.

- Пойдешь с рассветом.

- Хорошо.

При свете карманного фонарика я сочинил письмо командиру партизанского отряда, свернул в трубочку, вставил в винтовочную гильзу, заткнул пулей и вручил Логачеву.

43.

ПАРТИЗАНЫ

Ночью с пятницы на субботу прошел дождь, густой, стремительный, короткий, и промочил нас до нитки. Мы забились под елку, но и елка не спасла. Волей-неволей, чтобы обогреться и просушить одежду, мы вынуждены были развести огонь.

Правда, это было уже под утро, когда небо побледнело и на востоке погасли звезды. Костер нам дался не так легко. Мы исчиркали целый коробок спичек, прежде чем удалось разжечь влажную березовую кору. Потом мы поочередно раздували слабенький огонек. Дули старательно, изо всех сил, до того, что кружилось в голове и двоилось в глазах. В конце концов костер разгорелся. Мы обогрелись, высушили одежду, сварили суп, заправленный пшенной крупой.

Сережа провел очередной радиосеанс с Большой землей, сообщил, что все остается без изменений, свернул рацию, стал прятать ее в мешок и вдруг, пригнувшись, испуганно и безмолвно выбросил руку вперед, в сторону озера. Все обернулись: над камышом в воздухе, в туманной дымке мерно плыли человеческие головы, Да, именно головы! Их было два десятка - в кепках, шапках и фуражках. Это походило на мираж. Мы пришли в себя, только когда показался первый всадник.

Тогда мы вскочили на ноги. Все стало ясно: всадников по шею закрывала пелена низко стелющегося тумана.

- Да это же Николай! - воскликнула Таня, узнав в первом всаднике Логачева.

Логачев приветственно поднял руку.

- Партизаны! Ура! - крикнул, не сдержавшись, Сережа и подбросил вверх кепку.

Да, это были партизаны, все на лошадях. Я насчитал восемнадцать человек, кроме Логачева. Они обогнули край озера и направились к нам. Мы поспешили навстречу. Логачев вырвался вперед, ловко соскочил с седла и, вручая мне записку, доложил, как заправский служака:

- Товарищ майор, ваше задание выполнено!

- Молодчина, Николай! - сдержанно ответил я, развернул записку и прочел:

Наслышан краем уха о вас, товарищ майор, и о ваших делах. Рад помочь в общем деле.

Вместо пятнадцати ребят посылаю восемнадцать. Надеюсь, что все вернутся в целости и сохранности. За старшего у них Трофим. Ребята подходящие, бывалые, обстрелянные.

Принимайте под свою команду. Желаю победы! Надеюсь, что все кончится хорошо.

Подписи не было. "Правильно! - отметил я про себя. - Командир отряда, видно, стреляный воробей". Я смял записку и бросил ее в огонь.

Партизаны поспешно сняли оружие и бросили поводья на руки трем коноводам.

- Лошадей в лес и глядеть в оба! - хрипловатым басом скомандовал широкоплечий, приземистый человек лет под пятьдесят и, окинув нас быстрым взглядом, крупно, вперевалку зашагал ко мне.

Но по пути его перехватил Сережа Ветров. Он бросился к нему, схватил его за руку и воскликнул:

- Трофим Степанович!

- А, и ты здесь? Наш пострел везде поспел! - добродушно сказал партизан, взял Ветрова под руки, легко приподнял и расцеловал в обе щеки.

Я догадался, что этот Трофим, о котором, видимо, шла речь в записке командира партизанского отряда, и тот Трофим Степанович - лесник, о котором я слышал от Фомы Филимоновича и Криворученко, одно и то же лицо.

Он поставил смущенного Ветрова на землю, взгляделся в него, похлопал по плечу и проговорил:

- Ты, Серега, сдается мне, на вершок прибавился. Выше стал. Ей-богу!

Сережа нахмурил брови, стараясь сохранить серьезный вид, и досадливо повел плечом.
- Хлопцы! - обратился Трофим Степанович к партизанам. - У кого есть рулетка? Надо обмерить парня!

Все дружно захохотали. Сережа еще пуще насупил брови, но не сдержался, прыснул, и всю его важность как рукой сняло.

- Вот так-то лучше! - рассмеялся Трофим Степанович и, подойдя ко мне, подал руку с широкой обветренной ладонью. - Майор Стожаров? - спросил он.

Я улыбнулся в ответ и кивнул.

- Приятное знакомство. А я - Карягин. Трофим Карягин.

Каждому из нас пришлось выдержать восемнадцать рукопожатий. Я окинул взглядом прибывшее пополнение и обратился к Тане:

- А ведь надо накормить товарищей. Что можно...

- Вот это зря, - решительно перебил меня Карягин. - Совсем зря. Такую ораву разве накормишь? Мы прихватили кое-что с собой, а час назад основательно подзаправились.

Миколка не даст соврать.

Логачев подтвердил.

- А вот табачком мы не богаты. Угостишь - не откажемся.

Я оглянулся на Таню, и она тотчас извлекла из "неприкосновенного запаса" пачку махорки.

Но, ее оказалось недостаточно, и пришлось извлечь вторую. Все восемнадцать человек вертели такие сигарки, от одного вида которых могла закружиться голова.

Партизаны быстро освоились, окружили нашу группу, и завязалась веселая фронтовая беседа. Это были и в самом деле ребята на подбор - молодые и средних лет, рослые, крепкие, с продубленной ветрами и солнцем кожей на лицах, спокойные и деловитые.

Я и Карягин подсели к костру и завели разговор.

Вокруг нас зеленели лес и трава, сзади голубела гладь озера. Дул легонький теплый ветерок.

- Как же это вы не уберегли Семена? - сказал Карягин и укоризненно покачал головой. - А какой был парень! Огонь! Как рассказал мне Миколка, у меня сердце зашло. И командир наш горевал. Часто он вспоминал Семена. Да...

Мы помолчали, потом я сказал:

- Мне нужен список ваших людей.

- Сейчас?

- Да, лучше заранее.

Карягин встал, позвал молодого парня и отошел с ним в сторонку. Через несколько минут мне был вручен написанный на обратной стороне фашистской листовки поименный список на всех восемнадцать человек. Я пробежал его и спрятал в карман гимнастерки.

- С народом будешь говорить? - спросил Карягин.

- Обязательно!

- Правильно, - одобрил Карягин. - А ну, хлопцы, давай сюда в кучу! позвал он партизан.

Я расстелил перед собой рабочую схему действий, план Опытной станции и начал рассказ о предстоящей операции:

- Наша задача складывается из двух частей. Первая - захват живыми тех гостей, которые пожалуют сегодня к этому озеру поохотиться на уток. Вторая - налет на вражеский разведывательный пункт, расположенный неподалеку. Налет преследует цель захватить важные для нас документы, а разведпункт уничтожить вместе с его обитателями. Никто не должен уйти живым.

Партизаны одобрительно закивали.

- Теперь насчет гостей, - продолжал я. - Охотничками займусь я со своими ребятами, а вы возьмите на себя сопровождающих их солдат. О налете на разведпункт надо потолковать поподробнее.

Все наклонились над схемой и над планом Опытной станции. Я постарался коротко и ясно объяснить, что от нас требуется. Я рассказал, каким путем придется добираться до "осинового гнезда". Объяснил, что разведывательный пункт находится в лесу, в бывшем доме отдыха.

Территория его обнесена глухим трехметровым забором, поверх забора идет колючая проволока. Проникнуть на территорию станции придется обычным путем - через калитку, предварительно убрав часовых одного снаружи, другого внутри.

Во дворе имеются три жилых дома, столовая с кухней, радиостанция, сарай, в котором стоят три машины - легковая и грузовые. В первом доме четыре комнаты. В двух размещаются девять солдат, три шофера, электромонтер и три радиста. В двух других - радиостанция. Жилые комнаты имеют по два окна, выходящих на одну сторону. Во втором доме шесть комнат, наверху большой чердак. В доме живут восемь человек - офицеры и лица, к ним приравненные. В доме шесть окон, и выходят они на три стороны. Есть подвал. В последнем, третьем доме, что в углу двора, имеются четыре комнаты, в них живут начальник разведпункта Гюберт и его помощник Штейн.

- Пулеметы у них есть? - спросил Карягин.

- Есть. Два. Один зенитный, другой обычный. Оба стоят во дворе около часового у грибка.

Вместе с Карягиным мы определили роль каждого участника операции. Выделили людей для охраны подходов и обеспечили их двумя пулеметами, привезенными партизанами; назначили минеров для минирования большака; наметили расстановку людей у каждого окна. Поименно назвали, кому врываться во двор, кому оставаться снаружи.

Определили условные сигналы для начала операции и для отбоя.

Березкину поручалось ликвидировать связь - перерезать телефонные провода, а затем подготовить к выезду грузовую машину, если она к тому времени окажется на месте, и уничтожить легковые. В помощь ему назначили партизана, работавшего до войны шофером. Документы "осинового гнезда" захватывали я и Логачев. Тут же я распорядился освободить вещевые мешки.

Я предупредил товарищей:

- Успех зависит от быстроты и внезапности действий. На станцию мы должны проникнуть неслышно и скрытно. Все должно занять, не более десяти минут. Близость районного центра, где стоит рота эсэсовцев и комендантский взвод, не допускает задержки. Никаких разговоров и вопросов на месте. Каждый должен все выяснить здесь. А там - молча действовать по сигналам.

Как и следовало ожидать, посыпались вопросы.

- Овчарки есть?

- Есть, - ответил я. - Ими займется Кольчугин.

- Знаем такого! - раздался голос.

- Кстати сказать, - добавил я. - Товарищ Кольчугин должен приехать сюда с гостями, и он же впустит нас во двор станции.

- Фома не подведет! - заметил Карягин. - В струну вытянется, а не подведет.

- А как насчет трофеев? - задал кто-то вопрос, и тут же раздался смех.

- Что вы имеете в виду? - спросил я.

- Ну всякое там... Есть же у них оружие, походная рация, да и харчишки тоже. Ребята в отряде надеются.

- Правильно! - раздался одобрительный возглас.

Я и Карягин переглянулись.

- Трофеями займусь я, - решил Карягин. - Склад за мной. А поможет мне Терехов. Вот так...

Вопросов было много. Потом начали обмениваться мнениями. Никто не возражал, никто не высказывал опасений, все говорили только о том, как лучше выполнить задание.

Сережа Ветров важно сказал:

- Документы могут быть и на радиоузле, не только в доме Гюберта. Я прошу поручить это дело мне. Прежде чем поджечь радиостанцию, я вынесу оттуда все бумаги.

И тут произошел небольшой конфуз. Я объявил Сереже, что он должен будет оставаться здесь, а документами займется кто-нибудь другой. Но я сразу же перерешил и сказал:

- Ладно! Согласен!

Перерешил потому, что Сережа взглянул на меня таким молящим взглядом, в глазах его было

столько смятения и обиды, что я не смог ему отказать.

Почти то же произошло и с Таней. Когда деловая беседа закончилась и Трофим Степанович с помощью Логачева и Березкина стал распределять оружие и боевую технику, она подошла ко мне и, теребя кончик косы, сказала:

- Кондратий Филиппович! Выходит, что я такая... что мне и дела не найдется?

- Хм... Почему ты так решила? - немного смешался я.

- А чего тут решать? - вздохнув, сказала она. - Всех вы назвали по фамилии. Каждому объяснили...

Мне очень не хотелось брать ее и Сережу на операцию, но, видно, ничего не поделаешь. И я слукавил:

- Тебя я не назвал потому, что ты будешь помогать мне выносить документы. Поняла?

- Да.

- Готовь вещевые мешки. Два-три мешка...

Таня повернулась и убежала.

Ко мне подошли Карягин, Логачев и Березкин.

Трофим Степанович, держа в руке клочок бумаги, сказал:

- Неплохо получается, майор. Совсем неплохо. Смотри: два ручных пулемета, десять автоматов, три винтовки, шесть пистолетов, сорок две гранаты и семь бутылок, с зажигательной смесью, Я не считаю мины да три дробовика. Можно лихо штурмовать, а?

44.

ГЮБЕРТ НА ВЕРЕВОЧКЕ...

Часам к семи вечера у озера стало пусто и безлюдно. Даже самый придирчивый глаз не смог бы обнаружить вокруг ничего подозрительного. Стояла какая-то особая, выжидательная тишина.

Лошади партизан под надежной охраной кормились на выпасе не менее чем в километре. Мы все сидели в засаде.

Солнце стояло еще высоко, но мы не могли знать точно, в какое время придут "гости", и укрылись заранее.

Я избрал себе позицию метрах в десяти от кладки через проток, в зарослях орешника. Рядом со мной лежали Сережа и Таня, крепко сжимая свои автоматы.

Над кладью мы заранее и основательно поработали, перебрали настил из кругляка и, кажется, достигли того, чего хотели.

Мы ждали настороженно и напряженно, не производя никакого шума, не отрывая глаз от опушки леса, откуда должен был появиться враг. От страшного напряжения временами чудилось, что что-то движется на фоне зелени.

В лесу куковала кукушка. Со стороны озера доносилось довольное кряканье уток. Они шумно полоскались, хлопали крыльями, как всегда перед вечерней зорькой.

Время текло медленно, и я не один раз прикладывал к уху часы, чтобы проверить, не остановились ли они.

Подчас начинало казаться, что все наши приготовления ни к чему, что операция срывается.

Ведь в самом деле: все было основано только на сообщении Фомы Филимоновича. Уж не говоря о том, что Гюберт мог передумать или заболеть, - тысяча других дел могла ему помешать: вызов начальства, срочное сообщение, требующее каких-либо мер, да мало ли что еще... Все висело на ниточке, и меня охватывали отчаяние и злость при мысли, что эта ниточка могла так легко порваться.

Но вот без нескольких минут восемь Таня толкнула меня в бок и шепнула:

- Николай бежит!

Я вздрогнул. Да, Логачев бежал крупными скачками, и не по дороге, а лесом, виляя между стволами деревьев, перепрыгивая через бурелом. В правой руке его поблескивал вороненой

сталью автомат. Перемахнув через проток, он поскользнулся, упал, но тут же вскочил и подбежал к нам.

Логачев сидел в передовой засаде и пробежал сейчас добрых полкилометра. С лица его градом катился пот, сильная грудь круто вздымалась. Он запыхался, но, сделав глубокий вздох, доложил:

- Едут!.. Своротили сюда... Две подводы... На передней двое. На задней пятеро...

Автоматчики...

- А Филимоныч?

- На передней.

- Значит, на ней трое.

- Да, да, да. Я не считал Фому Филимоновича.

- Так... Приготовимся! - сказал я и дважды свистнул, подражая иволге.

Это - для остальных. Мы так условились. Теперь все знают, что "гости" вот-вот появятся.

Это "вот-вот" растянулось на четверть часа, и наконец наш слух уловил скрип колес, которые Фома Филимонович в этот раз умышленно не смазал.

Поистине, Гюберт был настоящим маньяком, если все-таки решился на охотничью вылазку, зная, что где-то в этих лесах бесследно исчезли два его солдата с лучшей собакой.

Мы четверо, затаив дыхание, стояли в кустах на коленях. Вот среди зелени показалась первая телега. На ней - хорошо знакомые лица: Фома Филимонович, Вильгельм Гюберт и Похитун.

Фома Филимонович держал вожжи. Гюберт сидел, свесив ноги, лицом в нашу сторону, с ружьем в руках. Похитун полулежал, опершись на локоть. На нем все тот же запомнившийся мне измятый мундир без погон. Гюберт был в высоких болотных сапогах и короткой охотничьей куртке. На голове коричневый берет. Они совсем не изменились за полгода: ни Похитун, ни главарь "осинового гнезда".

Сердце мое колотилось, я жадно вглядывался в лицо Гюберта. Вот она пришла - расплата с врагом...

Показалась вторая телега. На ней, как и доложил Логачев, восседали пять, солдат. Все, кроме того, кто правил лошадей, держали автоматы.

Телеги медленно приближались. Нас уже разделяли каких-нибудь пятьдесят шагов...

Ребристая кобыла, неизменный спутник Фомы Филимоновича, плелась вяло, лениво перебирая ногами.

Старик пошевелил вожжами и прикрикнул на лошадь:

- Эй, голуба!

Фома Филимонович казался совершенно невозмутимым, будто и не знал, что должно произойти через считанные секунды. Это было поистине образцовое самообладание.

Оккупанты держались безмятежно. Однако малейшая неосторожность с нашей стороны или промедление могли стоить нам дорого. Сейчас особенно ясно понял я, какое удачное место для засады выбрал Фома Филимонович. Прогнившая кладь должна была отвлечь внимание врагов.

Первая телега остановилась шагах в трех от протока. Фома Филимонович сунул вожжи в руки Похитуна и спрыгнул на землю. Он подошел к кладу, наступил на настил и стал пробовать ногой прочность бревен.

- Не засядем? - спросил Гюберт.

- Никак нет, - спокойно ответил Фома Филимонович. - Я же был здесь во вторник, переезжал, держит хорошо.

Он метнул быстрый, косой взгляд на вторую подводу и вернулся к своей телеге.

Взгромоздившись на передок, он взял вожжи и прикрикнул на лошадь:

- Шевелись, голуба! Смелее! Чего чухаешься?

Лошадь тронула, робко, с опаской ступила на настил и потянула за собой телегу. Я наблюдал, сдерживая дыхание. Фома Филимонович неожиданно хлестнул лошадь - она рванула, и телега вдруг с треском осела и погрузилась вместе с настилом в воду по самые ступицы.

- Черт! - выругался Гюберт и поднялся на телеге во весь рост. - Я же спрашивал тебя, псина

старая: засядем или нет?

Фома Филимонович покачал головой и промолчал, как бы соображая, что предпринять дальше.

Я выжидал наиболее удобного момента. И он пришел: Гюберт в сердцах бросил ружье на телегу, выбрался на край ее, примерился и прыгнул на берег.

Похитун попытался проделать то же самое, но потерпел аварию. Он не допрыгнул до берега и растянулся на бревнах. Быстро поднявшись, он вскарабкался на четвереньках на берег и, схватившись за ушибленную коленку, присел на корягу.

Кобыла стояла неподвижно, понутив голову, равнодушная ко всему.

Фома Филимонович перелез через лошадь, ступая по оглобле, выбрался на противоположный берег и ухватился за уздечку. Я бросил взгляд на солдат. Двое из них спрыгнули и зашагали в нашу сторону.

Кажется, пришло время действий... Гюберт был без ружья. Опасение внушали лишь солдаты, но я надеялся на Трофима Степановича и его ребят, уже державших врагов на мушке.

- Хальт! Хенде хох!¹³ - крикнул я во всю силу легких и навел автомат на Гюберта.

Как и следовало ожидать, солдаты от неожиданности сначала опешили, потом схватились за оружие, раздалась даже короткая очередь, тотчас же прерванная залпом из кустов. Партизаны выскочили на дорогу и бросились к оккупантам, чтобы проверить, не остался ли кто в живых.

Похитун стоял бледный, с вытаращенными глазами, подняв руки вверх, насколько это возможно.

Гюберт, обычно надменный, расчетливый и хладнокровный, на мгновение тоже растерялся.

Он смотрел на меня и, видимо, не верил собственным глазам.

- Нидер!¹⁴ - раздался зычный голос Трофима Степановича. Он бежал с автоматом в руке к Гюберту. - Хенде хох!

Нет, Гюберт не поднял рук. С искаженным злобой лицом он отпрянул назад и протянул руку к кобуре.

Но его опередил Логачев. Он обрушился на Гюберта, точно снаряд. Оба упали, через секунду Логачев вскочил. Он успел стукнуть Гюберта в солнечное сплетение. Удар был точен. Гюберт согнулся, но, видимо, нечеловеческим усилием воли вскочил и вновь попытался вытащить пистолет. Логачев сжал его руку. Гюберт сильно пнул его ногой. Тут подоспели я и Трофим Степанович.

Гюберт был ловок, изворотлив и физически силен. Мы трое едва справились с ним. Он рычал, как зверь. Со свирепым отчаянием он наносил нам удары ногами, руками, головой, пытался кусать.

Бесспорно, он отлично понимал, что нужен нам живой, а не мертвый, и это давало ему хорошие козыри.

Наконец мы одолели его. Я скрутил ему руки за спину. Трофим Степанович навалился всем телом на ноги. Логачев держал его плечи.

Подоспевшего Березкина Логачев попросил:

- Мишутка, достань-ка у меня из кармана веревочку. Быстро!

Тот вытащил небольшой моток прочного шнура от парашютных строп. Мы крепко стянули руки и ноги Гюберта. Он дышал тяжело, порывисто, на губах его выступила пена. Мне казалось, что он вот-вот задохнется.

Я вытер мокрое лицо и перевел дух.

- Хомяков, он же майор Стожаров! - отрекомендовался я. - Привет от Виталия Лазаревича!

Гюберт дернулся всем телом, выругался сквозь зубы, сверкнул глазами.

Подошел залепленный грязью Фома Филимонович. На губах его играла плутоватая улыбка.

Он держал за руку Таню.

- Вот так, господин хороший, - проговорил он с усмешкой. - Знай край, да не падай! А за внучку спасибо... Вот она, внучка-то! Помогла ваша бумажка. Устроилась девка и жила, как у бога за пазухой.

Такой издевки Гюберт не смог перенести. По лицу его пробежала судорога. Подавшись вперед, он плюнул в сторону старика.

- Ишь ты, какой бешеный! - с невозмутимым спокойствием проговорил Фома Филимонович.

- Жаль, что ты связанный, а то бы я показал тебе, как плевать.

- Кончайте, хамье! - прохрипел Гюберт.

- Эге! - воскликнул старик. - Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Быстрый ты больно, господин хороший. Потерпи малость, мы больше терпели. Тебя кто в гости звал к нам в Россию, а?... - Он опустил на корточки, пощупал шнур и заключил: - Ничего, прочно...

Я распорядился обыскать убитых солдат и взять все их документы, а сам занялся карманами Гюберта и Похитуна.

Похитун вел себя чрезвычайно благоразумно. Он не оказал ни малейшего сопротивления, сидел обмотанный веревкой и мелко постукивал зубами, точно в лихорадке. Трясущийся мешок костей...

Фома Филимонович подошел и к нему, сопровождаемый Сережей Ветровым.

- Вот и молодчина! - проговорил старик. - Сразу лапки поджал - и ребра тебе не наломали...

Покорную голову и меч не сечет. Говорил тебе сколько раз: сиди дома, соси свою брыкаловку и не суй нос в лес! Не послушал... А что это у тебя в брюхе так урчит?

- Это у него на почве несварения желудка, - серьезно сказал Сережа Ветров.

- Пить... пить... - мертвым голосом попросил Похитун.

- Можно, - отозвался Фома Филимонович. - Ради старой дружбы, можно. Ну-ка, внучка, спроворь моему "другу" водицы.

Таня улыбнулась и пошла за котелком.

А кобыла Фомы Филимоновича продолжала стоять все на том же месте. Теперь она не торопясь сосала зеленую воду из протока, потряхивала головой, пофыркивала.

- Умная тварь! - ласково произнес старик и зашагал к лошади.

45.

ОГОНЬ И ГРАНАТЫ

Первая часть операции была, закончена. Солнце клонилось к закату. Мы готовились к выступлению. Партизаны подвешивали к седлам гранаты, обвертывали тряпками запалы и прятали их кто в карманы, кто в шапку. Особенно осторожно нужно было обращаться с бутылками самовоспламеняющейся жидкости "КС". Их приходилось нести в руках, так как в мешках они могли разбиться. Минеры, сидя в сторонке, возились с деревянными самодельными коробками, набитыми взрывчаткой.

Я сунул в один карман толовую шашку, а в другой - медный капсюль с кусочком бикфордова шнура.

Таня и Сережа укладывали на телеги пустые мешки и оружие. Трофим Степанович и Логачев давали последние указания двум партизанам, которые должны были вести Гюберта и Похитуна сразу на поляну, на наш аэродром.

- Смотрите, хлопцы, строже, как бы не убежали эти гады, - предупредил Карягин. - Этот господин Гюберт, видать, хитрый, как змей.

Ко мне подбежала встревоженная Таня и, кивая на белку, которая была в ее руках, спросила:

- А как же быть с ней, Кондратий Филиппович?

Я усмехнулся. Действительно, проблема!

- Давай мне своего зверя, - сказал один из партизан, который должен был конвоировать пленных, - я его уберегу.

В поход к "осиному гнезду" выступали двадцать четыре человека.

- Филимоныч! - спохватился я. - Где же твоя приманка?

- Ай, батюшки! - всплеснул он руками. - Чуть не запамятовал... Сей минут! - И старик

бросился к своей телеге.

- Миша, - обратился я к Березкину, - дай-ка мне один порошочек от насморка.

Березкин усмехнулся, достал из кармана спичечную коробку, завернутую в бинт, извлек из нее порошок и подал мне.

Фома Филимонович порылся в своем мешочке и достал кусок полувяленной говядины. Я разделил его на две части, сделал в каждой глубокий надрез и осторожно высыпал порошок.

- Получай, - сказал я старику.

- Порядок, - заметил он и осведомился: - А начинка верная?

За меня ответил Березкин:

- Будь здоров! Как глотнет, так и зубы на полку. Мгновенный паралич. И гавкнуть не успеет. - Добро! - И Фома Филимонович кивнул головой.

Он старательно обернул мясо листьями орешника и положил в карман. Потом достал из-за голенища нож, попробовал лезвие концом большого пальца и заметил:

- Вот наострил, что бритва! Видал?

Подошедший Трофим Степанович доложил:

- Все готово, майор. Можно в путь-дорогу...

- Одну минутку... - проговорил я и крикнул Сереже Ветрову: - Парень, за тобой остановка!

Сережа, возившийся на телеге у радиостанции, ответил:

- Сейчас, Кондратий Филиппович...

Немного спустя он закончил сеанс и подал мне коротенькую радиограмму. Большая земля сообщала:

Вторично подтверждаю прибытие самолета ночью на воскресенье два ноль-ноль. Обеспечьте шесть сигнальных костров коридором, два ряда, дайте белую и красную ракеты направлению посадки.

Я чиркнул спичкой и сжег бумажку. Ветров отдал рацию партизанам, идущим на аэродром.

- Всё? - осведомился Трофим Степанович.

- Всё!..

- По коням, хлопцы! - скомандовал Карягин. - Дозор вперед! Держаться, как я сказал.

Четверо партизан выехали вперед и вскоре скрылись в лесу.

Логачев и я сели на коней тех двух партизан, которые повели Гюберта и Похитуна на аэродром.

Отряд всадников вытянулся длинной цепочкой. Впереди ехал Трофим Степанович. Замыкали шествие две телеги: на одной сидели Фома Филимонович и Таня, на другой - Березкин и Ветров.

Солнце зашло. Я посмотрел на часы: стрелки показывали без пяти девять. Двигались точно по тому пути, по которому мы уже прошли в среду. Сгущались зеленоватые сумерки, лес окутывался мраком. Ехали шагом, не торопясь, в полном молчании, только слышно было, как похрапывали кони да под копытами трещал сухой валежник.

Когда землю и лес накрыла теплая тихая звездная ночь, мы наткнулись на наш передовой дозор.

- Большак, - доложили ребята. - Направо развилок.

- Спешиться! Привязать коней к телегам, - скомандовал Трофим Степанович и спросил дозорных: - Далеко ли до большака?

- Сотня метров, не больше, - ответили ему.

В кружок собрались партизаны, назначенные в охранение, и минеры.

- Сверьте часы, - предложил я. - По моим двадцать два сорок пять. Мины ставить ровно в двадцать три тридцать. Минеры могут отправляться.

- Сбор здесь! - предупредил Трофим Степанович.

Два всадника скрылись в темноте. Перед ними стояла задача заминировать дорогу из "осинового гнезда" в районный центр.

Спустя несколько минут отъехали еще четверо - боевое охранение: двое к Селезневке и двое в Ловлино. Вооруженные ручными пулеметами, они должны были обеспечить операцию от

какой-либо случайной угрозы со стороны и блокировать подъезды к гюбертовскому гнезду. Одного парня оставили сторожить лошадей.

Все остальные - четырнадцать человек, предводительствуемые Фомой Филимоновичем, - зашагали в сторону "осинового гнезда". Кольчугин повел нас по узкой, одному ему известной тропке. Пересекли большак и вновь углубились в лес.

Шли тихо, бесшумно, стараясь не шелохнуть листом, не наступить на сухую ветку, не звякнуть оружием.

Прошло около часа, прежде чем Фома Филимонович остановился на краю поляны. Впереди, шагах в полтораста, виднелись очертания строений Опытной станции.

- Ближе никак нельзя! - шепнул мне старик. - Собаки учуют. - Он глубоко вздохнул и закончил: - Ну, Кондрат, пойду я!..

- Иди! - сказал я и крепко пожал его руку.

Ночная темнота быстро скрыла его удаляющуюся фигуру. Ко мне подошли Таня и Сережа, стали рядом, молча, недвижимо. В тишине леса чуялось что-то обманчивое, враждебное. Вдруг тишину нарушило грозное ворчание псов, и сразу раздался повелительный окрик, громкое щелканье затвора:

- Хальт!

- Это я, Гейнц... Фома, - раздался в ответ голос Кольчугина. (И я ощутил, как к моей руке прижалась дрожащая всем телом Таня.) - Майор едет... Отворяй ворота!

- О, гут, гут!

Потом взвизгнула калитка на несмазанных петлях, скрипнули и распахнулись ворота - и снова тишина.

Я затаил дыхание и напряг до боли глаза. Чтобы унять нарастающее волнение, стал отсчитывать про себя секунды: пять... семь... десять... двадцать пять... сорок... пятьдесят. Секунды превращались в минуты, волнение нарастало. Сейчас там, за глухим забором, решалась судьба всей операции, и решал ее Фома Филимонович. Прошло пять минут. Я загибал

пальцы и уже машинально отсчитывал снова: десять... пятнадцать... тридцать... пятьдесят...

Но вот снова взвизгнула калитка, и немного спустя появился силуэт Фомы Филимоновича. Старик подошел вплотную, шумно вздохнул и брезгливым движением отбросил в сторону нож.

- Как? - спросил я одними губами.

- Уложил обоих! - проговорил старик. - Впервые за всю жизнь, и сразу двоих! - Он опять вздохнул. - Ничего не попишешь... Такое лютое время подоспело - надо либо убивать, либо самому мертвяком делаться!

Я хорошо понимал, как взволнован старик, почему он не ко времени многословен, и не прерывал его.

- А собаки? - тихо спросил Трофим Степанович.

- Готовы, - ответил Фома Филимонович. - Пошли скорее. Двое шоферов не спят... Я подглядел... В карты режутся.

- Вперед, за мной! - тихо произнес я и тронулся вслед за Кольчугиным.

Старик повел не прямо к воротам, а к забору. Затем мы пошли вдоль него. Перед самыми воротами я увидел телефонные провода, выходившие из-за забора пучками и растекавшиеся на три стороны. Я указал на них Берёзкину.

У самых ворот я наткнулся на труп наружного часового и при помощи Трофима Степановича оттащил его в сторонку.

Из окна дежурной комнаты сквозь маскировочную бумагу узенькой полоской просачивался свет. Я заглянул в окно: двое солдат, сидя за столом, играли в карты, а третий, видимо дежурный, спал на голом топчане.

Я поискал глазами труп второго часового, но не нашел и обратился с вопросом к Фоме Филимоновичу. Он молча показал мне на колодец посередине двора.

Партизаны бесшумно сновали по двору и занимали свои места у окон.

Трофим Степанович остановился у окна дежурной комнаты. Он стал совать запал в противотанковую гранату.

Ко мне подкрался, как кошка, Березкин и тихо шепнул:

- Провода готовы...

Я кивнул головой. Он, а за ним и прикрепленный к нему в помощь партизан скользнули вправо и скрылись под навесом, где вырисовывались контуры грузовой машины.

- Штейна нет! - шепнул мне Фома Филимонович. - И машины легковой нет... А жалковато, что он не успел вернуться. Ох, как жалковато!..

Старик был в сильном возбуждении.

- Иди на свое место, - сказал я. - Сейчас начнем.

Отсутствие Штейна облегчало мою роль. Значит, в доме Гюберта никого не было, и я мог сначала помочь ребятам. Хотя, с другой стороны, неплохо было бы захватить или прикончить Штейна.

Я огляделся. По двору уже никто не сновал. Все заняли свои места и ждали моего сигнала. Я подошел к угловому окну, отцепил от пояса гранату, вжался в простенок между домами и приблизил к глазам часы. Да, ребята уже давно должны были заминировать дорогу, можно начинать...

Прошло еще несколько секунд, прежде чем со стеклянным звоном разорвалась первая граната, брошенная мною. И вслед за нею дружно заухали вторая, третья, четвертая, пятая... Взрывы сотрясали все вокруг, отдаваясь в лесу перекатами эха. Вылетали рамы, окна, двери, звенело стекло, корежились и вставали дыбом кровли домов. Красные вспышки мгновенно озаряли темный двор.

И вдруг все стихло. Партизаны бросились внутрь помещений, и около меня выросли Таня и Логачев.

Я услышал команду Трофима Степановича:

- Зотов, Терехов, Рябоконт! За мной!

Дверь в дом Гюберта оказалась запертой. Я навалился на нее, но она не поддалась. Тогда распаленный Логачев попятился на несколько шагов и с разгона ударил в нее плечом. Дверь упала, а вместе с нею упал и Логачев.

- Осторожно, Николай! - предупредил я его. - Фонарь!

Вспыхнули сразу три фонаря: мой, Логачева и Тани. Мы проскочили в первую, затем во вторую комнату, и, наконец, в третьей я увидел знакомый сейф.

Логачев подбежал к письменному столу.

- Таня, выгребай бумаги! Все до одной! - крикнул он.

Они торопливо запикивали бумаги в принесенные мешки.

Я не без труда сдвинул с места тяжелый сейф и свалил его на пол. Затем я вытащил из кармана толовую шашку, положил ее на замок и вставил капсулю со шнуром.

- Вы долго еще? - спросил я.

- Уже готово, - откликнулся Логачев.

- Вон из комнаты!

Я достал спички. Через несколько минут грохнул еще один взрыв, и мы втроем стали выгребать из сейфа и письменного стола папки с делами, сколотые документы, связки бумаг. Когда мы выскочили из дома, я столкнулся с Ветровым. Сережа волочил по земле объемистую сумку, чем-то доверху набитую.

Я взглянул на часы. Прошло всего двенадцать минут с начала операции, а "осиное гнездо" уже опустело. Здорово! Таких темпов я не ожидал. Партизаны носились по двору, как одержимые, с какими-то узлами в руках, с мешками и даже ящиками.

- Огонь! - скомандовал я.

И через мгновение в дежурной комнате вспыхнул бурлящий, слепящий глаз огонь от жидкости "КС".

- Все наружу! - крикнул Трофим Степанович. - Бросайте бутылки!

Тут я услышал шум заработавшего мотора. Молодец "цыган"! Он знает свое дело. Из-под навеса рывками выкатилась грузовая машина и остановилась посреди двора. Я схватил за руку подбежавшего Фому Филимоновича и спросил:

- Через Ловлино проскочим?

- В аккурат. Там, кроме двух полицаев, никого нет.

- А мины у развилка?

- Эх... - отмахнулся Фома Филимонович. - Это для отвода глаз. Я по этим минам каждый день ношусь на кобыле.

Огненная грива уже выбивалась из помещений наружу. Разъяренный огонь полыхал во всех домах, и сталь оружия отражала его языки. Султаны багрово-синего дыма пробивались сквозь крыши и рвались вверх. Дым клубился в доме Гюберта, в дежурном помещении, в двух других домах и тугими волнами выливался через окна и двери.

- Вещи в машину! И сами все туда! Быстро! - скомандовал я.

- А радиостанция! - крикнул Сережа. - Почему ее не сжечь?

- На! Дуй! - сунул Фома Филимонович Ветрову последнюю бутылку с "КС".

- Погоди-ка. Дай сюда! - сказал я и, схватив бутылку, побежал к радиостанции.

Дверь ее была распахнута настежь. Я вошел внутрь. Чинно и строго выглядела аппаратура.

На никелированных частях играли отсветы пламени. Я вышел, стал у порога и метнул бутылку в железную печь. Мгновенно горящие ручейки потекли во все стороны, и я отпрянул назад.

Партизаны уже топтались в кузове машины. Во дворе было светло, как днем. "Осиное гнездо" корчилось в испепеляющем пламени.

Я заглянул в кабину. Там сидели Березкин и шофер-партизан.

- Лезь и ты, места хватит, - сказал я Фоме Филимоновичу. - И показывай дорогу... Все сели? - обратился я к сидящим в кузове.

- Все. Я сделал переключку, - ответил Трофим Степанович.

- Трогай! - приказал я и вскарабкался в кузов.

Машина зарычала и толчками покатила со двора. Видимо, шофер давно уже не держал в руках баранку. Но по дороге машина пошла уже ровнее, увереннее.

Все стояли в кузове, держась друг за друга и качаясь из стороны в сторону.

- Жми, Петро!

- Давай на полную железку! - подбадривали ребята шофера.

- Темно, перевернет, - послышался чей-то осторожный голос.

- Свет включи! - посоветовал кто-то.

- Верно! Правильно! Пусть знают наших!..

Шофер включил фары, свет лег на дорогу, и машина стала увеличивать скорость.

Оглушенные, взволнованные и взбудораженные успехом, мы мчались по большаку, миновали "заминированное" место, достигли развилка и свернули направо, в Ловлино.

Я оглянулся. Торжествен и грозен был вид пожарища. Над лесом высился и рвался к небу, как символ возмездия, жаркий огонь.

"И все же мы еще не квиты, господа гитлеровцы!" - подумал я.

На полпути к деревне Ловлино в свете фар метнулись два всадника, и Трофим Степанович свистнул.

- Это наши, из охранения, - объяснил он и застучал по крыше кабины. Теперь мы распрощаемся... Выгружайтесь, хлопцы!.. Давай руку, товарищ майор! Удачно мы встретились! И вечерняя зорька была хороша, да и ночка тоже...

Партизаны выпрыгивали из машины, выбрасывали свои трофеи и тут же, точно призраки, растворялись в ночи. Из кабины высунулся Фома Филимонович и обратился к Карягину:

- Моих коняшек прихватите с собой. Пригодятся.

- А ты что же, - усмехнулся Трофим Степанович, - думал, что мы их в лесу оставим?

- Да нет, - поправился Кольчугин. - Это я так... на всякий случай. Коняшки-то добрые.

Трофим Степанович пожал всем руки, а Сережу Ветрова, как и при встрече, расцеловал на

прощание и сказал:

- Будь здоров. Раста большой!

- Постараюсь, Трофим Степанович! - весело ответил Сережа.

Пожимая руку Березкину, который сменил теперь за баранкой партизана, Карягин бросил:

- Ты жми, браток! А то как бы нам вместо вас не пришлось встречать самолет. Нам все одно через ту поляну ехать... Да и ребят надо прихватить...

И Трофим Степанович тоже растаял в темноте. Машина вновь тронулась. Мы приближались к Ловлино. В кузове теперь тряслись лишь я, Таня и Логачев. На всякий случай мы приготовили две гранаты и, держа в руках автоматы, всматривались вперед.

Деревня, тянувшаяся в одну улицу, казалась вымершей. Мы не заметили ни единого живого существа, ни намека на огонек.

- Полицейское время, - сказал мне Логачев.

Я усмехнулся и заметил:

- Только полицейских самих не видно...

- Их счастье!

Мы благополучно миновали половину деревни и круто, под острым углом, свернули налево, на лесную дорогу. Машина поубавила ход и поползла по мягкому грунту. Ее швыряло из стороны в сторону, подбрасывало на пнях и корневищах. Мы прыгали в кузове, точно мячи, а когда нас стали безжалостно хлестать ветки, то сели и ухватились друг за друга.

Я надеялся на машине проехать хотя бы до поворота на поляну, но машина вдруг остановилась.

Я вскочил и при свете фар увидел обломки моста через проток - тот самый проток, который выходил из знакомого нам озера. Здесь он был значительно шире, с крутым правым берегом.

О переправе нечего было и думать.

- Шабаш! - сказал Фома Филимонович, вылезая из кабины.

- Слезай! - приказал я и первым выпрыгнул на землю. - Давайте мешки!

Их оказалось четыре, и все набитые доверху.

- Здесь глубоко?.. - спросил я, подходя к краю протока. - Надо спустить туда машину, а сами переберемся по бревнам.

- Дело! - одобрил Фома Филимонович.

Березкин сел за баранку, осадил машину назад, а затем, взяв немного вправо, подогнал ее к самому берегу. Выключив скорость, он вышел.

Все пятеро уперлись в машину сзади.

И Фома Филимонович скомандовал:

- Раз, два... взяли! Е-ще р-раз!..

Машина послушно подалась вперед, на секунду повисла передними колесами и, нырнув носом в проток, встала на попу.

- Теперь ее без трактора не выручить, - заметил Логачев.

- Пошли! - сказал я и, чиркнув спичку, взглянул на часы. - В нашем распоряжении час и пять минут. Успеем?

- А тут всего минут сорок хода, - ответил Фома Филимонович. - За мной топайте. Я прямиком выведу.

Он постоял некоторое время, вглядываясь в лес, в небо, и затем уверенно зашагал вправо от лесной дороги.

46.

ГЮБЕРТ НЕ ХОЧЕТ В САМОЛЕТ

И кто мог подумать, что шутка Трофима Степановича обернется правдой? А получилось так. Трофим Степанович подоспел со своими лихими хлопцами на поляну буквально за пять минут до прихода самолета. Мы стояли уже у костров, со спичками в

руках, вслушиваясь в тишину ночи, поджидая с нетерпением рокота моторов.

Привязав коней и сложив трофеи возле Гюберта и Похитуна, которых охраняли двое бойцов, партизаны во главе с Трофимом Степановичем кучкой устремились на поляну.

И в это время Таня крикнула:

- Летит! Слышите, летит!

Все замерли. Действительно, с востока наплывал гул моторов.

- Пали костры! - во всю глотку крикнул я.

В шести местах взметнулось пламя, такое яркое, что поляна сразу приобрела фантастический вид.

И в этом тоже сказался сметливый ум Миши Березкина. Он еще в то утро, когда мы покидали поляну, припрятал две бутылки с жидкостью "КС" и не сказал об этом никому ни слова. А сегодня, вернее - несколько минут назад, вручил мне их и сказал:

- Не ругайтесь, Кондратий Филиппович... Так будет лучше. Без них мы обошлись, а случись дождь - могли бы запоздать с сигналами.

Костры пылали, высоко выбрасывая белые языки пламени. Я пустил белую, а вслед за ней и красную ракету. Рокот моторов приближался, потом ослаб. Самолет мягко опустился на поляну, побежал по травяному ковру и остановился, урча приглушенными моторами. Все опрометью бросились к нему.

Кто-то выпрыгнул из открывшейся дверцы самолета, не ожидая, пока спустят лесенку. Я подбежал. Это был майор Петрунин.

- Кондратий Филиппович! Старина! - И он обнял меня. - Как дела? Говори скорее!

- Все в порядке!

- Провели?

- Сделали все, что можно было сделать, и немножко больше.

- Даже?

- Честно.

- Гасите костры! - крикнул Петрунин.

Ребята мгновенно забросали костры приготовленной землей, и они погасли. Сразу стало темно. По поляне потек едкий белый дым.

Потом из самолета вылез лейтенант Костя Воронков, и мы обнялись.

- А это что за народ? - спросил меня шепотом Петрунин.

- Партизаны! Они нас крепко выручили!

На землю сошли пилоты, штурман, механик, радист, стрелок и два бойца, вооруженные ручными пулеметами. Тут же подросли мои ребята и партизаны. Все знакомились, трясли друг другу руки, засыпали друг друга вопросами, шутили, смеялись.

- Рассказывайте, Кондратий Филиппович, рассказывайте! - дергал меня за руку Костя.

- Что тебе рассказывать? - усмехнулся я.

- Расправились?

- Полностью.

- А документы?

- Четыре мешка.

- Вот это да! - воскликнул Костя.

- И два живых фашиста в придачу! - подсказал подросший Сережа Ветров.

Костя присвистнул. Петрунин наклонился и стал всматриваться в лицо Сережи.

- Наш радист, - представил я смущенного, краснеющего хлопца.

- Ветров! - в один голос воскликнули Петрунин и Воронков.

- Он самый! - вынужден был ответить я, так как Сережа молчал. - А это остальные обитатели Полюса недоступности. Знакомьтесь - Кольчугин, Кольчугина, Логачев, Березкин. Все налицо.

Петрунин и Воронков с искренней теплотой жали руки друзьям, которых до этой минуты знали только по фамилиям.

- А что за фашисты? - спросил Костя.

- Фашисты знатные! - ответил ему Фома Филимонович. - И серьезные...

Окружающие дружно рассмеялись.

- Как это понимать?

И тут Сережа Ветров опять не выдержал, хотя мы и договорились молчать до последней минуты о том, кого мы схватили.

- Майор Гюберт и шифровальщик Похитун, - произнес он и спрятался за чью-то спину.

На короткое мгновение воцарилось молчание. Березкин толкнул в бок "предателя", но было уже поздно.

- Это... это серьезно? - оторопело спросил Петрунин.

- Серьезно, друже! Сущая правда, - ответил я.

- А где они?

- Совсем рядом. Упакованы и готовы к отправке, - сказал Логачев.

- Вот оно как... - еще не придя в себя от такой вести, пробормотал Петрунин. - Гюберт и Похитун? Хм... Ну, знаете...

- Сколько пассажиров? - раздался сердитый бас пилота.

- Восемь, - ответил я.

- А груз?

- Четыре вещевых мешка, личные вещи и оружие.

- Дайте-ка мне провожатого, - сказал пилот. - Я погляжу поле.

Сопроводять его вызвался Березкин. Вместе с ним пошли и два партизана.

- Давайте грузиться, товарищи! - потребовал второй пилот. - Через полтора часа начнет светать.

Все отправились за вещами. Гюберт отказался идти. Когда его поставили на ноги, он повалился на землю.

- У моего начальника, видать, заскок приключился! - произнес Фома Филимонович и постучал себя пальцем по лбу. - Это бывает. Придется его волоком тянуть.

- Волоком не волоком, а дотянем... - пробурчал рослый партизан, обросший черной бородой.

Он без посторонней помощи схватил Гюберта в охапку, легко подбросил и, взвалив на правое плечо, зашагал к самолету.

- Вот каков наш Филя! - похвастался Трофим Степанович. - После войны в чемпионы пойдет.

Гюберт извивался, дергал ногами. Филя серьезно и спокойно предупредил его:

- Не ёрзай, не ёрзай, господин, а то уроню.

Похитуну развязали ноги, но он стоял не двигаясь.

- Вам что, господин на тонких ножках, особое приглашение? - обратился к нему Трофим Степанович. - Или тоже на ручки хотите? Марш вперед!

Похитун пустился вприпрыжку и скоро догнал партизана, несшего Гюберта.

Со мной рядом шагал Петрунин, и я обменялся с ним мнением по одному вопросу.

Когда началась погрузка вещей, я распорядился:

- Друзья! Пистолеты, автоматы, гранаты, табак и лишнюю одежду оставить Трофиму Степановичу. Быстро!

Карягин смутился, но остался очень доволен.

- Расщедрился ты, майор! - сказал он. - А не жалко?

- А как бы вы поступили, будучи на нашем месте? - спросил его Петрунин.

- Что ж, спасибо... Больше ничего не скажу, - проговорил Трофим Степанович.

А когда я объявил ему, что оставляем отряду радиостанцию с питанием к ней на четыре месяца, он расчувствовался и обнял поочередно меня и Ветрова.

- А уж радиста-то мы отыщем. Есть на примете, - сказал он.

Ветров протянул ему бумажку и наставительно пояснил:

- Берегите ее, как самого себя. Тут всё, позывные, частота, время... Специалист разберется.

- Залезайте, залезайте! Пора! - строго приказал вернувшийся пилот.

Мы бросились к самолету. Взирались по лесенке, подавая друг другу руки. Втащили Гюберта и Похитуна.

Опять прощались с партизанами. И пробыли-то мы вместе менее суток, а прощались, как давние знакомые, как закадычные друзья.

Партизаны тотчас побежали к лошадям.

Уже в самолете Сережа Ветров вынул из-за пазухи белку и вручил ее Тане. Зверек вскочил на плечо своей хозяйки и, не обращая никакого внимания на непривычную обстановку, начал деловито отряхиваться и приглаживать свою взъерошенную шубку.

- Скажи пожалуйста! - удивился механик, закрывая дверь. - Впервые на нашем борту такой пассажир!

Гюберт делал вид, что дремлет.

Взревели моторы и вздрогнул самолет. Белка в испуге юркнула и забилась под головной платок Тани. Самолет вырулил к краю поляны, развернулся и стремительно помчался вперед, освещая дорогу фарами.

47.

В МОСКВЕ

Когда горизонт осветился солнечными лучами, я увидел раскинувшуюся впереди Москву. Все приникли к окнам. Из моих друзей еще никто не бывал в столице, кроме коренного москвича Сережи Ветрова.

- Москва? - крикнула мне на ухо Таня.

- Москва! - ответил я.

И вот самолет уже побежал по гладкой бетонированной дорожке.

- Смотрите! - Петрунин тронул меня за плечо. - Машина полковника.

По лётному полю катилась закрытая легковая машина.

Самолет подрулил к площадке, моторы взревели еще раз и заглохли. Открыли дверцу, в лицо ударили слепящие лучи солнца. К самолету катили лесенку.

- Полковник торопится, - сказал Петрунин. - Хотя это ему несвойственно. А с ним...

- С ним полковник Фирсанов, - улыбнулся я.

Да, на плечах Фирсанова я увидел полковничьи погоны. Оба они - и Решетов и Фирсанов - были в летной полевой форме, но при орденах. Они шагали широко, о чем-то горячо говорили. Решетов энергично жестикулировал.

И отъезд и приезд всегда очень будоражили меня то тревожным, то печальным, то радостным волнением. И сейчас я почувствовал это острое ощущение, заставляющее сильнее биться сердце.

- Выходите первым, - сказал мне Петрунин. - А за вами - соратники. Мы потом. А сюрприз придержим...

Со стесненным дыханием я шагнул на первую ступеньку лесенки, а потом спрыгнул на землю и, приложив руку к кепке, доложил Решетову:

- Товарищ полковник! Докладывает майор Стожаров... Задание выполнено!

- Здравствуйте, подполковник! - прищурился, четко ответил Решетов и крепко пожал мне руку.

Мне показалось, что я ослышался, но Фирсанов рассеял мои сомнения.

- Привет, подполковник! Привет, Кондратий Филиппович! Очень рад и хочу тебя обнять, - сказал он.

Он так и поступил.

- Здравствуйте, товарищи! - обратился Решетов к моим друзьям.

Я смешался. Хотел было поблагодарить за присвоение нового звания и не нашел слов для этого.

Потом я попытался представить своих друзей, но меня прервал Решетов:

- Зачем? Я и так всех знаю. Это Таня! - И он пожал ей руку. - Это Фома Филимонович! -

Потом, взглянув поочередно на Березкина и Логачева, он сказал: - И тут не спутаю. Это

товарищ Логачев, а это товарищ Березкин... А теперь вы пожалуйста сюда, товарищ Ветров. - И он протянул руку Сереже.

Фома Филимонович тряхнул головой, потискал пятерней свою прокуренную бороду и пробормотал что-то себе под нос.

- А живой груз? - спросил полковник Решегов, пытливо заглядывая мне в глаза.

Сообразив, в чем дело, я сказал:

- Таня, покажи!

Таня вынула

из рукава белку.

- Не об этом речь, - проговорил Решетов, сдерживая улыбку.

- Не понимаю, товарищ полковник... - попытался выкрутиться я.

- Эх, вы, а еще разведчик, - покачал головой Решетов. - Так знайте же, что если вы оставляете рацию партизанам, то это не значит, что мы лишились связи. Наши самолеты тоже хорошо оборудованы... Правильно, майор? - спросил он Петрунина.

- Так точно, товарищ полковник! - сказал Петрунин и виновато покосился на меня.

Я развел руками и сказал:

- Не знал я, что за такое короткое время среди моих друзей появится уже второй "предатель". Решетов и Фирсанов рассмеялись.

Когда вывели Гюберта, он на мгновение сощурился от солнца, постоял на площадке трапа, а потом медленно спустился. Его подвели к Решетову. Рядом с Гюбертом поставили Похитуна. Как они отличались друг от друга! Гюберт стоял выпрямившись, надменно подняв голову. В лице его не было ни кровинки. Губы плотно сжаты. Приметный шрам четко вырисовывался на лбу. А Похитун походил на побитую собаку. Его тонкие и кривые ноги заметно дрожали в коленях.

- Если я не ошибаюсь, - обратился Решетов по-немецки к Гюберту, передо мной стоит майор германской разведывательной службы Вильгельм Гюберт?

- Вы хорошо осведомлены, господин полковник, - с подчеркнутой вежливостью по-русски ответил Гюберт.

- Освободите им руки и отправляйте, - приказал Решетов. - Машина с охраной ждет у подъезда.

Два бойца повели пленных.

- И вы поезжайте, - сказал нам Решетов. - Вас тоже ждет машина. Поехали, товарищ Фирсанов!

Мы взяли из самолета свои вещи, попрощались с экипажем и, сопровождаемые Петруниным и Воронковым, тронулись к выходу.

Все чувствовали себя прекрасно, а когда въехали в Москву с ее широкими проспектами и просторными площадями, по-военному суровую и скромную, залитую ярким светом восходящего солнца, у меня на душе стало так легко и радостно, что захотелось петь. Вместе с Петруниным и Воронковым я едва успевал отвечать на вопросы, которыми засыпали нас Фома Филимонович, Таня, Логачев и Березкин.

Навстречу нам, погромыхивая, бежали трамваи, мягко и степенно плыли грузные троллейбусы, мчались стремительные машины. Звонки и гудки разноголосых сирен уже будоражили утро столицы.

Через час бесшумный лифт поднял нас на седьмой этаж гостиницы. Нам приготовили два номера, один против другого. В большом трехкомнатном "люксе" должны были разместиться мужчины, а в маленьком номере - Таня.

Я не буду описывать состояния моих друзей, впервые попавших в столицу. Оно и так понятно. Ведь мы попали в Москву, в столицу, в комфортабельную гостиницу - прямо из леса, из тыла врага, с территории, захваченной фашистскими оккупантами. Всего шесть часов назад мы швыряли в окна вражеского разведывательного пункта гранаты и бутылки с горючей смесью; всего шесть часов назад наши руки разили врага и сами мы подвергались смертельной опасности; всего шесть часов назад мы травили свирепых овчарок, бесшумно

снимали часовых, били мебель, взрывали сейфы и набивали вещевые мешки захваченными документами; всего шесть часов назад мы во мраке ночи пробирались нехоженными тропами по дремучему лесу, думая лишь об одном - как бы не опоздать к приходу самолета!..

Контраст был слишком резок.

Сейчас мы сидели в большой комнате, чинно сложив на коленях руки, и с каким-то недоумением переглядывались. В наших ушах еще раздавался грохот гранат, рокот моторов, перед нашим взором еще стояло грозное пожарище.

Представьте себе наше состояние, и вы поймете нас.

Мы молчали, видимо, так долго, что Петрунин, громко рассмеявшись, обратился к Воронкову:

- Пошли, Костя! Им надо отдохнуть.

И тут все мы, словно по команде, всполошились, засуетились, забегали, стали осматривать комфортабельный номер, заглядывать в стенные шкафы, в окна.

Мы увидели, что на диване чья-то заботливая рука аккуратно разложила комплекты чистого белья, нового обмундирования, поясные ремни, носки, носовые платки и сверкающие белизной, хорошо отглаженные подворотнички. У стены ровной шеренгой стояла дюжина пар хромовых сапог.

- Примеряйте, кому какие подойдут,- пояснил Петрунин, - а лишние я потом заберу. - И тут же спросил, кивнув в сторону вещевых мешков, наполненных документами: - А с ними как? Я считал, что документы не следует оставлять в гостинице.

- Тогда мы их заберем, - сказал Петрунин.

Он и Воронков взяли по два мешка и, распрощавшись с нами, удалились...

Мы долго натирали друг другу спины, блаженствовали в горячей ванне, полоскались под душем и, кажется, намного превысили нормы потребления горячей воды, определенные для нормальных жильцов гостиницы.

Потом подгоняли обмундирование и обувь. Практичный Фома Филимонович перебрал все двенадцать пар сапог, прежде чем выбрал по душе. Он внимательно проверял подошву, щупал рукой подклейку, мял голенища, нажимал большим пальцем на носки, пробовал прочность задника. Натянув на ноги облюбованную пару, он долго прохаживался по номеру, проверяя, как сапоги сидят на ногах...

Вечером, чисто выбритый, подстриженный, во всем новом, я предстал перед полковниками Решетовым и Фирсановым.

На этот раз доклад мой был очень краток. Я не касался подробностей. Задание было выполнено и, можно сказать, перевыполнено: от нас не требовали доставки Гюберта и Похитуна, а мы их доставили. Я подчеркнул, что без помощи партизан мы, безусловно, не справились бы с разгромом "осинового гнезда".

- Товарищи заслуживают награду, - сказал Решетов и поглядел на Фирсанова.

Тот кивнул головой и произнес:

- Надо затребовать списки участников по радио.

Я подал Решетову уже готовый список, переписанный начисто.

- Вы предусмотрительны, подполковник! - заметил Решетов. - Похвально!

Фирсанов сказал, что матери Криворученко назначены единовременное пособие и пожизненная пенсия. Мать и сестра Криворученко уже извещены о гибели сына и брата.

- Но вам придется съездить к ним, - добавил Фирсанов. - Возьмите на себя эту тяжелую миссию.

- Есть! - ответил я.

Логачеву, Березкину, Ветрову, Кольчугину и Тане решено было предоставить отпуск и места в подмосковном доме отдыха, а потом уже персонально решать судьбу каждого из них.

- А вас мы никуда не пустим, - произнес Решетов. - Погостите здесь. Ваша Мария Демьяновна чувствует себя хорошо и самое большее через недельку будет в Москве. Да, да... И больше на Урал не вернется. Мы подобрали ей тут работу.

- Не возражаете? - осведомился Фирсанов.

Я только развел руками. Приятные неожиданности и сюрпризы следовали непрерывно. На третий день, вскоре после завтрака, в наш номер вошел незнакомый подполковник с выправкой кадрового кавалериста. У него было хмурое лицо и папка в руке.

Он громко сказал:

- Здравия желаю!

Мы ответили недружно, вразнобой. Подполковник, примостив на платяном шкафу свою форменную фуражку, подсел к столу, раскрыл папку с бумагами и спокойно проговорил:

- Ну-с, приступим к делу.

По всей видимости, его профессия, приносящая людям радость, позволяла ему действовать не только с невозмутимым спокойствием, но и без всяких предисловий.

Мои друзья недоумевающе переглянулись. Подполковник между тем вынул из папки небольшие бланки, поерзал на кресле, усаживаясь удобнее, вооружился автоматической ручкой и объявил:

- Небольшая, так сказать, и не такая уж неприятная формальность. На всех удостоившихся правительственных наград заполняется специальная, единой формы анкета. Я решил это сделать с утра пораньше не без оснований. Днем вам всем придется быть гостями в Кремле. Он обвел глазами всех и неожиданно улыбнулся. И от этой улыбки лицо его вдруг стало простым, добродушным и очень симпатичным.

- А я тоже потребуюсь? - осведомился Фома Филимонович, собравшийся до прихода подполковника поехать с Таней в гости к Сереже Ветрову.

- Как ваша фамилия?

- Кольчугин.

Подполковник неторопливо порылся в бумагах, потом взглянул на старика и уточнил:

- Кольчугин Фома Филимонович?

- Точно так.

- Да, и вы потребуетесь. И даже дважды. На вас придется заполнить две анкеты. Вы награждены орденом Красного Знамени. Это вчера. А незадолго до этого - медалью. Вручат вам и то и другое сегодня. И вручать будет сам Михаил Иванович Калинин. Вот так. Вопросы есть?

Вопросов не было.

Я заметил, как дрогнуло лицо Фомы Филимоновича, как сдвинулись и мгновенно разошлись его косматые брови. Он обвел всех нас взглядом, потом прикрыл глаза рукой и, закусив нижнюю губу, отошел в сторонку.

48

И СНОВА В БОЙ...

После приема в Кремле, поздно вечером, в гостиницу заявился майор Петрунин и скомандовал одеваться. Две "эмки" бесшумно понесли нас по затемненной улице Горького. На перекрестках, под небольшими кружками глубинного света, стояли регулировщики. В черном, бездонном небе, усыпанном мириадами колючих звезд, неподвижными громадами едва-едва вырисовывались аэростаты воздушного заграждения. Изредка небо из конца в конец рассекали, подобно огненным мечам, лучи поисковых прожекторов. Когда лучи меркли, темнота сгущалась еще более. По тротуарам, мерно печатая шаги, проходили военные патрули. На крышах домов торчали, устремив стволы вверх, автоматические зенитки.

Москва была начеку, во всеоружии, грозная в своем спокойствии, готовая отразить врага, откуда бы он ни появился.

В воздухе не чувствовалось прохлады - нагретый за день асфальт продолжал излучать тепло.

Машины остановились возле темного особняка.

Все вышли и, следуя за Петруниным, поднялись на второй этаж. У дверей нас встретил

лейтенант Воронков. Он провел всех в светлую комнату, усадил и сам исчез за дверью, прикрытой тяжелой портьерой.

Дверь он не закрыл, и все мы слышали голос полковника Решетова:

- Где же именинники?

- Все налицо, товарищ полковник.

- Давайте зовите!

Вновь раздвинулась портьера, и показался Воронков.

- Прошу! - сказал он и сделал широкий жест.

Мы прошли в просторную, залитую ярким светом комнату с накрытым столом посередине.

- Рассаживайтесь, товарищи! - пригласил Фирсанов.

Не было никаких церемоний, лишних слов, объяснений. Чувствовалось, что и Решетов и Фирсанов дорожат своим

временем, что его у них немного, но, тем не менее они считают своим долгом вырвать час-другой и уделить его нам.

Расселись. По обе стороны от меня сели Таня и Сережа. Фому Филимоновича усадили между полковниками, а Логачев и Березкин расположились напротив.

Решетов встал, поднял бокал и сказал:

- Выпьем за смелых! За тех, кто проник по приказу Родины и партии в логово врага и, рискуя собственной жизнью, преодолевая все преграды, сумел умно и дерзко выполнить сложное и ответственное задание!

Он сказал несколько слов о моральном облике советского разведчика, ставящего интересы дела превыше всего и готового не только биться с врагом в жестоком поединке, не только побеждать, но, если потребуется, и жертвовать собой.

Потом выпили за партизан.

Затем вспомнили о тех, кого уже никогда не будет с нами, кто не сядет за убранный стол, кто не разделит с советским народом радость грядущей победы, кто, не щадя своей жизни, выполнил долг советского патриота.

Перед моим взором возник Полюс недоступности, наш маленький неприступный островок и невысокий холмик, под которым мы оставили истинного сына Родины, нашего замечательного друга...

Через час мы были уже в номере. Я стоял у открытого окна, выходящего на огромную, сейчас безлюдную площадь, и думал. Все пережитое за последние месяцы вновь проходило перед глазами. Мне было как-то легко и грустно.

Над столицей раскинулась теплая летняя ночь. Сквозь предутренний сумрак проступали очертания зданий, кремлевские звезды.

Я постоял еще немного, почувствовал усталость и лег. Но спать пришлось недолго. Меня разбудил телефонный звонок.

- Подполковник Стожаров? - раздался в трубке незнакомый голос.

- Так точно.

- Вас ожидает полковник Фирсанов. Быстрее одевайтесь. Внизу ждет машина.

Видимо, случилось что-то важное, если полковник не дал мне отдохнуть. Я быстро оделся, вышел и тихо прикрыл за собой дверь. Коридор был пуст и безлюден.

Я быстро сбежал по бесконечным ступеням лестницы и вышел на улицу. Над Москвой вставало утро. Воздух был по-утреннему чист и прохладен. На тротуарах появились первые прохожие. По небу скользнул последний, побледневший луч прожектора. Отчетливо виден был снижающийся аэростат воздушного заграждения. Прижавшись к тротуару, против подъезда стояла машина. Я направился к ней.

- Да, враг еще не разбит, война продолжается!

1 Стой!

2 Руки вверх!

3 Внимание, танки!

4 Наверное, сумасшедший!

- 5 Выходи!
- 6 Выходи быстрее!..
- 7 Обыщи его!
- 8 Проклятие!
- 9 Дежурный унтер-офицер Курт Венцель слушает... Так точно, он здесь. Есть!
- 10 Есть, господин капитан!
- 11 Не понимаю
- 12 Еще одну!
- 13 Стой! Руки вверх!
- 14 Ложись!